

К 100-ЛЕТИЮ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

Гражданская война в России

За правду
до смерти

**К 100-ЛЕТИЮ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

Гражданская война в России

За правду
до смерти

Москва
алгоритм
2017

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)711
Г 15

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения Автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Галин В.

Г 15 Гражданская война в России. За правду до смерти / В. Галин. – М.: Алгоритм, 2017. – 496 с. – (К 100-летию Русской революции)

ISBN 978-5-906914-10-1

Гражданская война стала естественным продолжением и неразрывной частью Русской революции, поэтому в серии, посвященной ее 100-летию, обращение к истории той войны является неизбежным. За что с такой отчаянной непримиримостью велась та война, какие интересы и идеалы отстаивали сражавшиеся «до смерти» противоборствующие стороны? Как они решали текущие и исторические проблемы, встававшие у них на пути? Ведь именно ответы на эти вопросы привели к победе одних и к поражению других. Почти 100 лет, прошедших с той поры, и произошедшая смена политических эпох позволяют взглянуть на эти вопросы без идеологических и эмоциональных оценок, с более непредвзятой и естественно-научной точки зрения.

Подобное исследование истории необходимо даже не столько для восстановления «исторической справедливости», сколько для лучшего понимания природы человека и общества, законов, движущих их развитием. Такой подход создает условия для более реалистичной оценки настоящего и предвидения грядущего. Да, в прошлом мы ищем ответы о будущем, жизнь прошлых поколений не прошла бесследно, они оставили нам свой бесценный опыт, доставшийся им ценой огромных жертв и жестоких страданий.

Настоящая книга является второй в серии «К 100-летию Русской революции».

Сайт Автора: Galin.biz

**УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)711**

ISBN 978-5-906914-10-1

© Галин В.Ю., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Прелюдия	21

ЗА ПРАВДУ ДО СМЕРТИ...

Белая идея	52
Красная Реформация	121
Русский бунт	153

ПОТРУДИТЕСЬ ПОДЧИНИТЬСЯ

Инстинкт государственности	185
Мечь	199
Красный террор	239
Белый террор	287
Мельгунов	313
Сравнения	329

ЭПОХА ДИКТАТУР

Призрак демократии	349
Диктатура пролетариата	367
Почему в России не победил «Франко»	378

ПРИМЕЧАНИЯ

Социальная сегрегация	400
Сокращения	406
Ссылки	415

Пролог

Давность описываемых событий требует некоего освежения в памяти их предыстории. Последняя подробно исследуется в книге автора «Революция» — в первой из серии «К 100-летию Русской революции», в данном же случае мы ограничимся лишь кратким ее резюме.

История Гражданской войны в России, по общему мнению, началась с Октябрьской революции. Различаются только оценки этого события, от восторженного восклицания любимца большевистской партии Н. Бухарина: «Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира — это есть гражданская война... в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш», до обвинительных слов премьер-министра Временного правительства А. Керенского: «Насильственный захват большевиками государственного аппарата в ноябре открыл в России период гражданской войны и террора...»¹

Но революция была только первым шагом на пути к Гражданской войне. Вторым, по словам видного правового эсера В. Игнатьева, стал разгон большевиками всенародно избранного Учредительного собрания, что: «с нашей тогдашней точки зрения был(о) равносил(ьно) объявлению гражданской войны со всеми ее ужасами и последствиями. В Учредительном собрании мы видели единственную опору против этой войны и во имя этой идеи готовы были с оружием в руках идти на восстановление его нарушенных прав»².

Большевики же пошли еще дальше — они подписали Брестский мир, сделав, по утверждению главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров колчаковского правительства Г. Гинса, Гражданскую войну неизбежной: «грандиозность гражданской войны в России — не плод реакции, а последствие непризнания Брестского договора, который расколол страну на два не только непримиримых внутренне, но и разнородных по внешней ориентации лагеря. Брестский мир заставил тех, кто желал спасти страну от столь откровенно созданного немецкого ига, обратиться к помощи Антанты»³.

Большевики, казалось, даже и не отрицали своей роли в развязывании Гражданской войны. Наоборот, лидер большевиков В. Ленин еще в октябре 1914 г. откровенно заявлял: «В ближайшем будущем наименьшим злом явилось бы *поражение* царизма в войне... Главное в нашей работе (кропотливой, систематической и, возможно, продолжительной) — попытаться превратить эту войну в войну гражданскую... Мы должны дать ситуации созреть и систематически подталкивать ее к созреванию... Мы не можем ни обещать, ни декретировать гражданскую войну, но наша задача работать, — столько, сколько понадобится, — *в этом направлении*»⁴.

Правда, сами революционеры даже не надеялись на скорое осуществление своих планов, даже в январе 1917 г. Ленин писал из Цюриха: «Мы, старое поколение, не увидим будущей революции»⁵. Революция свершится ровно через месяц — в феврале, когда ни одного члена большевистского ЦК не было в европейской России, все они находились либо в ссылке, либо в эмиграции и даже не подозревали о грядущих событиях. Между тем, призрак Гражданской войны возник уже на следующий день после буржуазной революции. И только «переход высшей власти в руки Временного правительства в марте 1917 г., — утверждал А. Керенский, — при разгуле анархии в первые дни революции уберег Россию от гражданской войны»⁶.

Однако Временное правительство не смогло сдержать напора этой стихии: за полгода были перепробованы все

варианты его составов от либеральных и коалиционных, до социалистических, но все они оказались бессильны, и страна всё быстрее катилась к пропасти. И тогда на пути набравшей силу анархии попыталась встать армия, под руководством генерала Л. Корнилова.

Большевики до выступления Корнилова даже и не мечтали о своей революции, они пребывали в глухом меньшинстве во всех выборных органах власти. **Корниловский мятеж стал переломным моментом**, он продемонстрировал, что все перепробованные варианты либерально-демократических Временных правительств не смогли справиться со все углубляющимся развалом государства. Корниловский мятеж стал попыткой праволиберальных сил поставить на пути разгулявшейся стихии правую военную диктатуру, но она не только провалилась, но и привела к резкому полевению народных масс.

Одна угроза установления правой военной диктатуры резко толкнула маятник общественных настроений влево и радикализовала их. «Авантюра Корнилова..., — отмечал в этой связи Керенский, — сыграла роковую роль в судьбе России, поскольку глубоко и болезненно ударила по сознанию народных масс. Большевики, которые до 13 августа были бессильны, 7 сентября стали руководителями Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и завоевали большинство впервые за весь период революции. Этот процесс повсеместно распространялся с быстротой молнии... Никому никогда не удастся поставить под сомнение роковую связь между 27 августа (9 сентября) и 25 октября (7 ноября) 1917 г.»⁷

После освобождения Корнилова из-под ареста его оставит даже преданный ему Текинский полк: «что мы можем сделать, когда **вся Россия — большевики**»⁸. Керенский в этой связи бесконечное количество раз повторял в своих воспоминаниях: **«Авантюра Корнилова была прологом к большевистскому перевороту. Если бы не было 9 сентября, не было бы и 7 ноября*»**⁹. «Я весьма серьезно могу

* 9 сентября (27 августа) — дата корниловского мятежа, 7 ноября (25 октября) — Октябрьской революции.

заявить, что большевики должны воздвигнуть на одной из площадей прежней России обелиск Корнилову...»¹⁰.

Что касается самой власти, то к октябрю Временное правительство успело умереть своей смертью. «Верховная государственная власть лежала низвергнутой; — констатировал «белый» генерал Н. Головин, — нужно было только, чтобы какие-нибудь руки подобрали ее. Руки большевиков и сделали это. Поэтому *большевики абсолютно правы, утверждая, что в ноябре они правительственную власть не низвергали, а только подобрали уже брошенную*»¹¹. «*Власть падала из слабых рук Временного правительства, — подтверждал другой «белый» генерал А. Деникин, — и во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы*»¹².

Временное правительство никто не защищал. Мало того, отмечал деятельный член «Комитета спасения родины и революции», созданного для борьбы с большевиками, В. Станкевич, «Станным образом, борясь с большевиками, все боялись быть смешанными с (Временным) правительством... *вопрос о необходимости восстановления правительства, низвергнутого большевиками... ни один голос не поддержал*. Все указывали, что при непопулярности правительства в стране лучше о нем совершенно не упоминать»¹³. Последовавшие за Октябрьской революцией выступления юнкеров и офицеров носили крайне ограниченный характер, поскольку ни юнкера, ни офицеры сами по себе не выражают воли народа.

Наиболее наглядно эту данность продемонстрировали события в Москве 27—30 октября 1917 г., оказавшей наиболее упорное сопротивление большевистскому перевороту: «С удивлением и бессилием эта армия замечала, что она изолирована не только топографически, но и социально; что защищая порядок и законную власть, она в то же время путем исключения и против своей воли оказывается представительницей определенных классов. Имя

“юнкер” начало с ненавистью произноситься демократическим населением Москвы и противопоставляться “народу”... Представители шести школ прапорщиков, зовя в свои ряды солдат, печатно заявляли, что в их среде почти нет дворян, что в огромном большинстве они — выслужившиеся солдаты-фронтовики, «истинные представители солдатской массы...» Однако, продолжал лидер российских либералов П. Милюков, **«кучка защитников Москвы и России, чем дальше, тем больше чувствовала себя изолированной и от остальной России, и от других общественных элементов. Слова “юнкер”, “офицер”, “студент” сделались бранными словами»**¹⁴.

Волю народа должно было выразить Учредительное собрание. Хотя, например, французский посол М. Палеолог не связывал с ним больших надежд. Еще в апреле 1917 г., он замечал: «Русская революция по существу анархична и разрушительна... При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности: она неизбежно погибнет среди опустошения и варварства, ужаса и хаоса. Вы не подозреваете огромности сил, которые теперь разнузданны... **Можно ли еще предотвратить катастрофу такими средствами, как созыв Учредительного собрания или военный переворот? Я сомневаюсь в этом. А между тем движение еще только начинается...**»¹⁵

Однако большевики, придя к власти, провели выборы в Учредительное собрание, в призрачной попытке сохранить гражданский мир. Общее мнение политических сил отражали слова Керенского: «Даже после реакционного государственного переворота 7 ноября большевики (созвав Учредительное собрание) имели возможность погасить разгоравшееся в России пламя гражданской войны, предотвратить гибель и развал страны»¹⁶. На выборах в Учредительное собрание победила партия эсеров, программа которой была нацелена на максимальное удовлетворение народных чаяний: крестьянам она обещала землю, национальностям — федеративное и республиканское устройство новой России, солдатам — обращение к союзникам с требованием немедленного мира...

Эсерам оставалось только реализовать свою программу на практике, но они оказались на это неспособны. Еще имея большинство в Совете, они категорически не хотели брать власть в свои руки. Еще тогда, в сентябре 1917 г., лидер партии В. Чернов резко обвинил своих соратников во «властебоязни», в привычке «топтаться вокруг власти». После разгона Учредительного собрания Чернов сетовал, что власть не была захвачена эсерами ранее. «Надо было, — упрекал он свою партию, — не упускать, когда все шло прямо к нам в руки, а не удержался за гриву — за хвост и подавно не удержишься»¹⁷.

«Властебоязнь» эсеров была связана с тем, что практическая реализация их программы неизбежно вела к непримиримому конфликту, как с праволиберальными силами, так и с существующими реалиями: помещики никогда не отдали бы землю добровольно, казаки не согласились бы с рассказачиванием*; союзники никогда не пошли бы на подписание немедленного мира, тем более «без аннексий и контрибуций»**:

Наглядный пример краха благих намерений эсеров и меньшевиков дал провал их инициативы проведения Стокгольмской мирной конференции: правительства США, Франции и Италии запретили выдачу паспортов своим социалистам, а британское — бойкотировало. Как констатировал американский историк Р. Уорт: «Социалисты и рабочие организации были слишком слабы, чтобы изменить политику своих правительств при помощи одних лишь нравственных про-

* На Всероссийском крестьянском съезде в мае 1917 г. министр земледелия Временного правительства и лидер эсеров В. Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Это выступление было поддержано меньшевиками и эсерами из Советов в виде их массовой агитации за *рассказачивание*.

** Резолюция Петроградского Совета от 14.03.1917 — через две недели после Февральской революции.

тестов...», и не было «более яркого примера, чем этот решительный отказ союзников предоставить даже своим патриотически настроенным социалистам изучить почву для общего мирного урегулирования... Меньшевики и социал-революционеры... из-за стокгольмской неудачи понесли невосполнимую потерю престижа и были вынуждены уступить место тем социалистам, которые обещали вместо слов действие»^{18,*}.

«Властебоязнь» эсеров была связана не только с внешними, для них, но и с внутренними причинами. Последнее обуславливались той силой, которая привела эсеров к власти. Эта сила состояла из полуграмотной, жившей еще представлениями дофеодальной эпохи, но составлявшей почти 80% населения России, радикализованной войной и революцией крестьянской массы, которой эсеры обещали вождевленную ею веками землю.

Как же выглядело политическое лицо той силы, которая привела эсеров к победе на выборах? Ее портрет рисовал в разговоре с У. Черчиллем один из лидеров партии эсеров Б. Савинков: «Крестьяне были в хозяйственном отношении независимыми. *При своем простом образе жизни они всегда могли поддерживать свое существование и помимо всех современных условий цивилизации.* Из кожи зверей они делали себе одежду и обувь. Пчелы давали им и мед, заменявший им сахар, и воск для освещения. Хлеб у них был, и было мясо, и разные коренья. Они пили, ели и работали в поте лица. Не для них были все эти слова: коммунизм, царизм, святая Русь, империя или пролетариат, цивилизация или варварство, тирания или свобода. Все это в теории было им безразлично, и не

* Так же безрезультно закончились продолжавшиеся почти полгода, вплоть до Октября, отчаянные попытки Временного правительства добиться от союзников проведения аналогичной конференции на государственном уровне. (См. подробнее: Уорт Р..., с. 169—172.)

только в теории, но и на практике. Они были и оставались людьми земли и тяжелым трудом зарабатывали свой хлеб... В стране разрозненных хозяйственных ячеек, ничем не связанных между собой, жизнь велась по примеру Робинзона Крузо, так же удаленного от цивилизации...»¹⁹

Наблюдения Г. Уэллса дополняли общую картину: «Крестьяне совершенно невежественны и в массе своей тупы, они способны сопротивляться, когда вмешиваются в их дела, но не умеют предвидеть и организовывать. **Они превратятся в человеческое болото...**»²⁰ Это болото и поглотило все благие пожелания эсеровской партии: «В ряды эсеров, — вспоминал их лидер В. Чернов, — неудержимо стремилась пестрая и многоликая улица. Это напоминало бегство овечьего стада. Ничтожная горстка старых эсеров тщетно пыталась справиться с сырой, неоформленной массой, которая заполнила партию»²¹.

Противостоявшие эсерам праволиберальные силы, в свою очередь, никогда не согласились бы со своим поражением на выборах. Не случайно еще до того, как большевики без единого выстрела распустили Учредительное собрание, против него с оружием в руках выступили представители *либеральной партии кадетов*, правых партий и «белых» генералов. По их общему мнению, отраженному в словах ген. А. Деникина, рожденное в стихии бунта и насилия, «в дни народного помешательства», это Учредительное собрание «не выражало воли русского народа...»²² По словам одного из лидеров кадетской партии Н. Устрялова: «Российское Учредительное собрание... было даже большей пощечиной идее демократизма, нежели даже весь большевизм»²³. Другой кадет, юрист, ближайший сподвижник Колчака Г. Гинс был еще более категори-*

* Кадеты — партия конституционных демократов (народной свободы), первая и крупнейшая либеральная партия России, созданная П. Миллюковым в 1905 г. из представителей интеллигенции.

чен: «Я остаюсь при убеждении..., что черновское Учредительное Собрание следовало стереть с лица земли...»²⁴

Сам А. Колчак заявлял: «если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного собрания является их заслугой, это надо поставить им в плюс»²⁵. А когда ген. Л. Корнилов в своем манифесте призвал к восстановлению Учредительного собрания разогнанного большевиками, взорвался сам лидер российских либералов П. Милюков. В своем письме ген. М. Алексею по этому поводу он обозвал Корнилова дилетантом и авантюристом²⁶. Видный представитель прежней элиты, крупный землевладелец, один из лидеров октябристов* С. Шидловский признавал: «большевики, сами того не подозревая, сослужили России огромную и незабываемую службу, разогнав Учредительное собрание под председательством Чернова...»²⁷

«Белые» генералы приступили к формированию своих армий за два месяца до созыва Учредительного собрания: 2 (16) ноября 1917 г., *по направлению «Союза спасения Родины», организаторами которого «являлись, главным образом, представители кадетской партии»*²⁸, на Дон прибыл ген. М. Алексеев для формирования Добровольческой армии. Создатели Белой армии Юга России считали этот день датой ее основания. Следующий шаг в развязывании Гражданской войны, по мнению американского историка П. Кенеза, сделал начальник штаба Ставки, исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего ген. Н. Духонин. 2 декабря он, полностью осознавая последствия своего шага, подписал приказ об освобождении арестованных генералов, участников корниловского мятежа²⁹. По словам Л. Троцкого, именно «эти беглые генералы (Алексеев, Деникин... **), положили начало гражданской войне»³⁰.

* «Октябристы» — «Союз 17 Октября», праволиберальная партия чиновников, помещиков, крупной торговой и промышленной буржуазии России. Названа в честь Манифеста 17 октября 1905 г.

** Генералы Л. Корнилов, А. Деникин, А. Лукомский, И. Романовский и С. Марков.

9 декабря 1917 г., в День святого Георгия, началось наступление офицерской роты ген. М. Алексеева под командованием атамана А. Каледина на Ростов, в котором на выборах в Учредительное собрание и войсковое правительство большинство получили социалисты*. Этот день, утверждает Кенез, *«может считаться неофициальным началом Гражданской войны»*³¹.

Официально Гражданская война будет провозглашена 27 декабря лидером партии кадетов П. Милюковым. Партии, потерпевшей на выборах в Учредительное собрание сокрушительное поражение — получившей менее 5% голосов. В этот день лидер либералов опубликовал в «Донской речи» Декларацию, призванную легализовать Добровольческую армию, фактически ставшую *формальным документом, объявлявшим Гражданскую войну*. Инициатива создания Белой армии и развязывания Гражданской войны, уточнял «белый» ген. Н. Головин, принадлежала именно либеральной общественности: *«вся наша либеральная интеллигенция была ярой сторонницей “прямого действия”, выраженного в наиболее решительной и короткой форме. В данном случае это вылилось в убеждение, что победа над большевиками достижима легко одной только вооруженной силой»*³².

Большевики же, в свою очередь, получив второе количество голосов на выборах в Учредительное собрание (24%), еще надеясь предотвратить Гражданскую войну 5 января 1918 г., созвали Учредительное собрание, потребовав от него добровольной передачи власти Советам, на основе объединения всех социалистических партий, набравших на выборах в Учредительное собрание 84% голосов. Только этот шаг, по мнению В. Ленина, мог предупредить

* В Ростове на выборах в Учредительное собрание большевики набрали 25 569 голосов, казаки — 14 248, кадеты — 13 677, эсеры — 7 565, меньшевики — 4 615. В войсковом правительстве казаки получили 640 тыс. голосов, эсеры — 480 тыс., большевики — 250 тыс. (Кенез П..., с. 63).

возникновение масштабной гражданской войны: «есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, что исключительно *союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы Гражданскую войну в России невозможной*», — утверждал он³³.

Не добившись своего, большевики распустили Учредительное собрание. Однако это не привело к развязыванию Гражданской войны, по свидетельству самих эсеров-депутатов, как и «белых» генералов Учредительное собрание, как и ранее Временное правительство никто не защищал³⁴. Ключевую роль в этом сыграла поддержка, оказанная большевикам левыми эсерами. Ленин в то время имел все основания заявить, что «за большевиками, при поддержке их левыми эсерами, поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство»³⁵.

Предложение о сотрудничестве эсеров-меньшевицким Советам лидер большевиков делал еще в июле 1917 г., однако оно было отклонено. Только накануне революции левые эсеры откликнулись на призыв большевиков и вошли в состав нового правительства. «12(25) октября в Петрограде создается Военно-революционный комитет (ВРК), призванный практически осуществить *захват власти*, и в него входит более двадцати левых эсеров; 21 октября ВРК окончательно оформляется, и его *председателем* избирается *левый эсер* П.Е. Лазимир... После захвата власти левый эсер М.А. Муравьев назначается *главнокомандующим* Петроградским военным округом и начальником обороны города от «контрреволюционного» наступления войск Краснова—Керенского. 6(19) ноября Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов (ВЦИК) избирает свой Президиум, и в него входят *шесть* большевиков... и *четыре* левых эсера... 24 ноября (7 декабря) левый эсер А. Колегаев стал наркомом земледелия... К концу 1917 года левые эсеры заняли уже семь постов (из имевшихся тогда восемнадцати) в Советском правительстве и оставались на своих постах до 18 марта 1918 года, когда они категорически выступили против Брестского мира (как и многие большевики).

Доля левых эсеров во всех властных органах того времени составляла не менее 35 — 40%... А в ВЧК, два (из трех) заместителя председателя, то есть большевика Ф.Э. Дзержинского, — В.А. Александрович и Г.Д. Закс — были левыми эсерами и сохраняли свои посты даже до июля 1918 года»³⁶.

«Большевики с начала октября 1917 и до середины марта 1918-го действовали в *теснейшем* союзе с партией левых эсеров»³⁷. Не случайно с Октября 1917 по март 1918 г. Советская власть была установлена по всей стране. В 79 крупных городах из 97 она укрепилась мирным путем.

Помимо союза с левыми эсерами большевики совершенно сознательно пошли на ряд дополнительных мер, направленных на предупреждение возникновения Гражданской войны. «С целью предотвратить столкновение, — отмечает С. Кара-Мурза, — большевиками было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни (первый декрет II Съезда Советов), освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей, в том числе их руководителей (генералов Корнилова, Краснова и Каледина); многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября. В целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов... Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход революции без крупномасштабной войны. О том, что эти надежды советского руководства были искренними, говорят планы хозяйственного и культур-

ного строительства и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г. большого числа (33) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети электростанций...»* **«Никто не начинает таких дел, — замечает С. Кара-Мурза, — если считает неминуемой близкую войну»**³⁸.

Союз с левыми эсерами, выступавшими за продолжение войны с Германией, был разрушен «Брестским миром». И именно подписание Брестского мира, по словам лидеров белого движения, стало переломной точкой, вынудившей их ради спасения России от «немецкого ига» и выполнения союзнического долга выступить против большевиков.

Однако большевики оказались здесь последними, кто отказался продолжать войну. Первым 2 (15) марта 1917 г. отрекся от престола Император и Верховный главнокомандующий Русской армией Николай II. Подписывавший отречение Николая II лидер октябристов А. Гучков сложил с себя полномочия военного министра Временного правительства спустя всего два месяца — в мае, «не желая разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины». «Есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия»³⁹. Реакцию среднего московского обывателя на этот шаг передавал сторонник кадетов, современник событий: **«Отказался от обязанностей военного министра А.И. Гучков. Уж если он, которому доступны все тайны войны, пришел в отчаяние от настоящего положения, то кто же теперь будет верить в доведение войны до победного конца?»**⁴⁰

Адмирал А. Колчак бросил командование Черноморским флотом в мае 1917 г. без приказа, оправдываясь: «я был поставлен в такое положение, что не мог больше ко-

* Эта программа была предписана Декретом СНК и утверждена 30 июля 1918 г. Только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, А. Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

мандовать»⁴¹. В мае Колчак утверждал на заседании правительства: «гораздо проще было идти совершенно открытым путем, просто-напросто распустить команды и прекратить деятельность флота, потому, что при таких условиях флот все равно никакой пользы не принесет»⁴². Верховный главнокомандующий русской армией ген. М. Алексеев в начале мая заявил: **«Армия на краю гибели. Еще шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы, и возврата не будет. Виновны все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние два с половиной месяца»**⁴³. В сентябре начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего М. Алексеев также уйдет в отставку.

В июле началось наступление русской армии, которое на деле подтвердило — русской армии больше не существовало. Отступление русской армии, по словам Керенского, приняло «поистине катастрофический размах... Ни доводы, ни убеждения больше не действуют, вызывая только угрозы, порой даже стрельбу. Некоторые части оставили позиции, даже не дожидаясь приближения противника... Войска часто покидают позиции при первом огневом залпе противника. Бесчисленные колонны дезертиров, с оружием и без, растянулись на сотни верст, нисколько не думая о своевременном наказании. Порой, таким образом, дезертируют целые части...»⁴⁴ В августе из разговора с русскими миссиями в Лондоне Колчак «вывел..., что они смотрят на положение вещей очень мрачно и считают, что это **неминуемо кончится проигрышем войны и вынужденным соглашением с немцами...**»⁴⁵

Армия во главе со своим высшим командованием проголосовала за мир своими ногами, задолго до того, как большевики пришли к власти. Своим призывом «воткнуть штыки в землю» они лишь констатировали факт самоуничтожения армии, свершившийся еще до того, как они стали реальной политической силой.

На эту данность указывал, например, Колчак: на Черноморском флоте еще «официально такой партии большевиков не существовало... не было такого термина "боль-

шевик"», но уже «произошел общий и внутренний развал во флоте»⁴⁶. Деникин в свою очередь признавал: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие...»⁴⁷ В начале того же мая 1917 г. Колчак констатировал: **«Для меня стало ясно, что войну, в сущности говоря, надо считать проигранной, и я положительно затруднялся решить, что предпринять для того, чтобы продолжить войну... фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно... оказать сопротивление неприятелю невозможно»**⁴⁸.

Боевать русская армия закончила в августе 1917 г., к чему это привело, докладывал американский генеральный консул в Москве: **«Солдаты грабят страну, устремившиеся к анархии и гражданской войне, а армия как боевая сила перестала существовать. Ситуация в глубине страны постоянно ухудшается. Идет разгром поместий, владельцев избивают и убивают»**⁴⁹, *.

«Завоеванием» Русской революции..., — констатировал в итоге видный "белый" ген. Н. Головин, — было прекращение войны с центральными державами. Я настаиваю на том, что это было также "завоеванием" русской революции, ибо... истинной двигающей силой нашей революции в начале ее было стихийное стремление русских народных масс прекратить внешнюю войну. И осуществить это свое стремление они могли лишь путем свержения царского правительства, а затем устранения от власти и Временного правительства Керенского»⁵⁰.

Как же непосредственно начинались боевые действия Гражданской войны?

* Более подробно об эти и других событиях Революции см. в книге: Галин В. 1917. Движущие силы истории. М.: Алгоритм, 2016. (К 100-летию Русской революции).

Прелюдия

К первым выступлениям против большевиков можно отнести восстание юнкеров и поход ген. П. Краснова на Петроград. Восстание юнкеров 29 октября было единственной силовой акцией, организованной «Комитетом Спасения...» «в ожидании подхода... войск Керенского»⁵¹. Восстание было быстро подавлено. «Провал восстания. Неожиданная слабость наших сил и неожиданная энергия, развитая большевиками, казались нам ошеломляющими», — вспоминал его участник Станкевич⁵². «Большевикам не трудно было справиться, — отмечал историк С. Мельгунов, — с восставшими и плохо организованными юнкерами, на помощь которым никто не двинулся из войсковых частей гарнизона. Не выступили и казаки... Летопись не отметит и участия в восстании уже “мобилизованных” к тому времени, по словам Керенского, “партийных боевых дружин”»⁵³. «Ожидавшиеся войска с фронта... не появились»⁵⁴. В итоге, по мнению Мельгунова, Комитет спасения* превратился в новую «говорильню»⁵⁵.

* После восстания юнкеров «Комитет спасения...» отделался легким испугом, были арестованы лишь те, кто был непосредственно замешан в восстании. 31 октября были освобождены все «юнкера-социалисты», принимавшие участие в мятеже. Другой пример — приговор одному из злейших противников большевиков, призывавшему расправляться с ними «публичными расстрелами и виселицей» — В. Пуришкевичу, принявшему со своей организацией участие в юнкерском восстании. «Приговор Пуришкевичу, по словам Мельгунова, был очень мягкий: 4 года условно производительных-общественных работ при тюрьме» (Мельгунов С. Как большевики... с. 278).

Восстания юнкеров произошли и в других городах, и все они были подавлены: По словам организаторов восстания, «в Петрограде совершилось ужасное, кошмарное дело. Банда обезумевших, озверевших людей под предводительством сознательных убийц произвела невероятную по своей жестокости расправу над юнкерами...» По данным современника событий Суханова потери с обеих сторон составили до 200 человек⁵⁶. Не поддаются никакому описанию ужасы, творившиеся вчера опричниками самодержавного «Военно-революционного комитета...»*. Однако все эти события носили крайне ограниченный характер. Так, в боях под Пулковом 30 октября участвовало не более 100 офицеров⁵⁷. Восстание юнкеров 29 октября... привело к тяжелым жертвам, особенно среди юнкеров Владимирского училища (погиб 71 человек...)⁵⁸. В Москве, оказавшейся «ареной самых длительных и упорных боев»⁵⁹, в борьбе приняли участие менее 700 из находившихся тогда в городе десятков тысяч офицеров⁶⁰. Большевикам потребовалось несколько дней, чтобы сломить их сопротивление⁶¹. В Киеве особенно большие потери (42 офицера убитых) понесло 1-е Киевское Константиновское военное училище⁶². 1—3 ноября произошло выступление юнкеров в Омске, 9—17 декабря вспыхнуло офицерское восстание в Иркутске, в котором было убито 277 и ранено 568 человек с обеих сторон, не считая тех, чьи трупы унесла Ангара⁶³. Против около 800 юнкеров и 100—150 добровольцев оказалось до 20 тысяч солдат запасных полков и рабочих⁶⁴.

Командующий московским округом полк. Рябцов до последнего не решался вмешиваться в события, по сло-

* «"Неизгладимое впечатление" произвело на современников "кровавое воскресенье"... но только театры и кинематографы под аккомпанемент артиллерийской пальбы в это воскресенье были... переполнены...» (Мельгунов С. Как большевики... с. 284, 285).

вам видного общественного деятеля Е. Кусковой, его «парализовало «отсутствие народа» в октябрьские дни. *«С кем же я бьюсь против солдат и рабочих?.. — восклицал Рябцов. — Мы не понимаем, что на стороне революции, как бы губительна она ни была, весь народ, во всех его основных слоях. Не на стороне революции лишь те, кто хочет вернуть старое...»*⁶⁵ Провоцирование «Комитетом спасения...» и прочими подобными организациями восстаний юнкерской молодежи, в существовавших условиях, было даже не авантюрой, а прямым ее убийством, утверждал позже «белый» ген. Н. Головин: «Юнкерская молодежь была брошена на верную гибель»⁶⁶.

Юнкеров организаторы восстаний использовали как слепую, неопытную юношескую силу. «Эти молодые люди, — характеризовал юнкеров и офицеров Деникин, — пытались преодолеть все мировые проблемы, но делали это очень простым способом... Система ценностей для офицеров была преопределенная, как непоколебимый факт, не вызывающий ни сомнений, ни разногласий... Отечество воспринималось с пылкостью и страстностью, как единый организм, включающий в себя и страну и людей, без анализа, знания его жизни, без копания в темных глубинах его интересов... Молодых офицеров едва ли интересовали социальные вопросы, которые они считали чем-то странным и скучным. В жизни они их просто не замечали; в книгах страницы, касающиеся социальных прав, с раздражением переворачивались, воспринимались как нечто, мешающее развитию сюжета... Хотя, в общем, и читали они не много...»⁶⁷

Отряд ген. П. Краснова тем временем практически без выстрела взял Царское Село, «победа была за нами, но она, — по словам Краснова, — съела нас без остатка»⁶⁸. «Маленький красновский отряд* просто потонул в море разло-

* Под началом П. Краснова во время похода на Петроград было всего 700 казаков (Мельгунов С. Как большевики..., с. 228).

жившихся “нейтральных” гарнизонов⁶⁹, — отмечал Мельгунов, — солдатская масса — с обеих сторон — была настроена против “братоубийственной” войны⁷⁰. Например, представители Амурского казачьего полка заявили, что «в братоубийственной войне принимать участия не будут»⁷¹. Донской полк даже отказался брать ружейные патроны, поскольку «не желает братоубийственной войны»⁷².

Керенский упрекал Краснова, что в этой ситуации, последний больше прибегал «не к силе оружия, а к переговорам, речам и увещаниям»⁷³. Причина такого поведения Краснова, отвечал Деникин, крылась в том, что: «никаким влиянием офицерство не пользовалось уже давно. В казачьих частях к нему также относились с острым недоверием, тем более что казаков сильно смущали их одиночество и мысль, что они идут “против народа”... И у всех было одно неизменное и неизбывное желание — **окончить как можно скорее кровопролитие.** Окончилось все 1 ноября бегством Керенского и заключением перемирия между ген. Красновым и матросом Дыбенко»⁷⁴.

Краснов пошел на перемирие, поскольку, по словам Милюкова, «понял, что течение несло (массы) неудержимо к большевикам»⁷⁵. **«Официальным соглашением о перемирии по существу, бесспорно явилось соглашение о прекращении гражданской войны, и именно так это соглашение и понималось обеими сторонами...»**, — вспоминал комиссар Временного правительства Северного фронта Войтинский⁷⁶. П. Краснов, арестованный большевиками, спустя месяц будет отпущен на свободу под честное слово.

Ставка Верховного главнокомандующего отреагировала на большевистский переворот произведя 25 октября «опрос главнокомандующих фронтов, имеются ли в их распоряжении войсковые части, которые безусловно поддержали бы Временное правительство». Ген. Балугев с Западного фронта ответил: «Ни на одну часть поручиться не могу, большинство

же частей, безусловно, не поддержит»⁷⁷. Комиссар Румынского фронта Тизенгаузен: «Двинуть с фронта войска для защиты Временного правительства вряд ли возможно»⁷⁸. Общее настроение отражали слова ген. П. Балугева: «Наша, начальства, в настоящее время задача должна заключаться в держании фронта и недопущении в войсках междоусобных и братоубийственных столкновений»⁷⁹.

В этих условия начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Н. Духонин 1 ноября дал приказ остановить движение воинских эшелонов к Петрограду. «В ожидании разрешения кризиса, — продолжал он, — призываю войска фронта спокойно исполнять свой долг перед родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще более углубиться в пределы родной земли»⁸⁰. **«Вооруженная борьба закончилась, — констатировал С. Мельгунов, — Это означало победу большевиков»**⁸¹.

Подобно красновскому закончились столкновения и в казачьих областях на Юге России, инициатором которых выступил ген. А. Каледин. Так, 3 декабря он приказал алексеевским офицерам разоружить 272-й пехотный полк, располагавшийся в Новочеркасске и отказавшийся признать донское правительство. Полк позволил разоружить и распустить себя без сопротивления и единого выстрела⁸². Несколько позже в том же декабре под Новочеркасском сошлись 15-й пехотный полк большевиков и 35-й казачий полк Каледина. Но солдаты и казаки отказались сражаться друг с другом. Они расположились в нейтральной зоне по соглашению, и ни одна сторона не выполняла приказы офицеров стрелять⁸³. Подобная ситуация произошла 9 декабря в Ростове, когда казаки ген. Потоцкого отказались сражаться с большевиками и сложили оружие⁸⁴.

Попытка навязать Гражданскую войну силой приводила к трагическим результатам. Примером может быть обращение А. Каледина к алексеевской организации,

когда казаки отказались по его призыву атаковать красных в Ростове. Ген. Алексеев отдал в распоряжение Каледина около 400—500 офицеров, которые к 15 декабря выбили превосходящие войска красных из Ростова⁸⁵. Но победа оказалась страшнее поражения — против Каледина выступили свои же казаки. И 28 января (10 февраля) генерал Корнилов был вынужден бросить Дон и уйти на Кубань⁸⁶. В результате атаман войска Донского остался к 29 января (11 февраля) 1918 г. всего со 147 штыками! Походный атаман А. Назаров в ответ на запрос Каледина констатировал, что «казаки драться не желают»⁸⁷. В своем последнем выступлении Каледин отметил: **«Положение наше безнадёжно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно.** Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно... В тот же день ген. Каледин выстрелом в сердце покончил с жизнью»⁸⁸.

Но это не остановило генералов Л. Корнилова и М. Алексеева, прибывших на Юг России, и провозгласивших своей целью «освободительную войну» для свержения немецко-большевицкого ига еще в ноябре 1917 г. Население городов Донской области не хотело принимать добровольцев. Поэтому Каледин приютивший Алексеева был вынужден предложить Добровольцам для размещения города Ставрополь или Камышин, но население этих городов было настолько враждебно настроено, что малочисленной армии, по мнению П. Кенеза, вряд ли удалось бы выжить в неказацкой земле⁸⁹.

Каледин был вынужден разместить прибывающих офицеров нелегально под видом больных и раненых в одном из госпиталей во избежание трений с местным населением. Офицерам запрещалось покидать госпиталь. На 17 ноября 1917 г. армия состояла из 40 человек, к концу ноября ее численность выросла до 300 человек. Позже Каледин использовал офицеров как полицейские силы под командованием казачьих

офицеров, сдерживающих дезертиров на железнодорожных станциях. За это донское правительство платило офицерам и вооружало их⁹⁰.

Численность откликнувшихся на призыв добровольцев оказалась ничтожной. Огромный по численности Румынский фронт дал всего около 900 добровольцев офицеров. Одесса, в которой насчитывалось до 15 000 офицеров, не прислала ни одного⁹¹. «На Кавказских курортах, — сообщал ген. И. Эрдели, — было множество преимущественно гвардейских офицеров, из них не откликнулся ни один. В самом большом городе края, Ростове, все кафе и панели были полны молодыми и здоровыми офицерами, но только единицы пошли на призыв своих бывших главнокомандующих. Донское офицерство, в несколько тысяч человек, вовсе уклонилось от борьбы»⁹². В крупнейшем городе Дона Ростове смогли сформировать вместо полка всего лишь офицерскую роту около 200 человек. В Кубанский поход из нее последовала едва одна треть⁹³. Во втором по величине городе Дона Таганроге в Добровольческую армию вступило всего около 50 человек⁹⁴.

Бывший Верховный Главнокомандующий многомиллионной русской армии ген. Л. Корнилов к январю месяцу 1918 г. располагал отрядом всего в три-четыре тысячи человек, состоявшим из офицеров, учащейся молодежи и юнкеров. Поражала молодость добровольцев, в их ряды было разрешено записываться с шестнадцати лет. По свидетельству Б. Суворина, ген. М. Алексеев образно жаловался ему: «Я уже вижу монумент, воздвигнутый в память об этих погибших детях...»⁹⁵

Первыми шагами Добровольческой армии стал захват двух крупнейших городов Дона — Ростова и Таганрога. Одной из причин активизации армии стало желание избавиться от вмешательства в ее дела донского правительства. В Новочеркасске армия сталкивалась со скрытой неприязнью, а иногородние были настроены по отношению

к добровольцам еще более враждебно, чем казаки. Из-за растущего недовольства населения Каледину пришлось просить генералов покинуть Новочеркасск⁹⁶. Однако с настоящей ненавистью белогвардейцы столкнулись лишь в захваченных ими городах.

27 января восстали рабочие Таганрога. Когда солдат убил рабочего Балтийского завода, похороны превратились в политическую демонстрацию с участием нескольких тысяч рабочих... *«Сражение, развернувшееся в городе, было не похоже ни на один бой с самого начала революции. Рабочие и солдаты стреляли друг в друга не по принуждению. Ожесточенность боев, по мнению П. Кенеза, была первым проявлением природы Гражданской войны»*. О переговорах не шло даже и речи. Когда у двенадцати рабочих закончились боеприпасы и они были захвачены, солдаты выкололи им глаза, отрезали носы и закопали живыми... Другая сторона в долгу не осталась. Белые солдаты, окруженные в винном погребе, были сожжены живыми⁹⁷. В Ростове рабочие ненавидели белых так сильно, что главной проблемой стала защита офицеров... ненависть рабочих к офицерам становилась все более яркой и открытой... Ростов был на грани кровавой бойни⁹⁸.

Красная армия вошла в Ростов 23 февраля, а спустя два дня солдаты Военно-революционного комитета захватили Новочеркасск. По мнению П. Кенеза, большевики допустили огромный промах в том, что позволили Добровольческой армии покинуть Ростов. Однако В. Антонов-Овсеенко был больше обеспокоен немецким вторжением на Украину и не мог уделить достаточного внимания уничтожению остатков «белых» сил⁹⁹. К концу февраля 1918 г. советская власть была признана на всей территории России.

Добровольческая армия под командованием Корнилова, вытесненная с территории Дона, в конце февраля была вынуждена начать свой 1-й Кубанский поход*. С самого на-

* Он получил название «ледяного», из за форсирования добровольцами по льду реки Дон.

чала «ледяного похода», отмечает П. Кенез, «армия не могла не заметить невероятно враждебного отношения к ней местного населения»¹⁰⁰. На Ставрополье, через которое проходил маршрут добровольцев и где несоциалисты получили менее 3% мест на выборах в Учредительное собрание, население воспринимало добровольцев как врагов¹⁰¹.

На Кубани, как и на Дону, добровольцы столкнулись с тем, что казаки не были настроены на развязывание Гражданской войны. Даже лучшие казачьи части, например 1-й Черноморский полк, прибывший с фронта в Екатеринодар в прекрасном состоянии (так же, как и 6-й полк на Дону), отказался подчиниться приказу Рады идти сражаться против большевиков и был распущен¹⁰². Основу антибольшевистских войск на Кубани, как и на Дону, составил отряд добровольцев из 700 русских офицеров под командованием капитана Покровского («невероятно храбр и решителен..., очень амбициозен, зол и без моральных принципов»¹⁰³), которых атаман Кубани А. Филимонов (как и Каледин на Дону) взял на свое довольствие.

Большевистское правительство еще 30 января предъявило ультиматум, чтобы Кубанская Рада, провозгласившая 28 января независимую Кубанскую Республику, признала правительство Петрограда и распустила все добровольческие формирования. Рада отказалась, но в первом сражении защищать столицу Кубани пришлось только русским офицерам¹⁰⁴. После захвата красными Екатеринодара большевики предложили мирные переговоры, но бывшая Рада отказалась, надеясь на помощь подходившего отряда Корнилова¹⁰⁵. Но эта помощь не пришла.

Отряд Корнилова вернулся из своего первого Кубанского похода в начале мая туда, откуда и была начата кампания в пограничные земли между Ставропольской областью, Доном и Кубанью. Деникин вспоминал: «Первый кубанский поход — Анабазис Добровольческой армии — окончен... Вышла в соста-

ве 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами. Начала поход с 600—700 снарядами, имея по 150—200 патронов на человека; вернулась почти с тем же. Все снабжение для ведения войны добывалось ценой крови. В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов; вывезла более полутора тысяч раненых; много их еще оставалось в строю; много было ранено по несколько раз...»¹⁰⁶*

Вот почти все, что было у белых армий в начале Гражданской войны. Народ и солдаты за ней не пошли. Даже казаки, которых генералы считали верной опорой, упорно не желали принимать участия в развязывании Гражданской войны. Ген. М. Алексеев в этой связи признавал «наличные силы казачьего союза “ничтожны”, “с ними на внешние предприятия, конечно, идти нельзя”»¹⁰⁷. «Донское офицерство, насчитывающее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонилось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую армию единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества», — вспоминал А. Деникин¹⁰⁸.

Не хотело вступать в эту войну и большинство офицерства: Киев и Харьков, «где в те дни (май 1918 г.) жизнь была ключом, представлял(и) собой разительный контраст умирающей Москве. Бросалось в глаза обилие офицеров всех рангов и всех родов оружия, фланирующих в блестящих формах по улицам и наполнявших кафе и рестораны... Им как будто не было никакого дела до того, что совсем рядом горсть таких же, как они, офицеров вели неравную и героическую борьбу с красным злом, заливавшим широким

* Из них: 3 ген., 8 ген.-лейтенантов, 25 ген.-майоров, 199 полковников, 50 подполковников, 215 капитанов, 251 штабс-капитан, 394 лейтенанта, 535 корнетов, 688 прапорщиков, 364 унтер-офицера, 437 юнкеров, 235 капралов, 15 моряков, 148 человек медицинского персонала и 118 писарей. 200 чехословаков из технического отряда.

потоком просторы растерзанной родины»¹⁰⁹. Один из первых добровольцев на Волге писал: «каждый боевой день приносил потери, а пополнения не было... Раненые офицеры после выздоровления возвращались в строй и передавали нам, что каждый каба́к набит людьми в офицерской форме, все улицы также полны ими...»¹¹⁰

«Ростов поразил меня своей ненормальной жизнью, — вспоминал другой доброволец. — На главной улице, Садовой, полно фланирующей публики, среди которой масса строевого офицерства всех родов оружия и гвардии, в парадных формах и при саблях... На нас — добровольцев — как публика, так и “господа офицеры” не обращали никакого внимания, как бы нас здесь и не было!...»¹¹¹ «Тысячи офицеров из разбежавшихся с фронта полков бродили по городу и с равнодушием смотрели, как какие-то чудаки в офицерской форме с винтовками на плечах несли гарнизонную службу»¹¹². Наступление большевиков на Ростов сдерживали всего несколько сот офицеров, юнкеров, гимназистов и кадет, а панели и кафе города были полны здоровыми офицерами, не поступавшими в армию. После взятия Ростова большевиками их комиссар Колюжный жаловался на страшное обременение работой: тысячи офицеров являлись к нему с заявлением, «что они не были в Добровольческой армии»¹¹³.

«*“Всенародного ополчения” не вышло*», — признавал ген. А. Деникин. «Отозвались офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочих городских и земских русских людей». Буржуазия проявила полнейшее равнодушие, и в конце концов из трехсоттысячного корпуса офицеров и миллионной буржуазии *в армию поступали только дети*»¹¹⁴. Сообщение американского консула Пуля в феврале 1918 г. дополняло общую картину: «В формируемой сейчас Добровольческой армии пока нет пехоты, достойной упоминания, а имеющаяся артиллерия практически остается без боеприпасов. С военной точки зрения положение донского правительства прискорбно слабое. Для успеха ему срочно нужны деньги, боеприпасы и снаряжение...»¹¹⁵

Белое движение не имело изначально ни людских, ни материальных ресурсов и было обречено. Следовательно, была обречена и широкомасштабная Гражданская война, с ее огромными жертвами и разрухой. Попытки ее развязать закончились бы, относительно малокровным подавлением мятежа «белых» генералов. Остальные противники большевиков не были вооружены, организованны и опасны, как военная сила, они не представляли из себя угрозы. Как отмечает П. Кенез: «Неважно, какими бы героями не были эти несколько тысяч мужчин, большевики перебили бы их без лишних сложностей»¹¹⁶.

Один из основателей антибольшевистского КОМУЧа эсер П. Климускин признавал, что: «уже в то время можно было вызвать Гражданскую войну, (но) мы понимали, что это кончилось бы печально, ибо реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было. Нельзя было надеяться и на самих солдат... Мы видели, что *если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя*»¹¹⁷...

Что же заставило изможденную, смертельно уставшую от войны армию, массами бежавшую с фронта, снова взять в руки оружие и воевать «до смерти...»¹¹⁸?

Настроения по обе стороны фронта в то время отражают воспоминания члена «белого» правительства Северной области эсера Б. Соколова: «Пассивность как основа, пассивность как повседневность проходила красной нитью через жизнь нашего фронта. Этому отвечало и настроение красных войск, стоявших по ту сторону окопов... Несмотря на холода, отсутствие жилых помещений — красные войска были из рук вон плохо одеты и еще хуже кормились. Все это еще больше усиливало пассивность, я бы сказал, отупелость красных солдат. Они шли в атаку, они защищали позиции, сдавались в плен или отходили, но все это делалось в каком-то полусне, не понимая ни к чему это, ни для кого, ни во имя чего. Они также безропотно уми-

рали... Иногда я до боли в душе удивлялся, как раненый, и раненый тяжело красноармеец, переносил свои поистине ужасные раны... Терпелив русский человек. Терпелив и глубочайше пассивен. И подобно тому, как белые солдаты были весьма безразличны к интересам государственным, областным, также и красные солдаты были чужды интересам Советской Республики. И, беседуя с красными солдатами, я тщетно пытался уловить у них хоть крупницу, хоть частицу общенациональных настроений, их не было. Была лишь полная пассивной грусти тяга к дому»¹¹⁹. Эти чувства в начале Гражданской войны владели подавляющим большинством солдат по обе стороны линии фронта.

Не случайно введение мобилизационного комплектования вызвало мощную волну дезертирства в обеих противоборствующих армиях. В Красной армии, по данным авторов «Черной книги коммунизма», «число дезертиров в 1919—1920 годах оценивается в три с лишним миллиона. В 1919 году было задержано и арестовано ВЧК и специальными комиссиями по борьбе с дезертирством около 500 тыс. человек; в 1920 году — от 700 до 800 тысяч. От полутора до двух миллионов дезертиров, в подавляющем большинстве крестьян, отлично знавших местность, смогли, тем не менее, избежать поимки»¹²⁰. «Страдавшая от дезертирства Красная армия, которая, хотя и считалась теоретически весьма многочисленной (от 3 до 5 миллионов человек), в действительности никогда не могла выставить более 500 тысяч вооруженных солдат»¹²¹. После объявления мобилизации на призывные пункты, подтверждал красный командарм А. Егоров, явилось всего около 20% военнообязанных. Дезертировали и уже мобилизованные, так на примере Южного фронта, даже во второй половине 1919 г. дезертиры и отставшие составляли 14%¹²².

Однако при непредвзятом взгляде практически невозможно подложить под дезертирство идеологическую подкладку, ведь оно началось задолго до появления Красной армии. Британский военный представитель А. Нокс уже в январе 1917 г. сообщал о миллионе дезертиров в царской

армии: «Эти люди живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труд»¹²³. Февральская революция вызвала новый всплеск дезертирства. Французский посол М. Палеолог спустя всего полтора месяца после ее свершения отмечал: *«Анархия поднимается и разливается с неукротимой силой... В армии исчезла какая бы то ни было дисциплина... Исчисляются более чем в 1 200 000 человек количество дезертиров, рассыпавшихся по России...»*¹²⁴. С Февраля по ноябрь 1917 г., по данным приводимым ген. Н. Головиным, дезертировало почти 200 000 солдат ежемесячно, всего за период около 1 518 тыс. человек¹²⁵.

Очередная волна дезертирства поднялась благодаря «белой» и «красной» мобилизации. Большинство крестьян откровенно не понимали политических лозунгов ни тех, ни других. Так, в августе 1919 г. из Смоленской губернии писали: *«У нас был приказ идти на военную службу, но в деревне говорят: «За что мы будем воевать, на кого, друг на друга и брат на брата?»»*¹²⁶.

Вспоминая о трудностях с комплектованием «Белой армии» участник событий Г. Раковский отмечал, что: «крестьянство с необычайной стойкостью и упорством уклонялось от участия в гражданской войне. Суровые репрессии, драконовские приказы о мобилизации не могли парализовать массового, чуть ли не поголовного дезертирства из рядов «Русской армии»»¹²⁷. Дезертировали не только мобилизованные солдаты, но и офицеры, служащие... На Юге России, по словам Деникина: «Чувство долга в отношении отправления государственных повинностей проявлялось слабо. В частности дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, то не меньше «зеленых» в пиджаках и френчах наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха»¹²⁸. «Многочисленное одесское офицерство (также) не спешило на фронт. Новая мобилизация не прошла: по получении обмундирования и вооружения большая часть разбегалась, унося с собой все полученное»¹²⁹.

Дезертирство было массовым явлением и в казачьих частях: «С фронта началось повальное дезертирство, не преследуемое кубанской властью. Дезертиры свободно проживали в станицах, увеличивали собою кадры «зеленых» или, наконец, находили себе приют в екатеринодарских запасных частях — настоящей опричнине...», — вспоминал А. Деникин¹³⁰. И казачьи атаманы также были вынуждены ввести принудительную мобилизацию, все станичники обязывались вступить в ряды восставших или предстать перед военным судом «за измену». Дезертиры, уклонявшиеся от «казачьего дела», должны были быть казнены¹³¹. В марте 1919 г. новый атаман Богаевский издает приказ о создании специальных отрядов из надежных казаков для ловли дезертиров, с придачей к ним полевых военных судов: «Наказания, применяемые судом, должны быть только двух видов: 1) порка розгами или плетью; 2) смертная казнь. При определении наказания не стеснять судей никакими законами, а судить по целесообразности и по совести»¹³².

На севере России глава правительства Н. Чайковский сообщал союзникам, «что лишь трое офицеров из 300, которых он ожидал, подчинились приказу о мобилизации...»¹³³. Приказ Главнокомандующего Северным фронтом ген. Е. Миллера гласил: «До сих пор многие жители г. Архангельска не явились для регистрации в Национальное ополчение...» Генерал приказал лишить ослушников продовольственного пайка, а тех, кого и эта мера не вразумит, отправить в ссылку»¹³⁴. О попытке мобилизовать интеллигенцию в ополчение докладывал начальник ополчения ген. Савич: «Мобилизованные на фронт идти не желали..., ибо они попали в ополчение после того, как их притянули туда силой... Они способны умереть от одной мысли, что они могут попасть на фронт»¹³⁵.

Даже при мобилизации в Народную армию КОМУЧа, по свидетельству его члена П. Климушкина, «призыв, конечно, не удался... Призыв новобранцев в большинстве сел был встречен отрицательно, а в некоторых местах... даже враждебно», одновременно с этим «из армии началось дезер-

тирство настолько сильное, что КОМУЧ... вынужден был назначить за дезертирство, как меру наказания, смертную казнь»¹³⁶.

В Сибири, указывал А. Колчак, в тылу армии и во многих городах среди населения «появились отвратительные явления... уклонения под разными предлогами от величайшего долга перед родиной — военной службы...»¹³⁷ Один из боевых полковников колчаковской армии в отчаянии писал: «Неужели не найдется у вас там в тылу человека граждански мужественного, который не убоится крикнуть во всю глотку всем этим тыловым негодяям, забывшим фронт и тех, за спиной которых они спокойно устроились, что пора проснуться, прекратить вакханалию, веселье в кабаках и личные дразги и интриги из-за теплых местечек...»¹³⁸ Член правительства адмирала Г. Гинс вспоминал: «Армия и вместе с ней боевое офицерство раздеты, разуты и голодны. Тыловые учреждения переполнены офицерством...»¹³⁹

Дезертирство представляло собой только часть проблемы, мобилизованные, по наблюдениям ген. В. Марушевского, делились на две категории: старых солдат, «уже прошедших школу разложения в революционный период», и новобранцев, которые были лучшими элементами, т.е. людьми «с еще не разложенной нравственностью»¹⁴⁰. Марушевский делился личным опытом от посещения одной из частей Северной области: «Лица солдат были озлоблены, болезненны и неопрятны. Длинные волосы, небрежно одетые головные уборы, невычищенная обувь. Все это бросалось в глаза старому офицеру, и видна была громадная работа, которую надо было сделать, чтобы взять солдат в руки. Все эти мелочи имеют громадное значение, и вовсе не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить..., что дисциплины в части нет...»¹⁴¹

Какими же мерами водворяли дисциплину и боролись с дезертирством в армиях того времени?

Большевики

Одним из первых постановлений Советской власти смертная казнь была отменена. Возмущению В. Ленина не было предела. Председатель ВЦИК Л. Каменев оправдывался, что был отменен введенный Керенским закон о смертной казни для дезертиров-солдат. «Вздор, — отвечал Ленин. — Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить? Ошибка, — повторял он, — недопустимая слабость, пацифистская иллюзия...»¹⁴² Через четыре месяца после отмены декретом СНК «Социалистическое отечество в опасности» смертная казнь была восстановлена.

Л. Троцкий приказывал: «Дезертирство — расстрел, нарушение дисциплины — расстрел. Одним из важнейших принципов воспитания нашей армии является не оставление без наказания ни одного проступка. Репрессии должны следовать немедленно». Троцкий применял методы времен Чингисхана и римских легионов, расстреливая за самовольное отступление каждого десятого*,¹⁴³. Обосновывая жестокость своих приказов, Троцкий утверждал: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной позади».

О масштабе явления говорят статистические справочники. По их данным, доля дезертиров в Красной армии сразу после призыва составила 18—20%, по-

* Впервые децимация была проведена в Свияжске 14 августа 1918 г., по решению трибунала были расстреляны 27 красноармейцев, вместе с командиром и комиссаром полка (Литвин А.Л..., с. 62).

беги из войсковых частей — 5—7%. Из общего количества задержанных за семь месяцев 1919 г. (1,5 млн чел.) направлено в штрафные части 55 тыс. чел., приговорено к лишению свободы (условно и безусловно) 6 тыс. чел., к расстрелу — 4 тыс. чел., из них фактически расстреляно 600 чел.¹⁴⁴ В 1920 г. реввоен трибуналы рассмотрели дела 106 966 человек, из них расстреляны 5757 (5,4%), в том числе и за бандитизм. Губернские трибуналы приговорили тогда к расстрелу 4% осужденных¹⁴⁵.

Царское правительство

Общее мнение в данном случае отражали слова выпускника элитной Военно-юридической академии полковника Р. Раупаха, принимавшего участие в Первой мировой в качестве военного юриста: «на войне... всякое наказание освобождало виновника от смертельной опасности боя, (а следовательно) оно являлось не наказанием, а побудительной причиной к совершению преступления. **На фронте устрашающее значение имеет только смертная казнь, ибо только она одна обращает возможную утрату жизни в окопах в неизбежную ее потерю при расстреле**»¹⁴⁶.

И царское правительство, не колеблясь, использовало эту меру, например, в ответ на попытку «революционизировать» одну из частей, предпринятую кадетами накануне Февральской революции. В начале января 1917 г. 17-й сибирский стрелковый полк отказался идти в атаку и предъявил политические требования кадетов — конституционное правление с ответственным министерством. Часть войск II и VI сибирских корпусов присоединилась к 17-му полку. Восстала 14-я сибирская дивизия и вместе с 3-й сибирской дивизией стала отступать, а частично разбежалась, побросав патроны. Царское правительство, еще контролировавшее ситуацию, карательными мерами восстановило дисциплину. Полевым судом было приговорено к расстрелу 92 человека, многие сотни солдат сосланы на каторгу¹⁴⁷. Другой пример демонстрирует подавление бунта

солдат, отказавшихся стрелять в рабочих во время забастовки на Петроградских заводах 31 октября 1916 г. и повернувших свое оружие против полицейских. 150 солдат спустя десять дней были расстреляны¹⁴⁸.

Пока царская власть была в силе, «эта толпа шла воевать, — отмечал Раупах, — потому что власть ей это приказала и она не смела ее ослушаться, но когда с властью пало и внешнее насилие, тогда других стимулов к продолжению войны не было, и осознав, прежде всего, что теперь никто не смеет заставить их воевать, вооруженный народ в лице миллионов солдат побежал с фронта»¹⁴⁹.

Союзники России в Первой мировой войне

Ф. Гибс, британский участник войны, определял смертную казнь в качестве одной из первых причин стойкости западных войск: «Лояльность к своей стороне, **дисциплина с угрозой смертной казни, стоящей за ней**, направляющая сила традиции, покорность законам войны или касте правителей, вся моральная и духовная пропаганда, исходящая от пасторов, газет, генералов.., стариками дома..., глубокая и простая любовь к Англии и к Германии, мужская гордость.. — тысяча сложных мыслей и чувств удерживали людей по обе стороны фронта от обрыва опутавшей их сети судьбы, от восстания против взаимной непрекращающейся бойни»¹⁵⁰.

Военный министр Франции Мессими в одном из ответов на сообщение об отступлении французской армии писал: «Я получил вашу телеграмму, сигнализирующую об упадке духа. Против этого **нет другого наказания, кроме предания немедленной казни**: первыми должны быть наказаны виновные офицеры. Для Франции существует сейчас только один закон: победить или умереть»¹⁵¹. «Мильеран, сменивший на посту военного министра Мессими, издал 1 сентября 1914 г. циркуляр, коим предписывалось военному командованию не передавать на рассмотрение правительства ходатайства о смягчении приговоров военных судов по делам “об упадке духа”, а Пуанкаре отказался

от... прерогативы помилования в отношении осужденных на смерть солдат»¹⁵².

Два примера касались русских солдат, сражавшихся во Франции: в августе 1916 г. одна из русских бригад взбунтовалась, порядок был водворен решительными действиями французских войск, по итогам около 20 взбунтовавшихся солдат были расстреляны¹⁵³. Второй случай произошел через полгода в 1917 г. «Получив известие о Февральской революции в России, солдаты отказались сражаться на Западном фронте, и потребовали возвращения домой. В ответ полки были разоружены... Солдаты были отправлены на каторжные работы в Африку и лишь немногим удалось затем вернуться домой»¹⁵⁴.

В итальянской армии «дисциплина... отличалась большей жесткостью. Так было, поскольку итальянский главнокомандующий ген. Л. Кадорна считал, что социальная неустойчивость его армии требует наказаний за дисциплинарные нарушения со строгостью, какой не знала ни немецкая армия, ни ВЕР* — например, массовые казни и наказание по жребию»¹⁵⁵.

Временное правительство

Почти на следующий день после Февральской революции либеральное правительство отменило смертную казнь. Боевой ген. П. Балув в ответ недоумевал: «запрещение смертной казни в армии было ошибкой: **если правительство отправляет людей умирать от вражеских пуль, почему оно дает трусам и предателям возможность сбежать?**»¹⁵⁶. Недоразумение продлилось до первого серьезного наступления. По его итогам комиссары Временного правительства Б. Савинков и М. Филоненко телеграфировали: «**Выбора не дано: смертная казнь изменникам; смертная казнь тем, кто отказывается жертвовать жизнью за Родину**»¹⁵⁷. Ответ А. Керенского гласил: «Я полностью одобряю истинно революционное и в выс-

* Британский экспедиционный корпус.

шей степени правильное решение... в этот критический момент»¹⁵⁸. Смертная казнь была восстановлена 11 июля.

Первые заградотряды были введены по инициативе ген. Л. Корнилова, который «отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных с соответствующими надписями на дорогах и видных местах; сформировал особые ударные батальоны из юнкеров и добровольцев для борьбы с дезертирством, грабежами и насилиями...»¹⁵⁹ **«Главкомандующим, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим, — гласил приказ Корнилова, — Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит и предает Россию и революцию»**¹⁶⁰.

Корнилов обосновывал эти меры тем, что «армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах. Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов»¹⁶¹.

Декларация Временного правительства восстановила военно-революционные суды, заменившие собой прежние военно-полевые, и предоставила право воинским начальникам расстрела без суда. Адвокат Керенский отстаивал это право тем, что: «Убийство человека по приговору законного суда, в соответствии со всеми правилами и нормами официального ритуала казни, является великой "роскошью", которую может позволить себе лишь государство с отлаженным административным и политическим аппаратом...»¹⁶²

Однако было уже поздно. Командующий 11-й армией ген. П. Балувев впадал в отчаяние: «Ознакомившись с духом армии, я в ужасе, я потрясен от того, какая опасность и позор ожидают Россию. Время не ждет... Параграф 14 Декларации (то есть право расстреливать на месте) исполнять нельзя, потому что командир в одиночку противостоит сотням и тысячам вооруженных людей, склонных к побегу...»¹⁶³ Правда, по словам лидера эсеров В. Чернова, случались и исключения: «на московском государственном совещании некоторые хвастались, что за нарушение воинской дисциплины без колебаний приказывали *расстреливать целые полки*»¹⁶⁴.

К этому времени речь уже шла о введении смертной казни не только на фронте, но и в тылу. На Московском совещании Керенский провозглашал: **смертная казнь в тылу** — «мера очень мучительная. И пусть никто не отважится создавать нам неудобства в этом деле своими необусловленными требованиями. Этого мы не допустим. Мы лишь скажем: “Если все разрушения, малодушие и трусость, предательские убийства, нападения на мирных жителей, поджоги, грабежи — все это будет продолжаться, несмотря на наши предупреждения, правительство будет бороться с этим ныне предложенными мерами”»¹⁶⁵.

Но и этого, казалось, уже недостаточно, Корнилов требовал большего, однако здесь даже Керенский дрогнул: «Идея Корнилова и Филоненко ввести смертную казнь как особый вид наказания против забастовок, локаутов, дезорганизации на транспорте и подобных происшествий слишком оригинальна, чтобы ее можно было приложить к любому государству, которое в целом цивилизовано»¹⁶⁶.

Союзники-интервенты

Американский военный представитель Джадсон общал своему послу: «В результате неспособности или нежелания Керенского восстановить дисциплину Временное правительство не могло далее существовать»¹⁶⁷. Джадсон пояснял, что укрепление дисциплины означает смертную

казнь за дезертирство, заговор, бунт, насилие и неповиновение: «Легко предсказать, что без скорого восстановления жесткой дисциплины страна сползет к анархии, за которой в свое время последует приход сильной власти старого автократического типа». Он настаивал на необходимости «оказывать с этой целью сильнейшее давление, немедленно, постоянно и одновременно» на Временное правительство¹⁶⁸.

Американский посол в России Д. Фрэнсис поначалу давал волю воображению: «я могу понять чувства солдат по этому поводу, но политики вроде меня понимают человеческую натуру гораздо лучше, и могу вас заверить, что русская армия никогда не уйдет, будет биться, как лев, вдохновленная духом вновь обретенной свободы»¹⁶⁹. Но вскоре и он стал требовать от Временного правительства немедленного введения смертной казни. Вопрос был настолько важен, что Фрэнсис детально докладывал о его состоянии в Вашингтон: «Керенский обещал вновь ввести в армии смертную казнь». Министр иностранных дел М. Терещенко «заверил, что Совет министров восстановит в войсках смертную казнь...»¹⁷⁰

Английский посол в России Дж. Бьюкенен заносил в дневник: «Керенский отстаивал в Совете министров применение смертной казни за некоторые государственные преступления, как для военных, так и гражданских лиц, но *кадеты возражали против применения ее к последним, опасаясь, что смертной казни могут быть подвергаемы лица, подозреваемые в возбуждении контрреволюции*. Я возразил, что каковы бы ни были у правительства основания для осторожного образа действия в прошлом, сейчас оно не может терять времени; так, не говоря уже о военных перспективах, экономическое положение настолько серьезно, что если не будут приняты немедленно самые решительные меры, то зимой могут возникнуть серьезные затруднения»¹⁷¹.

Английский ген. Пуль, на единственной территории, где интервенты распоряжались, как хозяева — на Севере России,

издавал приказы о введении военного положения, о немедленной сдаче оружия, о введении цензуры и т.д. О том, что ожидало провинившегося, наглядно демонстрирует приказ по поводу слухов: «Всякое лицо, уличенное в распространении в Архангельске и прилегающих районах ложных известий, могущих вызвать тревогу или смущение среди дружественных союзникам войск или населения, карается, в силу существующего ныне осадного положения, со всей строгостью военных законов, то есть смертной казнью»¹⁷².

Белая армия

Главнокомандующий вооруженными силами Юга России ген. А. Деникин: «Будучи убежденным сторонником института присяжных для общего гражданского суда и общегражданских преступлений, я считаю его совершенно недопустимым в области целого ряда чисто воинских преступлений, и в особенности в области нарушения военной дисциплины. Война — явление слишком суровое, слишком беспощадное, чтобы можно было регулировать его мерами столь гуманными. Психология подчиненного резко расходится в этом отношении с психологией начальника, редко поднимаясь до ясного понимания государственной необходимости... пока существует армия и ведется война, закон и начальник должны обладать всей силой пресечения и принуждения, направляющей массу к осуществлению целей войны»¹⁷³. В итоге констатировал А. Деникин: «судебные уставы не обладают в военное время решительно никакими реальными способами репрессий, кроме смертной казни... ***Мы писали суровые законы, в которых смертная казнь была обычным наказанием***»¹⁷⁴.

Другие меры наказания в условиях Гражданской войны приводили к прямо противоположным результатам. Например, член правительства П. Скоморохов сообщал генерал-губернатору Северной области ген. Е. Миллеру относительно восстановления в белой армии, в виде наказания, пыток и порки: «Раздевание донага и порка — пор-

ка до остервенения, до сладострастия. Неистовый крик и бред истязаемых и похотливое хихиканье истязателей. Окровавленных и истерзанных, одних выводят, других вытаскивают. Сильнее и стремительнее электрического тока весть разносится по всему фронту. Среди солдат, утопающих в неизвестности, страхе и сомнениях, живущих вследствие этого не сознанием, а только нервами, власть разрастается и ширится и претворяется в форму озлобленности — стихийной ненависти»¹⁷⁵.

Командующий Сибирской «белой» армией Гришин-Алмазов приказывал: «Уклоняющихся от воинской повинности граждан арестовывать... для суждения по законам военного времени. По отношению к открыто неповинуящимся закону о призыве, а также по отношению к агитаторам и подстрекателям к тому должны применяться самые решительные меры, до уничтожения на месте преступления»¹⁷⁶. Командующий фронтом в колчаковской армии, ген. Н. Сахаров приказал выставить заградотряды для задержания всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет: «Армия требует помощи, и, я... найду в себе силы заставить малодушных дать эту помощь»¹⁷⁷. Атаман Дутов установил смертную казнь за малейшее сопротивление властям и за уклонение от воинской службы¹⁷⁸.

Командующий войсками Северной области ген. В. Марушевский назначал в образцовые роты по 10—12 офицеров, «дабы не только взводы, но даже часть отделений была в офицерских руках» при ротах создавались пулеметные взводы «куда зачислены были лишь отборные, верные люди, на которых, в случае нужды, можно было опереться»¹⁷⁹. Но даже в этих ротах солдаты взбунтовались, когда им приказали выступать на фронт. Восстание было подавлено. Генерал потребовал выдать зачинщиков, «а ежели роты таковых выдавать не будут — взять каждого десятого... и расстрелять на месте». Тридцать зачинщиков было выдано и немедленно без суда расстреляно «По точному смыслу устава дисциплинарного, предоставляющего на-

чальнику безграничные права, в смысле выбора средств по восстановлению дисциплины, — писал Марушевский, — и на мою личную перед Россией ответственность». «Правительство признало мои действия правильными и отвечающими обстановке»¹⁸⁰.

В итоге ген. В. Марушевский констатировал: **«Я глубоко убежден, что если удалось заставить население драться, то успех этого дела был достигнут только силой и крутыми мерами.** Наше население настолько серо и политически неразумно, что какая бы то ни было работа с ним «языком» и бюрократическими приемами не только не допустима в данное время, но и преступна перед Россией»¹⁸¹. Однако, несмотря на *крутые меры*, белая армия развалилась. Один из лучших белых генералов А. Драгомиров в октябре 1918 г. в отчаянии писал: **«Мне иногда кажется, что нужно расстрелять половину армии, чтобы спасти остальную»**... В 1920 г. он добавлял: «Мое мнение такое. Вслед за войсками должны двигаться (отборные) отряды, скажем, "особого назначения"... Но трагедия в том, откуда набрать этих «отборных»...»¹⁸²

Армия действительно не может состоять из одних дезертиров, которых силой принудили воевать. Главком вооруженных сил Советской республики И. Вацетис писал об этом в докладе В. Ленину (январь 1919 г.): «Дисциплина в Красной армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах, но если мы этим, несомненно, и достигли результатов, то только результатов, а не дисциплины разумной, осмысленной, толкающей на инициативу... Достигнутое механическое внимание, основанное лишь на страхе перед наказанием, ни в коем случае не может быть названо воинской дисциплиной...» **Дисциплина, основанная на смертной казни**, утверждал Вацетис, **«не даст нам гарантии устойчивости»**¹⁸³. Троцкий в свою очередь указывал, что расстрелы без разбирательства в трибунале и судебного приговора следует прекращать¹⁸⁴.

Кроме страха репрессий, армией должны двигать и другие более значимые мотивы, только тогда она будет стремиться к победе. Какие мотивы были способны подвигнуть на непримиримую войну «до смерти» Белую и Красную армии? Ведь всего несколько месяцев назад во время Первой мировой войны русская армия просто отказалась идти в бой. И вдруг вчерашние солдаты показывают новый прилив сил и энергии и отчаянно идут на смерть — во имя чего?

«Какая сила двигала этих людей (красноармейцев), смертельно уставших от войны, на новые жестокие жертвы и лишения? — спрашивал себя А. Деникин и тут же отвечал: — Меньше всего — преданность советской власти и ее идеалам. Голод, безработица, перспективы праздной, сытой жизни и обогащения грабежом, невозможность пробраться иным порядком в родные места, привычка многих людей за четыре года войны к солдатскому делу, как к ремеслу..., наконец, в большей или меньшей степени чувство классовой злобы и ненависти, воспитанное веками и разжигаемое сильнейшей пропагандой». Ростовский орган с. д. «Рабочее слово» (8, 1918 г.) приводил интересный факт: возвращение из ограбленного Киева Макеевского отряда рудничных рабочих, их «внешний облик и размах жизни» вызвали в угольном районе такое стремление в красную гвардию, что сознательные рабочие круги были серьезно обеспокоены, «как бы весь наличный состав квалифицированных рабочих не перешел в красную гвардию»¹⁸⁵.

Среди самих красноармейцев, по словам историка В. Гениса, особенно дурной славой пользовалась «легендарная» Первая Конная армия М. Буденного: «Нет ни одного населенного пункта, в котором побывали буденновцы, где не раздавался бы сплошной стон жителей,— сообщал в декабре 1919 г. военком 42-й стрелковой дивизии 13-й армии В.Н. Черный.— Массовые грабежи, разбой и насилие буденновцев шли на смену хозяйничанью белых. Кавале-

ристы частей конкорпуса отбирали у населения (без разбора у кулаков и бедняков) одежду, валенки, фураж (иногда не оставляли и фунта овса), продовольствие (кур, гусей и пр.), не уплачивая ни копейки. Взламывая сундуки, отнимали женское белье, деньги, часы, столовую посуду и проч. Поступали заявления об изнасиловании и истязании. Кони вводились в комнаты. Из кооперативов Старого Оскола и Чернянки было забрано продуктов на десятки тысяч рублей и не уплачено... Крестьяне спрашивают — в чем разница: грабили белые — теперь грабят красные?!»¹⁸⁶.

«В первые дни,— вспоминал один из свидетелей грабежа буденовцами взятого Ростова С. Ставровский,— громили главным образом винные магазины, которых в Ростове было множество... Пьянство и буйство были невообразимые (обилие вина, найденного в Ростове, было объявлено... «провокацией белых»). Несколько человек, даже из числа командиров полков и политкомов, было расстреляно. Но грабежи и пьянство не утихли до тех пор, пока не осталось ничего, что можно было бы грабить, и пока не распили последнюю бутылку вина... Во многих домах были совершены в эти дни безобразнейшие насилия, зверские убийства и грабежи»¹⁸⁷.

Чем отличалась в этом плане от Красной Белая армия? Ответом на этот вопрос могут служить воспоминания наследника Деникина на посту командующего Армией Юга России ген. П. Врангеля. По его словам, подобные *«интересные факты»* в повседневной практике деникинской армии, чем дальше, тем больше приобретали характер системы: «Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения (Ростова) вызывали среди благоумных элементов справедливый ропот... *Поощряемые свыше войска смотрели на войну как на средство наживы. Произвол и насилие стали обычным явлением...*»¹⁸⁸

Одной из причин этого явления, по словам Врангеля, являлось то, что «разоренные и ограбленные большевиками казаки *справедливо* хотели вернуть свое добро. Этот стимул, несомненно, приходилось учитывать»¹⁸⁹. «Очер-

ки...» Деникина забиты описаниями «справедливых» казачьих экспроприаций: «...грабежи, бесчинства, массовые убийства и расстрелы в захваченных городах, погромы, поджоги, насилия и разрушения... Казаки относились к рейду как к очередной наживе, как к хорошему случаю обогатиться, пополнив свою казачью казну. **Более широкое понимание задач рейда было им недоступно...**»¹⁹⁰

«О войсках, сформированных из горцев Кавказа, не хочется и говорить, — писал Деникин, — Десятки лет культурной работы нужны еще для того, чтобы изменить их бытовые навыки... Если для регулярных частей погоня за добычей была явлением благоприобретенным, то для казачьих войск — исторической традицией, восходящей ко временам Дикого поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войн и модернизованную временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале противобольшевистской борьбы представители Юго-Восточного союза казачьих войск, в числе условий помощи, предложенной временному правительству, включили и оставление за казаками всей “военной добычи” (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...»¹⁹¹

Деникин приводит показательный рассказ председателя Терского круга: «Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске... И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма ген. Мамонтова, возвращавшегося из Тамбовского рейда: “Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь...”»¹⁹²

Особенно развалу был подвержен тыл армии, отмечал П. Врангель: «Несмотря на присутствие в Екатеринодаре Ставки, как прибывшие, так и проживающие

в тылу офицеры вели себя недопустительно распущено, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами... Все эти безобразия производились на глазах штаба Главнокомандующего, о них знал весь народ, и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат»¹⁹³.

Спецслужбы, по словам Деникина, старались не отставать: «Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густою сетью территорию Юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа. Особенно прославились в этом отношении контрразведки Киева, Харькова, Одессы, Ростова»¹⁹⁴.

*«Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно, — констатировал ген. П. Врангель, — Идти второй раз по тем же путям и под добровольческим флагом нельзя. Нужен какой-то другой флаг...»*¹⁹⁵ «Отчего не удалось дело Деникина? Отчего мы здесь, в Одессе? Ведь в сентябре мы были в Орле... Отчего этот страшный тысячеверстный поход, великое отступление "орлов" от Орла?... — задавался вопросом видный участник белого движения В. Шульгин и тут же отвечал: — *"Взвейтесь, соколы... ворами" ("единая, неделимая" в кривом зеркале действительности)*. "Белое дело" погибло. Начатое "почти святыми", оно попало в руки "почти бандитов"¹⁹⁶. По словам атамана А. Шкуро, «реквизиции и грабежи для белых войск стали синонимами»¹⁹⁷. Сослуживец Врангеля, А. Валентинов отмечал: *«О нашей армии население сохранило везде определенно скверные воспоминания и называют ее не Добрармией, а "грабьармией"»*¹⁹⁸. Грабеж приводил к тому, что крестьяне районов, где была Добровольческая армия, «совершенно не сочувствующие "коммуне", все ждут большевиков как меньшее зло, в сравнении с добровольцами "казаками"»¹⁹⁹.

У Колчака, так же как и у Деникина, отмечал один из самых влиятельных членов его правительства Гинс: «Грабеж был... распространенным явлением. Пьянство, порки, погромы..., составляли бытовое явление»²⁰⁰. В колчаковской армии «интересные факты» с первых дней носили массовый, всеобщий характер: «Террор и хищения, казнокрадство и взяточничество стали в армии обычным делом. Главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке ген. М. Жанен писал: «Вчера прибыл ген. Нокс... Его душа озлоблена. Он сообщает мне грустные факты о русских. 200 000 комплектов обмундирования, которыми он их снабдил, были проданы за бесценок и частью попали к красным. Он считает совершенно бесполезным снабжать их чем бы то ни было»²⁰¹. Точно так же, как и в деникинской, в колчаковской армии: «... в поисках необходимого (войска) начинали мародерствовать. Результатом было явление, уже совсем невыгодное для колчаковцев: население все более и более убеждалось в том, что все-таки белые хуже красных, хотя грабят и те и другие»²⁰².

Грабеж и военная добыча не были отличительной чертой Гражданской войны в России, они неизменно сопровождали все гражданские войны, во всех странах и революциях. Но грабеж, как и страх перед репрессиями не могут быть основными стимулами движущими армию к победе, должно быть еще нечто большее...

Что? Ответ на этот вопрос требует определение характера сил противостоящих друг другу на фронтах гражданской войны:

ЗА ПРАВДУ ДО СМЕРТИ...

Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь. Правда тех, кто считал и родину, и революцию поруганными новым деспотизмом и новым, лишь в иной цвет перекрашенным насилием, — правда тех, кто иначе понимал родину и иначе ценил революцию и кто видел их поругание не в похабном мире с немцами, а в обмане народных надежд... Были герои и тут и там; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и ожесточение, и высокая, внекнижная человечность, и животное зверство, и страх, и разочарование, и сила, и слабость, и тупое отчаяние. Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась лишь с кривдой, но были и бились между собой две правды и две чести, — поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших.

*М. Осоргин*²⁰³

БЕЛАЯ ИДЕЯ

Что же представляла из себя Белая армия? За что шли на смерть ее солдаты и офицеры? Не претендуя на исчерпывающий ответ, приведем лишь отдельные характерные зарисовки, сделанные самими белогвардейцами и их союзниками, которые дают общее представление на этот счет:

Северная армия

Член правительства Северной области эсер Б. Соколов вспоминал, что офицерство Северной армии: «В большей своей части... было не только весьма высокого качества, не только превосходило офицерство Сибирской и Юго-Западной армий, но и отличалось от офицерства Доброволь-

ческих частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно»²⁰⁴. «Прибывшие в область офицеры в большей своей части отличались тоже мужественным и доблестным исполнением своего долга. К сожалению, между ними не было полной солидарности, т.к. офицеры, спасенные на Украине от большевиков немцами, были проникнуты германофильством, что возмущало офицеров, сохранивших верность Антанте. Все это антантофильство и германофильство, конечно, не носило серьезного характера, но, к сожалению, давало повод для ссор и недоразумений. Много выше стояла офицерская среда в артиллерии, производя своим поведением, воспитанностью и уровнем образования впечатление офицеров мирного времени. Цвет офицерства составляла небольшая группа кадровых офицеров, командовавших отдельными войсковыми частями пехоты и артиллерии, на которых, собственно говоря, и держалась наша маленькая армия»²⁰⁵.

Царящие среди них настроения передавал английский ген. Э. Айронсайд: «Память о революции глубоко въелась в их (офицерские) души. Я пытался внушить им, что они должны уменьшить пропасть между офицерами и рядовыми, но почувствовал, что мои слова не произвели на них никакого впечатления... Офицеры исправно несли службу, но в их глазах я видел ужасную безысходность. Многие из них в глубине души не верили, что смогут разбить большевиков, хотя все еще твердо были убеждены, что им нужно оказывать сопротивление»²⁰⁶.

В то же время, как единодушно отмечали белые генералы, командовавшие Северной армией, «кроме единичных случаев..., отношения между солдатами и офицерами были дружелюбны...»²⁰⁷ Несколько офицеров, особенно отличившихся своими боевыми действиями, и известных большевикам своей активностью, были спасены солдатами...»²⁰⁸ Б. Соколов относил эту особенность к тому, что: «не было в северянах, в частности в северных войсках, ненависти к интеллигентам и барам (исключение составляли горожане и пригородские жители)... Это явление тес-

но связано с характером и натурой северян. В них нет и в помине того озлобления, затаенной обиды и ненависти к барам и интеллигентам, столь характерных для великоросса средней России. Здесь на Севере были только следы этих настроений, только отголоски, только отражение общероссийских настроений масс. Вместе с тем у северян и больше самостоятельности, больше и чувства собственного достоинства»²⁰⁹.

Но главной чертой Северной армии отличавшей ее от всех остальных, являлось то, что ее основной цементирующей силой были не столько офицеры, сколько войска интервентов. Их роль наглядно передавали воспоминания ген. В. Марушевского: «Восстания... только подтвердили необходимость наличия в отрядах хотя бы небольшого числа иностранных войск. Здесь важна была не сила, а наличие иностранного мундира, в котором простолюдин видел не только штык или револьвер, но государственную силу, стоявшую за ним. Кроме того, хотя бы небольшая иностранная сила обеспечивала свободу действий каждого войскового начальника, охраняя его жизнь от покушений. С этим надо было считаться и не успокаивать себя теоретическими соображениями о политических вкусах и идеалах нашего мужика»²¹⁰.

Принцип пропорционального состава русских и иностранцев был установлен еще в соглашении союзников с Мурманским Советом от 6 июля 1918 г. Согласно ему из русских «не должны формироваться отдельные русские части, но, поскольку позволяют обстоятельства, могут быть сформированы части из равного числа иностранцев и русских»*. Но даже через полгода после высадки союзников 1 января 1919 г. **в Северной области (Архангельском и Мурманском фронтах) на 7,1 тыс. русских солдат и офицеров приходилось 23,2 тыс. солдат и офицеров интервентов**²¹¹. **После проведения принудительной мобилизации на 15 апреля 1919 г. на 24,5 тыс. русских — 21,5 тыс. ин-**

* От имени США соглашение подписал капитан 1-го ранга Бергер, командир крейсера «Олимпия» прибывшего в Мурманск еще 24 мая.

тервентов²¹². Несмотря на дальнейший рост численности войск интервентов (до 27 тыс.) увеличение русской части армии оказалось невозможным, поскольку доступные мобилизационные ресурсы области оказались исчерпаны.

Боеспособным ядром Северной армии были именно войска интервентов, отмечал Б. Соколов: «Все фронты были в полном подчинении у английского командования... Позиции были заняты главным образом английскими, кое-где русскими силами, русским же разрешалось занимать более глухие и менее ответственные места. Пропуски, проезды... — все это было в руках у союзной комендатуры. Госпитали... были английские, персонал же смешанный, русский и английский. Интендантство, снабжавшее фронт и тыл, было исключительно английским, и русские получали все, начиная с довольствия и кончая обмундированием, с английских складов»²¹³.

Северо-западная армия

Русская Западная армия была сформирована в октябре 1918 г. при активном немецком участии*. Условия формирования северо-западной армии, подписанные в октябре 1918 г., в частности гласили: **«Формирование армии будет происходить... под прикрытием германских оккупационных войск... Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русскому Государству...»** При этом указывалось, что германские войска в наступлении не участвуют..., но «следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти... После занятия Петербурга объявляется военная диктатура...»²¹⁴ **В армии первоначально насчитывалось «в общей сложности около 50 тысяч человек (вместе с около 40 тысячами немецких доброволь-**

* Примечательно, что с немецкой стороны переговоры о создании армии Юденича вели два майора Генштаба Э. фон Клейст (будущий ген. фельдмаршал гитлеровской армии) и фон Тресков (будущий начальник штаба группы армий фон Бока в 1941—1942 гг., стоявший у истоков создания РОА ген. Власова) (см. подробнее Шишов А.В..., с. 294).

ческих частей). При переброске (в Россию, речь шла только о русских частях) осталось лишь 6—7 тысяч человек»²¹⁵.

Член Северо-Западного правительства В. Горн оставил следующее описание этой армии: «Период немецкой учебы оказался весьма краток, а с русской стороны дело велось крайне беспечно и бестолково. Уже тогда, в момент зарождения белой армии, вскрылась одна психологическая черточка, которая сразу возмутила бравых немецких инструкторов. Едва успев надеть погоны и шашку, русские офицеры начали кутить и бездельничать, *не все*, конечно, но... многие. Немцы только руками разводили, глядя на такую беспечность. Быстро стал пухнуть "штаб", всевозможные учреждения "связи", а солдат — ноль. Офицеров в городе многое множество, но большинство из них желает получать "должности", сообразно с чином и летами. Немцы нервничают, ругаются. Если не изменяет память, так и топчутся на одном месте, пока на выручку не появляются перебежавшие от большевиков на маленьком военном пароходике матросы чудской флотилии и небольшой отряд кавалерии Балаховича — Пермыкина. К этим удравшим от большевиков частям позже присоединились небольшие кучки крестьян-добровольцев, затем насильственно забрали старших учеников гимназии, реального училища, — и армия была готова. Вся затея явно пахла авантюрой, и большинству обывателей даже в голову не приходило, что их жизнь и достояние будут зависеть только от успехов такой армии»²¹⁶.

«Состав армии был до крайности пестрый и какой-то случайный, — отмечал ген. В. Марушевский, — Видно было, что все это нуждается в настойчивой, организационной работе, в огромных материальных средствах, в запасах обмундирования, обуви, теплой одежды. Ничего этого не было»²¹⁷. Северо-западная армия действительно попала в крайне затруднительное материальное положение. Однако переговоры Юденича «с состоятельными соотечественниками (эмигрировавшими в Швецию) результатов не дали...»²¹⁸. Союзники в свою очередь были больше озабо-

чены содействием в становлении новых независимых прибалтийских государств, поэтому «помощь от Антанты, если не считать поставок американской муки, приходила “крохами”. Немецкие оккупационные власти давали значительно больше»²¹⁹.

Численность армии, по данным ее командующего ген. Н. Юденича, к февралю 1919 г. составляла всего 758 офицеров и 2624 рядовых²²⁰. К сентябрю она достигла численности 27 тыс. человек, а по данным Военного министерства Северо-Запада — даже 59 тыс. человек. «Такая разница между действительным составом добровольческой армии и тем, что значилось на бумаге, объяснялось тем, — отмечает историк А. Шишов, что — ...Армейское командование, таким образом, рассчитывало получить от правительства “дополнительные” ассигнования, получаемые им от Антанты»²²¹.

Армия Юга России

Ее история начинается с прибытия в ноябре 1917 г. на Дон ген. М. Алексеева. Правда, силы «алексеевской организации», по словам ген. Н. Головина, «были настолько ничтожны, что она была бы сразу задушена местным большевизмом»²²². Именно поэтому создание всероссийской вооруженной силы, по замечанию П. Милюкова, происходило в «гостях у казаков»²²³. «В Добровольческую армию поступали офицеры, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, и почти не приходило солдат..., — отмечал Головин. — Таким образом, *Добровольческая армия с самого начала приобрела характер “офицерской” части, то есть явилась ополчением “патриотически настроенной интеллигентной молодежи”, морально оторванным от народных масс*»²²⁴.

Наибольшим препятствием для создания армии, явилось не противодействие большевиков, а противоборство между командующими, добровольцами и казаками. Сотрудничество добровольцев с казаками началось только после того, как право-либеральные «московские общественные организации совершенно определенно поручи-

ли объявить, что руководители противобольшевистского движения могут рассчитывать на моральную помощь лишь при условии, что все они (Алексеев, Корнилов и Каледин) будут работать на Юге России совместно... *только после того, как это соглашение состоится и... будет передано представителям Англии и Франции, можно рассчитывать на получение денежной помощи от союзников*»²²⁵.

«Нельзя не обратить внимания на то, — отмечал в этой связи Деникин, — какое громадное влияние имело на учреждение триумvirата мнение прибывших из Москвы представителей «Национального центра». Алексеев, Каледин и Корнилов связывали с ними представление о широком фронте русской общности. Это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших так же добросовестно в заблуждение всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей армии, но за ними не было никого»²²⁶.

Для окончательного формирования Армии Юга России, оставалось присоединить к ней помимо Кубанской еще Донскую армию. На это ушел почти год. Приказ об объединении армий Деникин подписал только в начале января 1919 г.* Объединение стало возможным исключительно благодаря «участию» англичан, которое наглядно характеризовало письмо британского представителя ген. Пуля — П. Краснову: «Если я принужден буду возвратиться и донести своему правительству, что между русскими генералами существует зависть и недоверие, это произведет очень тяжелое впечатление и, наверно, уменьшит вероятность оказания помощи союзниками. Я бы предпочел донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великим патриотом, что готовы поступиться собственными же-

* 13 апреля 1918 г. случайный снаряд убил Корнилова, и ген. Алексеев, исполнявший роль духовного лидера Добровольческой армии, издал приказ о назначении Деникина главнокомандующим.

ланиями для блага России и согласиться служить под начальством ген. Деникина»²²⁷.

К середине 1919 г. Армия Юга России состояла из Донской, насчитывавшей 100 тыс. человек, Кубанской — 30 тыс. и Добровольческой — 10 тыс. армий²²⁸. Она находилась в несравненно лучших условиях по сравнению с другими белыми армиями: ее потенциальные материальные и людские ресурсы в разы превышали возможности всех остальных белых армий вместе взятых. Сподвижник Колчака Гинс завистливо восклицал: «Одна Кубань обладала такими человеческими и экономическими ресурсами, как вся Сибирь»²²⁹.

Что касается населения, то в сентябре 1919 г. У. Черчилль сообщал кабинету министров: «Армии ген. Деникина господствуют на территориях, на которых живет не менее тридцати миллионов русских и которые включают третий, четвертый и пятый по значению города России. Вся эта территория вполне доступна для торговых сношений с Францией и с Англией. Торговля же является в данное время насущной потребностью их народонаселения. В распоряжении войск ген. Деникина — целая сеть железных дорог, находящихся в сравнительно хорошем состоянии и нуждающихся лишь в подвижном составе. Жители этих районов устали от большевизма, испытав его по доброй воле или по принуждению. Нет никакого сомнения в том, что этот тридцатимиллионный народ, если бы только была возможность прибегнуть к плебисциту, подавляющим большинством голосов высказался бы против возвращения большевистского правительства Ленина и Троцкого. Больше того: ген. Деникин имеет в своем распоряжении армию, которая, хотя в основном и является добровольческой, быстро растет в своей численности и в настоящее время в ней уже более 300 тыс. чел.»²³⁰.

Из общей численности армии, ее боевая часть составляла примерно половину: в период максимальной численности летом 1919 г. — 30 тыс. офицеров, 70 тыс. казаков, 10 тыс. горцев..., всего около 140 тыс. человек²³¹. При

этом армия целиком могла полагаться только на офицеров добровольцев. Историк Л. Спирин в этой связи замечает: «стоило только перейти к массовой мобилизации... как процент офицеров упал в 7—8 раз, и армия стала терпеть поражения»²³². Эту данность подтверждает и другой историк С. Волков: «На офицерском самопожертвовании во многом и держалось Белое движение...»²³³. Даже «казаки требовали, чтобы офицеры шли впереди. Поэтому потери в командном составе были очень велики», — отмечал атаман П. Краснов²³⁴.

Доля офицеров в армии Юга России и ее общая боевая численность²³⁵

	Весной 1918 г.	Осенью 1918 г.	Летом 1919 г.	Весной 1920 г.
Доля офицеров, %	60-70	30	10	25-30
Численность армии, тыс. чел.	8,5	40	150	25

Создание Добровольческой армии требовало времени и денег: на каждые 10 тыс. человек — один миллион рублей в неделю, но здесь возникали проблемы. 23 мая ген. М. Алексеев сообщал П. Милюкову: «Без денег... я вскоре буду вынужден распустить армию»²³⁶. **И лидер крупнейшей либеральной партии России П. Милюков предложил ... помощь немцев.** Американский историк бесстрастно констатирует: «Человеком, который сделал очень многое, что бы примирить немцев и Добровольческую армию, был П. Милюков, лидер партии кадетов»²³⁷. Тот самый П. Милюков, который за год до этого обвинил в измене немцам царское правительство, а затем провозгласил крестовый поход против немецких наемников — большевиков.

Немцы дали не только деньги, по словам историка П. Кенеза, **«приход немцев радикально изменил ход Гражданской войны в Южной России. Свергнув режим большевиков, немцы дали возможность Белому движению реорганизоваться»**²³⁸. Однако на формальный союз с немцами добровольцы не пошли. Свое отношение к Германии

ген. М. Алексеев, по словам Деникина, определил в начале мая 1918 г.: «Союз с немцами морально недопустим, политически нецелесообразен. **Пока — ни мира, ни войны**»²³⁹. Добровольцы стремились сохранить «чистоту риз», связывая все свое будущее со своими союзниками по Антанте. И последние давали их в лице представителей великобританской и французской военных миссий, прибывших в Новочеркасск уже в первой половине января 1918 г. и заявивших, что «пока союзники могут помочь нам только деньгами»²⁴⁰.

Многие считали надежды добровольцев на союзников по Антанте ошибкой, например, активный участник событий, бывший член Государственного Совета В. Гурко заявлял: «Можно было думать, что Добровольческая армия наконец уразумевает, что в основу международной политики должны быть положены не чувства, а сухой, черствый расчет», для «русских интересов использовать сохранившиеся у нее (Германии) силы, для свержения большевиков... Думать, что Державы согласия оценят нашу Дон-Кихотскую лояльность и окажут нам за нее реальную бескорыстную помощь, было более чем наивно...»²⁴¹ Ген. Н. Головин вообще требовал прямой оккупации немецкими полками Кубани. И негодовал, что «по-прежнему немец считался непременно врагом, а бывшие союзники — непременно друзьями, только думающими о благе России. В таких условиях разумное суждение было невозможно»²⁴².

Помощь от немцев добровольцы предпочитали получать опосредованно при помощи Войска Донского. Характер этих отношений наглядно проявился несколько «позже, когда донское руководство попыталось реабилитировать себя в глазах союзников, Добровольческая армия сравнивала их (казаков) поведение с поведением проститутки, которая пытается продать себя тому, кто заплатит больше». Казачий ген. Денисов на это отвечал: «Если Дон-

ское войско — проститутка, продающая себя тому, кто может заплатить, то Добровольческая армия — сутенер, который живет и питается тем, что она зарабатывает»²⁴³. Атаман П. Краснов добавлял: «Да, джентльмены, репутация Добровольческой армии чиста и безупречна. А я, донской атаман, беру грязные немецкие снаряды и пули, мою их в чистом Дону и отдаю их чистенькими Добровольческой армии. Стыд за это дело остается за мной»²⁴⁴. Известный полковник М. Дроздовский был более откровенен, в своем дневнике он писал: *«Между нами и немцами сложились странные отношения, мы вели себя как союзники, сотрудничали, помогали друг другу...»*²⁴⁵.

Интересно в этой связи выглядела попытка ген. Н. Головина оправдать удар Белой армии Юга России в тыл Красной армии, сражавшейся с немцами: «ген. Деникин решает использовать свое нахождение в тылу большевистских войск, дравшихся против немцев, не для того, чтобы окончательно сокрушить эти кадры Красной армии, а только для набега на ближайшие железнодорожные станции с целью пополнить истощенные запасы»²⁴⁶.

На «союзное» обеспечение армия Юга России перейдет только после подписания перемирия на Западном фронте. «Военное снабжение (от "союзников") продолжало поступать, правда, в размерах, недостаточных для нормального обеспечения наших армий, но все же, по словам А. Деникина, — *это был главный, жизненный источник их питания*»²⁴⁷. Г. Гинс выражался более определенно: *если бы не союзники, «русские воска не имели ни оружия, ни снабжения, ни денег»*²⁴⁸. Один из командующих Красной армии А. Егоров в этой связи имел все основания заявить, что: *«деникинщина оказалась преимущественно одной из форм интервенции»*²⁴⁹.

Кадры армии были пополнены за счет принудительной мобилизации. «Занятие нами новых территорий..., —

вспоминал в этой связи Деникин, — дали приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше — по принуждению»²⁵⁰. Высадка французов в декабре 1918 г. в Одессе и Севастополе, в которых нашли убежище тысячи офицеров, возродила надежды Деникина на привлечение их в ряды добровольцев. Однако за генералом последовали лишь единицы. Представитель Деникина был вынужден издать приказ о всеобщей мобилизации офицеров²⁵¹. «К осени практически все офицеры, еще не вступившие в армию, были призваны по мобилизации. Этот контингент (меньшей численности, чем добровольцы), — вспоминал П. Петров, — был, естественно, гораздо худшего качества: часть призванных офицеров была пассивна, слаба духом. Были случаи, когда такие офицеры, отправляясь на фронт, просили выдать им удостоверения, что они служат по мобилизации»²⁵². Качество офицерского состава, подтверждал ген. А. Шкуро, резко ухудшилось, к тому же «Первые добровольцы — горячие патриоты и идейные беспартийные сподвижники ген. Л. Корнилова — были уже выбиты»²⁵³.

Дальнейшее развертывание армии Юга России уперлось не в ограниченность материальных ресурсов, а в отсутствие доброкачественных пополнений. Чем дальше продвигалась Белая армия, чем большую территорию захватывала, тем больше теряла свою боеспособность. «Большевикам гораздо легче потерять тысячу человек, — замечал в этой связи М. Дроздовский, — чем нам сто. Укомплектования поступают крайне туго... **Строевые начальники обязаны дрожать над каждым человеком... иначе они останутся без войск...** Впереди, кроме освобождения Кубани, армии предстоит много более широкая задача — с чем пойдет она ее решать?»²⁵⁴. «Для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке, — вспоминал П. Врангель, — **Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой.** На огромном, изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади

ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления»²⁵⁵.

«Мы "отвоевали" пространство больше Франции, — восклицал В. Шульгин, ставший офицером, — мы "владели" народом в сорок миллионов с лишком... И не было "смены"? Да, не было. Не было потому, что измученные, усталые, опустившиеся, мы почти что ненавидели тот народ... за который гибли. Мы, бездомные, безхатные, голодные, нищие, вечно бродящие, бесконечно разлученные с дорогими и близкими, — мы ненавидели всех. Мы ненавидели крестьянина за то, что у него теплая хата, сытный, хоть и простой стол, кусок земли и семья его тут же около него в хате... — Ишь, сволочь, бандиты — как живут! Мы ненавидели горожан за то, что они пьют кофе, читают газеты, ходят в кинематограф, танцуют, веселятся... — Буржуи проклятые! За нашими спинами кофе жрут! Это отношение рождало свои последствия, выражавшиеся в известных "действиях"... А эти действия вызывали "противодействие"... выражавшееся в отказе дать... "смену". Можно смеяться над "джентльменами", но тогда приходится воевать без "смены"...»²⁵⁶

Ген. Шкуро в своих воспоминаниях приводил слова казака-кубанца: «Мы воюем одни. Говорили, что вся Россия встанет, тогда мы отгоним большевиков, а вот мужики не идут, одни мы страдаем... Где новые корпуса, которые обещали? Все те же корниловцы, марковцы, дроздовцы, да мы, казаки...»²⁵⁷

В результате в Белой армии «в 1919—1920 годах проводились насильственные мобилизации даже среди военнопленных»²⁵⁸. «Иногда, ввиду больших потерь, процент пленных в строю доходил до 60-80»²⁵⁹. Ген. Кутепов в середине лета 1920 г. сообщал Врангелю о полном почти уничтожении кадрового состава добровольческих полков, о пополнении их исключительно пленными красноармейцами²⁶⁰. Методы мобилизации демонстрировал ген. Врангель, который периодически приказывал расстреливать группы пленных красноармейцев, на глазах у их товарищей, предлагая последним выбор — вступить в его армию или подвергнуться той же участи²⁶¹.

Военнопленными комплектовались даже такие дивизии, как корниловская и дроздовская. Несмотря на то, что части, сформированные из военнопленных, иногда оказывались вполне боеспособными, общий результат был один. О нем вспоминал ген. А. Туркул, начальник дроздовской дивизии: «Батальон шел теперь на красных без офицеров. Одни солдаты, все из пленных красноармейцев, теснились толпой в огонь. Мне казалось, что это бред моей тифозной горячки, как идет в огне толпой, без цепей, наш второй батальон, как наши стрелки поднимают руки, как вбивают в землю винтовки штыками, приклады качаются в воздухе. Никогда, ни в одном бою у нас не было сдачи скопом. Это был конец...»²⁶²

Сибирская армия

Кристаллизующую основу Сибирской армии, по словам командующего интервенционистскими силами Антанты в России французского ген. М. Жанена, составил 60-тысячный чехословацкий корпус, польская дивизия — 11 200 солдат, румынский легион 4 500 человек, несколько тысяч итальянцев, английский батальон, французские части — 1 100 человек, батальон латышей — 1 300 штыков, полк хорватов, словенцев, сербов²⁶³.

Указывая на роль «союзников», М. Жанен имел все основания утверждать, что **«Без чехословаков и без меня они (колчаковцы) вообще не существовали бы»**²⁶⁴. В июне 1918 г. британский премьер Д. Ллойд Джордж подтверждал: чехословацкие части «формируют ядро возможной контрреволюции в Сибири»²⁶⁵. Один из политических руководителей чехословацкого корпуса Б. Павлу позже лишь констатировал: **«русская армия многие месяцы могла находиться в тылу, за фронтом, нами надежно удерживаемом, была собрана, обучена и обеспечена, корпус завоевал для белых Сибирь»**²⁶⁶.

Масштабная Гражданская война в Сибири стала возможна только и исключительно благодаря участию в ней чехословацкого корпуса, который в начале войны со-

ставлял более 80% всех организованных вооруженных белых формирований на всей огромной территории Поволжья, Урала и Сибири.

Офицеры в Сибирской армии не играли такой цементирующей роли, как в других белых армиях. Не случайно Черчилль говорил о чехах как об основной военной силе, поддерживавшей огонь Гражданской войны в Сибири: «Мы видели уже в октябре 1918 г., что они (чехи) были доведены до полного отчаяния тем, как хорошо вели дела они и как плохо вели свою работу русские белогвардейцы...»²⁶⁷

Последнее отчасти объяснялось состоянием офицерского корпуса колчаковской армии, которое характеризовалось прежде всего тем, что, по словам Ф. Мейбома, «в целом (в Сибирской армии) доля офицеров не превышала, видимо, 5% всех военнослужащих...»²⁶⁸. Но, что более важно, отмечает историк С. Волков, «по качеству своему офицерство на Востоке отличалось от Юга все-таки в худшую сторону. Кадровых офицеров было чрезвычайно мало...»²⁶⁹ «В отличие от общепринятых критериев, по которым кадровыми считаются офицеры, получившие образование в объеме полного курса военных училищ, т.е. до войны, здесь к ним относились все офицеры, произведенные по 1915 год включительно. Но и при таком подходе, — по данным Г. Эйхе, — всех таких офицеров насчитывалось менее тысячи, а остальные 15-16 тысяч были производства 1916—1917 годов»²⁷⁰.

Однако даже не количество и образование играли главную роль в характеристике офицерского корпуса колчаковской армии, а его мобилизационный характер: Один из участников событий Ф. Мейбом вспоминал: «В нашем полку, к моему удивлению, со стажем одного года Гражданской войны был только я и больше никого... Вся дивизия, т.е. ее состав, были мобилизованы, включая и большинство офицеров, которые после Германской кампании осели и занялись другой работой, обзавелись семьями и, конечно, без особого удовольствия явились на призыв»²⁷¹. О боевом потенциале этого офицерского состава свидетельствовали дневниковые записи военного министра армии Колчака

ген. А. Будберга: «Много нареканий на офицерские укомплектования, состоящие преимущественно из насильно набранных и укрывающихся от призыва офицеров и из вновь выпущенных юнкеров краткосрочных школ очень неудовлетворительного качества»²⁷².

Мало того, по словам члена правительства Колчака Г. Гинса, *«среди русских генералов не было никого, кто пользовался бы общим признанием офицерства»*, поэтому члены Сибирского правительства выбрали на роль командующего сибирской армией чешского ген. Гайду²⁷³. Правда, была и еще одна сторона вопроса, на которую указывал Гинс: «мы рассчитывали, что назначение Гайды ускорит получение помощи от союзников»²⁷⁴. *«Без материальной помощи союзников нам не обойтись»*, — констатировал Гинс. — Ежедневно на территории одной только Сибири расходуется 15 миллионов рублей на содержание войск, а предприятия стоят или мало работают и поступление доходов ничтожно»²⁷⁵. Колчаковская армия находилась в еще большей зависимости от союзного снабжения, чем деникинская, и по сути являлась наемной армией интервентов.

О боеспособности «регулярной» колчаковской армии свидетельствовал британский ген. Э. Айронсайд: «В том, что Колчак был прав, развернув наступление в зимнюю кампанию, я не сомневался. Удерживать недисциплинированные войска бездействующими на зимних квартирах в пределах Сибири означало подвергнуть их в полной мере воздействию большевистской пропаганды. В войсках Колчака были и добровольцы, но большинство попало в армию по воинской повинности, и перед весной могло начаться массовое дезертирство. Транспорт и запасы продовольствия к этому времени должны были иссякнуть, и он оказался бы в худшем положении, чем был зимой»²⁷⁶. Но зимнее наступление лишь отсрочило неизбежный конец, на который указывал Айронсайд.

Летом 1919 г. глава британской военной миссии в Сибири ген. А. Нокс докладывал в Лондон о состоянии кол-

чаковской армии: «Солдаты сражаются вяло, они ленивы, а офицеры не умеют или не хотят держать их в должном повиновении... Неприятель заявляет, что он идет на Омск, и в данный момент я не вижу ничего, что могло бы его остановить. По мере того как Колчак отступает, армия его тает, так как солдаты разбегаются по своим деревням...»²⁷⁷ Американский дипломат Р. Моррис в телеграмме госсекретарю США Р. Лансину выражал уверенность в неминуемой сдаче Омска, если большевистское наступление не прекратится. Американский ген. У. Гревс сообщал в свое военное министерство о массовом дезертирстве среди офицеров. «Солдаты-новобранцы, — писал он, — бросают оружие и даже обмундирование, чтобы легче было отступить. Многие простреливают себе левую руку или ногу, чтобы быть отправленными в тыл»²⁷⁸.

Особенностью колчаковской армии было включение в нее подразделений, возглавляемых полунезависимыми атаманами. «Включение» было условным, поскольку, как констатировал сам Колчак: «фактически нет возможности подчинить центральной власти всех атаманов...»²⁷⁹ Атаманы редко оказывались на передовой, специализируясь на карательных акциях, терроре и грабежах среди местного населения. По всей Сибири, отмечает Р. Раупах, «царили такое разложение и такая анархия, что местные власти стали обращаться к союзникам с просьбой о вмешательстве. Управление железными дорогами просило заступничества от распущенных военных банд, не слушавших ничьих распоряжений... Приморская земская управа просила иностранных консулов добиться увода из областей всех русских войск, чинивших над населением невероятные насилия, безобразничавших и сжигавших целые деревни»²⁸⁰.

Та же самая атаманщина царила не только в тылу, но и на фронте в действующей армии, утверждал военный министр Колчака А. Будберг: «борьба с армиями будет очень трудная, ибо командующие там совсем обатаманились и автономию в деле снабжения с сепаратными заготовками считают незыблемым основанием своего существования;

власть Омска признается на фронте тоже “постольку — поскольку”, и будет нелегко перевести эту атаманщину на государственный меридиан»... *«Омск импотентен, а командующие армиями ни малейшим образом не намерены самообуздываться и обуздывать подчиненных»*²⁸¹.

Не меньшее зло, чем открытая атаманщина, приносила и скрытая, распространившаяся в армии повсеместно и раздувавшая ее до огромных размеров: по данным командующего Западной армией ген. Ханжина, «число ртов, показываемое в войсковой отчетности, превосходит приблизительно вдвое действительное их наличие...», что приводит к накоплению «огромных складов при частях войск; как например он указывал, что в одном полку... было различных запасов свыше 150 груженных вагонов... Все посылаемое на фронт в скромных, но все же достаточных при разумном использовании количествах тонет в море хаоса, своеволия и безудержной атаманщины» — восклицал ген. Будберг²⁸². Но и это была только надводная часть айсберга. Когда командующий Сибирской армией ген. Дитерихс в августе 1919 г. добился наконец сведений о действительной численности армии, оказалось, что «у нас около 50 тысяч строевых чинов при 300 тысячах ртов...»²⁸³

По свидетельству ген. Д. Филатьева: «Были полковые обозы в 1000 повозок вместо штатных 54. Это уже не часть войск, а какая-то татарская орда времен Батыя. Сходство усугублялось тем, что при штабах ездили жены, дети, родственники и возился весь домашний скарб. Отсюда и получилось, что из 800 тысяч ртов (в июне) в строю оказывалось всего 70 тысяч бойцов, которых обслуживали: штаб главнокомандующего, 5 штабов армий, 11 штабов корпусов и 35 штабов дивизий...*, в то же время у красных против нас действовала одна армия, из 3-4 дивизий и 2-3 конных бригады²⁸⁴, и эта-то сравнительная горсточка и разбила, в конце концов, наши толпы...»²⁸⁵ Одна из причин этого,

* При этом штат офицеров и чиновников в штабах дивизий Сибирской армии, по словам Будберга, в десять раз превышал нормальный. (Будберг А..., с. 258)

по мнению Будберга, крылась в том, что в колчаковской армии дивизии насчитывали 400-500 штыков при 6-8 тысячах нестроевых и штабных чинов с обозами в 4-4,5 тысячи повозок²⁸⁶.

Но главным был даже не состав войск, а их боевой дух, и именно его, утверждал военный министр Будберг, в колчаковской армии как раз и не было: **нравственный подъем «никакие кары, никакая аракчеевщина и семеновщина» обеспечить не могут**, ибо нравственным разложением «больны и сами поклонники расстрелов и самой сугубой аракчеевщины. **На возможность такого подъема (у колчаковской армии) нет и сотой доли шанса...** могло бы помочь применение большевистской системы понукания и принуждения, но для этого у нас нет комиссарской непреклонности и безудержной решимости»²⁸⁷.

Внутренний фронт

Внутренний фронт, находившийся на территории Советской России, составили десятки подпольных офицерских организаций. Один из организаторов высадки интервентов на Севере России капитан Г. Чаплин вспоминал: «к маю 1918 года я не избег общей участи и состоял в рядах "тайной" офицерской организации, коим в те дни в одном Петербурге имя было легион»²⁸⁸. По всей стране действовали: «Национальный центр», «Тактический центр», «Всероссийский монархический союз», «Единая Великая Россия», «Союз фронтовых офицеров», «Петроградский союз георгиевских кавалеров», «Русское собрание», «Союз фронтовиков», «Народный союз защиты Родины и свободы», «Всероссийский союз офицеров», «Белый крест», и даже «Союз трудового крестьянства», созданный колчаковскими офицерами, «Туркестанский союз борьбы с большевизмом», «Петроградская боевая организация». Чисто вербовочные организации «Черная точка», «Все для Родины», «Союз реальной помощи» и т.д.

О целях подпольных белых организаций, на примере «Союза защиты Родины и свободы», свидетельствовал при-

говор по делу А. Перхурова, который обвинялся в том, что «в целях идейного объединения местных организаций выработал и распространил программу организации, в которой ближайшей задачей поставлено свержение существующего правительства и организация твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России, воссоздание старой армии с восстановлением прав старого командного состава с целью продолжения войны с Германией». То есть это была программа, которая, — указывает историк С. Волков, — идейно спланировала все офицерские организации независимо от политических пристрастий»²⁸⁹.

Источником средств для подпольных офицерских организаций стали «союзнические» миссии в России. *«Надо отдать должное союзникам, — отмечал Г. Чаплин, — вернее, англичанам. С того дня, как было решено вместе работать, мы от них ни в чем отказа не получали»*²⁹⁰. Будущий член белого Северного правительства В. Игнатьев подтверждал: с этих пор в средствах нужды не было, их источником была английская миссия в Вологде, на ее средства было куплено оружие, содержались члены организации»²⁹¹. Сам Чаплин получил английский паспорт на имя Томсона и был фиктивно оформлен как начальник английской военной миссии в Вологде²⁹².

Между тем, большинство офицерства не участвовало в подпольных организациях. «Все жившие в Петербурге в первую половину 1918 года должны помнить, что в те дни представляла собой обывательская масса, — отмечал Чаплин. — На большинство наших предложений ехать на север следовал вопрос о том ...сколько мы в состоянии платить жалованья и... отказ. Не имею права винить, кого бы то ни было, но полная апатия, забитость и во многих случаях просто трусость, невольно бросались в глаза. Множество молодых, здоровых офицеров, торгуя газетами и служа в новых кафе и ресторанах, не верило в долговечность большевиков, еще меньше верило в успех восстания и возлагало все свои надежды на занятие Петербурга... немцами»²⁹³. Напри-

мер, в Самаре к началу 1918 года было около 5 тысяч офицеров, но в организацию из них входило очень мало²⁹⁴.

Тем не менее, именно офицеры стали ядром восстаний в Ярославле, Рыбинске, Муроме и других городах весной-летом 1918 г. (бывшее офицерство и военные союзы²⁹⁵). «Местами контрреволюция имела успех и весьма значительный. Порой Чрезвычайная комиссия запаздывала и узнавала весьма поздно о намерениях заговорщиков, а еще чаще ей мешали в предупреждении восстаний. Мы получили достаточно уроков, чтобы этого впредь не допустить», — писал впоследствии один из руководителей ВЧК М. Лацис²⁹⁶. Для предупреждения подобных выступлений был введен строгий контроль и учет социальных групп, на которые могла опереться контрреволюция. «На местах все офицеры брались на учет, причем им вменялось в обязанность регулярно являться к комиссарам и отмечаться, на документах у них ставился штамп «бывший офицер»*.

По данным С. Волкова, в Москве при объявлении регистрации (14 августа 1918 г.) явилось свыше 17 тысяч офицеров, из них было посажено в тюрьмы 15 тысяч, многие «нашли свой конец в тире соседнего Астраханского гренадерского полка»²⁹⁷. «Офицеров объявили вне закона. Многие уехали на юг. Знакомые стали нас бояться»²⁹⁸. Схожие меры были предприняты в городах Поволжья, в Москве и т.д. Так, в Нижнем Новгороде регистрацию прошли 1500 человек, из которых арестован каждый второй и примерно каждый двадцатый расстрелян в августе-сентябре 1918 г.²⁹⁹. В Великом Устюге 27 августа «в целях предупреждения было арестовано 30 офицеров»³⁰⁰. В Саратове арестованы все офицеры, не находящиеся на советской службе³⁰¹. По данным М. Лациса, в Москве было зарегистрировано 35 тысяч офи-

* Следует отметить, что большевики в данном случае не были оригинальны. Первую регистрацию офицеров объявил председатель Государственной Думы Родзянко в день свершения Февральской революции — 28 февраля 1917 г., при этом предупредив, что «малейшее промедление явки офицеров неизбежно скажется на интересах офицерского корпуса». (Керенский А. Русская революция..., с. 152).

церов, в Казани 5,5 тысяч, в Нижнем Новгороде 5 тысяч, в Пензе 20 тысяч и т.д.³⁰². В Казани главнокомандующий Красной армией М. Муравьев издал приказ, требующий регистрации всех офицеров. За невыполнение — расстрел. «Я видел позорную картину, — писал Ф. Мейбом, — когда на протяжении 2-3 кварталов тянулась линия офицеров, ожидавших своей очереди быть зарегистрированными. На крышах домов вокруг стояли пулеметы, наведенные на гг. офицеров...»³⁰³

После разгрома белых армий у большевиков остался страх перед «пятой колонной»: так, в письме ВЧК летом 1920 г. отмечалось, что «забранные в плен белогвардейские офицеры, которых насчитывается до 75 000 человек, рассеялись по всей России и представляют собой контрреволюционное бродило»... после эвакуации из Крыма «более 300 тысяч врагов советской власти, в том числе и офицеров, рассеялись по всему Югу»³⁰⁴.

Подозрения чекистов отчасти оказались оправданы: так, «Офицеры во главе с генералом А.Н. Козловским и бывшим командиром линкора «Севастополь» капитаном 1-го ранга бароном П.В. Вилькеном играли видную роль в кронштадтском восстании... Тогда же... офицеры подняли мятеж в красных частях в Колчедане»³⁰⁵. В Хабаровске был раскрыт офицерский заговор, связанный с «Комитетом защиты родины и Учредительного собрания»³⁰⁶. В 1922 г. раскрыт «Центр действия», в мае 1923 в Кубано-Черноморской области было раскрыто 4 белогвардейских организации, кроме этого были раскрыты белогвардейские группы в Вольске, Витебске, Пермской губернии, монархические в Томской, Тамбовской, Тульской, Орловской, Иркутской и других губерниях. В Харькове существовала сильная офицерская организация, в «батальоне» которой состояло около тысячи человек³⁰⁷.

* * *

Может показаться, что эти зарисовки о состоянии белых армий на различных фронтах несут в себе определенную долю предвзятости, — отнюдь. В Белой армии было

немало примеров воинской доблести, чести и мужества, особенно в добровольческих офицерских частях: например только в августе-сентябре 1918 г., всего за один месяц дивизия Дроздовского в непрерывных боях потеряла 75% своего состава³⁰⁸! По словам Деникина, Корниловский полк за первую половину 1918 г., сменил свой состав 10 раз³⁰⁹! Офицеры были единственной реальной силой, противостоящей большевикам.

«В области военной, — признавал М. Фрунзе, — они, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию. И совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного геройства, отваги и прочего... В нашей политической борьбе — кто может быть нашим достойным противником? Только не слюняй Керенский и подобные ему, а махровые черносотенцы. Они способны были бить и крошить так же, как на это были способны мы»³¹⁰. Аналогичное мнение высказывал и другой красный командарм А. Егоров: «Части белых армий во многих случаях действовали очень удачно. Офицерские части дрались упорно и ожесточенно...»³¹¹

Но нас интересуют в данном случае не частности, а более общая картина: если мы хотим понять причины поражения белых армий, то мы должны обратиться прежде всего к их общей психологии и идеологии.

Представление о численности белых армий в период максимальной напряженности на фронтах Гражданской войны дает следующая таблица:

**Численность белогвардейских армий
в период их максимальной численности, в середине 1919 г.,³¹²
Врангель — сентябрь 1920 г.³¹³**

	Колчак	Деникин	Юденич	Сев. Армия	Врангель
Всего, тыс. чел.	400—680	270	50	55	300
Из них, на фронте	110—145	150	18,5	20,3	50
Штыков, тыс.	96	107	17,8	20	
Сабель, тыс.	22,5	46	0,7	0,3	

Практически все военное и материальное обеспечение белых армий осуществлялось за счет интервентов. Помощь, оказанная белым армиям бывшими союзниками России, «была чрезвычайно существенной, ибо без нее белые армии, несмотря на весь их героизм, стояли бы перед неминуемой гибелью...», — констатировал «белый» ген. Н. Головин³¹⁴.

Попытки обращения к отечественной буржуазии не принесли ожидаемого результата. Еще после подавления корниловского мятежа от имени союза офицеров ген. М. Алексеев требовал у И. Вышнеградского, Путилова и других крупнейших капиталистов немедленно собрать 300 000 рублей в пользу «голодных семей тех, с которыми они были связаны общностью идеи и подготовки». Письмо заканчивалось прямой угрозой: «ген. Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие»... «Только в конце октября Корнилову привезли из Москвы около 40 тысяч рублей»³¹⁵.

С началом Гражданской войны ситуация практически не изменилась: «Главный вопрос, от которого зависело само существование армии, — денежный — оставался по-прежнему неразрешенным, — отмечал Деникин, — Денежная Москва ограничилась “горячим сочувствием” и обещаниями отдать “все” на спасение Родины. “Все” выразилось в сумме около 800 тысяч рублей, присланных в два приема; и дальше этого Москва не пошла»³¹⁶. Подобное отношение Добровольческая армия встречала повсюду, деникинские добровольцы «дрались на подступах к Ростову, зная, что сотни тысяч казаков и ростовской буржуазии за их спиной живут легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, как беснуется и веселится богатейший Ростов, финансовая знать которого с большим трудом «пожертвовала» на армию два миллиона рублей, растворившихся быстро в бездонной ее нужде. Они встречали в обществе равнодушие, в народе вражду...»³¹⁷

В Киеве, свидетельствовал М. Нестерович-Берг, «обыватель веселился — пир во время чумы. Пусть где-то сра-

жаются, нас это не интересует нисколько, нам весело, — пусть потоками льется офицерская кровь, зато здесь во всех ресторанах и шантанах шампанское: пей, пока пьется...»³¹⁸ Не лучше обстояла ситуация и в колчаковской Сибири: во время пребывания в Омске американский ген. У. Гревс был поражен пренебрежительным, если не сказать больше, отношением населения и власти к больным и раненым воинам, которое он повсюду наблюдал: «было прискорбно видеть этих несчастных, предоставленных самим себе», в то время как веселящаяся толпа («мы насчитали до тысячи танцующих») в омском парке «находилась в расстоянии не больше двадцати минут ходьбы от места, где умирали солдаты, умирали во многих случаях несомненно из-за отсутствия ухода за ними»³¹⁹.

«В Сибири, как и в других частях России, — констатировал Р. Раупах, — русская общественность представлялась разношерстной толпой из общественных деятелей, интеллигенции, больших и мелких служащих, торговцев-спекулянтов, разного рода авантюристов, буржуазных дельцов и обывателей. На словах эта общественность проявляла готовность к подвигу и жертве, но если такие побуждения и были, то они тонули в массе самых низменных похотей. Люди, кричавшие о спасении Родины, не в состоянии были отказаться от привычки к ссорам, дразнкам, интригам и взаимного поедания, и та самая Сибирь, из которой ожидалась смерть большевизму, стала для него совершенно безопасной, ибо все, что должно было создать общественную и военную силу и дать мощь белому движению, все это здесь беспощадно развращалось, гноилось и бесследно пропадало. Тут изменить нельзя было ничего, ибо против всякой идеи порядка и закона тотчас же поднимались чудовищно разросшиеся подлость, трусость, честолюбие и корыстолюбие. *Все жадно тянулось к старой привольной и хорошей жизни, к кормежке, к благам, преимуществам и наслаждениям. «Все чавкают оголодавшими челюстями, выпускают похотливую слюну и неспособны видеть будущего — темного, грозного, безвестного».* Рестораны

торговали ежедневно на многие тысячи рублей. Бутылки вина, стоимостью в сотни рублей, выпивались без счета, а на дело спасения Родины не давали и одного рубля»³²⁰.

Деникин приходил к полному разочарованию в том классе, за который он посылал свои войска на смерть: «Все требовали от власти защиты своих прав и интересов, но очень немногие склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта в отношениях большинства буржуазии к той власти, которая восстанавливала буржуазный строй и собственность. Материальная помощь армии и правительству со стороны имущих классов выражалась цифрами ничтожными — в полном смысле слова. И в то же время претензии этих классов были весьма велики...»³²¹

«Армия никого не интересовала, — подтверждал Раупах. — Нуждались бы солдаты в обуви и теплых вещах, ходили бы сестры милосердия в рваном белье, мерзли бы в солдатских шинелях, если бы русская общественность окружала свою армию любовью и заботой? Конечно, нет. Но добиться от занятой наживой и разгулом буржуазии средств, чтобы согреть и обуть умиравших за нее людей, не было никакой возможности. Не давая ни гроша, она только поносила армию за то, что та слишком медленно движется вперед»³²². И даже английский ген. А. Нокс в ноябре 1919 г. упрекнул «русское общество в его пассивном, холодном отношении к армии»³²³.

Казачи

К лету 1918 г. большинство белой армии состояло из казаков. Казаки мало заботились об остальной России, для них гражданская война была войной с неказацкими крестьянами...

*П. Кенез*³²⁴.

К началу XX в. казаки представляли собой особое полувоенное сословие. Они должны были служить в армии 20 лет и использовались уже не только как армейская сила, но и в качестве своеобразной военизированной полиции.

Пример их применения, в последнем качестве, приводил французский посол М. Палеолог: «На небе появляется призрак революции... Но казаки тут как тут. Порядок восстановлен. Еще раз охранное отделение спасло самодержавие и общество... чтобы в конце концов их бесповоротно погубить»³²⁵.

«Казаки считаются оплотом существующего строя, — подтверждал лидер октябристов А. Гучков, — когда надо какую-нибудь толпу или демонстрацию разогнать... (но) У них и требования были более высокие, чем у основного населения»³²⁶. Эти требования материализовались, прежде всего, в предоставлении казакам, за верность, земельных и налоговых привилегий, носивших сословный, полуфеодальный характер, вступавших в непримиримое противоречие с наступающей капиталистической эпохой. Еще до революции В. Ленин указывал в этой связи, что это привилегированное экономическое положение является основной причиной реакционности настроений значительной части казаков, и приходил к выводу, что именно «в казачьи областях можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»³²⁷.

Казаки «объединяли одиннадцать сообществ (войск), среди которых Кубанское и Донское были наиболее значительными. Уровень жизни казаков был намного выше, чем крестьянский... Ни в одной провинции Российской империи казацкое население не составляло большинства. Только 49% от 4 млн жителей Дона и 44% от 3 млн жителей Кубани были казаками. Кубань и Дон были богатейшими аграрными районами России, что привлекало множество крестьянских поселенцев. Но даже если эти крестьяне жили в области Кубани и Дона поколениями, они все равно не могли войти в казацкое сословие и даже не могли рассчитывать на постоянное местожительство в этих районах. Они должны были хранить паспорта тех мест, где проживали их предки. Так как эти крестьяне всегда являлись соперниками казаков, их называли *иногородние*... Согласно переписи 1914 г. иногородние составляли 53% жителей Ку-

бани. (Неказацкий остаток составлял основное население этих областей, калмыки в районах Дона, кавказские племена в районе Кубани.)»³²⁸.

«Кзаки были гораздо богаче, чем иногородние, — отмечает П. Кенез. — На Дону иногородние владели лишь 10% плодородной земли, на Кубани — 27%». 20% крестьянских хозяйств были безземельными. Самые крупные участки иногородних «составляли на Дону 1,3 десятины, на Кубани — 1,5 десятины. Большинству крестьян приходилось арендовать землю у казаков...»³²⁹ У казаков Дона в среднем на мужскую душу приходилось ~ 12,8 десятин³³⁰. Однако при этом земля была распределена крайне неравномерно: по современным подсчетам, в 1917 г. среди казачьих хозяйств насчитывалось 23,8% зажиточных, 51,6% — середняцких и 24,6% бедняцких³³¹. При этом донской казачий середняк был богаче тверского или новгородского кулака³³².

Спокойная жизнь на казацкой земле закончилась с наступлением Февральской революции. Камнем раздора, как и в остальной крестьянской России, стал земельный вопрос, толчок к разрешению которого дало Временное правительство: на майском 1917 г. Всероссийском крестьянском съезде министр земледелия эсер В. Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель³³³.

Именно эсеровское Временное правительство начало политику *«расказачивания»*, что стало одной из причин отказа Донского войска подчиниться приказу правительства арестовать ген. Каледина за участие в корниловском мятеже. По словам командующего Донской армией ген. С. Денисова, Временное правительство, «постепенно изменяясь в составе, в конечном итоге утерало признаки власти, созданной (Февральской) революцией... пошло по скользкому пути непристойных уступок черни и отбросам

русского народа»³³⁴. С этого времени (сентября) Дон фактически стал независимым от центральной власти. А Кубанское казачье войско в сентябре 1917 г. вообще объявило о создании своей Законодательной Рады.

Но настоящая война за «землю» развернулась между иногородними и казаками с началом Октябрьской революции, объявившей о лишении казаков их сословных привилегий³³⁵. 28 марта большевистский областной съезд советов издал постановление о национализации казачьих земель, через три дня после этого на Дону началось казачье восстание³³⁶. Причиной подобных восстаний, вспыхнувших по всем казачьим землям, по словам атамана Семенова, являлось уничтожение большевиками «казачьих так называемых привилегий... и наше право на исконные наши, завоеванные нашими дедами земли»³³⁷.

Однако, по словам историка П. Холквиста, «среди казаков идея «нейтралитета» пользовалась, по меньшей мере, в такой же степени широкой поддержкой, как и полная приверженность к восстанию»³³⁸. Причина этого, по словам Деникина, заключалась в том, что «казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма находят приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достоинства. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть»³³⁹.

Поэтому «разжигать» казачье восстание нередко приходилось силой. Примером в данном случае может служить приказ командующего Донской армией ген. Денисова от 26 апреля 1918 г.: «Высылается карательная экспедиция, дабы силой оружия прекратить вредную пропаганду и заставить заблуждающихся (казаков) в настоящий тяжелый момент встать на защиту края... Всякое уклонение или держание нейтралитета будет беспощадно караться вооруженной силой»³⁴⁰.

*«Подъему Дона, — отмечал ген. Н. Головин, — способствовало еще и одно “внешнее” условие, сильно облегчающее это выступление: март-апрель — это время вторжения германо-австрийских войск в Южную Россию и их подхода к западной границе Области Войска Донского»*³⁴¹. Не случайно именно на этом факте акцентировал свое письмо Вильгельму II атаман Войска Донского П. Краснов: «Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества создалась тишина и на юге Войска и мною подготовлен корпус казаков, для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствованию натиску врага извне»³⁴².

Германо-австрийская интервенция стала той внешней силой, которая превратила отдельные очаги казачьих восстаний в организованное казачье движение. *«Донское казачество, — констатировал Головин, — могло продолжать борьбу против большевиков только при союзе с немцами»*³⁴³. Для немцев поддержка казачьего сепаратизма с началом Гражданской войны стала одной из составляющих политики направленной на ослабление России, оттеснения ее на Восток от основных зернопроизводящих районов России и от Черного моря. Германо-австрийское командование оказывало казакам всю возможную помощь от поставки вооружений до прямой военной поддержки. Без этой помощи отдельные казачьи выступления никогда бы не достигли размаха гражданской войны.

Восставшие казаки в свою очередь с трудом проводили различия между большевиками и иногородними. В донесении правительственной разведки сообщалось: большинство людей «пришли к убеждению, что “иногородние” и “большевики” — это синонимы»³⁴⁴. Эта данность определялась целями казачьего восстания, говоря о которых, красный командарм А. Егоров отмечал: «отстаивая свои экономические интересы, донское казачество стремилось к самостоятельности и готово было смотреть на иногородних как на иностранцев. Атаман Краснов откровенно проводил эту политику, которая получала местно-патриотический отте-

нок. По его словам, Каледина погубило доверие к крестьянам, знаменитый паритет. Дон раскололся на два лагеря: казаки — крестьяне... Там, где были крестьянские слободы, восстания не утихали... Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой... Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от русских»³⁴⁵.

Нередко казаки просто сражались с ближайшими селениями иногородних. В Сибири, по словам члена правительства Колчака Гинса, крестьяне объясняли причины восстания: «мы не большевики, мы против казаков»: «Привилегированное сословие казаков, пользуясь военным положением, чинило под видом борьбы с большевиками насилия над мирными крестьянами, и последние, не видя на местах сильной власти, которая могла бы их защитить, начинали повсюду партизанскую борьбу. Власть отвечала на это репрессиями, и война разгоралась»³⁴⁶.

Главная проблема, по мнению Деникина, заключалась в том, что казачество в вопросе «о наделении землей иногородних» «оставалось совершенно непримиримым...»³⁴⁷ Что касается «воли» в казацких землях, сохранивших со времен самодержавия основы самоуправления, то для иногородних проблема заключалась в получении политических прав наравне с казаками. Однако, несмотря на то, что «казачья декларация» «вручала судьбу России Учредительному собранию, тут же, — указывал Деникин, — Дон у себя лишал права участия в управлении (иногородних) большую половину неказачьего населения...»³⁴⁸

Выделение казаков в особую привилегированную социальную группу имело целью не только сохранение их земель, но и служило для лидеров казацкого движения объединению всех социальных слоев казачества на шовинистической основе. Как же воспринимали такое отношение к русским лидеры Белого движения? — «Добровольческая армия и кубанское правительство спорили по множеству

вопросов..., — отвечал на этот вопрос П. Кенез, — *но нет записей о том, что армия была против такого обращения с иногородними, их русскими земляками. Армия и казаки заключили союз за счет неказачьего населения Войска*³⁴⁹.

Наглядно этот факт отразил сам Деникин в своем положении об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией, в котором говорилось: *«Все граждане Российского государства, без различия национальности, сословия и вероисповедания пользуются... равными правами гражданства. Особые права и преимущества, издавна принадлежащие казачеству, сохраняются в неприкосновенности»*³⁵⁰.

Однако союз этот оказался временным, поскольку казаки сами с оружием в руках искали свою «волю»: по словам атамана П. Краснова, «Деникин не хотел отрешиться от старого взгляда на казаков, как на часть Русской армии, а не как на самостоятельную армию, чего добивались казаки и за что боролись»³⁵¹. «Казаки ненавидели своих союзников, а офицеры не переносили проявления казачьего сепаратизма», — отмечал Кенез³⁵². «У добровольцев с офицерами Донского войска отношения были тяжелые, драки и поединки не прекращались...» — признавал В. Шульгин³⁵³.

*«У меня четыре врага, — говорил П. Краснов, — наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы — немцы или союзники, и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья»*³⁵⁴.

Противостояние добровольцев кубанскому сепаратизму, ищущему поддержку даже у Украины, достигло такого накала, что в июне 1919 г. сотрудником деникинского «Особого совещания» был застрелен председатель Кубанской

Рады Н. Рябовол. После заключения между Кубанью и Горской республикой договора, направленного против деникинской армии, Деникин приказал отдать полемому суду всех лиц, подписавших договор. В ноябре 1919 г. был пойман один из подписантов — священник Калабухов, и по приказу Деникина повешен. Кроме этого Деникин разогнал Кубанскую Раду и принудительно выслал 10 ее членов, вместе с войсковым атаманом Филимоновым, в Турцию.

*Одновременно противостояние между казаками и добровольцами нарастало и с другой стороны, оно выражалось прежде всего в том, что П. Краснов не видел возможности продвигаться вглубь России ввиду «решительного отказа их (казаков) бороться и **спасать Россию в полном одиночестве**»³⁵⁵. Мало того, отмечал Деникин: среди казаков распространялось движение «**оставить ряды Добровольческой армии, которая является виновницей Гражданской войны. Ибо... давно можно было бы окончить войну и примириться с большевиками, устроив в России народную республику...**»³⁵⁶*

Все более обострявшиеся конфликты определяли отношения между Белой армией и казаками и в Сибири. Посланник ген. Алексеева в Азиатской России ген. В. Флуг весной 1918 г. в своем отчете писал о местных казачьих организациях: «некоторая моральная распущенность, неразборчивость в средствах, стремление больше руководствоваться честолюбивыми побуждениями своих атаманов, чем сознанием гражданского долга»³⁵⁷. Военный министр Колчака Будберг в апреле 1918 г. отмечал: «разные вольные атаманы Семенов, Орлов, Калмыков, своего рода винегрет из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом... внутреннее содержание их разбойничье»³⁵⁸. Гинс обращал внимание на «неуважение (казаков) к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые якобы не воюют. Все, мол, должны выносить на своей спине казаки...»³⁵⁹ Мало

того, как отмечал Гинс, в политической и военной сфере казаки требовали собственного независимого от Верховной власти казацкого управления. «Не удивляюсь, — писал ближайший соратник Колчака Г. Гинс, — что многим приходила мысль вовсе уничтожить казачьи войска, роль которых во всем движении оказалась роковой, чтобы с корнем вырвать казацкое политиканство и атаманщину»³⁶⁰.

Офицеры

Кто были эти офицеры, почему они решили сопротивляться советскому режиму и как они представляли себе будущее России, остается главным вопросом Гражданской войны?

П. Кенез³⁶¹.

«Именно офицеры, — отмечает историк С. Волков, — были той силой, благодаря которой Белое движение вообще могло возникнуть»³⁶². *«Сочувствие населения было на стороне красных, нас, белых, поддерживала лишь сравнительно небольшая группа интеллигенции и казачество... Нам приходилось опираться только на офицерство»*, — подтверждал атаман Г. Семенов³⁶³. «Офицеры, — по словам историка П. Кенеза, — сформировали главный штаб антибольшевистского движения..., хотя их было очень мало, они захватили военное и политическое лидерство, они стали тем ядром, вокруг которого антисоветские группировки могли объединиться»³⁶⁴.

За три с небольшим года мировой войны было произведено в офицеры около 220 тыс. человек, то есть больше, чем за всю предыдущую историю русской армии. Общее число офицеров, вместе с кадровыми, составило 300 тыс.³⁶⁵. В Первой мировой погибло 73 тыс. офицеров, при этом «едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже за первый год войны»³⁶⁶. С начала войны офицерский корпус сменился в пехотных частях 3—5 раз, в кавалерии и артиллерии — на 15—40%³⁶⁷.

К 1917 г. «в результате наиболее распространенный тип довоенного офицера, — констатирует С. Волков, — потом-

ственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носящий погоны с десятилетнего возраста — пришедший в училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности престолу и отечеству, — практически исчез...»³⁶⁸ Офицерский состав военного времени утратил свою социальную специфику и «в общем соответствовал сословному составу населения страны»*. «Это не были дети буржуазии и помещиков..., — подтверждал эсер В. Шкловский, — Офицерство почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотных людей, которое было в России. Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены. Грамотный человек не в офицерских погонах был редкостью»³⁶⁹.

Вместе с тем, качественный уровень офицерского корпуса «катастрофически упал, — отмечает Волков, — прапорщики запаса и абсолютное большинство офицеров ускоренного производства были по своей сути совсем не военными людьми, а производимые из унтер-офицеров, имея неплохую практическую подготовку и опыт войны, они не обладали ни достаточным образованием, ни офицерской идеологией и понятиями». Так, например, один из командиров корпусов сообщал в своем донесении: «состав офицеров... — это механическая смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, обучения, без взаимной связи, для которых полк — “постояльный двор”. Кадровых офицеров на полк — 2-3 с ко-

* До войны (1912 г.) 53,6 % офицеров (в пехоте — 44,3) происходили из дворян, 25,7 — из мещан и крестьян, 13,6 — из почетных граждан, 3,6 — из духовенства и 3,5 — из купцов. Среди выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков доля дворян никогда не достигает 10%, а доля выходцев из крестьян и мещан постоянно растет... Свыше 60% выпускников пехотных училищ 1916—1917 гг. происходило из крестьян. (Осипов А. К 65-й годовщине начала Белого движения // Ч. IV № 641, с. 20) Н. Головин свидетельствовал, что из 1000 прапорщиков... в его армии (7-й), около 700 происходило из крестьян, 260 из мещан, рабочих и купцов и только 40 из дворян. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Ревель, 1937. Кн. 1, с. 85. (Волков С.В..., с. 12))

мандиром полка, причем последний меняется очень часто "по обстоятельствам настоящего времени"...»³⁷⁰.

Потеря кадровых офицеров, по мнению ген. В. Марушевского, сыграла ключевую роль в снижении бое- способности армии: «Я всегда учил и на академиче- ской кафедре..., что государство получает офицера не с помощью каких-либо прочитанных курсов или учеб- ников, но лишь путем длительного воспитания...»³⁷¹. Другой ген. Р. Фадеев еще в 1889 г. утверждал: «вся сила армии — именно в строевых офицерах мирного времени; без них она не станет ни кадрам, ни школой, а останется только расходом»³⁷².

В то же время, отмечает В. Успенский, офицеры русской армии, даже самые образованные и передовые, слабо раз- бирались в вопросах политики. У офицеров был четко оп- ределенный круг обязанностей, заниматься политикой им было запрещено. «Слуга царю и Отечеству — остальное не имеет значения»³⁷³. Давая общую характеристику офи- церскому корпусу, Керенский отмечал: «"Он виновен: пы- тается думать", — заявил по слухам, Николай I после до- проса одного из декабристов. Этот афоризм дает вполне достаточное представление об отношении царизма к ар- мейским офицерам». «Понятие будущего офицера о граж- данском долге, чести, родине, государстве и службе пол- ностью отличались от понятий остальной России. Проведя десять лет в искусственной среде, будущий офицер считал себя "высшим существом". Он включался в то или иное ар- мейское подразделение, не имея никакого понятия об ос- тальной России, ни к чему не приспособленный, кроме во- енной атмосферы, в которой воспитывался»³⁷⁴.

С началом войны «В руках офицеров, когда-то описан- ных Куприным в "Поединке", оказалась грозная сила ар- мии, собиравшейся в бой. Опостылевшая мирная жизнь забыта, впереди война, цель жизни офицера. Пережива- ния командного состава не были сложными»³⁷⁵. «Средний

русский офицер — аполитичен, он только национален, — утверждал один из них. — Он молчалив, он действительно поможет нам вернуть родину, а не ученые дрозды, до головной боли насвистывающие одну и ту же фальшивую партийную песенку»³⁷⁶.

В полной мере эти настроения передают частные признания А. Колчака: «Война прекрасна, хотя она связана со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша. Не знаю, как отнесется Она к моему единственному и основному желанию служить Ей всеми силами, знаниями, всем сердцем и всем своим помышлением». «Война дает мне силу относиться ко всему "холодно и спокойно", я верю, что она выше всего происходящего, она выше личности и собственных интересов, в ней лежит долг и обязательство перед Родиной, в ней все надежды на будущее, наконец, в ней единственное моральное удовлетворение. Она дает право с презрением смотреть на всех политиканствующих хулиганов и хулиганствующих политиков, которые так ненавидят войну и все, что с ней связано в виде чести, долга, совести...»³⁷⁷ «Моя вера в войну, — заключал Колчак, — ста(ла) положительно каким-то религиозным убеждением...»³⁷⁸

Война была способом самореализации для офицерского состава армии. Война была их звездным часом, тем, к чему они готовились на протяжении всей своей жизни, она становилась самоцелью, приобретала характер самопожертвования и служения России. Именно выполнение своего воинского долга перед Родиной двигало лучшей частью офицерства во время Первой мировой и Гражданской войн. В этом вопросе было полное единодушие среди главнокомандующих всех белых армий:

Ген. А. Деникин: «Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о "целях войны". Война началась. Поражение принесло бы непомерные бедствия нашему Отечеству во всех областях его жизни... Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перерешаться и видоизменяться»³⁷⁹.

Ген. В. Марушевский: «Мартовская революция меня совершенно выбросила из колеи. Вся моя жизнь была положена на изучение моего специального дела, я никогда не занимался социальными вопросами... Разлагающие приказы Вр. Правительства, направленные специально против офицерского корпуса — в течение всего нескольких дней — совершенно подорвали авторитет этого правительства в наших глазах. Долг слепо повиноваться этой власти, влекущей армию в пропасть, исчез. Оставалось одно — отдать все свои силы на выполнение последнего завета царя — “война до победного конца”»³⁸⁰. «Как представитель военной среды, я должен... пояснить, что для большинства из нас борьба на Архангельском фронте была выходом из позорного положения, созданного Брестским договором. Для нас это было продолжением той войны, которая кончилась на фронте...»³⁸¹.

Адмирал А. Колчак: «для меня, человека военного и все время занятого исключительно военными делами, казалось необходимым рассматривать происходящую у нас революцию с точки зрения войны. Для меня казалось совершенно ясным, что в такой громадной войне, в какой мы участвуем, проигрыш этой войны будет проигрышем и революции, и всего того, что связано с понятием нашей родины — России. Я считал, что проигрыш войны обречет нас на невероятную вековую зависимость от Германии, которая к славянству относится так, что ожидать хорошего от такой зависимости не приходилось»³⁸².

Принцип формирования офицерского корпуса в русской армии был изменен в 1874 г., когда вместо сословного был введен образовательный ценз производства в офицерский чин. И к началу XX века в армии было немало офицеров, вышедших из «кухаркиных детей». Из 70 с лишним генералов и офицеров — «отцов-основателей» Белой армии, участников «1-го Кубанского похода», по данным историка А. Кавтарадзе, всего только четверо обладали какой-нибудь

наследственной или приобретенной собственностью; остальные жили до 1917 г. только на служебное жалование³⁸³.

Однако, несмотря на то что многие белые генералы были выходцами из народа, на деле они часто были слишком далеки от него. Например, офицер деникинской армии Э. Гиацинтов отмечал, что хотя основатель Белой армии Юга России был сыном простого солдата: «Алексеев — ученый военный, который никогда в строю не служил, солдат не знал. Это был не Суворов и не Скобелев, которые, хотя и получили высшее военное образование, всю жизнь провели среди солдат и великолепно знали их нужды...»³⁸⁴ М. Лемке, довольно близко знавший ген. Алексеева, еще в середине 1916 г. буквально пророчествовал: *«Вина Алексеева не в том, что он не понимает основ гражданского управления и вообще невоенной жизни страны; а в том, что он не вполне понимает всю глубину своего незнания и все берется решать...»*³⁸⁵

Характеризуя другого выходца из народа, сына крепостного крестьянина, лидера Белого движения — ген. Деникина, ген. Н. Головин указывал, что *«строки командующего армии Юга России «грешат тем непониманием народных масс, которое привело затем самого автора... к крушению...»*³⁸⁶ Сам Деникин, говоря о своем предшественнике на посту командующего Добровольческой армией, сыне казачьего хорунжего Л. Корнилове, утверждал: «Он, будучи суровым и прямолинейным солдатом, искренним патриотом, мало знал о людях...»³⁸⁷ Корнилов «был прежде всего солдат, храбрый рубака, способный воодушевить личным примером армию во время боя, бесстрашный в замыслах, решительный и настойчивый в выполнении их. Но его интеллектуальная сторона далеко не стояла на высоте его воли..., — дополнял портрет П. Милюков, — Политический кругозор Корнилова был крайне узок...»³⁸⁸

Преданный Колчаку Гинс признавал, что адмирал — «редкий по искренности патриот, прямой, честный..., но *человек корабельной каюты, не привыкший управлять живыми существами, наивный в социальных и политических вопросах...*»³⁸⁹ Аналогичное мнение высказывал о Колчаке его военный министр ген. Будберг: «*Честный и искренний, но дряблый, безвольный, не знающий жизни и дела человек, плененный кучкой политиканов и честолюбцев...*»³⁹⁰ Другой ген., Д. Филатьев, отмечал: Колчак «жил вне времени и вне пространства, как бы сидел в своей адмиральской каюте и строил планы, не считаясь с тем, что в это время происходит на палубе и море»³⁹¹.

Именно на эту оторванность высшего командного состава от реальности указывал в своем письме А. Деникину полк. М. Дроздовский: «Великая русская армия погибла от того, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было все благополучно, и удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить. Неужели и Добровольческая Армия потерпит крушение по тем же причинам»³⁹².

Генералы и офицеры откровенно не понимали солдат, настроения которых были прямо противоположны. Эту данность отражало замечание английского историка Д. Кигана: «в 1915 году во время отступления из Галиции около миллиона русских солдат оказалось в плену, три четверти сдались без сопротивления. К концу 1917 года почти четыре миллиона русских солдат находились в немецком или австрийском плену. Таким образом, потери военнопленными прежней имперской армии, в конечном счете, превысили боевые потери в три раза: по последней оценке, русская армия потеряла погибшими... примерно столько же, сколько и французская, где число попавших в плен к немцам было ничтожно мало. *Русский солдат-крестьянин* просто не имел тех отношений, которые связывали не-

мецких, французских и британских солдат с товарищами, с частью и с национальными интересами. Он *находил психологию профессиональных солдат необъяснимой, рассматривая свои новые обязанности как временные и бессмысленные*. Поражение быстро деморализовало их. Зачастую солдаты, отличавшиеся храбростью, не находили ничего позорного в том, чтобы самим сдаться в плен, где, по крайней мере, они получали пищу и безопасность»³⁹³.

Крестьянин-солдат не видел и не понимал целей войны, он не знал, за что его посылают на страдание и смерть. Ген. А. Брусилов указывал на этот факт как на общее явление: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы, не знал почти никто, что такое славяне — было так же темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать, было совершенно неизвестно. *Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя*»³⁹⁴.

Не случайно поражения 1915 г. отчетливо проявили новую тенденцию, формировавшуюся в армии, — стремление солдат к миру и нарастание на этой почве раскола между офицерством и солдатами. Офицеры уже в *феврале 1916 г.* писали с фронта: «*Дух армии пал, это факт неоспоримый. Об этом лучше всего можно судить здесь, в окопах... Жажда мира разлагает дух армии...* Вера в помощь младшего офицерского состава не может оправдаться. Ведь мы сидящие в окопах, — “обреченные”. Офицеры это чувствуют так же, а может быть и сильнее, нижних чинов»³⁹⁵. Другой офицер в январе 1917 г. в письме лидерам оппозиции Милюкову и Маклакову сообщал: «*Если мир не будет заключен в самом ближайшем будущем, то можно с уверенностью сказать, что будут беспорядки*. Люди, призванные в войска, впадают в отчаяние не из малоуд-

шая или трусости, а потому, что никакой пользы от этой войны не видят»³⁹⁶.

Накануне Октябрьской революции английский посол Дж. Бьюкенен с раздражением писал: «Военный министр Верховский подал в отставку. Он всегда заявлял, что для того чтобы удержать войска в окопах, им необходимо сказать, за что они воюют, и что, следовательно, мы должны опубликовать свои условия мира»³⁹⁷. Цели войны были уже определены в тайных договорах между державами Антанты. Но, как замечал тот же Дж. Бьюкенен: *«если русским солдатам скажут, что они должны воевать до тех пор, пока не будут достигнуты цели, указанные в этих соглашениях, то они потребуют сепаратного мира»*³⁹⁸. Да что там полуграмотные солдаты, великий князь Александр Михайлович восклицал: «Кто в России готов оставить свой дом и родных, чтобы воевать за возврат Франции Эльзаса и Лотарингии?»³⁹⁹

*«Напряжение войны оказалось расплывшейся и плохо организованной Российской империи не под силу, — констатировал Г. Уэллс. — Русские солдаты шли в атаку без поддержки артиллерии и порой без патронов; офицеры и генералы совершенно их не щадили. Какое-то время люди терпели, как терпят боль животные, но и у самого невежественного человека есть свой предел. Армия заразилась глубоким отвращением к царизму»*⁴⁰⁰. И прежде всего к его ближайшему, к солдатам, олицетворению — офицерам.

* * *

Вопрос о мире раскалывал армию на две части: меньшую кадровую, профессией которой была война, и превосходящую ее в десятки раз солдатскую массу. Для солдат, вчерашних крестьян, в отличие от офицеров, война представляла собой невыносимое, бессмысленное бремя, бойню. Английский ген. Э. Айронсайд, в этой связи позже пишет: «русские войска более других устали от долгой войны, но здесь не появилось ни одного национального героя, как это произошло после революции во Франции. Я думаю,

что подлинной причиной была глубокая пропасть, разделявшая офицеров и солдат»⁴⁰¹.

Тенденции, копившиеся с 1915 г., из потенциальной энергии тихо зреющего недовольства превратились в кинетическую энергию взрыва во время Февральской революции, которую современники воспринимали не иначе, как солдатский бунт⁴⁰². «События 27—28 февраля и последующее отречение императора Николая II от престола, — отмечает С. Волков, — открыли дорогу ненависти и насилия и стали началом Голгофы русского офицерства. На улицах Петрограда повсеместно происходили задержания, обезоруживания и избиения офицеров, некоторые были убиты. Когда сведения о событиях в столице дошли до фронтов, особенно после обнародования пресловутого “Приказа №1”., там началось то же самое. Какое влияние это оказало сразу же на боеспособность армии, свидетельствует телеграмма главкома Северного фронта от 6 марта «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение...» **«Гражданская война началась с тех февральских дней. То, что пережито офицерами в те месяцы, никогда не могло изгладиться из их памяти...»**⁴⁰³

В том, что «после Февраля положение офицеров превратилось в сплошную муку, — по мнению крайне правого историка Волкова, ответственность лежала на большевиках, — антиофицерскую пропаганду большевиков, стоявших на позициях поражения России в войне, ничто отныне не сдерживало, и она велась совершенно открыто и в идеальных условиях. Желание офицеров сохранить боеспособность армии... наталкивалось на враждебное отношение солдат, распропагандированных большевистскими агитаторами, апеллировавших к шкурным инстинктам и вообще самым низменным сторонам человеческой натуры»⁴⁰⁴.

Однако первые сколь либо значимо большевики появились на сцене революционной истории только несколько месяцев спустя после свершения буржуазной революции и издания Приказа №1, с которых и началось массовое избиение офицеров. *Не большевики породили и спровоцировали это насилие, они пришли тогда, когда оно было уже в самом разгаре...*

Начало этому насилию положило разложение самой армии. Февральская революция вообще смогла произойти только вследствие полного развала армии, когда солдаты перестали подчиняться офицерам. На эту данность указывает и П. Кенез: «Если бы офицерам удалось заставить солдат выполнять приказы с самого начала, то Февральская революция не случилась бы»⁴⁰⁵. Еще не существовало ни Советов, ни Временного правительства, большевики были еще в ссылках и за границей, а полки один за другим «покидали казармы без офицеров. Солдаты многих арестовали, многих убили. Другие скрылись, бросив части, как только почувствовали враждебное агрессивное настроение людей»⁴⁰⁶. Слова Керенского подтверждал другой участник событий, непосредственно наблюдавший прибытие войск к зданию только что созданного Временного правительства — В. Шульгин: «Почти все части без офицеров...»⁴⁰⁷ **Массовые убийства офицеров начались сразу после свершения февральской революции — 12 и 13 марта**⁴⁰⁸. **В Кронштадте уже в первых числах марта были убиты сотни офицеров, в том числе и адмирал Непенин**⁴⁰⁹.

Высшее командование армии ничего не могло противопоставить этому, мало того, оно само поощряло убийство офицеров. Так, ген. Л. Корнилов, будущий родоначальник антибольшевистского движения, начал свою деятельность в должности главнокомандующего Петроградским военным округом с того, что собственноручно приколот Георгиевский крест к груди унтер-офицера Волынского полка Кирпичникова в награду за убийство им 27 февраля прямого своего начальника — заведующего учебной командой того же полка капитана Лашкевича⁴¹⁰.

Ген. Энгельгардт, начальник Петроградского гарнизона, 1 марта выпустил следующее воззвание: «среди солдат Петроградского гарнизона распространились слухи, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель временной комиссии временного комитета Государственной Думы, я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела виновных...»⁴¹¹ В. Воейков по этому поводу замечал: «Последние слова воззвания, будучи горячо восприняты теми солдатами, которые поняли свободу в смысле отсутствия подчинения, дали в результате известные всем случаи зверской расправы нижних чинов с офицерами. Автором этого воззвания был бывший воспитанник Пажеского его императорского величества корпуса, офицер лейб-гвардии Уланского его величества полка и, как окончивший Николаевскую академию, носитель мундира генерального штаба»⁴¹².

Реформы Временного правительства по демократизации армии во время мировой войны окончательно деморализовали ее. Уже первые шаги Приказ №1 и «Декларация прав военнослужащих», уничтожили даже видимые остатки армии. А что сама армия? По данным А. Деникина, из 40 командующих фронтами, армиями и их начальниками штабов только 14 выступили против «демократизации» армии, 15 ее поощряли, и 11 были нейтральны. «Демократическая» чистка в армии привела к тому, что только в апреле-мае, было уволено 143 старших начальника, в т.ч. 70 начальников дивизий⁴¹³.

И в этих условиях Временное правительство, Совет и Ставка принимают решение о новом июньском 1917 г. наступлении! Офицерам нужно было снова поднимать солдат в атаку... «В сводке сведений о настроении в действующей армии с 1 по 9 июля о положении офицеров сказано следующее: «В донесениях всех высших начальников указывается на крайне тяжелое положение в армии офицеров, их самоотверженную работу, протекшую в невыноси-

мых условиях, в стремлении поднять дух солдат, внести успокоение в ряды разлагающихся частей и сплотить вокруг себя всех, оставшихся верными долгу перед родиной. Подчеркнута явная агитация провокаторов-большевиков, травливающая солдат на офицеров. В большинстве случаев работа офицерства сводится к нулю, разбиваясь перед темной и глухой враждой, посеянной в солдатских массах, охваченных одним желанием уйти в тыл, кончить войну любой ценой, но не ценой собственной жизни. Вражда часто принимает открытый характер, выливаясь в насилия над офицерами. В 115-м полку большинство офицеров должно было скрыться. Требования солдат о смене неугодных начальников стали повседневным явлением. В 220-м полку несколько рот ушли с позиции, причем в окопах остались одни офицеры. В 111-м полку на всей позиции после самовольного ухода рот остались несколько десятков наиболее сознательных солдат и все офицеры. Напряжение сил офицеров дошло до предела, терпение стало мученичеством. В боях под Крево и Сморгонью все офицеры были впереди атакующих частей, показав пример долга и доблести. Потери офицерского состава громадны. В 204-м полку выбыли из строя все офицеры».

«Яркую иллюстрацию положения офицерства дают рапорты трех офицеров 43-го Сибирского полка, в которых они ходатайствуют: двое — о зачислении в резерв и один — о разжаловании в рядовые. Офицеры указывают на невозможность принести какую-либо пользу при данных условиях и слагают с себя ответственность за свои части в бою. "Служба офицера превратилась в настоящее время в непрерывную нравственную каторгу..." — пишет один из офицеров..."⁴¹⁴. Как отмечалось в докладе комиссаров 11-й армии, «бросалось в глаза, прежде всего, невозможное положение офицерского состава, бессильного, не признаваемого солдатами, третируемого ими и лишенного возможности реализовать свои полномочия. При большой ответственности офицерство оказалось лишенным прав не только командных, но зачастую и многих гражданских,

как, например, свободы слова. Всякий призыв с их стороны к солдатам к исполнению своих обязанностей, вообще все, что шло вразрез с инстинктами и пожеланиями шкурных элементов армии, встречается последними резко враждебно, причем нередко раздавались угрозы расправы оружием. И это были не простые угрозы»⁴¹⁵.

В итоге последний военный министр Временного правительства А. Верховский констатировал: «Офицеры требуют исполнения своего долга перед Родиной — идти на смерть, видя в этом спасение страны, солдаты, сбитые с толку пропагандой, не понимают, за что они должны умирать... **взгляд солдата на офицера как на своего врага, заставляющего его "бессмысленно" умирать, не меняется...**»⁴¹⁶

«Офицеры не понимали дилемму социалистов, — отмечает П. Кенез, — для них все, что противоречило интересам войны, считалось предательством»... и «старая ненависть слуг к господам, крестьян к помещикам вылилась на офицерство. **Ни Советы, ни Временное правительство не агитировали солдат против командования, ненависть не нуждалась в этом.** С первых дней революции солдаты не повиновались, а иногда убивали своих офицеров, таких случаев становилось все больше и больше. Солдаты — крестьяне в форме видели в своих начальниках уменьшенные копии эксплуататоров, сторонников ужасной войны, препятствие революции, которая должна принести избавление от страданий. Офицеров воспринимали, как контрреволюционеров даже до того, как они стали отрицать цели и задачи революции»⁴¹⁷. Офицеры стали «"козлами отпущения" за чужие грехи, и поэтому, — заключал Керенский, — они уже не могут держаться вне политики»⁴¹⁸.

Последней каплей, окончательно расколовшей армию, стал корниловский мятеж. После него, по словам Керенского, «во всех подразделениях началась охота, издевательства, уничтожение офицеров. На всем протяжении фронта солдаты самовольно арестовывали офицеров, сами оглашали обвинительные заключения..., выбирали новых командиров, устраивали военно-революционные трибуна-

лы... Все офицеры превратились в «корниловцев», то есть реакционеров»⁴¹⁹. Виновником этих событий Керенский считал лично ген. Л. Корнилова: «сам глава армии подал пример неповиновения по отношению к вышестоящему — высшей правительственной власти. Таким образом, было подтверждено право каждого, кто носил оружие, действовать по своему разумению. Поступок Корнилова сыграл ту же роковую роль для судьбы армии... он завел армию на дорогу, которая привела ее к окончательному краху»⁴²⁰.

Корниловский мятеж радикализировал обе стороны, отмечал ген. Н. Головин: «Гонения, которые испытывал с марта офицерский состав, усиливали в нем патриотические настроения; слабые и малодушные ушли, остались только сильные духом. Это были те люди-герои, в которых идея жертвенного долга, после трехлетней титанической борьбы, получила силу религии... Неудача корниловского выступления могла только усилить эти настроения. Связь большевиков с германским генеральным штабом была очевидна. Победа Керенского, которая, по существу, являлась победой большевиков, приводила к тому, что в офицерской среде точно установилось убеждение, что Керенский и все умеренные социалисты являются такими же врагами России, как и большевики. Различие между ними только в "степени", а не по существу... *Русское офицерство военного времени не носившее классового характера, приобретает теперь обособленность социальной группировки...* это обособление не обуславливалось какими-либо сословными или имущественными признаками, а исключительно данными социально-психологического порядка. До корниловского выступления офицерство старалось всеми силами не допустить углубления трещины между ним и нижними чинами. Теперь оно признало этот разрыв как совершившийся факт...»⁴²¹

«После Корниловского выступления разрыв между офицерским составом и солдатской массой происходит уже полный и окончательный, — свидетельствует октябрьская сводка о настроениях с Западного фронта, —

масса видит в офицерах не только "контрреволюционеров", но и главную помеху к немедленному прекращению войны. Большевики и немцы энергично эксплуатируют создавшееся положение»⁴²². Именно в это время, по словам Головина, **«разрыв доходит до крайности: оба лагеря становятся по отношению друг к другу вражескими. Это уже две вражеские армии, которые еще не носят особых названий, но по существу это Белая и Красная армия»**⁴²³.

В донесениях с фронта сообщалось: «Положение офицеров невыносимо тяжело по-прежнему. Атмосфера недоверия, вражды и зависти, в которых приходится служить при ежеминутной возможности нарваться на незаслуженное оскорбление при отсутствии всякой возможности на него реагировать, отзывается на нравственных силах офицеров тяжелее, чем самые упорные бои и болезни»⁴²⁴. Постоянными стали явления, когда позиция оборонялась одними офицерами, а толпы солдат митинговали в тылу⁴²⁵.

Месяц спустя после Октябрьской революции 30 ноября большевиками было принято «Временное положение о демократизации армии», по которому офицерские чины, знаки отличия и ордена упразднялись. 16 декабря был опубликован декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», провозглашавший окончательное уничтожение понятия офицерского корпуса, а также декрет «О выборном начале и организации власти в армии» по которому власть переходила к военно-революционным комитетам, вводились выборы командного состава. «Это, — по словам Волкова, — вызвало новый подъем озлобления против офицеров...»⁴²⁶

Наглядно отношение офицерского корпуса к этим указам показывает высказывание одного из лучших его представителей, принявшего советскую власть ген. М. Бонч-Бруевича: «Человеку, одолевшему хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу... генералы и офицеры, да и сам

я, несмотря на свой сознательный и добровольный переход на сторону большевиков, были совершенно подавлены... Не проходило и дня без неизбежных эксцессов. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели расстаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов»⁴²⁷.

На это время приходится и наибольшее число самоубийств офицеров (только зарегистрированных случаев после февраля было более 800), не сумевших пережить краха своих с детства усвоенных идеалов и крушения русской армии⁴²⁸. Верховному главнокомандующему Красной армией Н. Крыленко пришлось 12 декабря срочно издать приказ о нераспространении «демократизации» на штабы и управления, но это уже помочь не могло.

Политика большевиков в отношении офицеров была не столько продолжением прежних реформ Временного правительства и эсеро-меньшевистских Советов, сколько их логичным завершением. Завершением развала армии, начавшегося задолго до них. Остановить его не смогли ни царское, ни Временное правительство, у относительно небольшой кучки большевиков не было для этого ни сил, ни времени тем более.

Тем временем стихийные убийства офицеров все более приобретали характер поголовного истребления. Пример дают впечатления, с которыми сталкивались очевидцы почти на всех железных дорогах ноября-декабря 1917 г.: «Какое путешествие! Всюду расстрелы, всюду трупы офицеров и простых обывателей, даже женщин, детей. На вокзалах буйствовали революционные комитеты, члены их были пьяны и стреляли в вагоны на страх буржуям. Чуть остановка, пьяная озверелая толпа бросалась на поезд, ища офицеров (Пенза-Оренбург)... По всему пути валялись трупы офицеров (на пути к Воронежу)»⁴²⁹.

В апреле, когда немцы занимали Крым, некоторые уцелевшие офицеры, которым было невыносимо сдавать корабли немцам, поверив матросам, вышли вместе с ними на кораблях из Севастополя в Новороссийск, но в пути были

выброшены в море. «Все арестованные офицеры (всего 46) со связанными руками были выстроены на борту транспорта, один из матросов ногой сбрасывал их в море. Эта зверская расправа была видна с берега, где стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись. Ужаснее всех погиб штабс-ротмистр Новицкий. Его, уже сильно раненого, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта»⁴³⁰.

* * *

Смешанные чувства долга, чести, мести за погибших товарищей, обреченности и отчаяния выковывали идеологию главной движущей силы Белого движения — офицеров-добровольцев*. Эта идеология сводилась в сущности к выполнению своего воинского долга перед страной. Воинский долг с внешнего противника *распространился* у них на внутреннего, который, по мнению добровольцев, вел страну к хаосу и развалу, к поражению во внешней войне. ***Для офицеров разгоравшаяся разрушительная анархия была вызовом их доведенному до инстинкта долгу защиты отечества, связанному с чувством самопожертвования.***

Наиболее близким и понятным политическим противником для офицеров были большевики, открыто призывавшие «воткнуть штыки в землю», что было прямым вызовом офицерскому долгу. Большевики поддерживали стихийное стремление масс к миру, а эти массы уже чинили убийства и насилия над офицерами. В результате ***большевики стали для офицеров неким собирательным образом врага, объединявшим в сущности всю солдатскую и народную массу, не желающую продолжать войну и требующую невнятных социальных перемен***, выразившихся на том этапе развития в виде анархии. Для офицеров лю-

* Для многих офицеров выбор этот был далеко не однозначен. Тяжесть моральных мук офицерства описана в «Белой гвардии», «Днях Турбиных», «Беге» М. Булгакова, «Хождении по мукам» А. Толстого, «Тихом Доне» М. Шолохова, «Между белыми и красными» Э. Двингера и т.д.

бой, кто выступал против продолжения войны или отказывался подчиняться, становился большевиком.

Офицеры не вдавались в глубокие рассуждения и принимали внешнюю сторону революции за ее суть. И это была роковая ошибка, как для них, так и для страны. Керенский в этой связи замечал: «Офицерам следовало постараться понять, почему солдат, радуясь краху военной системы, мстит своим непосредственным командирам... *Не стоит все сваливать на злую волю отдельных людей или на пропаганду, настроившую солдат против офицеров. Это действительно сыграло свою роль, но это не основная причина, даже не вторичный фактор эксцессов*»⁴³¹.

«Командование утратило авторитет задолго до революции, — пояснял свою мысль Керенский, — даже задолго до войны, благодаря самой системе военной администрации. *Не революция, а самодержавие, страшно боясь потерять свою единственную опору — армию, превратило ее в полицейскую организацию...*»; «*нигде в России пережитки крепостничества не чувствовались так сильно, как в повседневной рутине казарменной жизни*», «под покровом полуфеодально-полупатриархальной системы шла глухая борьба солдат с командирами, накапливалась ненависть, уничтожавшая последние остатки авторитета». «В армейских рядах накопилось чересчур много обид, гнева, ненависти к командирам; *в преступлениях режима винили наименее виновных*»⁴³².

Офицеры олицетворяли собой силу или, говоря словами С. Витте, «престиж силы»⁴³³, на которой держалось все здание российской империи, и вместе с тем вековое порабощение крестьянства, сохранение его в нищете и невежестве. Наиболее ярко и отчетливо для крестьян эта сила проявилась при подавлении армией революции 1905 г. Как только военной разрухой этот «престиж силы» оказался поколеблен, крестьяне, одетые в солдатские шинели, решили, что настал их час освобождения, на пути которого стояли остатки этой былой силы. Радикализм их настроениям придавало сохранившееся, на подсознатель-

ном уровне, чувство мести к угнетателям (выразившимся во время войны в офицерах) за века рабства.

Примером здесь могут служить хотя бы воспоминания шефа жандармов А. Бенкердорфа, относящиеся к временам Николая I: «Военные поселяне, возбуждая друг друга, дали волю своей ненависти к начальству и бросились с яростью на офицеров и врачей. Все окрugi огласились общим воплем, требовавшим смерти офицерам..., всякий кто не мог спастись от них скорым бегством, был беспощадно убиваем...»⁴³⁴

Проявление этих чувств, прежде всего, в армии, было закономерно, поскольку армия является наиболее консервативным, выкованным кровью и веками инструментом власти. Той власти, которая в России всего десятилетие назад, под давлением революции 1905 г., отменила остатки крепостного права. Однако они, по словам лидера эсеров В. Чернова, почти в нетронутом виде сохранились в армии: «ген. Алексеев был до мозга костей пропитан старой психологией, диктовавшей вывеску “Вход нижним чинам и собакам воспрещен”»⁴³⁵. Характерен пример, когда обсуждая с членом Думы приказ о вежливом обхождении с рядовыми, один из командиров дивизий выразился коротко и энергично: «Я порол этих мерзавцев и буду пороть, а если кто-нибудь пикнет, я сам дам ему пятьдесят ударов плетью»⁴³⁶. Чернов в итоге приходил к выводу о «касте генералов»⁴³⁷. Эти принципы не смогла разрушить даже Февральская революция, и «революция повернулась спиной к кадровым офицерам. *Возможно, это было логично и неизбежно, но оттого не менее трагично*», — констатировал Керенский⁴³⁸.

Офицеры, радикализованные войной и революцией, действительно стали заложниками ситуации: они превратились в особую социальную группу, касту, оторванную от народа и противопоставившую себя ему.

Офицеры первыми стояли на пути стихии, рвавшейся домой, к миру и одновременно мстящей за копившиеся многие столетия обиды. И не важно, что офицеры не представляли уже собой правящего класса, но они олицетворяли его и выполняли его приказы. Офицерству своими жизнями, судьбами пришлось отвечать не только за себя, но и за весь правящий класс, который довел страну до революции и гражданской войны. Заставляя крестьянскую армию выполнять свой долг, они встали на пути стихии разгоравшегося «Русского бунта», который с невероятной жестокостью смел их⁴³⁹.

Несмотря на все свои недостатки, Белая армия при поддержке союзников представляла собой грозную военную силу. И итог Гражданской войны, особенно в ее начале, был еще далеко не предрешен. Солдаты идут на смерть ради будущего, а не прошлого. От того, какое будущее, какую созидательную идею несли на своих штыках белые армии русскому народу, зависел и итог той войны:

Идеология Белого движения

Во имя этих священных целей, которые связывали ген. Корнилова с либералом Милюковым и черносотенцем Римским-Корсаковым, уложены были сотни тысяч народу, разграблены и опустошены юг и восток России, окончательно расшатано хозяйство страны, революции навязан был красный террор.

*Л. Троцкий*⁴⁴⁰

«Добровольческая армия не преследует никаких политических целей; члены ее при своем вступлении дадут подписку не принимать никакого участия в политике и не заниматься какой бы то ни было политической пропагандой» — декларировал создатель Белой армии ген. М. Алексеев⁴⁴¹. «Бойцы-добровольцы жаждали уйти от подальше от политики, но Добровольческая армия в целом, — замечал в ответ ген. Н. Головин, — уйти от нее конечно, не мог-

ла. Политика прикреплялась к ней в лице тех политических и общественных деятелей, которые стекались под ее защиту. В подавляющем большинстве это были представители либеральной демократии и буржуазии, сильно поправевшие после всего пережитого»⁴⁴².

Но главное — необходимость комплектования и поддержания боеспособности армии, потребность в поддержке общественности и союзников требовала от ее лидеров сформировать цели своего движения. Первым их попытался сформулировать в своей политической программе ген. Л. Корнилов: «“Совет народных комиссаров” утвердил у нас деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всем культурно-историческим завоеваниям страны... Низвергнув гибельную диктатуру черни и оперевшись на все здоровые национальные и демократические элементы народа, эта власть должна прежде всего все свои усилия направить к подавлению анархии и возрождению армии... поднятию производительных сил страны»⁴⁴³.

Следующий командующий Армией Юга России ген. А. Деникин, в своем политическом обращении «От Добровольческой армии...», был лаконичнее: «Предстоит... тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни...»⁴⁴⁴

Что же Деникин понимал под народоправством и чернью? Похоже, он и сам до конца не знал определенного ответа на этот вопрос: «Эта формула (*опора на разные слои населения, в особенности на крестьянство*), — вспоминал он, — не обнаруживала степени дерзания ни в аграрном, ни в прочих социальных вопросах, сильно напоминая наши всегдашние призывы к сотрудничеству “всех государственно мыслящих слоев населения”, а некоторая неясность редакции этого пункта дала даже повод председателю Особого совещания генералу Лукомскому сопроводить ее замечанием: “То есть выбросить буржуев!..”»⁴⁴⁵

Уточнение в определение «народа» внес член деникинского правительства профессор К. Соколов: «Власть должна опереться на консервативные круги при условии признания ими факта земельной революции», — однако, как замечал Деникин, — Это предложение теряло свою ценность, принимая во внимание настроения правых кругов, в глазах которых *тогда* даже «третий сноп» считался «уступкой домогательствам черни... Итак, коалиции конец. **Предстоит выбор: либерализм, консерватизм или «левая политика правыми руками»** — та политика, которая была испытана впоследствии в Крыму другими лицами без особого успеха»⁴⁴⁶.

Какой же «народ» представляли те политические силы, среди которых Деникин искал опору будущей власти?

У правых (консервативных) партий был **«общий лозунг — «самодержавие, православие, народность»**. Из предосторожности он не осложнялся необычайно трудными вопросами положительного государственного и социального строительства, а сводился к простейшему и доступному массе, оголенному от внешних туманных покровов императиву: — Бей жидов, спасай Россию!»⁴⁴⁷ «Почвенность», «корни» и народная опора считались там (среди монархистов и националистов) элементами второстепенными. Многие разделяли тогда взгляд, приписываемый одному из лидеров ультраправых В. Пуришкевичу: «К моменту окончательной победы над большевиками народная масса, усталая от пережитых потрясений, жаждущая порядка и возвращения к мирному труду, окончательно утратит свою роль главной движущей силы революции; масса отойдет от политики. Но революция будет продолжаться. И взамен демоса на арене борющихся сил окажутся политические группы, кружки и партии, из которых каждая будет говорить от имени народа. Вот этим-то моментом и нужно воспользоваться для выхода на политическую арену...» Деникин замечал, что это был «Взгляд, не лишенный проницательности»⁴⁴⁸.

Меньшевики совершенно трезво смотрели на такое будущее: «Учредительное собрание при самом неограни-

ченном избирательном праве, но в обстановке тишины и спокойствия, легко превратилось бы в послушное орудие реакции при отсутствии революционной энергии в массах; представители народа были бы бессильны перед правительством...» Как следствие «меньшевистские белогвардейские газеты..., — по словам Деникина, — приняли тон настолько вызывающий и направление настолько деморализующее, что властям (Юга России) пришлось закрыть их»⁴⁴⁹. Меньшевики «первыми примирились с большевиками и объединились с ними для борьбы с враждебными большевизму правительствами. Вслед за меньшевиками по этому пути пошли и социалисты-революционеры. Ряд видных и ответственных деятелей этой партии (Вольский, Святицкий и др.) выступили с соответствующими декларациями и воззваниями...»⁴⁵⁰

Эсеры на своем IX Совете партии, собравшемся в Москве в середине июня 1919 г., постановили: «прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой, перенеся центр своей борьбы на территорию Колчака, Деникина и др., подрывая их дело изнутри и борясь в передовых рядах восставшего, против политической и социальной реставрации, народа всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия»⁴⁵¹. И это были не пустые слова. Эсеры, еще вчера выступавшие против большевиков, не только встали на их сторону, но и начали создавать партизанские отряды для помощи Красной армии. Деникин здесь ссылался на собственное признание эсеров «употребивших все усилия для свержения сибирской власти и теперь поднявших вооруженные восстания во Владивостоке, Иркутске, Красноярске и других пунктах во имя прекращения Гражданской войны и примирения с большевиками»⁴⁵².

У белых оставалась последняя надежда — та самая либеральная партия кадетов, идеи которой были наиболее близки взглядам самого Деникина. Его биограф Д. Лехович определял политическую платформу командующего Армии-

ей Юга России, как «либерализм», основанный на вере в то, что «кадетская партия... сможет привести Россию... к конституционной монархии британского типа»; соответственно, «идея верности союзникам (Великобритания, Франция, США. — В.К.) приобрела характер символа веры»⁴⁵³. Но «в конце июня, в разгар блестящих успехов армий и общего высокого подъема, либеральная общественность, — отмечал Деникин, — страшилась взять руль правления в предвидении «враждебного отношения других влиятельных общественных сил и противодействия с их стороны»⁴⁵⁴.

В Белой армии «и близких ей кругах... создавалось озлобление против “кадетов”, и в частности против либеральных членов Особого совещания, которых называли “злыми гениями” и “главными виновниками” постигших нас бедствий. В такой обстановке *либеральная общественность сочла для себя бремя власти непосильным и, предлагая известный политический курс, в то же время не давала своих людей, которые могли бы проводить его в жизнь. Очевидно, и не могла дать, так как, по признанию видных ее деятелей, помимо внутренних расхождений, в этом лагере было очень мало людей, которые “революционному разложению и распаду могли бы противопоставить понятную всем организующую силу”*. Это последнее обстоятельство встало передо мной особенно ярко, — вспоминал Деникин, — когда я задал вопрос, при создавшихся условиях чисто академический: — Кого же все-таки либеральная группа могла бы предложить в главы правительства?»⁴⁵⁵.

На закате карьеры командующим армией Юга России А. Деникин подводил итог своим политическим исканиям: «Последние приказы мои означали: невозможность опереться на либералов, нежелание передать власть всецело в руки правых, *политический тупик и личную драму правителя*. В более широком обобщении они свидетельствовали об одном, давно назревшем и теперь особенно ярко обнаружившемся явлении: *о кризисе русского либерализма*»⁴⁵⁶.

Колчак не вдавался в такие политические дебри, как Деникин. Как отмечал близкий к нему Гинс: «Адмирал был политически наивным человеком. Он не понимал сложности политического устройства, роли политических партий, игры честолюбий, как факторов государственной жизни...»⁴⁵⁷ Представление о первоначальных политических целях Колчака, отражает одно из его первых писем Деникину: «Я принял функции Верховного правителя..., не имея никаких определенных решений о будущей форме государственного устройства России, считая совершенно невозможным говорить в период тяжелой гражданской войны о будущем, ранее ликвидации большевизма»⁴⁵⁸. Политическая мысль Колчака не шла дальше уничтожения социалистов: «Будем верить, что в новой войне Россия возродится. "Революционная демократия" захлебнется в собственной грязи, или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну»⁴⁵⁹.

Однако вскоре Колчаку все же пришлось сформулировать свои политические цели. Этого потребовали союзники в обмен на признание адмирала Верховным правителем России. Первым требованием «союзников» был созыв Учредительного собрания, как высшего законодательного органа России. При этом, «если же к этому времени "порядок" еще не будет установлен, адмирал *должен созвать "старое" Учредительное собрание на то время, пока не будут возможны новые выборы*».

Колчак, по воспоминаниям генерала для поручений М. Иностранцева, прокомментировал требование союзников следующим образом: «Вы ведь знаете, что западные государства во главе, конечно, с Вильсоном вздумали меня исповедовать на тему, какой я демократ? Ну, я им ответил... Во-первых..., что Учредительное собрание, или, вернее, Земский собор, я собрать намерен, и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок... Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное

собрание за таковое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу! Наконец, при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно здоровые элементы... Вот какой я демократ!...»⁴⁶⁰

Чьи же интересы, по мнению Колчака, должны были представлять эти «государственно здоровые элементы»? — Либералов?

Последние постоянно окружали Колчака в ранге министров, но для демократической, политической победы этих сил было явно недостаточно. Так, например, на выборах в Учредительное собрание 1917 г. кадеты набрали по всей Сибири всего лишь 2-3% голосов избирателей⁴⁶¹. Но наиболее ярко провал либералов выразился в их неспособности сформировать собственное работоспособное правительство. «Откуда взять министров путей сообщения, иностранных дел, военного, юстиции, когда людей нет? Мы рабы положения», — восклицал Колчак⁴⁶². Гинс пояснял: *«быть хорошим земцем, газетчиком, адвокатом, даже парламентарием — не значит быть хорошим директором департамента, а тем более министром»*⁴⁶³.

У Колчака повторялась та же ситуация, что и у Деникина: «Нет людей!» Эта жалоба не сходила с уст интеллигенции и со страниц печати. В. Шульгин с горечью писал о том явлении, что «в гражданском управлении выявилось русское убожество, перед которым цепенеет мысль и опускаются руки... Ряды старых работников страшно поредели, а новых нет как нет»⁴⁶⁴.

Какая же сила, по мнению Колчака, в этом случае могла возродить российское государство? Адмирал отвечал на этот вопрос следующим образом: «Мы глубоко убеждены в том, что возродит Россию ее армия. Без армии нет государства... нет основ общественной и имущественной безопасности, нет свободы...»⁴⁶⁵ «Колчаковское народоправство»

могло удержаться только на штыках армии. В заявлениях Верховного правителя постоянно сквозит подспудная констатация этого факта: «Я убежден, что при условиях настоящего времени партийное представительство исключает возможность положительной государственной работы... ***вопросы организации государственной полиции... одни из важнейших..., основанием общественной безопасности и фундаментом, на котором строится организация полиции, является по существу армия***»⁴⁶⁶.

Но армия, состоящая непосредственно из народа — мобилизованных крестьян и рабочих, сама могла стать угрозой «колчаковскому народоправству». Не случайно, отмечал С. Мельгунов, для всех белых вождей было характерно стремление держать свои армии «вне политики». Так, уже 21 ноября 1918 г. Колчак издает приказ: «Всякую попытку извне и изнутри втянуть Армию в политику приказываю пресекать всеми имеющимися в руках начальников и офицеров средствами»⁴⁶⁷.

Тогда за какие идеи должны были идти на смерть солдаты Колчака?

Адмирал не утруждал себя особыми изысканиями: «Мы все сражаемся за воссоздание Родины и боремся против захватчиков власти, которые под ложным именем рабоче-крестьянского правительства поработили наше отечество. Эти захватчики даже не русские люди, они наемники немцев, и кто они такие, вы отлично знаете»⁴⁶⁸. Точно такими же лозунгами, по словам князя Трубецкого, призывал к непримиримости и высший командный состав Добровольческой армии Юга России: «"немец был враг, и притом нечестный враг, придумавший удушливые газы и самих большевиков". Помощник Главнокомандующего ген. Лукомский совершенно серьезно утверждал: "немцы не в честном бою, а подлыми предательскими приемами погубили нашу армию и продали Россию в руки большевиков"»⁴⁶⁹.

Лидеры белого движения не смогли найти ничего лучшего, чем повторять обращение Л. Корнилова времен августовского (1917 г.) мятежа: «Великая родина наша умирает.

Час ее кончины близок. Вынужденный выступить открыто, я, ген. Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов* действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба... Я не могу заставить себя отдать Россию в руки ее наследственному врагу, германской расе, и обратить русский народ в рабов германцев, но предпочту умереть на поле чести и сражения, лишь бы не видеть позор и бесчестие Русской Земли»⁴⁷⁰.

Но Колчак пришел к власти уже после подписания перемирия Антанты с Германией. Допрашивавший его Алексеевский спрашивал в связи с этим: «Германия вышла из войны, и установилось общее замирение Европы. Не возникало ли у вас мысли, что и для России надо искать мирного выхода из того положения, которое создалось?» В ответ Колчак заявлял: «этот мир нас не касается, и считал, что война с Германией продолжается...»⁴⁷¹.

*«Чем, кроме “зараженного духа”, кроме пагубной склонности к самоублажению можно было бы объяснить, что стоявшее на высших ступенях военной иерархии и призванное руководить сложнейшими событиями лицо дает этим событиям оценку, по наивной простоте своей присущую разве что ученику подготовительного класса, — восклицал по этому поводу Р. Раупах, — Эта боязнь называть вещи своими именами исключала всякую возможность трезвой оценки событий и людей, то есть то качество власти, без которого она утрачивала свое значение»*⁴⁷².

Абстракцию «Белой идеи» наиболее ярко подчеркивал лозунг, провозглашающий ее цели — «Непредрешение». В соответствии с этим лозунгом все будущее политическое устройство России отдавалось на волю нового «Учредительного собрания», которое должно было быть

* Большевики во время мятежа были в меньшинстве во всех органах власти, где были представлены, в частности в Петроградских Советах они имели не более 15% голосов.

созвано после победы над большевизмом. Идея «Непредрешения» стала официальной целью Белого движения 9 января 1918 г., прозвучав в манифесте Добровольческой армии: «Новая армия будет защищать гражданские свободы, что бы позволить хозяевам русской земли — русским людям — выражать через выбранное Учредительное собрание свою волю...»⁴⁷³

Один из авторов манифеста создатель Белой армии Юга России ген. М. Алексеев в июне 1918 г. откровенно пояснял: *«Относительно нашего лозунга — Учредительное собрание — необходимо иметь в виду, что выставили мы его лишь в силу необходимости... Наши симпатии должны быть для вас ясны, но проявить их здесь было бы ошибкой, т.к. населением это было бы встречено враждебно...* Большинство офицеров Добровольческой армии было за поднятие монархического флага, но...»⁴⁷⁴, отмечал ген. А. Лукомский: «в 1918 и 1919 гг. провозглашение монархического лозунга не могло встретить сочувствия не только среди интеллигенции, но и среди крестьян и рабочей массы... провозглашение же республиканских лозунгов не дало бы возможности сформировать мало-мальски приличную армию, так как кадровое офицерство, испытывавшее на себе все прелести революционного режима, за ними не пошло бы»⁴⁷⁵.

Если «непредрешенчество» ген. Корнилова являлось предоставлением решения основных государственных вопросов Учредительному собранию, — отмечал в этой связи ген. Н. Головин, то, — *«Непредрешенчество» же ген. Деникина было умалчиванием о способах их разрешения... Сравнение "наказа" ген. Деникина с подобным же наказом ген. Корнилова резко обнаруживает, насколько политическое мировоззрение нового вождя Белого Движения остается скрытым...»*⁴⁷⁶ *Скрытым от собственной армии, которую он вел насмерть и народа, который он призвал идти за собой!*

Суть проблемы «Непредрешения» передавал главный идеолог в правительстве Колчака Гинс: «Существенным

пробелом программы Российского Правительства (Колчака), была неясность его политической физиономии в его официальной программе. *Оно стремилось объединить все, что относилось враждебно к большевизму. Но что положительного оно обещало? Ссылка на Учредительное Собрание равносильна отказу от навязывания народу своей программы. Но власть всегда должна иметь определенные намерения, и в Учредительное Собрание она не может явиться без всякого проекта государственного устройства»*⁴⁷⁷.

Деникин полностью отдавал себе отчет в этом, однако «предрешение» казалось ему страшней: «Перед правительством оставались бы и тогда неразрешимые для него вопросы: невоюющая армия, непроизводительная промышленность, разрушаемый транспорт и... партийные междоусобицы, а кроме этого было еще и крестьянство, занятое "черным переделом"... "Непредрешение" и "уклонение" от декларирования принципов будущего государственного устройства..., были не "теоретическими измышлениями", не "маской", а требованием жизни. Вопрос этот чрезвычайно прост, если подойти к нему без предвзятости: все три политические группировки противобольшевистского фронта — правые, либералы и умеренные социалисты — порознь были слишком слабы, чтобы нести бремя борьбы на своих плечах. "Непредрешение" давало им возможность сохранять плохой мир и идти одной дорогой, хотя и впереводку, подозрительно оглядываясь друг на друга, враждуя и тая в сердце — одни республику, другие монархию; одни Учредительное собрание, другие Земский собор, третьи "законопреемственность"»⁴⁷⁸.

Но в еще большей мере политика «непредрешенчества» была ориентирована на союзников. На это прямо указывал командующий чехословацким корпусом ген. Р. Гайда, варившийся в гуще событий, в своем сообщении военному департаменту США: «Колчаковское правительство не может удержаться у власти, и если союзники будут помогать ему, это будет величайшей исторической ошибкой.

Правительство делится на две части: одна выпускает прокламации и распространяет сообщения для иностранного потребления о благожелательном отношении правительства к созыву Учредительного собрания и готовности осуществить его созыв, другая часть тайным образом строит планы и заговоры с целью восстановления монархии»⁴⁷⁹.

За лозунгом «непредрешения» не стояло никаких реальных, созидательных идей, в него не верили даже те, кто шел умирать за «белую идею». По словам самого Деникина, осенью 1918 г. оба его ближайших помощника заявили ему, «что работать под лозунгом Учредительного собрания они считают для себя невозможным. Это было убеждение, широко распространенное в военной среде и правых кругах, где понятия “учредилка” и “учредиловцы” встречали презрительное отношение»⁴⁸⁰. В итоге, констатировал атаман П. Краснов, *«генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме единой и неделимой России... В Учредительное собрание уже никто не верил, потому что каждый понимал, что его фактически не собрать»*⁴⁸¹.

Бывший командующий Кубанской армией ген. А. Шкуро в связи с этим отмечал: «Смешно сказать, но приходилось искать добровольческую идеологию в застольных спичах и речах, произнесенных генералом Деникиным по тому или другому случаю; простое сравнение двух-трех таких “источников” убеждало в неустойчивости политического мировоззрения их автора и в том, что позднейший скептицизм и осторожность постоянно аннулировали первоначально обещанное»⁴⁸².

«Тогда я ни во что не верил, — вспоминал один из лучших генералов Белой армии Я. Слащов, — Если меня спросят за что я боролся и каково было мое настроение, я чистосердечно отвечу, что не знаю... Не скрою, что в моем сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, — ведь невозможно же что они и теперь торжествуют благодаря лишь немцам и т.п. Но эти мысли я как-то трусливо сам отгонял от себя и противопоставлял им слухи о восстаниях внутри России и т.п. *Это было ужасное время, когда я не*

мог сказать твердо и прямо своим подчиненным, за что я борюсь»⁴⁸³.

«Главная внутренняя проблема отдела пропаганды, — констатировал другой участник событий Н. Карпов, — заключалась в том, что ему нечего особенно было пропагандировать, не было позитивных лозунгов, которые бы воодушевляли население и несли разложение в ряды красных войск»⁴⁸⁴.

Чего же тогда хотели белые?

«Они хотели победить красных. А потом? Потом, — отвечал Р. Раупах, — ничего, ибо только государственные младенцы могли не понимать, что силы, поддерживавшие здание старой государственности, уничтожены до основания, и что возможностей восстановить эти силы не имелось ни каких. **Победа для красных была средством, для белых — целью, и притом единственной, а потому и можно совершенно безошибочно ответить на вопрос, что было бы, если бы они эту победу одержали.** В стране появились бы бесчисленные организации, борющиеся между собой за кандидатов на престол, за Советы без большевиков, за Учредительное собрание и демократический режим и еще за многое другое*. Хозяйничали бы всякие разные батьки Махно, атаманы Семеновы, Петлюры и просто разбойничьи банды. Все это, прикрываясь высокими лозунгами, грабило бы население, разрушало бы города, сметало артиллерийским огнем целые деревни, насиловало женщин, распространяло бы сыпной тиф и внесло невероятную разруху. И страна представляла бы небывалую по эффекту и ужасу картину смерти нации»⁴⁸⁵.

* На подобный исход указывают и воспоминания вл. князя Александра Михайловича: «русские беженцы 1919-го принадлежали к бесчисленным политическим партиям и ненавидели друг друга много сильнее, нежели большевиков... Никто, кроме плохо информированных американских корреспондентов, не назвал бы ту разношерстную армию просто "белой русской эмиграцией". Розовые и красноватые, зеленые и белесые, они все ждали, когда падут большевики, чтобы вернуться в Россию и продолжить свою грызню, прерванную Октябрьской революцией...». (Александр М..., с. 377).

Очевидно, в этом отдавали себе отчет и сами *либерально-демократические идеологи белого движения*. Этот факт отражали их идеи, появившиеся в то время, когда едва только возник мираж скорой победы: «Когда Деникин продвигался к Москве, в правых омских кругах... **ярко выявились пристрастие к диктатуре**... нетерпимость даже к умеренным социалистическим партиям, — вспоминал Гинс. — *Кадетский Национальный центр устами газеты "Русское дело" твердил только одно: "Диктатура, без всяких ограничений, без всяких перспектив"*... «Партия народной свободы, — утверждал Устрялов, — относилась и относится отрицательно к идее законосовещательного и законодательного органа, ибо это ослабит, а не усилит диктатуру. Наша точка зрения заключается в необходимости укрепления диктатуры... **Наш девиз не только "диктатор-освободитель", но и "диктатор-устроитель"**»⁴⁸⁶.

Лозунг «непредрешенчества», признавал белый ген. Н. Головин, был обманом: уже «"корниловская программа" стояла на "непредрешенческой" точке зрения. Учредительное собрание почиталось "единственным хозяином земли русской", только оно может "выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй". Однако **весь тон и редакция "Корниловской программы" не оставляют никаких сомнений в затаенном стремлении к диктатуре**...»⁴⁸⁷ И к этой цели, по словам Головина, стремилась вся Добровольческая армия — «**Военная диктатура — вот чего хотела рядовая среда добровольцев**»⁴⁸⁸.

И в этом не было ничего необычного, ведь формально диктатура является объективно необходимой формой власти в кризисных условиях. Прогрессивный или регрессивный характер власти определяется не столько формой, сколько ее идеями и целями: во имя чего, ради достижения каких целей осуществляется радикальная мобилизация власти? Что могли ответить на этот вопрос лидеры белого движения?

Практически ничего. *«Белое движение не провозгласило цели, а его лидеры отказывались говорить о будущем России»*, — отмечает П. Кенез⁴⁸⁹. Американского историка дополнял его британский коллега П. Флеминг: «У белых не было ни идеалов, ни принципов, ни веры...»⁴⁹⁰ Причины этого явления Раупах находил в том, что: «столетиями державшееся в России крепостное право, одинаково развратившее как рабов, так и рабовладельцев, исключило из духовного мира русской общественности всякую, даже самую примитивную идейность»⁴⁹¹.

Впрочем, не совсем, белая идея все же была, ее выразителями стала «вся бежавшая от большевиков буржуазия. Бывшие губернаторы и бюрократы, помещики, торговая и финансовая знать, интеллигенция и масса рядового обывателя. “Это были люди, — отмечал А. Суворин, — которых революция лишила их привилегированного и сытого положения, и оттого идейность сводилась к *уничтожению большевиков и восстановлению порядка, то есть возможности прежнего благополучия*”»⁴⁹².

«Это те самые люди, — пояснял вл. князь Александр Михайлович, — которые сначала взяли от империи все, что она могла дать — защиту от черни, право эксплуатировать крестьян, недоплачивать рабочим и обманывать вкладчиков, жизнь, полную неги и очарования...»⁴⁹³ Именно эти «бывшие», по словам военного министра Колчака ген. А. Будберга, и определяли всю «идеологию» белого движения: «Очень тревожен состав ближайших к Деникину кругов и административных верхов; слишком много фамилий, вызывающих воспоминания о непривлекательных сторонах недавнего прошлого; возникают опасения, что *и там, как и у нас, ничего не забыли и ничему не научились*»⁴⁹⁴.

Всю сущность «Белой идеи» с откровенной прямоотой выразил призыв лидера либерально-демократической партии кадетов П. Милюкова — *«загнать чернь в стойла»*⁴⁹⁵. Методы рекомендовал ультраправый черносотенец В. Пуришкевич: «только публичными расстрелами и виселицей»⁴⁹⁶. Либерал Милюков в этой связи добавлял, что:

«бывают времена, когда с народом не приходится считаться»⁴⁹⁷. И не считались.

Один из участников событий на Юге России Н. Воронович вспоминал: «С приближением армии к Москве оставшиеся в ее тылу военные и гражданские чиновники становились все более развязными и, поощряемые крайними реакционными элементами, говорившими (слова ген. Кутепова), *что восстановить Россию возможно лишь при помощи кнута и виселицы, всячески старались применять эти способы воссоздания “Единой, Великой и Неделимой России”* на вверенной им правительством Деникина территории»⁴⁹⁸. Даже такой представитель правых, как граф Бобринский, глядя на это не выдерживал: «я боюсь не левых, а крайне правых, которые, еще не победив, проявляют столько изуверства и нетерпимости, что становится жутко и страшно»⁴⁹⁹.

Цели движения, определяют характер армии. И несмотря на то, что добровольцы избегали политики и, что свой сословный характер офицерство утратило почти полностью, Белая армия, с первых дней своего создания, стала носить не народный, а классовый характер. Этот факт признавал и сам ген. А. Деникин: «“Всенародного ополчения” не вышло. В силу создавшихся условий комплектования, армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, *приобретая характер классовый... Печать классового отбора легла на армию прочно...*»⁵⁰⁰

Ген. А. Будберг подчеркивая этот факт в своем «Дневнике» отмечал: «За нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищаем их материальные блага... Все остальные против нас, частью по настроению, частью активно»⁵⁰¹. *Офицерство «дралось и гибло с высоким мужеством, — констатировал Деникин, — Но наряду с доблестью, иногда рыцарством, в большинстве своем в военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм — иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции»*⁵⁰².

КРАСНАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Декрет СНК «Об Организации Рабоче-крестьянской Красной Армии» от 15 (28) января 1918 г. провозглашал: «Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе»⁵⁰³.

Создание «рабоче-крестьянской армии» строилось на добровольной основе из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящегося класса». «Но, — как отмечал Деникин, — формирование новой классовой армии шло неуспешно, и совету пришлось обратиться к старым организациям: выделялись части с фронта и из запасных батальонов соответственно отсеянные и обработанные, латышские, матросские отряды и красная гвардия, формировавшаяся фабрично-заводскими комитетами»⁵⁰⁴.

Необходимость создания полноценной армии возникла с началом иностранной интервенции и развертыванием гражданской войны: *«большевистская вооруженная сила»*, отмечал в этой связи Н. Головин, *начала создаваться «вследствие первого Кубанского похода Добровольческой армии»*⁵⁰⁵. Всеобщая воинская повинность была введена весной 1918 г. на V съезде Советов. Одновременно решение съезда постановляло: «Хулиганские элементы, которые грабят и насилуют местное население или устраивают мятежи, шкурники, трусы, дезертиры, которые покидают боевые посты, должны караться беспощадно»⁵⁰⁶. Обязанность всех граждан защищать социалистическое отечество была закреплена в Конституции РСФСР 1918 г.*

* Право защищать отечество с оружием в руках, было предоставлено только трудящимся, нетрудовые элементы выполняли иные воинские обязанности.

Основу Красной армии на первом этапе составила Красная гвардия, которая к моменту Октябрьской революции насчитывала около 100 тысяч человек, раскиданных более чем по 100 городам. Не считая отрядов рабочей милиции, создаваемых местными Советами. К Красной армии присоединялись разношерстные, зачастую анархистские, полупартизанские отряды экзальтированных революцией солдат и матросов, вчерашних крестьян, которые, как и крестьяне грабили в деревнях и мстили своим «обидчикам», и в первую очередь офицерам.

*Наглядный пример того, что представляли собой отдельные подразделения Красной армии в то время, давал доклад члена Реввоенсовета 10-й армии А. Окулов в ЦК РКП(б): командный состав красноармейских частей, «до сих пор являясь выборным, зависит от настроения массы, для поддержания своего положения нередко прибегает к демагогии, льстит массе и попустительствует многому, что разлагает армию. Громаднейшие обозы некоторых частей, где скрываются тысячи мародеров, дезертиров и лодырей, как саранча опустошают окрестности, пожирают снабжение, сеют панику и разложение... **Частью в силу того, что творит 10 армия среди мирного населения, и может быть больше всего именно по этой причине, мы ведем войну среди неприятельской страны.** В некоторых дивизиях... мародерство носит массовый характер и принимает очертания правильно организованного промысла, деятельность этих хищников не различает ни социальных положений, ни пола, ни возраста... В результате при приближении наших войск мирное население нередко вооружается, оказывает нам отчаянное сопротивление, а при поражении повально бежит, захватывая с собой все, что можно, а остальное пряча или уничтожая»⁵⁰⁷.*

«Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности — вот внешний вид нашей Красной армии

до осени 1918 года, — писал в своих воспоминаниях М. Тухачевский. — Только с этого момента начинается перелом. Отряды переформируются в полки, полки начинают сводиться в бригады и дивизии»⁵⁰⁸.

В октябре В. Ленин выдвинул требование о создании трехмиллионной Красной армии. К концу 1918 г. в стране действовал 7431 военкомат. Однако для экипировки и оснащения трех миллионов солдат у Советов не хватало около двух миллионов винтовок, почти двух с половиной миллионов шинелей и сапог...⁵⁰⁹ Однако главной проблемой, с которой столкнулись большевики, было отсутствие профессионального командного состава. Без него создание Красной армии было невозможно и уже в марте 1918 г. СНК узаконил призыв в Красную армию «военных специалистов» из бывших офицеров царской армии.

«Если бы мы не взяли их на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армию..., — отмечал Ленин, — И только при помощи их Красная армия смогла одержать те победы, которые она одержала... Без них Красной армии не было бы... Когда без них пробовали создать Красную армию, то получалась партизанщина, разброд, получалось то, что мы имели 10-12 миллионов штыков, но ни одной дивизии, ни одной годной к войне дивизии не было, и мы не способны были миллионами штыков бороться с ничтожной регулярной армией белых»⁵¹⁰.

Но еще до принудительной мобилизации, в первые дни наступления немецких войск, в феврале 1918 г. в Красную армию вступило добровольно свыше 8 тысяч бывших офицеров и генералов⁵¹¹. Часть офицеров выступила на стороне красных, уже на следующий день после Октябрьской революции. Причина этого, по словам Троцкого, заключалась в том, что «большое число офицеров, которые не разделяли наших (большевистских) политических взглядов, но, связанные со своими частями («loyalement attaches»), сопутствовали своим солдатам на поле боя и управляли военными действиями против казаков Краснова»⁵¹². На деле мотивы вступления многих офицеров в Красную армию были видимо глубже

и скорее связывали офицеров «loyalement attaches» не столько с солдатами, сколько со своей страной и ее народом.

Примером в данном случае может служить ген. штаба А. Балтийский, один из первых вступивший в Красную армию, который объяснял свое решение тем, что и он, «и многие другие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым среди слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной Думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что же! Мы пошли с ними... Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство... и пришли к полному убеждению, что они правы, что они действительно строят государство»⁵¹³.

Легендарный ген. А. Брусилов дополнял: «Понять мне их трудно. Я не сочувствую тем, кто разжигает братоубийственную борьбу. Но я считаюсь с интересами народа и твердо знаю: кто выступает против него, под любыми лозунгами и любыми фразами, — тот авантюрист. Правда, в конечном счете, всегда за народом, этому учит история». «Мы с вами принадлежим к очень небольшой части населения, которая, в силу разных обстоятельств, руководила, направляла жизнь государства, вырабатывала политику. Причем в последние десятилетия делала это настолько скверно, что завела страну в военный и экономический тупик». «Я подчиняюсь воле народа, он вправе иметь правительство, которое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой Советской власти, но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю силы на благо горячо любимой Родины»⁵¹⁴,*.

* В создании Красной армии участвовали бывшие военные министры А. Куропаткин, А. Поливанов и Д. Шуваев, начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего В. Бонч-Бруевич, помощник начальника Генерального штаба Н. Потапов, начальник Главного артиллерийского управления А. Маниковский, командующие фронтами П. Балугев, А. Брусилов, В. Черемисов всего около 750 генералов — более трети всего генеральского корпуса России.

Бывший военный министр В. Сухомлинов в 1924 г. издал в Берлине свои «Воспоминания», которые закончил следующим образом: «Залог для будущей России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом (коммунистическим) правительство... Их мировоззрение для меня неприемлемо. И все же медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ, быть может, помимо их воли, по правильному пути к верной цели и новой мощи... Что мои надежды являются не совсем утопией, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилов, Балтийский, Добровольский, свои силы отдали новому правительству в Москве. Нет никакого сомнения, что они это сделали, убедившись в том, что Россия и при новом режиме находится на правильном пути к полному возрождению»⁵¹⁵.

Однако основная часть офицеров пришла в Красную армию не добровольно, а по мобилизации. Среди причин поступления офицеров на службу к большевикам, были и чисто материальные: офицеры были лишены всех видов пенсий и таким образом, вместе с семьями, всех средств к существованию⁵¹⁶.

*Принудительную мобилизацию офицеров осуществляли как красные, так и белые. Для сравнения методов, можно привести пример «белой» регистрации офицеров в Одессе, которую описывал В. Шульгин в 1919 г.: «Толпа... Сколько их? Никто не знает толком, называют самые фантастические цифры... Но не меньше двадцати пяти тысяч, наверное... Целая армия. И казалось бы, какая армия. Отборная... Да это только так кажется... На самом деле эти выдохшиеся люди, потерявшие веру, ничего не способны делать. Чтобы их “встряхнуть”, надо железную руку и огненный дух... Где это?...»⁵¹⁷, *.*

* Регистрацию офицеров проводило и царское правительство: в декабре 1914 г. командующий МВО издал приказ: офицеры, находившиеся на лечении в Москве, должны каждые две недели являться на медицин-

В Сибири в отношении мобилизованных офицеров действовал приказ Колчака: «Все движимое и недвижимое имущество, (включая землю) сдавшихся в плен или перешедших на сторону... красных конфисковывать... упомянутых предателей... в плен не брать и расстреливать на месте без суда»⁵¹⁸. Колчаковский ген. Иванов-Ринов требовал устраивать в Омске облавы на офицеров с постановкой «по Иртышу постов для ловли дезертиров с немедленным их расстрелом»⁵¹⁹.

В декабре 1918 г., как и в Белой армии, в Красной была открыта Военная академия генерального штаба*. Аналогично Белой армии, в Красной начала создаваться сеть военных училищ. За 1918—1920 годы было открыто более 150 школ и курсов и т.п., действовало 6 академий (Генштаба, артиллерийская, инженерная, медицинская, военнo-хозяйственная и морская)⁵²⁰. Среди преподавателей в военно-учебных заведениях бывшие офицеры составляли свыше 90% всего персонала⁵²¹. Часть бывших офицеров занималась обобщением опыта Первой мировой войны, для чего 13 августа 1918 г. была создана Военно-историческая комиссия**.

Бывшие офицеры составляли около 90% командующих фронтами, армиями, дивизиями Красной армии, более — 50% командиров от батальона до взвода, и почти —

скую комиссию. «Я не знаю более гнусного и подлого учреждения, чем 1-й московский эвакуационный пункт, — вспоминал один из раненых в ногу офицеров, — Помещался он за городом, куда извозчик берет не менее 5 р. в конец. Помещение на 3-м этаже, на который ведет лестница без перил, обледенелая скользкая... Ждать своей очереди (часами) приходится в грязном, узком коридоре...» (Степун Ф.А. Из писем прапорщика артиллериста. (Цит. по: Руга В., Кокорев А..., с. 90))

* В 1921 г. переименована в Военную академию РККА.

** «по описанию опыта войны 1914—1918 годов» под председательством ген. от инфантерии В. Клембовского, а также Военно-морская историческая комиссия, подготовившая в том числе «Стратегический очерк войны 1914—1918 годов». (Волков С.В..., с. 328.)

100% штабных должностей всех уровней. Ими же были все начальники артиллерии, связи, инженерных и саперных частей, командиры кораблей⁵²². Бывшие офицеры составляли 2/3* всего командного состава⁵²³. При этом, по данным А. Кавтарадзе, среди бывших офицеров «членов партии большевиков насчитывались буквально единицы. Реввоенсовет Республики отмечал в 1919 году, что **«чем выше была командная категория, тем меньшее число коммунистов мы могли для нее найти...»**⁵²⁴

Тем не менее, как указывает далекий от симпатий к большевикам историк С. Волков, «в целом благодаря мобилизации офицеров красным удавалось иногда даже превосходить своих противников по качеству комсостава»⁵²⁵. «Не говоря уже о петлюровцах и других национальных армиях, встречаются подобные мнения и относительно армии Колчака: “Красная армия всегда имела над нами решающее преимущество, ибо ее командный состав был, с одной стороны, опытен, а с другой — вынужден подчиняться строгой дисциплине”»⁵²⁶. Дисциплина и «преданность» офицерского корпуса обеспечивалась поистине драконовскими методами. Так, например, Ленин требовал: «усилить взятие заложников буржуазии и семей офицеров ввиду учащения измены»⁵²⁷. Он считал, что «позором было бы колебаться и не расстреливать за неявку» офицеров по мобилизации. Приказом Троцкого в конце 1919 г. семьи служивших в Красной армии военспецов объявлялись заложниками⁵²⁸.

Условия службы бывших офицеров были крайне тяжелыми. По мнению ген. М. Бонч-Бруевича, **«перелом в настроении офицерства и его отношении к Красной армии было бы легче создать, если бы не непродуманные действия местных исполкомов, комендантов городов и чрезвычайных комиссий»**⁵²⁹.

* Все школы и курсы за 1918—1920 годы закончили — 39 914 человека, тогда как к декабрю 1920 г. весь командный состав (начиная с командиров взводов) составлял 130 932 человек.

Сколько всего офицеров служило в рядах Красной армии?

По словам Шульгина, «одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много»⁵³⁰. По данным А. Кавтарадзе, «самой ценной и подготовленной части офицерского корпуса русской армии — корпуса офицеров Генерального штаба» в Красной армии оказались 639 человек, что составляло 24—33% всех офицеров Генштаба⁵³¹. Всего, по подсчетам Кавтарадзе, в Красной армии служило примерно 30% общего офицерского состава, в Белой — 40% и еще 30% в 1917 г. оказались вне какой-либо армейской службы вообще⁵³².

В начале Гражданской войны, во время успехов белой армии, большинство офицеров переходило из Красной армии в Белую, но в конце войны ситуация изменилась на прямо противоположную. По данным А. Валентинова, только «на Кубани и в Новороссийске сдалось в общей сложности 10 000 офицеров. Почти все якобы живы. Советская власть будто бы прилагает все усилия, чтобы привлечь их на свою сторону. Многие уже служат в красных армиях. Ведущих, впрочем, агитацию против большевиков беспощадно расстреливают»⁵³³.

Красный командарм А. Егоров отмечал неясные симпатии к Советам, которые наблюдались и у довольно широкого слоя казачьего офицерства. «В силу этого в январе и феврале 1919 г. казачество целыми полками сдавалось и переходило на сторону красных. Так, 31 января в районе станицы Алексеевской на участке 15-й дивизии сдались добровольно в полном составе 23-й, 24-й, 26-й, 27-й и 39-й казачьи полки...»⁵³⁴

С развитием польской интервенции переход и вступление в Красную армию бывших царских офицеров стал принимать массовый характер. Весной 1920 г. «Правда» обратилась с призывом к русским офицерам выступить против

«польской контрреволюции». В состав созданного большевиками «Особого совещания...» вошли известные царские генералы А. Зайончковский, А. Поливанов, А. Цуриков и А. Брусилов. Они обратились с воззванием «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились»: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию»⁵³⁵.

Психологию офицеров и генералов, перешедших на сторону большевиков, в определенной мере выражал А. Брусилов: ***«Правительства меняются, а Россия остается, и все мы должны служить только ей по той специальности, которую избрали. Власть зависит от народа, пусть народ и решает. А мы все, от солдата до генерала, исполнители его воли»***⁵³⁶. Отвечая на обвинения «белых» однокашников, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего ген. М. Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

Летом 1918 г. вооруженные силы красных насчитывали 263,8 тыс. красноармейцев, 36,6 тыс. красногвардейцев, 21,9 тыс. партизан. Из них вооружены были только 199 тыс., обучены военному делу — 31 тыс., а

готовы к немедленному выступлению — 15,5 тыс.⁵³⁷ 1 августа 1918 г. численность Красной армии составляла 331 тыс. человек, 5 сентября — 550 тыс., к концу года — почти 1 млн⁵³⁸ В октябре 1920 г. из 5 млн военнослужащих 2,6 млн находилось в военных округах, 390 тыс. в запасных армиях, 160 тыс. в «трудовых армиях» и только 1 780 тыс. на фронте, причем на главных фронтах (Польском и Врангелевском) — 581 тыс. чел, из них в боевых частях — 150 тыс.⁵³⁹ Социальный состав Красной армии: в 1920 г. — 77,4% крестьян, 14,9% рабочих, 7% служащих и учащихся и др.⁵⁴⁰

Бесплатные реквизиции, называвшиеся в белых армиях «самоснабжением», существовали в Красной армии только в первый год. В дальнейшем «красноармейцам на фронте отдан строжайший приказ не трогать населения и за все взятое платить по установленной таксе. Адмирал (Колчак) несколько раз отдавал такие же приказы и распоряжения, но у нас, — сокрушался военный министр его правительства А. Будберг, — все остается писанной бумагой, а у красных подкрепляется немедленным расстрелом виновных»⁵⁴¹. В Красной армии с 1919 г. реквизиции производились особым органом снабжения, во главе которого стоял ответственный и подлежащий контролю партийный работник. Избавить население от насилий и грабежей они, конечно, не смогли, отмечал Р. Раупах, но это были уже наказуемые злоупотребления, а не руководимое и поощряемое начальством повальное ограбление городов и сел, ставшее бичом населения территорий, занятых белыми⁵⁴².

Исключения, конечно же, были. Наиболее наглядным примером здесь являлась все та же Первая Конная армия Буденного. Один из руководителей ее политотдела А. Бодров даже в начале 1920 г. характеризовал ее следующим образом: «Грабежи, насилия, бандитизм, самоуправство, разбой и убийства бойцами и комсоставом политкомов, расхищение трофе-

ев остаются безнаказанными. Раздевание и расстрел пленных укрепляют разложившегося и готового сдать-ся противника, затягивают ликвидацию Кавфронта. Во всем участвует низший комсостав, лучшая часть комсостава бессильна. *Продвижением вперед Конармия уничтожает контрреволюцию, но своим поведением в занимаемых местностях способствует возрождению контрреволюции*»⁵⁴³.

Характер Первой конной, отмечает историк Генис, определялся тем, что она состояла в основном из крестьян — бывших партизан, а также, по свидетельству члена Реввоенсовета армии А. Окулова, из элементов «деклассированной вольницы, для которых ничего не нужно, как только “немножко резать”, — кого, за что — это решительно безразлично». Хотя малограмотные, а в политическом отношении бойцы называли себя большевиками, говорить об их сознательной приверженности программе РКП(б) не приходилось, так как в их массе нередко звучали разговоры: «Вот разобьем казаков, а потом примемся за коммунистов», и даже начдив Думенко предупреждал своих политработников: «Если будете агитировать о коммунизме, вас убьют»⁵⁴⁴. Г. Сокольников, командующий 8-й армией, считал, что «партизанско-махновские формирования Конармии представят в будущем еще больший военный и политический минус, чем в настоящем, и явятся если не прямым орудием политической авантюры, то во всяком случае рассадником бандитизма и разложения»⁵⁴⁵.

В свое оправдание руководители Первой конной заявляли, что Конармия олицетворяет «крестьянскую стихию», что армия вынуждена самоснабжаться и производить «необходимый грабеж», поскольку, в отличие от пехотных частей, «потребности ее выше, так как она слагается из бойцов и коней, между тем удовлетворение отстает больше при ударном и рейдовом характере операций». Основной же аргумент руко-

водителей Конармии заключался в том, что вспышки бандитизма, будучи явлением нормальным, понятным, естественным и неизбежным, никогда не имели массового характера, ибо «армия с нездоровыми уклонами не могла бы побеждать, а если бы и побеждала, то при первой неудаче она развалилась»⁵⁴⁶.

«В силу ряда причин, — признавался К. Ворошилов в марте 1920 г., — у нас по-прежнему процветают бандитизм, горлохватство и даже разбой. Нужны работники и еще многое, чтобы избавиться от этих кошмарных явлений...» Однако сделать этого не удалось: в разгар боев с польскими войсками, политработниками Конармии вновь указывалось на «увеличивающийся развал армии», растущий бандитизм, грабежи и пьянство. «Все это, — отмечал замначальника политотдела армии С. Жилинский, — делается открыто и не одними красноармейцами, но подчас также и комсоставом, и военкомами. Вообще громадная доля бандитизма берет свое начало благодаря попустительству и поощрению комсостава»⁵⁴⁷.

Под давлением ЦК РКП(б) в конце 1920 г. Реввоенсовет Первой Конной подписал приказ о расформировании части замешанных в преступлениях полков и предании суду «всех убийц, громил, провокаторов и их сообщников», 130 человек было расстреляно, около 200 приговорены к заключению, но позже переведены в другие части⁵⁴⁸. Параллельно с карательными акциями проводилась воспитательная работа для чего в Конармию из Москвы был послан ряд видных большевистских функционеров⁵⁴⁹. Однако это мало помогло и в начале 1921 г. К. Ворошилов снова признавал: Первая Конная «переживает серьезнейший кризис, и ее нужно лечить радикально и спешно и к этому нужно приступить немедленно»⁵⁵⁰.

Красная армия поначалу сильно страдала от дезертирства, часто массового, целыми частями, когда неподготов-

ленные и не сколоченные красные части проявляли в бою мало устойчивости. Попытка использования заградотрядов не решала проблемы, а лишь усугубляла ее — ожидавший отступающих в тылу пулеметный огонь побуждал их переходить к неприятелю иногда целыми полками. На второй год войны, по словам Раупаха, наступил, однако перелом и в этом отношении. Весной 1919 г. Сталин доносил Ленину, что дезертиры стали возвращаться к красным тысячами, и массовые перебежки прекратились совсем⁵⁵¹.

Подчеркивая отличия Белой армии от Красной, английский историк П. Флеминг, отмечал: «Красная армия столкнулась практически с теми же проблемами, что и ее противники, но с большей энергией и упорством взялась за их решение. Не хватало вооружения, поскольку остановились почти все заводы и фабрики, но зато были приняты меры к тому, что бы имевшееся вооружение попадало к тем, кто непосредственно участвует в боях. Поразительно высокий процент дезертиров сокращался разумными и относительно гуманными методами... Зимой 1918 г. Троцкий заявил, что все внимание следует уделить улучшению кадров, а не заниматься фантастическими схемами реорганизации; каждое воинское соединение должно регулярно получать свою норму довольствия; солдаты должны научиться чистить сапоги. Армии Колчака постоянно реорганизовывались, за четырнадцать месяцев Военное министерство десять раз переходило из рук в руки, но у солдат до сих пор не было ни сапог, ни гуталина»⁵⁵².

О впечатлении, которое произвели на французов их столкновения с красными частями, писал бывший российский военный агент в Сербии полковник генерального штаба Энкель, близко соприкасавшийся со ставкою ген. Франше д'Эспере. По словам французов, красные проявляли все качества, присущие первоклассным войскам, и двинутые против них танки не произвели никакого впечатления и, несмотря на огромные потери с их стороны, были ими захвачены. Еще более удивляло французов, сообщает полковник Энкель, умение быстро водворять и под-

держивать строжайший порядок в занимаемых ими городах⁵⁵³. Военный министр колчаковского правительства Будберг признавал: «несомненно... красные превосходят нас упорством командования и маневренностью... Это делает красных менее чувствительными к обходам и прорывам и придает их фронтам известную стойкость...»⁵⁵⁴

«Гражданская война, — отмечал член колчаковского правительства Гинс, — заставила народных комиссаров создать дисциплинированную военную силу. Те бесформенные и недисциплинированные банды, которые давали отпор чехам, а затем народной сибирской армии, в 1919 г. сменились регулярными войсками»⁵⁵⁵. Большевики, продолжал Гинс, за исключением новых названий полностью сохранили прежний воинский устав: «Сущность внешней военной дисциплины, выражающаяся в однообразии действий и обязательности, создающих механичность поступков, всецело сохранена уставом Рабоче-крестьянской армии. Все же главное содержание устава, ставящее солдат в подчинение строгому распределению времени и общему режиму военной дисциплины, осталось и вовсе без изменения»⁵⁵⁶.

Устав существовал не только на бумаге. «Как это ни неприятно, но приходится признать, — писал Гинс, — что регулярные красные войска проявляли летом и осенью 1919 г. больше дисциплины, чем войска белые. Во время пребывания адмирала Колчака в Тобольске можно было наблюдать распущенность военных и особенно офицерства, которое пьянствовало и развратничало, тогда как, по общим отзывам, красные вели себя с большей выдержкой... приходилось наблюдать, что красноармейцы большей частью аккуратно и честно расплачивались с населением, тогда как наши казачьи части обнаруживали чисто грабительские инстинкты...»⁵⁵⁷

Аналогичные признания делал и военный министр Колчака ген. Будберг: «наши порядки вообще так недовлетворительны, что переходящие к нам с красного фронта офицеры говорят, что у красных больше порядка и офицерам легче служить»⁵⁵⁸. Будберг приводил пример бежавше-

го из Красной армии полковника Костомина, который на устроенной им публичной лекции... с горечью сказал, «что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины... и что там пьяный офицер — явление невозможное, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар», слушавшая его аудитория ответила на это грандиозным скандалом с попыткой избить лектора⁵⁵⁹.

Правительство Колчака отменило введенный царским правительством с началом Первой мировой, «сухой закон», объявив государственную монополию на торговлю алкоголем, получая с этого приличный доход. Большевики наоборот «сухой закон» сохранили. Чего это стоило, говорил пример приводимый В. Антоновым-Овсеенко: «за борьбу с пьяницами взялись гельсингфорские моряки... это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом — “смерть тому, кто не выполнит зарока”... Финляндский полк... объявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а винные погреба взрывать»⁵⁶⁰.

«В районах, оккупированных Красной армией, разрушались винокуренные заводы и уничтожались запасы водки. И хотя, несмотря на столь непопулярные меры, недостатка в алкоголе никогда не ощущалось, пьянство в войсках не было для большевиков столь серьезной проблемой, как для белых. Грондийс, журналист датско-японского происхождения, на тот момент самый предприимчивый и опытный военный корреспондент в Сибири, участвовал в весеннем наступлении армий Колчака. Он полагал, что “не самым маловажным фактором” их успеха было то, что на территориях, освобожденных от красных, невозможно было достать алкоголь»⁵⁶¹.

Если у белых основную движущую и цементирующую силу армии составляли офицеры-добровольцы, казаки и интервенты, то какие же силы двигали Красной армией?

Ответ вроде бы напрашивается сам собой — коммунисты. Именно на них указывал член правительства Северной области эсер Б. Соколов: «Для гражданской войны нужна какая-то особая, железная сверхдисциплина. Это хорошо поняли большевики. Но они поняли ее своеобразно и решили, что одной дисциплины мало, что нужна внутренняя спайка, цемент, который не позволял бы развалиться зданию от первого же ничтожного дождя, они этим цементом, вкрапленным в мельчайшие воинские единицы, поставили комячейки. Благодаря последним, они держали в своих ежовых рукавицах солдатскую массу. Но держали ее не только наружной спайкой, но и внутренней»⁵⁶².

Подобную мысль высказывал и П. Флеминг: «Несмотря на все трудности и промахи, Красная армия была функционирующим предприятием. “Когда дела шли из рук вон плохо, почти всегда находился коммунист или группка коммунистов, бравших власть в свои руки, и группа партийцев, обеспечивавших дисциплину по всей вертикали и внушавших ту уверенность, которая и определяет разницу между победой и поражением”. В слабых сибирских (колчаковских) армиях не было ничего подобного»⁵⁶³.

Однако доля коммунистов в Красной армии, по сравнению с долей офицеров в Белой, была ничтожной. На второй год Гражданской войны в сентябре 1919 г. А. Егоров, командующий Южным фронтом, сообщал, что к нему поступило пополнение около 33 000 человек. Партийцев был 1%, тогда как раньше коммунистов среди прибывающих часто не было вовсе⁵⁶⁴. Тем не менее, английский ген. А. Нокс в августе докладывал: *«Большевистские командиры теперь сильно превосходили наших и некоторые их части сражаются с убежденностью, коей в наших частях нет»*⁵⁶⁵.

Мало того, тогда, как Белая армия не имела «смены» даже во время своих побед, численность Красной — росла даже в период поражений: «Удивительно, но после поражения в июле и августе (1918 г.) численность всех красных частей увеличилась...», — недоумевал американский

историк П. Кенез⁵⁶⁶. Колчак в ноябре 1919 г., находил причину поражения своей армии именно в том, что «нам приходилось пополняться с большим разбором, а между тем наш противник свободно пользовался местной живой силой как благоприятной для него»⁵⁶⁷.

*«Впечатление непреодолимости красных сил, — отмечал Гинс, — усиливалось от стихийности их движения. Красная армия начала казаться всем непобедимой...»*⁵⁶⁸

Причину этого ген. Брусилов находил в том, что *«Они (большевики) выражают волю народной массы. Разгулявшейся, бунтующей, опьяненной свободами массы. Большевики, по крайней мере, пытаются организовать ее, повести за собой. Наши бывшие друзья живут прошлым и сражаются за прошлое. А это шатко и бесперспективно»*⁵⁶⁹. Действительно у белых, отмечал Гинс, *«никто даже из лучших профессиональных политиков не сумел найти методов успокоения революционной стихии...»*⁵⁷⁰

Единственной партией, которая смогла организовать стихию и повести ее за собой, оказались большевики. «Население ругало коммунистов, но это была только злоба якута, бьющего своего бога и в то же время ему поклоняющегося. Такое поклонение новая власть внушила к себе не только тем, что ее агенты, в массе своей, по крайней мере, не устраивали безобразных оргий, не вели роскошной жизни и много и деятельно работали, но в еще большей степени завоевала она его своей фанатической верой в те идеи, которые проповедовала. Требуя подвига, большевики призывали массы освободить весь мировой пролетариат от хищника-капитала и обещали создать ту обетованную землю, в которой не помещик и фабрикант, а труженики — рабочий и крестьянин — будут господами жизни. И зараженные энтузиазмом этих проповедников людские массы, — отмечал Раупах, — покорно несли все тяготы военного коммунизма, с твердой верой, что в конечном результате *принесенные жертвы дадут победу новым началам и повернут завтрашний день в их пользу»*⁵⁷¹.

По мнению Б. Рассела, критически относившегося к большевикам, побывавшего в 1920 г. в России: *«Главное, что удалось большевикам, — это зажечь надежду... Даже при существующих условиях в России еще чувствуется влияние животворного духа коммунизма, духа созидающей надежды, поиска средств к уничтожению несправедливости, тирании, жадности, всего того, что мешает росту человеческого духа, стремление заменить личную конкуренцию совместными действиями, отношение хозяина и раба — свободным сотрудничеством»*. По словам Раупаха, *«За 1000 лет своего исторического существования русский народ впервые имел власть, сумевшую внушить темным, безграмотным массам, что существуют побуждения не только личного, но и идейного характера. Власть (большевиков)... заставила его верить в себя и насытила тем революционным энтузиазмом, без которого ни победа над окружающими его врагами, ни строительство новой государственности были бы невозможны»*⁵⁷².

Да, большевикам для привлечения на свою сторону народного большинства пришлось пойти на ряд серьезных компромиссов, прежде всего с крестьянством, дав ему долгожданную землю. И это было неизбежно, поскольку крестьянство являлось главной движущей силой революции. Движущей, но не направляющей. Направление революции задают идеи, за которыми она следует. В России народ пошел умирать не за лозунгом «взять все и поделить», как трактовал идеологию большевиков герой праволиберальной «интеллигенции» М. Булгакова, а за лучшее будущее. То будущее, которое в представлениях большевиков сочетало в себе идеи социальной справедливости и прогресса.

Связь между ними устанавливали принципы исторического материализма, которые, в трактовке Ленина, постулировали, что «развитие человеческого общества, обуславливается развитием материальных, производительных сил»⁵⁷³. Коммунизм в этом отношении был целиком капиталистической идеей, он был связан с ней общей идеей материального прогресса. Однако он шел дальше и добавлял к развитию производственных сил соответствующее разви-

тие производственных отношений, т.е. предлагал использование результатов материального прогресса, не только для удовлетворения интересов элит, но и всего общества.

В своем стремлении к ускоренному развитию и социальной справедливости большевизм вступал в непримиримую схватку с остатками полуфеодального строя существовавшего в России. Особенности России дали этой схватке даже наглядное географическое представление: основное товарное сельхозпроизводство концентрировалось в южных регионах страны, а промышленность — в центре и на северо-западе (почти 50% всего индустриального производства, а без Донбасса и Прибалтики — более 80%). Интересы этих двух частей империи, разделенных более чем на 600 км, еще до Первой мировой, в области твердого рубля, протекционизма, и даже политического устройства были полностью противоположны.

И чем дальше Россия продвигалась по пути капитализма, тем более обострялись эти противоречия, все больше напоминая противостояние промышленного Севера и аграрного Юга накануне Гражданской войны в США. Реальные черты они приобрели к концу 1918 г., когда сформировавшиеся *фронты Гражданской войны прошли фактически по границам промышленного (красного) и аграрного, полуфеодального (белого) центров Европейской России*. «Наиболее активным элементом классовой борьбы везде и всегда является рабочий класс. Как раз на Северном Кавказе этот класс почти отсутствовал», — подтверждал существовавшую данность Н. Головин⁵⁷⁴. На локальном уровне фронт прошел — между промышленным городом и полуфеодальной деревней.

Сущность этого противостояния заключалось даже не столько в экономических и политических противоречиях, сколько в религиозном, идеологическом разномыслии противников. Прежние сословия жили представлениями еще полуфеодальной эпохи, в то время как город был уже охвачен идеями материализма и прогресса. *«На почве этого разномыслия, — предупреждал еще в 1908 г. С. Булгаков, — неизбежно должна возникнуть такая внутренняя рели-*

гиозная война, подобие которой следует искать только в войнах реформационных»⁵⁷⁵.

Война в том духе, в котором описывал эпоху протестантской реформации С. Соловьев в 1872 г.: *«Вместе с экономическими преобразованиями шло множество других; но эти последние находились в служебном отношении к первому»*. «Самым сильным и поражающим своею новизною движением было движение в области мысли, в области науки и литературы, перешедшее немедленно в область религиозную, в область церковных и церковно-государственных отношений; здесь новое, протестуя против старого, противопоставляя себя ему, вызвало борьбу — и борьбу самую сильную, борьбу религиозную, которая разделила Европу на два враждебных лагеря. Эта-то борьба и стала на первом плане, отстранив все другие интересы на второй»⁵⁷⁶.

Обоснование этой борьбе дал М. Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма», в которой он отмечал, что лежащее в основе капитализма хозяйственное мышление, свойственное данной форме хозяйства, определяется соответствующей религиозной направленностью. Именно поэтому переход от феодальной формы хозяйствования к капиталистической в Западной Европе потребовал прежде всего соответствующей трансформации религиозных основ общества с католических на протестантские.

С первыми проблесками начала перехода от феодализма к капитализму в России, ее религиозные основы, так же, как и в Европе, потребовали соответствующей трансформации.

Западные идеи индивидуализма в России были наиболее восприняты кругами либеральной интеллигенции и буржуазии, которые пытались внедрить достижения Европы, в этой сфере, в условиях России. Внедрить, прежде

всего, потому, писал Н. Бердяев, что «необходимо религиозное уважение к индивидуальности, которого я не вижу в вашей идее церковности»⁵⁷⁷. Для этого, продолжал Бердяев, необходимо «окончательное отделение церкви от государства (оно) должно быть неизбежным и повсеместным результатом дифференцирующего процесса новой истории... Связь церкви с государством ныне стала противоестественной и с точки зрения церковной, религиозной и с точки зрения государственной, позитивно общественной, так как нельзя служить двум богам»⁵⁷⁸.

«Однако отделением от государства дело “спасения” церкви ограничиться не могло, — отмечает исследователь православия Ф. Гайда, — Предполагалась ее “демократизация” — причем она не вмещалась в канонические рамки»⁵⁷⁹. Понятие демократизации церкви на IX съезде кадетской партии 26 июля 1917 г. раскрывал кн. Е. Трубецкой: «Все церковное управление попадает в руки таких учреждений, в которых миряне составляют большинство. Эта демократизация Церкви неразрывно связана с демократизацией государства»⁵⁸⁰. Еще раньше, сразу после победы Февральской революции, А. Зайцев в журнале П. Струве «Русская свобода» пояснял: «Церковь в условиях новой жизни есть лишь одна из других многочисленных *общественных* организаций»⁵⁸¹. При этом власть демократии прямо противопоставлялась высшей власти церкви. Утверждая эти идеи, религиозный философ С. Франк писал: «Демократия может осуществлять религиозный идеал народовластия как всенародного свободного строительства высшей правды на земле»⁵⁸².

Таким образом, российские либералы не просто копировали последние секулярные достижения Запада, но и шли еще дальше, низводя религию до уровня пережитков феодальных суеверий. «Все революционеры и светские освободители, — предупреждал в этой связи Н. Бердяев, — не подозревают даже глубины церковной проблемы, всей важности этой проблемы для судьбы России... В России отделение церкви от государства не может быть превраще-

нием религии в частное дело, отделение это может быть связано только с религиозным возрождением, а не с упадком веры»⁵⁸³.

Запад пришел к либерализму через столетия религиозного подъема эпохи протестантизма, в процессе последовавшего длительного этапа созревания, «“очеловечивания” религии, путем сведения ее с неба на землю»⁵⁸⁴. И только в конце XIX в., с провозглашением Ф. Ницше «Смерти Бога», протестантизм постепенно трансформировался в современные формы либерализма. Российские либералы даже не осознавали необходимости подобного созревания, намереваясь одним махом перебросить одну из самых отсталых и малограмотных стран Европы, находящуюся еще на полуфеодальном уровне развития, в современное западное либеральное общество.

Но главная проблема заключалась даже не в этом, а в том, что механическое заимствование западных идеологических форм было невозможно в России. Подобная попытка была еще большей утопией и авантюрой, чем коммунизм большевиков, поскольку все духовные, ментальные начала русского народа вытекали из прямо противоположной протестантизму, нашедшей отражение в православии, идеи коллективного спасения. *Западный либерализм в российских условиях терял свое созидательное содержание и превращался в некую ортодоксальную квазирелигиозную секту, противопоставляющую себя обществу и отрицающую его.* В результате, констатировал Н. Голловин, *«русский либерализм оказался несостоятельным перед лицом русской революции»*⁵⁸⁵.

Правоконсервативные круги наоборот возложили все свои надежды на возвращение к истокам — к православию. Уже 27 января 1918 г. Всероссийский священный собор объявил советские декреты «сатанинским гонением» на церковь: «Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении церкви от государства представляет собою... злостное покушение на весь строй православной церкви и акт открытого против нее гонения...»⁵⁸⁶ Высшее церковное управление Юго-Востока России определило

роль церкви следующим образом: «Гидра большевизма... стоит еще с поднятой головой... Церковь должна поднять и крест и палицу свою против гидры, как подняла бы она все оружие свое против антихриста»⁵⁸⁷. Уфимский епископ обратился к Колчаку с речью, как к «освободителю от большевиков»⁵⁸⁸.

Пример прикладного использования религии давала докладная начальника штаба дивизии колчаковской армии капитана Колесникова, которая призывала «Духовенство заставить ходить в окопы, беседовать о вере, поднимать религиозный экстаз, проповедовать поход против антихриста. Мулл — тоже»⁵⁸⁹. В Сибири начштаба Колчака ген. М. Дитерихс, «призывая на борьбу с большевиками, говорил только о храмах и о Боге и объявил священную борьбу большевикам. Это, — по словам либерала и ближайшего сподвижника Колчака Гинса, — казалось диким»⁵⁹⁰.

Диким, поскольку с возвращением к иррациональным постулатам средневековой религии эпохи феодализма дальнейшее развитие общества становилось невозможным. Идеи прогресса требовали материальных целей, рационального мышления — спасения и вознаграждения на земле, а не на небесах после смерти. Именно эти задачи решали Реформация и протестантизм в Западной Европе. И именно Реформация заложила идеологический фундамент невиданного экономического и промышленного прогресса человечества в индустриальную эпоху. Указывая на эту данность, один из апостолов либерализма Ф. Хайек замечал: «индивидуализм, уходящий корнями в христианство и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией»⁵⁹¹.

Именно благодаря протестантизму «буржуазия, — говоря словами К. Маркса, — менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые». Наглядное представление об этом прогрессе дают расчеты А. Мэди-

сона, согласно которым с 1000 по 1820 гг. объем валовой продукции на душу населения во всем мире вырос всего на 50%, а с 1821 по 1998 гг. в 8,5 раз!⁵⁹² Возвращение к религиозным догмам прошлого было равносильно возвращению в полуфеодалное Средневековье.

Для дальнейшего развития России была необходима своя религиозная Реформация, подобная той, которую Запад совершил столетия назад. В то же время Россия не могла пойти по западному пути, поскольку ее культурно-религиозные основы коренным образом отличались от европейских: философия православия постулировала коллективное спасение, в то время как католическо-протестантская — спасение избранных. Идея русского варианта Реформации появилась накануне отмены крепостного права, в виде понятия *соборности*, сформулированного в 1855 г. А. Хомяковым, и, в отсутствии творческой религиозной мысли в России, развитого выдающимися философами славянофильства в лице И. Киреевского, В. Соловьева, С. Трубецкого, Ф. Достоевского, С. Булгакова и т.д.

Согласно А. Хомякову, в православии человек находит «самого себя, но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего духовного, искреннего единения со своими братьями...»⁵⁹³ «Душа православная — есть соборность..., — пояснял С. Булгаков, — «одно это слово соединяет в себе целое исповедание веры... оно выражает собой самую силу и дух православной церковности»⁵⁹⁴. С. Булгаков связывал философское «православно-церковное начало свободной соборности» с противопоставлением «протестантскому принципу индивидуализма»⁵⁹⁵.

Лучшему пониманию философско-культурных отличий русских от европейцев может служить их идеалистическо-гиперболизированная оценка, данная немецким философом В. Шубартом. Гипербола в данном случае позволяет высветить те едва заметные нюансы, которые обычно скрываются за более сильными чувствами и мотивами, но которые при определенных

условиях могут проявиться с достаточной, для оказания существенного внешнего воздействия, силой.

«Внутреннее единство русских, их целостная жизнь, — отмечал Шубарт, — часто неправильно понималась в Западной Европе. Это трактовалось не как достоинство, а как отсталость, культурная незрелость, примитивность: мол в русских еще не вполне пробудилось чувство личностного; оно еще не вполне обострилось и дремлет в народной душе, как плод во чреве матери. Это и предрассудок Запада, и в то же время доказательство его высокомерия. Социальные отношения русских показывают не степень зрелости их культуры, а исходят из свойственной им космической установки. Это есть этическое выражение чувства всеобщности. Лишь поскольку европеец меряет это чуждое ему чувство своей западной меркой, он ошибочно трактует его как низшую ступень по отношению к западным формам жизни. В эту ошибку попадает и немало русских, не способных преодолеть пессимистическую оценку своего народа»⁵⁹⁶.

Шубарт относил такой нетипичный для Запада менталитет русского человека не к его слабости, а к его духовным особенностям: **«Сущность русского братства не в том, что люди в равной мере чем-то владеют или что они равны, а в том, что они уважают равноценность друг друга»...*** «Русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии само-

* Шубарт: «Тут я предвижу возражение: "Разве в Европе не было чувства братства? Разве братство не принадлежит к идеалам французской революции?" Да..., но эти слова означают на Западе не то же самое, что на Востоке. Братство 1789 г. было не выражением органического чувства братства, а формулой уравнивания внешних условия политической и общественной жизни... здесь речь идет не о взаимной жизни человеческих душ..., а о профанированном, искаженном понятии братства... Своим лозунгом братства Европа предаёт истинное значение мысли о братстве. "Небольшая сентиментальная ложь" — так назвал его Л.О. Форель. Честно сказано!» (Шубарт В..., с. 169)

отдачи и жертвенности. Она стремится ко всеобщей целостности, к живому воплощению идеи о всечеловечности»⁵⁹⁷. Это почти дословное повторение слов Ф. Достоевского: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите...»⁵⁹⁸

Что лучше западный индивидуализм или русская всечеловечность? В целях прогресса индивидуализм имеет явное преимущество, поскольку позволяет в максимальной степени использовать возможности каждого индивидуума. Для целей выживания больше подходит всечеловечность, поскольку она обеспечивает условия для выживания максимально возможного количества людей. Выбор между индивидуализмом и всечеловечностью, определяется не столько желанием человека или общества, сколько условиями их существования*.

Однако идея соборности не получила распространения, Н. Бердяев объяснял почему: «Давно уже говорят о Соборе, надеются, что Собор возродит омертвевшую религиозную жизнь, обновит церковь. Но Собор фальсифицируется в интересах князей церкви, верных слуг государства. Государственная власть и церковная иерархия одинаково действуют во имя человеческого властолюбия, самоутверждаются. И "христианскую" иерархию интересует не дело Христово, а дело государственной и церковной власти, дело земного царства, в котором давно уже они царствуют и от которого не хотят отказаться...»⁵⁹⁹

Неспособность православия к самореформации привела не к отрицанию, а к перерождению идеи Соборности в новые формы. На это прозорливо указывал М. Пришвин: *«мечта о социализме — отблеск идеи соборности»*⁶⁰⁰. *Социализм стал для России, той же Реформационной иде-*

* См. подробнее Галин В. Капитал Российской империи. М.: Алгоритм, 2015.

ей, что и протестантизм для Запада. Он был даже заимствован у Европы, но в этом не было противоречия, ведь точно так же раньше было заимствовано у Европы и православие, как наиболее подходящая для России первичная организационная и идеологическая форма. Адаптация идей европейского коммунизма в одной из самых отсталых и малограмотных стран Европы, находящейся еще в полуфеодальном состоянии, так же как и ранее Реформация на Западе, неизбежно принимала религиозное содержание — русского варианта протестантизма, внешней формой, которого, не осознавая того сам, стал большевизм.

Для современного читателя радикальный идеализм большевиков может показаться абсурдом, как впрочем, многим и в те годы. Но не менее наивно было бы принимать теоретические постулаты идеологии, как руководство к практическому действию. Любая идеология, особенно на начальном этапе своего существования, всегда обладает утопичностью и односторонностью. Поэтому важно не принимать идеологию догматично, а относиться к ней именно как к некому религиозному идеалу.

Пояснением этому вопросу могут служить рассуждения Раупаха, который отмечал, что «за лозунгом “Свобода, равенство и братство” неизменно шествовала гильотина, но разве это умалило значение Французской революции? *Все творцы религии манили людей такими благами, которые не только нельзя доказать, но даже и разумно обосновать, и все же религия руководила человечеством во все времена его существования.*

Непогрешимых лозунгов нет и не может быть, как потому что нет человека, способного предугадать всю сложность жизненных явлений, так и от того, что нет человеческой массы, способной понять истину без того, что бы эта истина не была показана ей в преувеличенной во много раз. Но тогда это уже не истина, а ложь.

Необходимые поправки в лозунги вносит жизнь, а задача вождя найти новое слово, такое слово, которое создало бы энтузиазм в людях, объединило бы их, вызвало бы готовность к жертве, к подвигу и заставило бы отдать максимум своих сил, знаний, денежных средств для создания тех совокупных усилий, без которых выход народа на новую дорогу невозможен. *Энтузиазм этот необходим потому, что счастье не преподносится людям как сюрприз ко дню рождения..., а завоевывается тяжелыми жертвами и лишениями...*»⁶⁰¹

Большевизм, по своей сути, стал русским вариантом протестантизма. Именно он породил в народе тот энтузиазм, дух созидания, который был свойственен первопроходцам эпохи Реформации на Западе. Большевизм принес с собой тот же религиозный фанатизм, который в свое время двигал Реформацией и в Европе. Религиозный характер большевизма дал полуграмотному и забитому народу веру в будущее. Ту веру, за которой он согласился пойти.

Первая мировая переросла в России в войну Реформационную, знаменующую собой переход от феодализма к капитализму, которую европейские страны совершили столетия назад. *Гражданская война в России, по сути, стала продолжением и развитием тех религиозных войн, которые пережила Европа в эпоху Реформации*, характеризовавшихся той же ожесточенностью и беспощадностью.

Но даже в условиях большевистской Реформации ВЧК 11 июня 1918 г. оповещала население: «ни один священник, епископ и т.д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо; те же, кто ведет контрреволюционную деятельность, независимо от своей принадлежности к духовному званию, будут привлекаться к ответственности, но не за религиозную, а за антиправительственную деятельность»⁶⁰².

Большевистская идеология несла победу Красной армии, но не гарантировали ее. Свою победу красные завоевали в отчаянной борьбе, которая действительно напоминала войны эпохи европейской реформации. «Борьба пролетарской революции с силами, противопоставленными ей, — замечал в этой связи красный командарм Егоров, — разрешилась в положительную для пролетариата России сторону, но можно ли на основе этого сказать, что в любой момент хода этой борьбы партия, армия, весь пролетариат могли спокойно ждать развязки, уверенные в благополучном исходе? Без проявления бешеной, нечеловеческой энергии, напряжения всех сил трудящихся, без железного руководства твердой, сплоченной Ленинской партии и без правильного стратегического руководства нашими операциями — нельзя было рассчитывать на успех. Жизнь ставила задачи неслыханной трудности, и мы видим, как разрешение их нашей стратегией имело часто условный, а иногда и ложный характер. Следствия же таких неверных решений бывали очень близки к катастрофе»⁶⁰³.

* * *

За время Гражданской войны из разрозненных полуанархических партизанских отрядов Красная армия, выросла в дисциплинированную и профессиональную военную силу. И Белая армия сыграла в этом огромную роль, замечал В. Шульгин: «Мы научили их, какая должна быть армия. Когда ничтожная горсточка Корнилова, Алексеева и Деникина была их орды, — была потому, что она была организована на правильных началах — без “комитетов”, без “сознательной дисциплины”, то есть организована “по-белому”, — они поняли... Они поняли, что армия должна быть армией... И они восстановили армию... *Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется “во имя Интернационала”, — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле, они восстановили русскую армию... И это наша заслуга... Мы сыграли роль шведов...* Ленин мог бы пить за “здоровье учителей”,

эти учителя — мы... Мы били их до тех пор, пока они не выучились драться... И к концу вообще всего революционно-го процесса Россия, потерявшая в 1917 г. свою старую армию, будет иметь новую, столь же могущественную...»⁶⁰⁴

В этой связи представляет интерес ход мыслей американского посла Фрэнсиса, пытавшегося заглянуть в будущее: «Что будет, когда Россия победит, а эта гигантская организованная сила (*Красная армия*) останется без дела?»⁶⁰⁵ Действительно, с окончанием Гражданской войны возникла насущная необходимость чем-то занять эту огромную радикализованную, вооруженную и организованную массу людей, в разоренной мировой и Гражданской войнами стране. Как показывал пример всех Великих революций, все они заканчивались массовой внешней экспансией Наполеона в Европу, Кромвеля в Ирландию, новоявленных американцев на покорение лучшей части американского континента.

К внешней экспансии подталкивала не только практическая необходимость, но и насущная потребность в духовном мессианизме: Наполеон вместе со своими армиями продвигал идеи французской революции по всей Европе; англичане своим флотом — свое видение свободы; американцы, всеми средствами от экономической и политической поддержки революционеров до прямого вторжения, — демократии; русские большевики сделали следующий шаг на этом пути, продвигая идеи социальной справедливости во всем мире. Этот **духовный мессианизм является неотъемлемой частью всех настоящих революций**. «Коммунистическая революция, которая и была настоящей революцией, — отмечал в этой связи Н. Бердяев, — была мессианизмом универсальным, она хотела принести всему миру благо и освобождение от угнетения...»⁶⁰⁶

Духовный мессианизм вообще свойственен великим народам, утверждал Ф. Достоевский в 1877 г.: «Всякий великий народ верит и должен верить, если

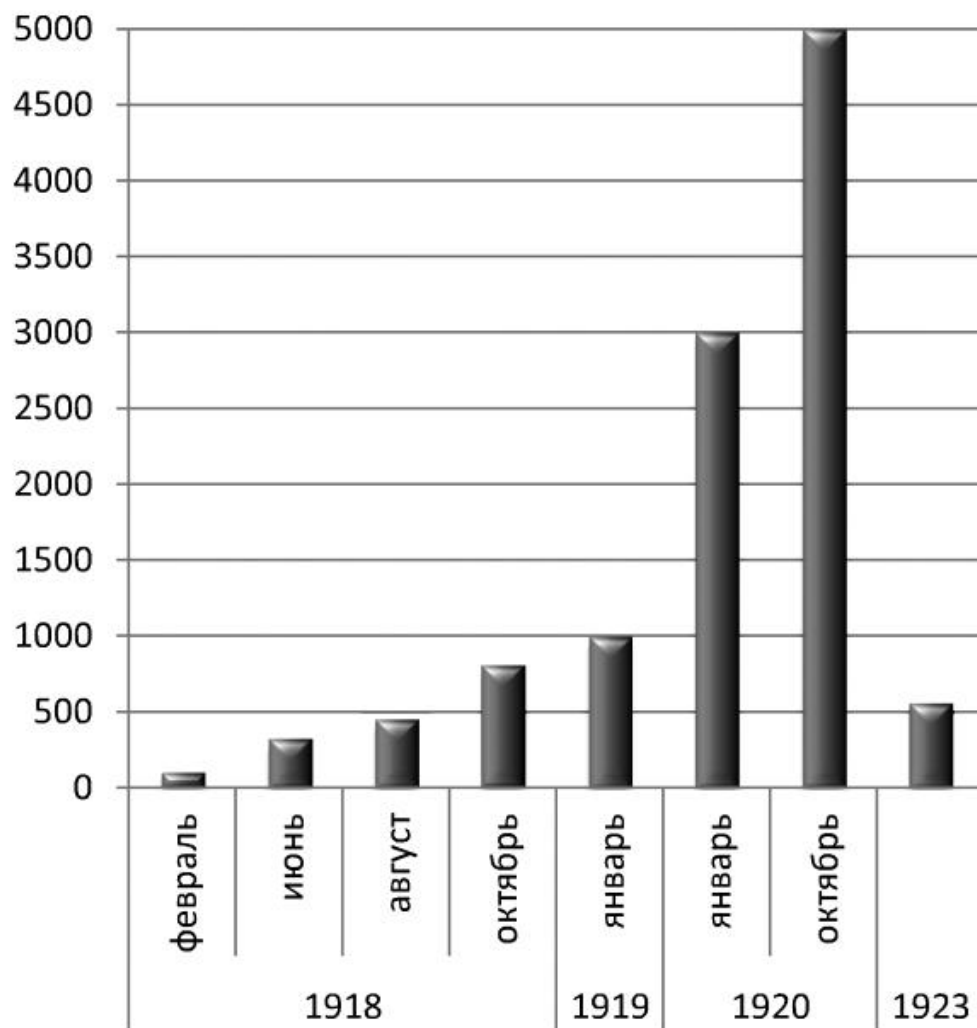
только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной»⁶⁰⁷.

«Национальный мессианизм, — дополнял в 1910 г. С. Булгаков, — помимо всяческого определенного содержания, в него вкладываемого, есть, прежде всего, чисто формальная категория, в которую неизбежно отливается национальное самосознание, любовь к своему народу, вера в него. Содержание это вместе со славянофилами можно видеть в церковно-религиозной миссии — в явлении миру “русского Христа”, можно вместе с Герценом и народничеством видеть его в социалистических наклонностях народа, можно, наконец, вместе с революционерами последних лет видеть его в особенной “апокалипсической” русской революционности, благодаря которой мы совершим социальную революцию вперед Европы, — эти противоположные или различные содержания имеют формальное сходство, *суть разные выражения национальной миссии. И этот мессианизм появляется во все эпохи и у всех народов в пору их национального подъема...*»⁶⁰⁸

Однако, несмотря на насущную практическую и духовную потребность во внешней экспансии, большевики неожиданно сразу после Гражданской войны сократили свою армию почти в десять раз!

Нет, большевики не отказались от духовного мессианизма, но они продвигали свои социальные идеи не столько силой, сколько пропагандой, посредством Коминтерна, и самим фактом своего существования. Что касается армии, то к 1924 г. по количеству солдат на душу населения Советская Россия занимала одно из самых последних мест в Европе.

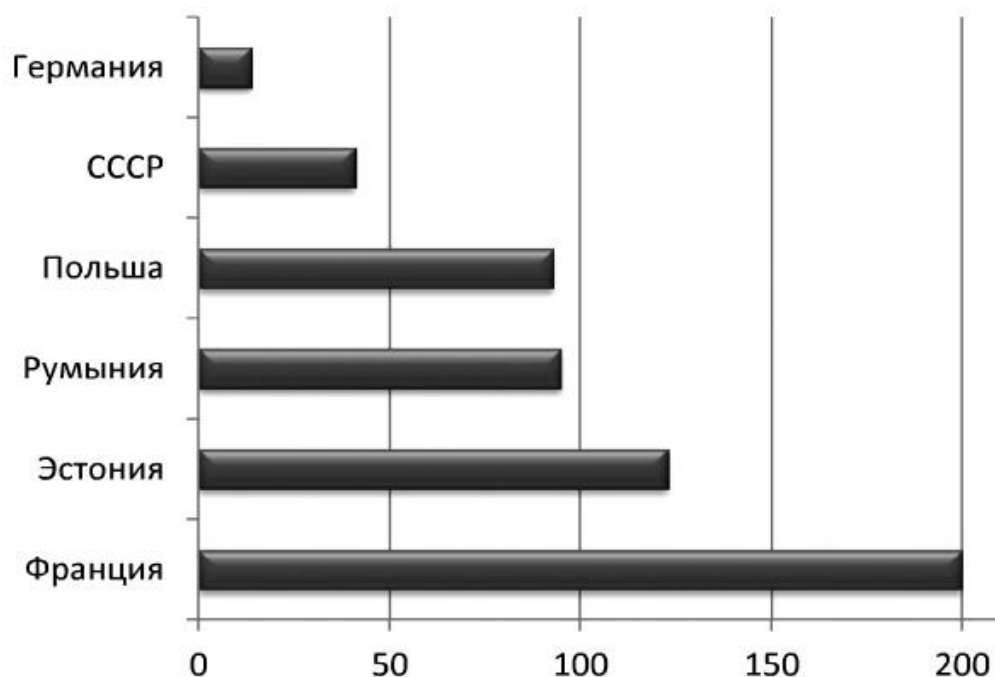
Численность Красной армии, тыс. чел.⁶⁰⁹

Обычно историки на этом заканчивают рассмотрение сил, противоборствовавших на фронтах Гражданской войны. Однако в ожесточенной битве тогда сошлись не только красные и белые, был и еще один участник, который по численности в разы превосходил обе противоборствующие армии вместе взятые и представлял для них угрозу гораздо большую, чем каждая из них друг другу. Склоняясь перед силой этого участника, Ленин писал: «в последнем счете **именно... колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся,**

решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина»⁶¹¹. «Колебания линии фронтов в гражданской войне, — подтверждал Головин, — почти всегда совпадали с колебаниями в крестьянских массах»⁶¹².

Количество солдат на 10 000 населения в 1924 г.⁶¹⁰

РУССКИЙ БУНТ

Не приведи Бог видеть русский бунт,
бессмысленный и беспощадный.

А. Пушкин

О, бурь заснувших не буди,
Под ними Хаос шевелится.

Ф. Тютчев⁶¹³

Именно эта мысль остановила декабристов в 1825 г. от обращения к народным массам. Простояв на морозе на Сенатской площади, декабристы так и не тронулись с места. Их выступление вошло в историю, как «Стоячая революция»⁶¹⁴. Причина этой пассивности, по словам Штейнгеля,

заклучалась в том, что *«в России революция в республиканском духе еще невозможна: она повлекла бы за собой ужасы»*. В одной Москве из 250 тыс. тогдашних жителей 90 тысяч было крепостных, готовых взяться за ножи и пуститься во все неистовства...»⁶¹⁵ «Трудно сказать, что произошло бы с Россией в случае удачи этого восстания, — отмечал историк А. Керсновский, — Обезглавленная, она бы погрузилась в хаос, перед которым побледнели бы и ужасы пугачевщины. Вызвав бурю, заговорщики, конечно, уже не смогли совладать с нею. Волна двадцати пяти миллионов взбунтовавшихся рабов крепостных и миллиона вышедших из повиновения солдат смела бы всех и все...»⁶¹⁶

*Именно страх перед народной стихией определял крайний консерватизм внутренней политики Николая I, который в 1846 г. замечал: «Мне кажется, что комюнизм, ибо он точно есть, мужики там поняли по-своему, то есть резать помещиков при первом законном предлоге. Здесь (в Галиции) оно хорошо, но опасно дать этому развиться»*⁶¹⁷.

В 1857 г., после поражения России в Крымской войне, К. Кавелин писал А. Герцену: «Недовольство всех классов растет... Какое-то тревожное ожидание тяготит над всеми, но ожидание бессильное: словом все признаки указывают в будущем, по-видимому, недалеко, нас ожидает страшный катаклизм, хотя невозможно предсказать какую он примет форму и куда нас поведет». Рязанский предводитель дворянства сообщал министру внутренних дел: «Неизвестно, что нас ожидает в будущем, тем более что войск, кроме двух батальонов, во всей губернии нет. Все распущенные из полков солдаты рассыпаны по деревням и при первом случае станут во главе всякого беспорядка»⁶¹⁸. Неслучайно крестьянские «бунты» того времени имели такое «капитальное значение в истории крестьянской реформы» 1861 г.

В 1880 г. вспышка революционного террора, следовавшая за русско-турецкой войной, привела в смяте-

ние правящие классы. В тот год К. Леонтьев указывал, что «если бы русский народ доведен был преступными замыслами, дальнейшим подражанием Западу или мягкосердечным потворством до состояния временного безначалия, то именно те крайности и те ужасы, до которых он дошел бы со свойственным ему молодечеством, духом разрушения и страстью к безумному пьянству, разрешились бы опять по его же собственной воле такими суровыми порядками, каких мы еще и не видывали, может быть!». «Для спасения России» он призывал: «...подморозить хоть немного Россию, чтобы она не «гнила»...»⁶¹⁹

Эту попытку осуществил министр внутренних дел империи М. Лорис-Меликов, который после подрыва террористами Зимнего дворца 5 февраля 1880 г. был назначен фактическим диктатором России. Для успокоения, он в частности применил полевой устав к политическим делам. И Россию действительно «подморозили». Не случайно Д. Мережковский позже писал, что: «*Русская монархия... — обледенелая анархия*»⁶²⁰. Обер-прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев в 1900 г. убеждал Николая II, «что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее дуновение весны — и все рухнет»⁶²¹.

Но сохранение страны в замороженном состоянии тормозило развитие России, обрекая ее на все более угрожающее отставание от Запада, и поэтому уже с конца XIX в. оттепель все властнее брала права в свои руки. И именно с этого времени начал наблюдаться постоянный «рост числа крестьянских восстаний и бунтов. В 1900—1904 гг. таких событий было отмечено 1205 (столько же, сколько за предыдущие 20 лет)». Но настоящий перелом наступил во время Первой русской революции, начало которой в 1905 г. фиксировал М. Вебер: «В июне участились сообщения, что крестьяне прекращают работу на помещичьих землях, что

помещики требуют в помощь армию, что идут аресты. Но сопротивление крестьян сломить не удастся»⁶²². «В 1905—1907 гг. число крестьянских выступлений достигло в среднем 8,6 тысячи в год! Более 70% из них были связаны с земельными отношениями, и главным требованием крестьян был захват помещичьих земель. За эти три года было сожжено и уничтожено около 4 000 имений»⁶²³. Кроме этого, «из самых разных губерний поступают сообщения об обструкции налогам со стороны крестьян»⁶²⁴.

В 1905 г., в первом номере «Народной свободы» лидер либеральной партии кадетов П. Милюков заявлял: «От настроения нейтральных элементов в значительной степени зависит судьба русской революции... *Оттуда, из этих низов, выходят погромы и аграрные пожары... Туда надо идти, чтобы иметь право пророчествовать о будущем русской революции*»⁶²⁵.

«Революция 1905 г... была жестоко подавлена. *Крестьяне молча переживали свою обиду и жаждали мести. Все тогдашние наблюдатели, —* отмечал лидер партии эсеров В. Чернов, *— понимали, что следующий мятеж не будет иметь ничего общего с прежними относительно мирными и даже наивными выступлениями крестьян, а примет гораздо более жестокую форму.* За политической революцией в городе тут же последует революция в деревне»⁶²⁶.

«Русский бунт» стал реальной физической силой, двигавшей Первой русской революцией 1905 г. Именно он привел к окончательной отмене крепостного права в России, и прежде всего к отмене: прикрепления крестьян к наделам, выкупных платежей, коллективной ответственности за уплату податей и т.д. Еще до этого под напором крестьянских волнений накануне революции были отменены телесные наказания (они вновь будут использованы при подавлении бунта). Мало того, именно «Русский бунт» 1905 г. привел к революционным реформам от введения первого в

России парламента, до столыпинских преобразований, к скачкообразному, почти 4-кратному росту государственных расходов на народное просвещение.

Именно «Русский бунт» 1905 г. стал той грубой неосознанной силой разорвавшей феодально-средневековые оковы. Однако реформы, последовавшие за революцией 1905 г., не только не смогли разрешить всех поднятых ею проблем, но и породили новые. Мало того, правящие полуфеодальные классы, чьи интересы оказались затронуты больше всего, выказали горячее желание если не отменить реформы совсем, то в значительной мере «потереть» их результаты. Дело, начатое «Русским бунтом» и Революцией 1905 г., оказалось незаконченным...

Не случайно в 1914 г., накануне Первой мировой, в своей известной записке экс-министр внутренних дел, лидер правых в Госсовете П. Дурново предупреждал Николая II: в случае неудачной войны с Германией «Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905—1906 годов... беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть»⁶²⁷.

Прогноз начнет сбываться уже на следующий год после начала войны: в июле 1915 г. на партийной конференции кадетов П. Милюков, потребовав от Николая II введения конституционного строя, провозгласит: **«Требование Государственной думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту их необходимо революционное выступление... Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг о какой-то явочной Думе?»** Они (царедворцы) **«играют с огнем... (достаточно) неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар... Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Это была бы... вакханалия черни...»**⁶²⁸

Неудачи 1915 г. и растущие трудности в тылу привели к стремительному обострению ситуации. Уже в конце лета

1916 г. лидер октябристов А. Гучков, по его словам, *«стал ощущать эту нарастающую опасность в настроениях городского населения и рабочих...»*⁶²⁹ В сентябре на совещании лидеров либеральной думской оппозиции «был поставлен вопрос *о тревожном положении, очень ясно определившейся линии развития событий в сторону какого-нибудь большого народного движения, уличного бунта... остановить это движение мы не можем, а присоединиться не хотим»*⁶³⁰.

Сводка начальника Петроградского губернского жандармского управления за октябрь 1916 г. гласила: *«постепенно назревавшее расстройство тыла... носившего хронический и все прогрессирующий характер, достигло к настоящему моменту того максимального и чудовищного размера, которое... обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической стихийной анархии...* Необходимо считать в значительной мере правильной точку зрения кадетских лидеров, определенно утверждающих со слов Шингарева, что *“весьма близки события первостепенной важности, кои нисколько не предвидятся правительством, кои печальны, ужасны, но в то же время неизбежны...”*⁶³¹.

Зажженным факелом, брошенным в переполненную бочку с порохом народного недовольства, станет речь лидера российских либералов П. Милюкова на открытии сессии Государственной Думы 1 ноября, в которой он, обращаясь к правительству, обвинит его в глупости или измене. *«Общественное мнение, — утверждал сам Милюков, — единодушно признало 1 ноября 1916 г. началом русской революции»*⁶³².

«Существование подземных революционных вод, еле скрытых зыбкою почвою самодержавного режима... не было секретом, — вспоминал председатель Государственной Думы М. Родзянко, — И, когда почву сорвали взрывом 26-27 февраля, они мощной рекой хлынули в пролом и вы-

несли на поверхность земли революционную идею пятого года...»⁶³³. Николай II еще не успел отречься от престола, а «бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода (уже) бросала в Думу все новые и новые лица..., — описывал начало революции Шульгин. — Но сколько их ни было — у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое... Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злое бешенство... Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо *я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы — зверь этот был... его величество русский народ...* То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»⁶³⁴. «Боже мой, какой ужас! — приветствовал революцию М. Родзянко, — *Без власти... Анархия... Кровь... это гибель России*»⁶³⁵.

Народный бунт, высвобожденный Февральской революцией, Шульгин воспринимал, как «*взбунтовавшееся море*»⁶³⁶. Чтобы удержаться на его поверхности, «мы все проталкивали Керенского к власти... своей пляской на гребне волны он дал нам передышку на несколько месяцев... Он изображал всероссийского диктатора. Надо быть поистине талантливым актером, чтобы играть эту роль...»⁶³⁷

Спустя два месяца после Февральской революции М. Палеолог записывал: «*Анархия поднимается и разливается с неукротимой силой* прилива в равноденствие...»⁶³⁸ Наблюдая российскую действительность, французский посол приходил к выводу, что: «у латинских и англосаксонских народов революционные силы обладают иногда изумительным могуществом организации. Но у народов славянских они могут быть лишь растворяющими и разрушающими: они роковым образом приводят к анархии»⁶³⁹. В подтвер-

ждение своих слов Палеолог приводил мнение одного из крупнейших промышленников России А. Путилова: «Русский человек не революционер, он анархист. А это большая разница. *У революционеров есть воля к восстановлению, анархист думает только о разрушении*»⁶⁴⁰.

Историк А. Грациози назвал *первый этап, начавшийся с февраля 1917 г., «плебейской» революцией*: «Когда государство вступило в последнюю стадию своего распада, крестьяне тут же взяли инициативу в собственные руки. Программа их была проста: минимальный гнет со стороны государства и минимальное его присутствие в деревне, мир и земля, черный передел, о котором грезили поколения крестьян... Они почти совершенно перестали платить налоги и сдавать поставки государственным уполномоченным. Все больше молодых людей не являлись на призывные пункты, многие солдаты стали дезертировать. Сверх того, за несколько месяцев крестьяне разрушили еще остававшиеся помещичьи имения, уничтожали владения буржуазии, а также большинство ферм, созданных в ходе столыпинских реформ»⁶⁴¹.

По словам известного публициста того времени Гаккебуш-Горелова, в 1917 г. *«мужик снял маску... "Богоносец" выявил свои политические идеалы: он не признает никакой власти, не желает платить податей и не согласен давать рекрутов. Остальное его не касается*»⁶⁴². Религиозный философ С. Франк находил, что: «Русская революция по своему основному, подземному социальному существу есть восстание крестьянства, победоносная и до конца осуществленная всероссийская пугачевщина начала XX века»⁶⁴³. Бунт вообще органически присущ русскому народу, полагал И. Бунин: «всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего, доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности. Спокон веку были... бунтари против всех и вся...»⁶⁴⁴ «В стихии русской революции, — отмечал Н. Бердяев, — дей-

* Русский народ по Достоевскому.

ствуют такие же старые, реакционные силы, в ней шевелится древний хаос, лежавший под тонкими пластами русской цивилизации...»⁶⁴⁵

После Февраля 1917 г. «масса... вообще никем не руководится... она живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которые вообще против всякой идеологии и организации...», — замечал один из лидеров меньшевиков и главных военных комиссаров Временного правительства В. Станкевич⁶⁴⁶. Другой член ЦК меньшевистской партии И. Майский вспоминал: «когда великий переворот 1917 г. (февральский) смел с лица земли старый режим, когда раздались оковы и народ почувствовал, что он свободен, что нет больше внешних преград, мешающих выявлению его воли и желаний, — он, это большое дитя, наивно решил, что настал великий момент осуществления тысячелетнего царства блаженства, которое должно ему принести не только частичное, но и полное освобождение»⁶⁴⁷.

Это освобождение, в представлениях крестьян, сводилось к обретению ими «Земли и Воли». Землю они уже взяли силой, а теперь стремились получить еще более долгожданную «волю». Правда, отмечал М. Покровский, «О “воле” в том смысле, как понимала это слово интеллигенция, крестьянство думало весьма мало — вызвав у одного наблюдателя горькое замечание, что девиз “земля и воля” можно было бы укоротить — только “земля”»⁶⁴⁸. Под интеллигентской волей Покровский понимал введение революционного самоуправления, примеров которого крестьянство не давало «ни одного»⁶⁴⁹. Однако крестьянство и не ставило цели какой-либо более высокой самоорганизации кроме общины, и понимало «волю» по-своему.

Наивно было бы ожидать, тем более во время войны и революции, от полуграмотной и веками забитой крестьянской массы установления, каких-то западных форм самоуправления. До того забитой, что неспособность к самоорганизации писатели и философы считали органической, характерной чертой русского народа. Например: М. Горький писал в ноябре 1917 г.: «Русский народ — в

силу условий своего исторического развития — огромное дряблое тело, лишенное вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, способных облагородить волевые акты...»⁶⁵⁰. И. Бунин в 1916 г.: ««Мирские устои», «хоровое начало»... и т.д. Все подлые фразы! Откуда-то создалось совершенно неверное представление об организаторских способностях русского народа. А между тем нигде в мире нет такой безорганизации! Такой другой страны нет на земном шаре!»⁶⁵¹

Откуда у русских крестьян могли взяться организаторские способности, если они целенаправленно подавлялись на протяжении веков? Примером тому может являться хотя бы история местного самоуправления, основы которого в России впервые были заложены земской реформой 1864 г. Господствующие позиции в Земствах сразу получило дворянство*. Реставрация крепостничества 1887—1892 гг. привела к еще большему усилению роли дворянства и бюрократического контроля за земствами: «Участие крестьян в земстве ограничено. Мировые судьи были для крестьянского населения заменены земскими начальниками..., — комментировал новый порядок С. Витте. — *В сущности, явился режим, напоминающий режим, существовавший до освобождения крестьян от крепостничества*, но только тогда хорошие помещики были заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, а наемные земские начальники, большей частью прогоревшие дворяне и чиновники без высшего образования, были больше всего заинтересованы в своем содержании»⁶⁵².

* Об этом свидетельствуют результаты выборов гласных в губернские и уездные земские собрания по 29 губерниям на 1865—67 гг. В губернские было избрано помещиков-дворян — 74,2%, купцов — 10,9%, крестьян (в основном кулаков, сельских старост) — 10,6%, прочих — 4,3%; в уездные — помещиков-дворян — 41,7%, духовенства — 6,5%, купцов — 10,4%, крестьян — 38,4%, прочих — 3%. (Земства, БСЭ, 1970—1977.)

Причину такого положения С. Витте изложил в известной своей записке «Самодержавие и земство», где «прямо доказывал, что эти два принципа несовместимы. В своем труде гр. Витте проводил ту мысль, что совместное существование в данном Государстве Самодержавия и принципа самоуправления не может воспитать свободных граждан, а постоянная борьба этих двух начал превращает народ в народную пыль, неспособную к сопротивлению, и которая при первом же натиске на нее не может не разлететься прахом. К великому прискорбию, — отмечал уже после революции Родзянко, — слова его оказались пророческими»⁶⁵³.

Реформа местного самоуправления начнется только под давлением революции 1905 г. Уже в Петиции рабочих царю от 9 января 1905 г. говорилось: «Необходимо [народное] представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою... Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все». Против реформы решительно выступили правые⁶⁵⁴. Известный славянофил С. Шарапов заявил, что проект данных преобразований «внушает наиболее опасений»⁶⁵⁵. Другой представитель правых С. Шереметев критикуя закон, восклицал: «Правительственный цинизм дошел до апогея»⁶⁵⁶.

Самоуправление для подавляющего большинства крестьян оставалось понятием отвлеченным, в основе их понимания свободы лежали не идеи, а всепоглощающее и невыносимое чувство — **чувство ненависти к государству**. К тому государству, которое беспощадно угнетало и эксплуатировало деревню на протяжении веков, а с началом капитализма вообще превратило ее во «внутреннюю колонию» промышленных центров. Уже в конце XIX в., по словам П. Милюкова, «русский сатирик Салтыков отчеканил казенную формулу отношения крестьянина к тяготевшим над ним налогам: **“йон достанет”**»⁶⁵⁷.

Именно с ненавистью к государству связывал крестьянское стремление к свободе еще в 1873 г. М. Бакунин: **«Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его, в каком бы виде они перед ним ни являлись...»** Он находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню...»⁶⁵⁸. «Русский народ всегда иначе относился к власти, чем европейские народы, — он всегда смотрел на власть не как на благо, а как на зло...», — отмечал Л. Толстой⁶⁵⁹. Причиной этого, по мнению лидера крестьянской партии эсеров В. Чернова, являлось то, что «Российское государство не было результатом органического строения снизу, выражавшегося в укреплении общественных связей внутри самого населения, оно казалось людям сетью, брошенной на страну сверху и им это было... чуждо»⁶⁶⁰.

Истоки и философское понимание данных особенностей передавал Н. Бердяев: «Россия — самая государственная и бюрократическая страна в мире... Интересы государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории... Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран... **Бюрократия развилась до размеров чудовищных... И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своим законам, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни**». В то же время «Россия — страна безграничной свободы духа. Эту внутреннюю свободу русского народа ... он не уступит ни за какие блага мира»... **«В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства**. Россия — страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью... уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России... Россия — фантастическая страна духовного опьянения... страна самозванцев и пугачевщины... страна мятежная и, жуткая в своей стихийности...»⁶⁶¹

В подтверждение своих выводов Бердяев приводил слова В. Белинского: «Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы пить вино, бить стекла и вешать дворян»⁶⁶². Представление русских крестьян о «воле» Л. Толстой передавал в «Живом трупe»: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...»⁶⁶³ «Свобода» — это нечто имеющее пределы, установленные законом; воля не имеет пределов...», — пояснял В. Кожин⁶⁶⁴.

В 1917 г. в диппочте, идущей на Запад, о русских говорилось: «Когда у него ослабевают узды, малейшая свобода его опьяняет. Изменить его природу нельзя — есть люди, которые пьяны после стакана вина. Может быть, это происходит от долгого татарского владычества. Но ситуация именно такова. Россия никогда не будет управляться английскими методами. Парламентаризм не укоренится... (у них)»⁶⁶⁵.

«Вне царского строя, то есть вне его административной олигархии, (в России) ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок...», — отмечал М. Палеолог в феврале 1917 г., и в этом французский посол видел кардинальное отличие России от Запада: *«На какую ни стать точку зрения — политическую, умственную, нравственную, религиозную — русский представляет собой всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения. Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью, он иногда поразительно прекрасен в своей кротости и покорности. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости... Нет излишеств, на которые не были бы способны русский мужчина или русская женщина, лишь только они решили "утвердить свою свободную личность"... Можно отчаяться*

во всем. О, как я понимаю посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого!»⁶⁶⁶

Пониманию особенностей любого народа помогает градация его возрастов, данная С. Соловьевым в 1872 г.: «Органическое тело, народное тело, растет, значит, проходит известные возрасты, разнящиеся друг от друга. Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей, сильного движения...», затем «наступает вторая половина народной жизни: народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало-помалу свое господство мысли». «Сильные государства, крепкие народности, твердые конституции выковываются в этот возраст (чувства). Но этот же период знаменуется явлениями вовсе не привлекательными: чувство не сдерживается мыслью, знание слишком слабо, суеверие и фанатизм ведут к самым печальным явлениям, неопределенность отношений открывает дорогу произволу...»⁶⁶⁷

Русский народ в начале XX века, в отличие от тонкого слоя образованных высших классов, представлял собой темную, невежественную массу, движимую чувством, а не мыслью. Именно чувства мести своим угнетателям, усталости от войны, жажды земли и воли, не сдержанные мыслью, двигали русским крестьянином и солдатом в условиях, когда веками сдерживавшая и направлявшая их чувства власть неожиданно исчезла.

С падением самодержавия организующей полуграмотную народную стихию силой должна была бы выступить передовая русская интеллигенция. Однако этого не произошло. Боровшаяся с самодержавием до самопожертвования русская интеллигенция не смогла ответить на самые насущные проблемы крестьянства, представлявшего поч-

ти 85% населения империи, не смогла дать им никакого видения будущего, за которым оно согласилось бы пойти.

Причина этого явления крылась в особенностях российской либеральной интеллигенции, передавая состояние которой, М. Покровский сравнивал *город с европейским островом среди азиатского (феодалного) океана*: «На фоне промышленного подъема островитянам жилось недурно, и они старались не думать, что когда-нибудь азиатские, крепостнические волны могут снести их наскоро сколоченную европейскую постройку»⁶⁶⁸.

Представления интеллигенции о народе передавал один из наиболее ярких ее представителей И. Бунин: «О народе ввали по шаблону, в угоду традициям, дабы не прослыть обскурантом и благодаря круглому невежеству относительно народа, и *особенно врала литература, этот главный источник знания о народе для интеллигенции...* — та литература, которую Толстой очень часто называл “пересоленной карикатурой на глупость”» и которая являлась «сплошной фальшью»⁶⁶⁹. «*“Народ, народ!”* — восклицал И. Бунин. — *А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что они сделали для него, этого действительно несчастного народа?... До какой степени они изолгались перед русским обществом. И все это делает русская интеллигенция.* А попробуйте что-нибудь сказать о недостатках ее! Как? Интеллигенция, которая вынесла на своих плечах то-то и то-то и т. д. О каком же здесь можно думать исправлении недостатков, о какой правде писать, когда всюду ложь!»⁶⁷⁰

«Народ «для этих близоруких деятелей вдруг только в сентябре 1905 г. появился во всей своей стихийной силе, — отмечал премьер-министр России С. Витте, — Сила (его) основана и на численности и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. *Он как только подошел к пирогу, начал реветь, как зверь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы...*»⁶⁷¹ Писатель В. Вересаев словами своего героя доктора Чекиянова, избитого до полусмерти крестьянами, нахо-

дил причину ненависти народа к интеллигенции в том, что «Мы сами высокомерно отодвигались от него, не хотели его знать; непроходимая пропасть отделяет нас от него»⁶⁷².

Возглавив в феврале 1917 г. Революцию, либеральная интеллигенция поспешила «осчастливить исстрадавшиеся под абсолютистским игом массы» своими просвещенными западными реформами. «Временное правительство издавало глубоко демократические в интеллигентском смысле постановления. Каких только свобод не привили они на Руси! Но все эти свободы были нужны только городской интеллигенции», — отмечал Гинс⁶⁷³. «Как вопиюще обнаружилась неспособность русских интеллигентов, политиков и идеологов найти применение своих сил, — продолжал Гинс, — *Как за время революции непрактична оказалась русская интеллигенция. И все потому, что она исторически воспитана была в барстве.* Она не желала “томиться” в невежественной обстановке провинции и устремилась в крупные города или за границу. Работать над переустройством местной жизни было не в ее характере... Нет, это не только ниже нашего достоинства, это страшно. *Да, мы боимся своего народа. Вот великая трагедия русской интеллигенции и революционной демократии...*»⁶⁷⁴

Революция, отмечал Гинс, разрушила традиционные представления народа, «народ жил своими обычаями. Они выросли вместе с ним и были ему понятны и близки. Но они были непонятны русской интеллигенции. Как можно жить варварскими обычаями, когда существует римское право, вечно живое, неувядающее? И не подумав о том, что разрушение обычаев, игнорирование их вносит опустение в народную этику, что только обычаями старины, укоренившимися, освященными веками и дедовскими преданиями, держится уклад жизни малокультурных народов Востока, наносились удары вековым столбам народного правосознания, пока они, подрубленные в основании, не повалились на головы самих рубивших»⁶⁷⁵.

Но самое главное, указывал Гинс, — «интеллигенты, оторванные от народа, не понимающие его души», всегда навязывали ему то, «что самим больше нравится...»⁶⁷⁶ Задолго до революции аналогичную мысль высказывал М. Бакунин: **«Особенно страшен деспотизм интеллигентного и потому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ.** Во-первых, представители этого меньшинства попытаются во что бы то ни стало уложить в прокрустово ложе своего идеала жизни будущих поколений. Во-вторых, эти двадцать или тридцать ученых-интеллигентов перегрызутся между собой».

Свершая свою революцию, либеральная интеллигенция попыталась навязывать русскому мужику свои, не имевшие никаких основ в русской жизни, абстрактные для него политические идеи. Это привело к тому, что мужик восстал. Не случайно современник событий А. Игнатъев позже отметит: «революция в России долгое время представлялась мне великим народным бунтом, направленным не только против помещиков и властей, **но и против всех интеллигентов, которые не имели прочных корней в родной земле**»⁶⁷⁷.

Социальная интеллигенция, от эсеров до меньшевиков, в отличие от либеральной, наоборот стремилась удовлетворить основные требования народной стихии. И прежде всего в области разрушения остатков полуфеодальных оков и разрешения вопроса о земле. Дальше всех по этому пути пошли большевики, пришедшие к власти на волне народной стихии. Их революционные воззрения отражали слова, приписываемые Ф. Дзержинскому: «Задача настоящего момента — разрушить старый порядок. Нас, большевиков, еще не так много, чтобы выполнить эту историческую задачу. **Надо предоставить возможность действовать революционной стихийности стремящихся к освобождению масс...** Мы здесь только для того, чтобы... направить в нужное русло действия масс, в которых говорит ненависть и законное желание угнетенных отомстить своим угнетателям»⁶⁷⁸.

Крайнюю жесточенность вспышке «русского бунта» придала мировая война. Что представляла из себя русская армия в 1917 г.? — более 90% вчерашние крестьяне, озверевшие от тягот войны. Для характеристики ее состояния весьма наглядным является пример, приведенный У. Черчиллем, о демобилизации английской армии: «Конечно, имелись налицо и такие факторы, которых никто не мог учесть и которые до сих пор еще ни разу не проявлялись. Почти 4-миллионная армия была по приказу властей сразу освобождена от железной военной дисциплины, от неумолимых обязательств, налагаемых делом, которое эти миллионы считали справедливым. В течение нескольких лет эти огромные массы обучались убийству; обучались искусству поражать штыком живых людей, разбивать головы прикладом, изготавливать и бросать бомбы с такой легкостью, словно это были простые снежки. Все они прошли через машину войны, которая давила их долго и неумолимо и рвала их тело своими бесчисленными зубьями. Внезапная и насильственная смерть, постигавшая других и ежеминутно грозившая каждому из них, печальное зрелище искалеченных людей и разгромленных жилищ — все это стало обычным эпизодом их повседневного существования. Если бы эти армии приняли сообща какое-нибудь решение, если бы удалось совратить их с пути долга и патриотизма, не нашлось бы такой силы, которая была бы в состоянии им противостоять...»⁶⁷⁹ Только за одну неделю с начала демобилизации из различных пунктов Англии поступили сведения о более чем тридцати случаях неповиновения среди войск, настоящие бунты вспыхнули в Лютоне и в Кале.

И это в Англии, не знавшей войны на своей территории и главное — далеко не испытывавшей той степени истощения войной, которую познала Россия. Русская армия, не выдержав напряжения войны, начала свою демобилизацию сама, и именно она свершила Февральскую революцию. *Не революционные партии, не кадеты, не социалисты или большевики и не белые генералы определяли*

к октябрю 1917 г. движущие силы развития российского общества — они сами целиком и полностью подчинялись требованиям разгулявшейся стихии, и не было силы, способной противостоять ей.

Грядущие события не были неожиданностью. Военный министр В. Сухомлинов в своем докладе Николаю II о проблемах, которые должны неизбежно возникнуть с началом демобилизации еще в июне 1915 г., отмечал: «Уроки событий после японской войны должны послужить указанием для организации демобилизации после этой войны, — что будет несравненно труднее, так как коснется не части армии, а всех вооруженных сил... Для благоприятного течения демобилизации уже необходимо приступить к подготовительным работам»⁶⁸⁰. Черчилль создал комиссию по демобилизации армии и экономики в начале 1916 г., а весной 1917 г. для этих целей был создан Департамент реконструкции...⁶⁸¹ Подготовка к демобилизации началась в Англии более чем за два года до окончания войны, т.е. тогда, когда еще не было ясно окончательно, кому достанется победа.

В России к демобилизации начали готовиться с 1 февраля 1917 г., когда атаман казаков Груббе представил Николаю II план борьбы с «серьезными нарушениями порядка», которые «неминуемо будут сопровождать демобилизацию огромной армии» и «могут перерасти в мятеж»⁶⁸². Частичная демобилизация начнется спустя месяц после Февральской революции — 5 апреля 1917 г., когда «вышел приказ военного министра об увольнении из внутренних округов солдат старше 40 лет для направления их на сельскохозяйственные работы до 15 мая (фактически же почти никто не вернулся), а постановлением от 10 апреля вовсе увольнялись лица старше 43 лет. Первый приказ вызвал психологическую необходимость под напором солдатского давления распространить его и на армию, которая не примирилась

бы со льготами, данными тылу; второй, — отмечал Деникин, — вносил чрезвычайно опасную тенденцию, **являясь фактически началом демобилизации армии**»⁶⁸³. С практической стороны дав толчок к всеобщей самодемобилизации армии, «с фронта бежали тысячами, грабя и насилуя в тылу»⁶⁸⁴. «И все пошло прахом»⁶⁸⁵.

Обреченный фатализм слышался в словах Верховного главнокомандующего русской армии ген. М. Алексеева, отвечавшего в мае 1917 г. на вопросы М. Лемке:

— Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой армией в ее целом можно только погибать. И вся задача командования — свести эту гибель к возможно меньшему позору. **Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы узнаем ее, поймем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками...**

— Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь же принять меры к спасению самого дорогого, к меньшему краху, хоть нашей наносной культуры? — спросил М. Лемке.

— **Вы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю, хотя бы о моменте демобилизации армии? Ведь это же будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, который никто не остановит.** Я докладывал об этом несколько раз в общих выражениях, мне говорят, что будет время все сообразить и что ничего страшного не произойдет; все так-де будут рады вернуться домой, что о каких-то эксцессах никому в голову не придет...»⁶⁸⁶

Спустя полгода ген. Л. Корнилов на московском государственном совещании констатировал: армия развращена духовно и нравственно, в почти безнадежной степени,

она уже начинает голодать, и страшна не только сама война, но и приближающийся конец ее. ***От демобилизации ожидаются кровавые, кошмарные эксцессы***⁶⁸⁷.

В деревню возвращались бывшие крестьяне, сохранившие свои крестьянские мечты и обиды, ставшие солдатами, радикализированными войной и революцией, прошедшие через страх, ужас смерти и крови. Многие из них были вооружены, и не было никакой организованной силы способной остановить их, на пути к достижению выстраданных веками надежд и устремлений. «К ноябрю 1917 г., — отмечает историк Е. Иллерицкая, — 91,2% уездов оказались охваченными аграрным движением, в котором все более преобладали активные формы борьбы, превращавшие это движение в крестьянское восстание. Важно отметить, что карательная политика Временного правительства осенью 1917 г... перестала достигать своих целей. Солдаты все чаще отказывались наказывать крестьян...»⁶⁸⁸

В низах воцарились «дичайшая анархия, лишенная всех сдерживающих начал», «всеобщий развал, ставший подобным природному бедствию..., ***гражданская война выросла из хаоса и далеко не сразу приобрела черты двухполюсности***. Есть основание всерьез задуматься, — приходит к выводу историк В. Булдаков, — а существовала ли она в ставшем хрестоматийном виде где-либо вообще, кроме перевозбужденных “красных” и “белых” голов и написанных под влиянием их эмоций учебников?»⁶⁸⁹

К подобным выводам приходил и другой известный историк В. Кожинов: ***«Война между Белой и Красной армиями как таковыми имела, в конечном счете, гораздо менее существенное значение, чем воздействие и на белых, и на красных всеобъемлющего “русского бунта”»***⁶⁹⁰. По словам историка П. Кенеза: «Страна развалилась, и фактически в каждой деревне была своя Гражданская война, зачастую не имевшая никакого отношения к идеологии красных и белых... европейская история не может привести большего примера ее влияния на политику и поведение людей»⁶⁹¹.

Гражданская война оттеснила «русский бунт» на второй план, придав ему идеологическую окраску. Крестьянские мечты «о воле и мести» оказались в тени классовых и национальных интересов. Белым любое сопротивление крестьян представлялось как проявление большевизма. «Главкомандующий ген. Деникин, — замечал в этой связи Р. Рауха, — был и оставался уверенным, что он ведет “освободительную войну” и спасает русский народ. От кого спасает? От него самого, ибо *“большевики” было лишь удачно найденное слово, которым белые прикрывали, в сущности, всю народную массу*»⁶⁹². «Как всякая масса, так и офицерская, — признавал в этой связи ген. Н. Головин, — тяготела к упрощенному пониманию явлений и связанному с таковыми приписыванию всех зол отдельным лицам или партиям»⁶⁹³.

«Красным» было свойственно такое же упрощение: каждое выступление крестьян рассматривалось ими, прежде всего, с точки зрения действия кулацких или контрреволюционных элементов. В то же время большевики сами были частью этого «русского бунта», отражая его основные чаяния, что до определенной степени обеспечивало им поддержку в народной стихии.

Пример «белого» идеологического подхода давал Л. Спирин: «С уверенностью можно сказать, что не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы не происходили выступления и восстания населения против коммунистического режима»⁶⁹⁴. Еще более конкретен был А. Деникин: «всеобщим, стихийным настроением была ненависть к большевикам. После краткого выжидательного периода, даже после содействия, которое оказывали немногие, впрочем, повстанческие отряды в начале 1919 года вторжению на Украину большевиков, украинское крестьянство стало в ярко враждебное отношение к советской власти. К власти, приносившей им бесправие и экономическое порабощение; к строю, глубоко нарушавшему их собственнические инстинкты, теперь еще более углубленные; к *пришельцам*, подошедшим к концу дележа “материальных завоеваний революции” и потребовавшим себе крупную долю...»⁶⁹⁵

Однако представитель той же среды И. Бунин сомневался в идейности «русского бунта», например, в своем дневнике в мае 1919 г. он отмечал: «Сообщение с Киевом будто бы совершенно прервано, так как мужики, тысячами идущие за лозунгами Григорьева, на десятки верст разрушают железную дорогу. Плохо верю в их "идейность". **Вероятно, впоследствии это будет рассматриваться как "борьба народа с большевиками" и ставиться на один уровень с добровольчеством. Ужасно.** Конечно, коммунизм, социализм для мужиков, как для коровы седло, приводит их в бешенство. А все-таки дело заключается больше всего в "воровском шатании" столь излюбленном Русью с незапамятных времен, в охоте к разбойничьей, вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч, отбившихся, отвыкших от дому, от работы и всячески развращенных людей»⁶⁹⁶.

Точно такие же восстания против белых были свойственны переселенческому населению Сибири, которому был присущ такой же «дух анархии», как и всему «бедняцкому» элементу Центральной России, отмечал Н. Головин. «Поэтому (при Колчаке) их **восстания имели не столько революционный характер, сколько анархическо-бунтарский, даже просто погромный.** Нередко крестьянство вообще отказывалось признавать какие бы то ни было, хотя самые законные и неизбежные виды обязательного отбывания общественных повинностей. **Свобода в таких случаях понималась... очень примитивно — в смысле освобождения от всякой государственной власти...**»⁶⁹⁷

Подтверждению анархической природы крестьянских бунтов служил тот факт, что те же самые повстанцы, которые вчера выступали против красных, после прихода белых с таким же ожесточением выступали против белых. По воспоминаниям самого Деникина: «всеобщий популярный лозунг повстанцев, пронесшийся от Припяти до Азовского моря, звучал грозно и определенно: **"Смерть панам, жидам и коммунистам!"**. Махновцы к этому перечню прибавляли еще и "попов", а понятие "пан" распространяли на всех "белогвардейцев", в особенности на офицеров»⁶⁹⁸. «Офице-

ры служили предметом "особого внимания" и разного рода бандитских формирований, особенно махновцев... каждый строевой офицер предпочитал смерть махновскому плену. После взятия Бердянска махновцы два дня ходили по дворам, разыскивая офицеров и тут же их расстреливая, платя уличным мальчишкам по 100 рублей за найденного... Непримируемая ненависть Махно к офицерам осталась неизменной»⁶⁹⁹.

На Юге черноморские крестьяне стеной встали против Добровольческой армии за «свою крестьянскую власть». Их сход в апреле 1919 г. единогласно вынес следующее постановление: «Крестьяне, не желая погибать на грузинском и большевистском фронтах, защищая интересы реакции, постановили: освободиться от Деникинского ига или же умереть здесь, у своих хат, защищая свою свободу»⁷⁰⁰. Депутаты от черноморских крестьян обращались к английскому представителю Коттону: «Мы не побоялись ваших пулеметов и пушек, которыми вы снабжали Деникина для борьбы с безоружными крестьянами, так неужели вы думаете, что теперь мы, завладев этими вашими пушками и пулеметами, побоимся ваших угроз? Знайте, что мы до тех пор не прекратим борьбы, пока не установим свою крестьянскую власть на всем Черноморье...»⁷⁰¹

Но напрасно было бы искать какую либо глубокую идеологию в настроениях крестьян. Вся их идея была выражена в декларации черноморских депутатов: «Большевизм объективно осужден на поражение, грядущая реакция несет с собой старое рабство народу... Города экономически разорены и потеряли свое бывшее значение. Пролетариат вследствие полного разрушения промышленности распылся и перестал быть грозной ведущей силой первого периода революции. **Деревня фактически никем не покорена — она никого не признает.** Крестьянство не раздавлено, не деморализовано и не хочет идти ни за черными, ни за коммунистическими знаменами. Овладеть деревней механически невозможно. **Отнять "землю и волю" никому не под силу**»⁷⁰².

То же самое происходило в колчаковской Сибири: «По Сибири пронеслась волна крестьянских восстаний... Восставшие не имели ни ясных лозунгов, ни определенных целей. *Писали иногда на знамени своем такие каббалистические изречения, как “за царя и советскую власть”, но были одинаково враждебны к любой существовавшей власти*»⁷⁰³. «Один из предводителей повстанцев на Енисее призывал крестьян под свои знамена уверениями, «что на Дальнем Востоке уже выступил великий князь Михаил Александрович, что он назначил Ленина и Троцкого своими первыми министрами.... И осталось только разбить Колчака... Какая же каша должна была быть в головах крестьян...», — восклицал по этому поводу Гинс⁷⁰⁴.

Крестьяне выступили даже против своей собственной крестьянской власти, созданной в Поволжье. И. Майский, министр труда правительства КОМУЧа, приводил в этой связи пример объявления мобилизации, что сразу «испортило отношения между крестьянством и новой властью»⁷⁰⁵. Эти мобилизованные были глубоко заражены, пояснял ген. В. Болдырев, тем «общим отвращением ко всяким жертвам государственного порядка, которое тогда резко проявлялось со стороны городского и деревенского обывателя»⁷⁰⁶. Подобные случаи, отмечает историк С. Павлюченков, известны из истории и знаменитой антоновщины, а также по более мелким примерам: так в Демянском уезде Новгородской губернии повстанцы пытались организовать «временные волостные правления», ими была объявлена поголовная мобилизация всех мужчин от 18 до 50 лет, произведено продовольственное обложение деревень. Это совершенно не понравилось местным крестьянам, которые было начали вливаться в ряды повстанцев. Они быстро отошли и сами восстали против такого восстания»⁷⁰⁷.

Такие же восстания происходили и в тылу Красной армии. Свидетель событий эсер Неупокоев, говоря об одном из таких антисоветских крестьянских восстаний, отмечал, что движение разрастается, «оно может принять слишком большие формы и будет опасно кому угодно, так как не носит пока характера организованности борьбы за какие-

либо определенные лозунги»⁷⁰⁸. Большевики, призывавшие крестьян в Красную армию, получали в ответ записки: «Долой Колчака, долой советскую власть»⁷⁰⁹. На митингах заезжим агитаторам мужики кричали: «Большевики и колчаки, пойдите вы все к черту, нам никто не нужен. Пусть горожане к нам ничего не возят, пусть сами едят свои товары, мы обойдемся своими»⁷¹⁰.

Очевидец событий М. Пришвин приходил к выводу, что: **«крестьянин потому идет против коммуны, что он идет против власти»**⁷¹¹. По мнению историка В. Кожина: **«объективное изучение хода событий 1918—1921 годов убеждает, что народ сопротивлялся тогда не столько конкретной «программе» большевиков, сколько власти как таковой, любой власти»**⁷¹². Эти выводы подтверждают и факты, приводимые С. Мельгуновым, например, введение Колчаком поставок для государственных нужд «было воспринято крестьянством как покушение на свободы от всяких государственных повинностей, которые, казалось им, только что были завоеваны»⁷¹³.

Вместе с тем выделить «русский бунт», как самостоятельное явление на этом этапе Гражданской войны можно было уже только с большой условностью. **Гражданская война до крайности радикализовала «русский бунт»**. Голодающие города и противоборствующие армии требовали хлеба, который они могли взять только у деревни. Но деревня уже отказалась его дать царскому и временному правительствам, даже под угрозой военной силы. И красным и белым ничего не оставалось, как применить эту силу на практике, что вызвало ответную маргинализованную реакцию деревни. Она была многократно катализирована тем, что эта сила нередко была еще не только неорганизованной, но и зачастую носила откровенно полукриминальный характер. В совокупности это приводило к массовым насилиям над крестьянством, к его разорению, грозившего нередко голодной смертью. В результате **для деревни защита от любой власти стала вопросом не просто борьбы за «волю», а войной за свое существование.**

Большевики, придя к власти в голодающих городах, первыми были вынуждены приступить к принудительному изъятию хлеба в деревнях, на что деревня откликнулась взрывом крестьянских восстаний. По обобщенным данным М. Лациса, только в 1918 г. ЧК было подавлено 245 кулацких восстания. При этом чрезвычайные комиссии потеряли 878 человек, и уничтожили 1821 участника восстания⁷¹⁴.

Не случайно приближение белых стимулировало подъем крестьянских выступлений. Так, например, в дни активного продвижения Сибирской армии Колчака в марте 1919 г. к Волге вспыхнуло самое крупное крестьянское «чапанное» восстание, охватившее Симбирскую и Самарскую губернии. По данным особой комиссии, присланной из Москвы под руководством Л. Смидовича, оно охватило от 100 до 150 тысяч человек, которые имели лишь несколько сот винтовок, несколько пулеметов и в основном были вооружены самодельными пиками, вилами и т. п. В результате восстание было быстро подавлено «энергичными и беспощадными мерами»⁷¹⁵. Во время подавления было убито не менее тысячи крестьян и расстреляно более 600 «главарей»⁷¹⁶. Причина восстания, по словам Смидовича, заключалась в том, что власть в районах восстания «выродилась во власть коммунистов, причем весьма сомнительного качества», которые действовали помимо Советов через ЧК путем «произвола, насилия, угроз и избиений»⁷¹⁷. После этого, отмечает Павлюченков, становится ясно, почему все восстание прошло под лозунгами: «За Советскую власть», «За Октябрьскую революцию», но «Долой коммунистов!» В наказе своему делегату на мирные переговоры с властью крестьяне писали: мы «вынуждены были восстать не против советской власти, но против коммунистических банд с грязным прошлым и настоящим, которые вместо истинных проповедей грабили и разоряли крестьянское население»⁷¹⁸.

Нередко сопротивление крестьян принимало более организованные формы, что приводило к созданию ими значительных воинских формирований, например, во время Тамбовского восстания армия А. Антонова насчитыва-

ла до 40 тыс. человек. Но еще больший размах крестьянское движение приобрело на аграрной Украине, где наибольшую известность приобрела армия Н. Махно. По данным начальника штаба махновской армии В. Белаша в конце 1919 г. она насчитывала «83 000 штыков, 19 650 шашек, 1 435 пулеметов, 118 пушек и орудий», вдвое превосходя противостоящие ей силы деникинцев⁷¹⁹. Почти 20 тыс. партизан атамана Зеленого удерживали чуть ли не всю Киевскую губернию... Крестьянская армия Н. Григорьева насчитывала почти 20 тыс. бойцов., с 50 орудиями, 700 пулеметами в апреле — мае 1920 г. взяла целый ряд городов Южной Украины: Черкассы, Херсон, Николаев, Одессу и некоторые другие»⁷²⁰.

Украинские крестьянские армии начали формироваться из разрозненных партизанских отрядов, боровшихся против австро-германских реквизиций, предписанных Украинским Брестским миром. Как отмечал народный комиссар по военным делам Украины Н. Подвойский, «повстанцы рекрутировались в огромной массе из сел и деревень, снесенных, сожженных германскими карательными отрядами. Эти повстанцы искренно мнили себя большевиками. Но их большевизм легче укладывался в рамки анархического партизанства и разбойничьего бандитизма...»⁷²¹

Идеологический портрет повстанцев давал отчет V Всеукраинской конференции КП(б)У, проходившей в те дни: «лозунги восстания во всех районах носят исключительно советский характер (Григорьев — за “самостийную Советскую власть”. Зеленый, “незалежники” — за “самостийну вильну Радянську Україну”, Махно — за “вольные Советы”)»⁷²². «Свои цели Григорьев декларировал следующим образом: “Раздел земли”, “Вся власть Советам народа Украины!”, “Украина для украинцев без большевиков и евреев!”»⁷²³. «Советский» характер крестьянских армий на Украине базировался либо на анархических (у Махно...), либо эсеровских (у Зелено-

го, Антонова...) идеях. *Махновщина, по определению ее лидеров, — это отражение борьбы «вольной трудовой коммуны... свободного крестьянства с государственниками большевиками»*⁷²⁴.

По мнению Деникина, причина появления этих армий крылась в том, что «шесть режимов, сменившихся до того на Украине, и явная слабость всех их вызвали вообще в народе обострение тех пассивно-анархических тенденций, которые были в нем заложены извечно. Вызвали неуважение к власти вообще, независимо от ее содержания. Безвластие и безнаказанность таили в себе чрезвычайно соблазнительные и выгодные перспективы, по крайней мере, на ближайшее время, а власть, притом всякая, ставила известные стеснения и требовала неукоснительно хлеба и рекрутов. *Борьба против власти как таковой* становится со временем главным стимулом махновского движения, заслоняя собой все прочие побуждения социально-экономического характера»⁷²⁵.

Наглядным подтверждением этого явления, отмечал Деникин, являлся тот факт, что *«если у нас в тылу бушевали повстанчество и бандитизм, то и линия наступающего советского фронта не смела повстанцев, а только перекинулась через них, и они работали теперь в тылу советских армий»*. Тот же Махно, который ранее приковывал к себе 1¹/₂ наших корпуса, в конце декабря перейдя в гуляйпольский район, вклинился между частями 14-й советской армии, наступавшей на Крым»⁷²⁶. И так же как до этого они воевали против деникинцев, крестьянские армии начали борьбу против красных. Например, григорьевцы восстав, только за 9-17 мая убили в Елизаветграде около 1800 советских работников и простых граждан⁷²⁷. Они несли угрозу существованию самой Красной армии, утверждала в 1919 г. газета «Коммунар»: «Махновщина принесла плоды гораздо более горькие, чем можно было себе предполагать... этот ужасающий яд махновского разврата, партизанства, самоволия и безволия... заразил наши части, приходящие в соприкосновение с махновским фронтом»⁷²⁸.

Однако постепенно настроения крестьян начинали меняться, на что обращал внимание непосредственный участник событий на Украине А. Мартынов: «Скоро после того, как через село прошла гражданская война, крестьяне стали искать сильную власть, которая пускай и была жестокой, но гарантировала стабильность»⁷²⁹. По словам американского историка Ларса Ли, крестьяне «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики — это единственный серьезный претендент на суверенную власть»⁷³⁰.

Ленин уже на VIII партконференции в декабре 1919 г. сделал категорический вывод: «Представители обывателей, мелкой буржуазии, тех, кто в бешеной схватке труда с капиталом колебались, стали решительно на нашу сторону, и на поддержку их мы можем теперь отчасти рассчитывать»⁷³¹. «В нашей победе, — отмечал один из лидеров меньшевизма Ф. Дан, — более всего сказалось то, что когда перед крестьянами встает призрак старого помещика, старого барина, чиновника, генерала, то русское крестьянство непобедимо, несмотря на голод, холод и глубокое недовольство советской властью. Крестьяне все силы отдают на то, чтобы отразить самую возможность возвращения старого помещика и старого царя»⁷³². Председатель Саратовского губисполкома В. Радус-Зенькович подчеркивал: «Крестьянство определенно идет к нам, оказывает нам доверие... Деникин ужасом перед собой обратил их к нам, положительной работой мы должны закрепить за собою подошедшие к нам массы»⁷³³.

Та же ситуация была и в Сибири: во время продвижения Красной армии крестьяне массами записывались в коммунистическую партию, отмечает С. Павлюченков. В самой партизанской Алтайской губернии к лету 1920 г. насчитывалось 20 307 коммунистов, т. е. 1/10 часть всего населения губернии, причем в подавляющем большин-

стве это были крестьяне⁷³⁴. Предсибревкома И. Смирнов в докладе писал Ленину, что откровенно реакционный характер колчаковщины оттолкнул даже крепкого сибирского мужика. «За исключением незначительной части крестьянство сплошь на стороне Советской власти. Ярким показателем может служить результат мобилизации 12 сентября, когда без всякого принудительного аппарата мы собрали 90% призванных. Полное отсутствие дезертиров»⁷³⁵.

Причины этого Раупах находил в том, что местная власть на огромном пространстве, занятом войсками Деникина, «была вручена уцелевшим остаткам царской администрации, старым земским начальникам, воскресшим приставам и вернувшимся помещикам. *Эти люди стали управлять старыми способами, исходившими прежде всего из желания перевешать как можно больше “серой скотинки” за все то, чего она их лишила.* Наезжая в качестве царьков... эти люди... при поддержке и содействии государственной стражи отнимали у крестьян скот и другое имущество, пороли их, совершали над ними самые грубые насилия и очень скоро подняли все население на дыбы. В короткое время их хозяйничанья богатейший хлебный район стал испытывать острый недостаток в хлебе, а мирового значения угольные копи оказались неспособными вырабатывать уголь в количестве, достаточном для поддержания местного железнодорожного транспорта»⁷³⁶.

Наследник известного дворянского рода А. Бобрищев-Пушкин, попавший в эмиграцию по воле большевиков, писал: «И все же у, по-видимому, одетой таким образом в несокрушимую броню Советской власти есть ахиллесова пята... Эта ахиллесова пята — анархия. Это Кронштадт, это — царь Махно. Жаль одного: они не правее, а левее большевиков. Эта сила не центробежная, не на воздух, к солнцу, а — глубже в землю. *От этого распада, напрягая все усилия, спасает Россию Советская власть, и прав Уэллс, говоря, что уничтожить ее — значит перебить*

России позвоночный хребет... Махно был анархической отрыжкой векового крестьянского гнета, был стихийным многоголовым царем-зверем, который один, безымянный и безликий, мог бы прийти на смену Советской власти, если бы она не вздернула, как медный всадник, Россию перед бездною на дыбы. Вся Россия была бы отброшена к доисторическому периоду, к безвластию, к грабежу кочующих шаек. И нельзя даже учесть, до чего бы дошла реакция... Нельзя представить себе, при самой горячечной фантазии, этих картин злобы и мести. Кроткими сестрами милосердия, сравнительно с такою действительностью, казались бы дамы, некогда раскрывшие свои кружевные зонтики в ранах поверженных коммунаров...»⁷³⁷

Н. Бердяев: «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. **Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть какую-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей.** Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила анархией»... **«Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»**⁷³⁸.

ПОТРУДИТЕСЬ ПОДЧИНИТЬСЯ

Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой. Но я не представлял себе ее в радужных красках... Наивным и смешным казалось мне предположение гуманистов революции о революционной идиллии, о бескровной революции, в которой, наконец, обнаружится доброта человеческой природы и народных масс.

Н. Бердяев⁷³⁹

ИНСТИНКТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Не выйдем мы из беспорядков и революций до тех пор, пока не станет всенародно ясно и неоспоримо, где верховная власть, где та сила, которая при разногласиях наших может сказать *“Roma locuta — causa finita”* — потрудитесь подчиниться или сотру с лица земли.

Л. Тихомиров

Лидеры меньшевиков начинали отсчет большевистского террора с десятков тысяч жертв, убитых в самосудах и погромах зимой 1917/1918 гг., поскольку они организовывались «по подстрекательству или по попустительству большевиков»⁷⁴⁰. Общее мнение выражал личный адъютант Колчака ротмистр В. Князев, который утверждал, что большевики виноваты не только в своих собственных преступлениях, но и во всех преступлениях начального периода вообще, поскольку именно **«большевики подняли решетки, за которыми сидели звери. Выпущенный уголовный сброд стал свободным»**⁷⁴¹.

Если относить эти слова именно к уголовникам, то их действительно освободили, только не большевики, а, как

свидетельствовал А. Деникин, либерально-демократическое Временное правительство: «войсковые части пополнялись и непосредственно обитателями уголовных тюрем и каторги после широкой амнистии, объявленной (Временным) правительством преступникам, которые должны были искупать свой грех в рядах действующей армии. Эта мера, против которой я безнадежно боролся, дала нам и отдельный полк арестантов — подарок Москвы, и прочные анархистские кадры в запасные батальоны. Наивная и неискренняя аргументация законодателя, что преступления были совершены из-за условий царского режима и что свободная страна сделает бывших преступников самоотверженными бойцами, не оправдалась. В тех гарнизонах, где почему-либо более густо сконцентрировались амнистированные уголовники — они стали грозой населения, еще не повидав фронта. Так, в июне в томских войсковых частях шла широкая пропаганда массового грабежа и уничтожения всех властей; из солдат составлялись огромные шайки вооруженных грабителей, которые наводили ужас на население. Комиссар, начальник гарнизона совместно со всеми местными революционными организациями предприняли поход против грабителей и после боя изъяли из состава гарнизона ни более, ни менее, как 2300 амнистированных уголовников»⁷⁴².

«В мирное время мы забываем, что мир кишит этими выродками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, — писал И. Бунин, — когда “державный народ” восторжествовал. Двери тюрем и желтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся — начинается вакханалия»⁷⁴³. И не было силы способной противостоять разгулу этой стихии — государственной власти просто не существовало. Французский посол М. Палеолог спустя всего два месяца после Февральской революции констатировал: *«Полиции, бывшей главной, если не единственной, скрепой этой огромной страны, нигде больше нет...»*⁷⁴⁴

Разрушителем государственной власти, отмечал Деникин, *стало то же самое либерально-демократическое*

Временное правительство: «Едва придя к власти, указом от 5 марта министр-председатель отдал распоряжение о повсеместном устранении губернаторов и исправников и замене их, в качестве правительственных комиссаров, председателями губернских и уездных управ»... «Должность правительственных комиссаров с первых же дней стала пустым местом. Не имея в своем распоряжении ни силы, ни авторитета, они были обезличены совершенно...» Но это было только началом разрушения государственного механизма. Следующим шагом стало «упразднение полиции в самый разгар народных волнений, когда значительно усилилась общая преступность и падали гарантии, обеспечивающие общественную и имущественную безопасность граждан, (что) являлось прямым бедствием. Но этого мало. С давних пор функции русской полиции незаконно расширялись путем передачи ей части своих обязанностей, как всеми правительственными учреждениями, так и органами самоуправления, даже ведомствами православного и иных вероисповеданий. На полицию возлагалось взыскание всяких сборов и недоимок, исполнение обязанностей судебных приставов и участие в следственном производстве, наблюдение за выполнением санитарного, технического, пожарного уставов, собирание всевозможных статистических данных, призрение сирот и лиц, впавших в болезнь вне жилищ и проч. и проч. Достаточно сказать, что проект реорганизации полиции, внесенный в Государственную Думу в конце 1913 года, предусматривал 317 отдельных обязанностей, незаконно возложенных на полицию и подлежащих сложению с нее. Весь этот аппарат и сопряженная с ним деятельность — охраняющая, регулирующая, распорядительная, принуждающая — были изъяты из жизни и оставили в ней пустое место. Кадры милиции стали заполняться людьми совершенно неподготовленными, без всякого технического опыта, или же заведомо преступным элементом. Отчасти этому способствовал новый закон, допускавший в милицию даже лиц, подвергшихся заключению в исправительных арестантских отде-

лениях с соответственным поражением прав; отчасти же насильственно “демократизованными”, благодаря системе набора их, практиковавшейся многими городскими и земскими учреждениями. *По компетентному заявлению начальника главного управления по делам милиции, при этих выборах в состав милиции, даже в ее начальники, нередко попадали уголовные преступники, только что бежавшие с каторги.* Волость зачастую вовсе не организовывала милицию, предоставляя деревне управляться, как ей заблагорассудится»⁷⁴⁵.

К чему это привело, уже в конце апреля свидетельствовали московские обыватели, современники событий: «Экспроприации с каждым днем учащаются, и чаще всего все происходит безнаказанно: грабители подстреливают или режут сопротивляющихся и разбегаются непойманными. За отсутствием полиции и за несовершенством милиции ничего не разыскивается... Грабят не только ночью, но и днем»⁷⁴⁶. Чем дальше, тем больше выявлялась полная неспособность милиции справиться со стремительно растущими уголовщиной и беспорядками. Последней попыткой Временного правительства укрепить милицию был приказ военного министра от 11 октября 1917 г, в котором ставилась задача «привлечь действующую армию к обеспечению порядка внутри страны»⁷⁴⁷. Но было уже поздно...

К Октябрьской революции разрушенными оказались не только армия, экономика, промышленность, но и вся система государственной власти. *Либерально-демократическое Временное правительство добросовестно выполнило свою работу по разрушению полуфеодальной российской монархии до основания.* В то же время из-за открытия Временным правительством тюрем в одном Петрограде, по данным М. Лациса, насчитывалось до 30 тысяч уголовных элементов⁷⁴⁸. Подобное сочетание не могло не привести к взрывному росту преступности, на что, в условиях отсутствия твердой власти, сообщали питерские газеты, население ответило резким увеличением количества самосудов⁷⁴⁹.

В декабре 1917 г. М. Горький отмечал: «За время революции насчитывается уже до 10 тысяч “самосудов”. Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить?... В этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии»⁷⁵⁰.

В первый же день своей революции 25 октября 1917 г. большевики выпускают Приказ № 1, которым попытаются ограничить вакханалию преступности: «Приказываю солдатам и матросам красной гвардии беспощадно и немедленно расправляться своими силами с представителями преступного элемента, раз с очевидной несомненностью на месте будет установлено их участие в содеянном преступлении против жизни, здоровья или имущества граждан».

Впервые большевики применяют оружие при разгоне «пьяных погромов», которые захлестнули столицу в первые месяцы после Октября⁷⁵¹. Так, в ночь на 4 декабря 1917 г. только по Петрограду число массовых винных погромов перевалило за 60. По сведениям Комитета по борьбе с погромами, мародерство поддерживалось антисоветскими элементами, в том числе членами кадетской партии⁷⁵². «Пьяные погромы» были подавлены не столько силой, сколько истощением их предмета. На смену пришли грабежи и убийства, которые стали обыденным явлением в столице. В январе 1918 г. за неделю в городе фиксировалось до 40 случаев убийств⁷⁵³. В Петрограде и Москве зимой 1917/1918 гг. в массовом порядке по выражению В. Лопухина, «раздевали и убивали»⁷⁵⁴.

Петроградские газеты пестрели подобными описаниями, например: 10 января 1918 г.: «Сегодня в 11 часов утра в ювелирный магазин... вошли пять воору-

женных... лиц. Убив владельца магазина и ранив мальчика... Вытащили у владельца магазина бумажник... Двоих из них удалось задержать и доставить в комиссариат... Собравшаяся толпа ворвалась в комиссию и потребовала выдачи преступников, когда им в этом было отказано, то толпа собственными силами вывела их во двор и, несмотря на увещевания прибывшего представителя совета и служащих комиссариата, расстреляла их»⁷⁵⁵.

26 февраля центральный орган левых эсеров «Знамя труда» сообщал: «Сегодня к дому булочника Николаева, на 1-й Мещанской улице подъехал грузовик, в котором было около 25 вооруженных человек. В это время мимо проходил отряд милиционеров. Незнакомые предъявили последним ордер на обыск квартиры Николаева и потребовали сопровождать их. Милиционеры согласились. Но едва все они только вошли в квартиру, бандиты скомандовали “руки вверх” и открыли огонь. В результате было убито девять милиционеров и четыре члена семьи Николаева. Убийцы успели скрыться»⁷⁵⁶.

В провинции самосуды вообще стали повсеместным явлением: в Кубанецкой волости Петроградской губернии на основании декрета крестьяне расстреляла 12 человек за налеты и грабежи⁷⁵⁷. В Богуницкой волости той же губернии на основании того же документа крестьяне расстреляли — 13 «грабителей»⁷⁵⁸. Увещевания местных властей ничего не дали. В мае общее количество расстрелянных включая 12 анархистов, составило 28 человек, в большинстве случаев уголовников — грабителей и убийц⁷⁵⁹. В деревне Васьево Бегуницкой волости местной властью было расстреляно 13 бандитов использовавших подложные документы⁷⁶⁰. На Кубани, по сообщениям газет, была совершена публичная казнь 40 человек, из которых шестеро четвертованы. В Евнянском уезде, по постановлению схода, в присутствии всей волости были сожжены на костре четверо грабителей. В Тарнополе на Соборной площа-

ди были отрублены головы трем подросткам, уличенным в краже⁷⁶¹. В селе Белоярское Барнаульского района были заживо похоронены 3 человека⁷⁶².

Рост количества самосудов объяснялся тем, что, несмотря на «победное шествие революции», большевики просто не успевали в столь короткие сроки построить централизованную и полноценную систему государственной власти на всей территории огромной страны. Как замечал Гинс: «В то время... каждый «совдеп» считал себя независимым от центра и действовал по своему... Троцкий признавал: «Даже губернские комиссариаты в некоторых местах хромают на одну, а то и обе ноги и не имеют достаточного количества компетентных работников и крепких комиссаров...» Аналогичное признание давали и комментарии к официальному изданию советской конституции: «До самого последнего времени на местах советы работали «как Бог на душу положит», и выходило от этого, то, что во многих местах советская власть решала вопросы, в корне противореча центру», «центральная власть не в силах была справиться со своими местными представителями, — отмечал Гинс, — и ограничивалась «товарищеским» порицанием»⁷⁶³.

Построение новой власти шло постепенно и сопровождалось огромным количеством злоупотреблений. Например, в Петрограде применяли расстрелы Комитет охраны города и милиция⁷⁶⁴, порой основанные на вопиющих злоупотреблениях — реквизициях и вымогательствах⁷⁶⁵. Подобные случаи всячески осуждались советской властью и часто становились предметом публикаций. На участников самосудов заводились уголовные дела. Постепенно сокращалось количество организаций, имевших право расстрела, некоторые из них упразднялись, например, следственная комиссия в Петрограде. Но окончательно решить эту проблему, отмечает историк И. Ратьковский, весной 1918 г. не удалось.

М. Горький в январе 1918 г. в отчаянии писал: «Народ изболел, исстрадался, измучен неопишимо, по-

лон чувства мести, злобы, ненависти, и эти чувства все растут, соответственно силе своей, организуя волю народа. Считают ли себя г.г. народные комиссары призванными выражать разрушительные стремления этой больной воли? Или они считают себя в состоянии оздоровить и организовать эту волю? Достаточно ли сильны и свободны они для выполнения второй, настоятельно необходимой работы? ... Окруженные взволнованной русской стихией, они ослепли интеллектуально и морально и уже теперь являются бессильной жертвой в лапах измученного прошлым и возбужденного ими зверя»⁷⁶⁶.

Действительно вплоть до середины 1919 г. большевики не столько вели массы за собой, сколько сами едва поспевали за ними: **«большевики не направляли революции, а были ее послушным орудием»**, — замечал в этой связи Н. Бердяев, — большевики не максималисты, а минималисты⁷⁶⁷. В условиях мировой и Гражданской войн, разошедшегося «русского бунта» большевикам буквально с «нуля» нужно было построить весь новый государственный аппарат.

Функции органа борьбы с антигосударственными явлениями, после Октябрьской революции первоначально выполнял Петроградский Военно-революционный комитет (ПВРК), образованный 12 октября 1917 г. во главе с левым эсером П. Лизимиром и большевиком Н. Подвойским. После революции ВЦИК и целый ряд других правоохранительных органов сформировали свои бюро, комитеты и комиссии «по охране дорог», «по борьбе с погромами», «Следственной комиссии при ревтрибунале» и т.п.⁷⁶⁸ **Создания специального органа для борьбы с контрреволюцией даже не планировалось, большевики просто не видели в этом необходимости.**

Ситуация коренным образом изменится с началом формирования белых армий Алексеева, Краснова, Каледина... Месяц спустя 7 (20) декабря 1917 г. большевиками была создана специальная Всероссийская чрезвычайная комис-

сия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК). По словам одного из руководителей ВЧК М. Лациса: «Нужда в этом органе тем острее чувствовалась, что у Советской власти не было аппарата духовного перевоспитания. Отсюда строгая необходимость в аппарате принуждения и чистки. Это уже не плод теоретических умствований, а продиктованная жизнью необходимость...»⁷⁶⁹.

«Опыт революции показал, что надо начинать с твердых мер, чтобы избежать беспощадных... демократическая власть вынуждается обстоятельствами переходного периода к введению исключительных положений, к усилению ответственности за противогосударственные преступления, к временной передаче милиции в руки комиссаров. Все эти меры диктуются желанием создать сильную гражданскую власть, чтобы избежать применения более крутых военных мер, создать уверенность в строгом суде Правительства, что бы предотвратить кровавые самосуды» — эти слова принадлежали не большевикам, как можно было бы подумать, а главе Временного правительства Сибири, будущему Председателю Совета министров колчаковского правительства П. Вологодскому⁷⁷⁰. Обе стороны Гражданской войны одинаково понимали объективную необходимость целенаправленного насилия для восстановления государства.

Веком раньше, во времена французской революции пламенный Дантон в марте 1793 г. первым предложил Конвенту вступить на путь организованного террора и учредить грозный Революционный Трибунал и дал этому предложению знаменитую мотивировку: «Враги свободы поднимают голову... **Они имеют глупость думать, что они в большинстве. Так вырвите же их самих из рук народного суда (т.-е. самосуда А. М.). Гуманность это вам повелевает**»⁷⁷¹.

Во время первой русской революции 1905 г. премьер-министр России П. Столыпин, с трибуны Государственной Думы, не колеблясь, провозглашал: «Го-

сударство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, нарушать и приостанавливать все нормы права для того, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства... Этот порядок признается всеми государствами. Это господа состояние необходимой обороны... Бывают господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права... Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волну, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность...»⁷⁷².

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишние свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать их в тюрьме, относятся бережно к людям арестовываемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близкими людьми, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти... и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложиться на эту власть» — кто бы мог подумать, что эта инструкция по ВЧК, была подписана в 1918 г. «Железным Феликсом»⁷⁷³.

В той же «Инструкции для производящих обыск и дознание» Ф. Дзержинский писал:

«1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность.

2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое вежливое, никакие нравоучения и окрики недопустимы.

3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда.

4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы»⁷⁷⁴.

С 31 января 1918 г. деятельность ВЧК была строго ограничена: розыском, пресечением и предупреждением преступлений, и завершалась на стадии передачи материалов в Следственную комиссию при трибунале, который в свою очередь направлял дела в суд^{775,*}. В заявлении Наркомюста говорилось: «Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски, выемки должны производиться одной Следственной комиссией, состав которой должен публиковаться. Целью ее должно явиться только предание суду революционного трибунала...»⁷⁷⁶.

«В первые месяцы работы ВЧК в ее аппарате, по данным М. Лациса, насчитывалось всего 40 сотрудников; включая и шоферов, и курьеров. Даже к моменту восстания левых эсеров в ВЧК число сотрудников доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществлял сравнительно большую работу, то *главным образом благодаря содействию населения*»⁷⁷⁷. В центре, по словам Г. Уэллса, с внешним бандитизмом большевики справились довольно быстро: «по общему духу своему большевизм, безусловно, честен и решительно выступает против грабежей и всяких подобных проявлений частной предприимчивости... **Бандитизм был поставлен к стенке в Москве весной 1918 г.**»⁷⁷⁸.

Но проблема наведения порядка по всей стране упиралась в вопрос кадров. В связи с этим для большевиков,

* Декретом «О суде» 22 ноября 1917 г. суд был заменен революционным трибуналом.

отмечает А. Грациози, *«важное значение приобрело всемерное выдвижение кадров из народа, позволявшее черпать ресурсы среди масс населения, чего не хотели и не могли делать белые. Именно этим путем плебейская революция, тот первый большевизм... проникла в структуры власти и оставила на них свой отпечаток»*⁷⁷⁹. По словам историка С. Волкова: «в провинции грань между уголовными элементами и функционерами новой власти была, как правило, очень зыбкой, а часто ее вообще не было, так как последние состояли в значительной мере из первых»⁷⁸⁰. «Можно быть разных мнений о красном терроре, — подтверждал современник событий большевик Ольминский, — но то, что сейчас творится в провинции, — это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина»⁷⁸¹.

Очевидно, сам Ленин не сразу, но в полной мере осознал эту проблему: «Трагическая судьба всякой революции ... заключается в том, что она всегда строится на отбросах», — отмечал он⁷⁸². «Звали идейных людей, а в огромном большинстве шло отребье». «В Ч.К. проникают преступные элементы», — признавал нарком юстиции Крыленко⁷⁸³. В. Воейков лишь констатировал эту закономерность: «каждая революция есть сочетание работы честных фанатиков, буйных помешанных и преступников»⁷⁸⁴. Аналогично О. Бальзак по итогам Французской революции приходил к выводу, что *«революции задумываются гениями, исполняются фанатиками, а используются преступниками»*.

Наглядный пример тому давал партизанский отряд под командованием Тряпицына, который, выступая под большевистскими лозунгами, в марте 1920 г. уничтожил японский гарнизон Николаевска, а заодно более 6 тысяч мужчин, женщин и детей. Один из его приказов предписывал «убить всех детей в возрасте свыше пяти лет, которые в противном случае помнили бы увиденное и могли бы вынашивать мысли о мес-

ти»⁷⁸⁵. После прихода Красной армии Тряпицын и его сподручные были арестованы и после короткого суда расстреляны.

Трагична эта судьба не только для революции, но и контрреволюции. В. Вернадский в этой связи замечал: «Наблюдая современную жизнь развала, поражаешься одной явной аномалии. На поверхности, у власти и во главе лиц действующих, говорящих, как будто дающих тон — не лучшие, а худшие. Все воры, грабители, убийцы и преступные элементы во всех течениях выступили на поверхность. **Они разбавили идеологов и идейных деятелей. Это особенно ярко сказывается в большевистском стане и строе — но то же самое мы наблюдаем и в кругу добровольцев и примыкающих к ним кругов.** И здесь теряются идейные, честные люди. **Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу**»⁷⁸⁶.

Отличительной особенностью большевиков стала их ожесточенная борьба с внутренним бандитизмом, проникшим в органы государственной власти. **«В большевиках этот инстинкт государственности проснулся удивительно быстро...»,** — отмечал М. Пришвин. — Многозначительно явление, о котором официальная советская идеология умалчивала, — “красный бандитизм”... В некоторых местностях эта опасность для советской власти даже считалась главной. **Под суд шли, бывало, целые парторганизации — они для власти уже не были «родственниками»**⁷⁸⁷.

Специальным отделом ЧК за 1918 г., по данным Лациса, был выявлен 3871 случай преступлений по должности. Среди них хищения — 254, военная измена — 48, разгул — 283, взятки — 200⁷⁸⁸. За последнюю четверть 1918 г. советской периодической печатью фиксируется около 50 случаев применения смертной казни за подобные преступления, главным образом: за взятки, растрату народных денег, за хищения, за присвоение денег, за злоупотребления, за грабеж,

за пьянство, за шантаж и требование контрибуций, за вымогательство. Все факты публиковались в газетах⁷⁸⁹. Подобная работа по выявлению преступлений в среде карательных органов проводилась ревтрибуналами и парторганизациями⁷⁹⁰.

Так, например, к началу 1919 г. астраханская ЧК меняла свой состав четыре раза и при этом «почти что каждый раз состав обязательно попадал в тюрьму»⁷⁹¹. Подобных примеров множество, отмечает С. Павлюченков. Весьма характерна телеграмма самого Ленина в Петроград Зиновьеву: «Члены ЧК детскосельской Афанасьев, Кормилицын и другие изобличены, по словам Луначарского, в пьянстве, насиловании женщин и ряде подобных преступлений. Требую арестовать всех обвиняемых, не освобождать никого, прислать мне имена особых следователей, ибо если по такому делу виновные не будут раскрыты и расстреляны, то неслыханный позор падет на Питерский Совет»⁷⁹².

Большевики, несмотря на свой интернационализм и призывы к «мировой революции», совершенно явно и отчетливо проявили свои государственные начала. В. Вернадский замечал в этой связи, что у Ленина, несмотря на слабость творческого начала, оказался «своеобразный государственный ум», сумевший сдержать разрушительные инстинкты революции⁷⁹³. Аналогичные примеры приводил ген. И. Данилов из Архангельска, отмечавший, что после ухода белых, в городе издевательствам, насилиям и грабежу самочинных комиссаров не было конца. Когда прибыла «настоящая большевистская власть, многие из них были посажены в... тюрьму», а «наиболее ярых проповедников из них принципа «все наше» за грабежи расстреляли»⁷⁹⁴.

Однако настоящую угрозу существованию государства представляла не уголовщина, а гораздо более могущественные подспудные силы, высвобожденные февральской революцией, которые за несколько месяцев смели все остатки государственной власти по всей стране.

МЕСТЬ

Мы не учли элемента времени
и степени напора народной стихии.

*А. Деникин*⁷⁹⁵

Сразу после Октябрьской революции волна дикого стихийного насилия, едва прикрытая сверху революционными лозунгами (Красной армии в то время как таковой еще не существовало, не было еще и ВЧК) захлестнула страну. Так, 29 октября в момент «сдачи (Владимирского училища) толпа вооруженных зверей с диким ревом ворвалась в училище и учинила кровавое побоище. Многие были заколоты штыками — заколоты безоружные. Мертвые подвергались издевательствам: у них отрубали головы, руки, ноги»⁷⁹⁶. В городе повсюду избивали юнкеров, сбрасывали их с мостов в зловонные каналы⁷⁹⁷.

На гидрокрейсере «Румыния» «лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после издевательства, пристреливали, а затем бросали за борт.. На “Труворе” снимали с жертвы верхнее платье, связывали руки и ноги, а затем отрезали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде бросали в воду. Казни продолжались всю ночь, и на каждую казнь уходило 15—20 минут». За 15—17 января (1918 г.) на обоих судах погибло около 300 человек»⁷⁹⁸. «На крейсере “Алмаз” помещался морской военный трибунал. Офицеров бросали в печи или ставили голыми на палубе в мороз и поливали водой, пока не превратятся в глыбы льда... Тогда их сбрасывали в море». Тогда в Одессе было убито свыше 400 офицеров⁷⁹⁹.

«28 февраля 1918 г. матросы корабля “Борцы за свободу” постановили истребить всю буржуазию. За две ночи они расстреляли 400 человек. С большим трудом ревкому удалось удержать дальнейшие расстрелы без суда»⁸⁰⁰. Экипаж линкора «Республика», состоявший из анархистов, подавлявший в конце 1917 г. выступления Краснова—Керен-

ского, устраивал самочинные расстрелы, «до 43 человек на брата», творя произвол от имени советской власти⁸⁰¹. В Новороссийске 18 февраля все офицеры 491-го полка (63 человека), выданные своими солдатами озверелой толпе, были отведены на баржу, где раздеты, связаны, изувечены и, частью изрубленные, частью расстрелянные, брошены в залив» и т.д.⁸⁰²

В марте-апреле 1918 г. произошел «погром буржуазии» в Благовещенске, в ходе которого погибло до 1500 офицеров, служащих и коммерсантов⁸⁰³. «В Благовещенске, — писал ген. Нокс, — были найдены офицеры с граммофонными иглами под ногтями, с вырванными глазами, со следами гвоздей на плечах, на месте эполет, их вид был ужасен»⁸⁰⁴. Показателен такой эпизод. «На перроне валялся изуродованный труп старичка — начальника станции. У него на груди лежали проткнутые штыками фотографические карточки двух молоденьких прапорщиков, сыновей начальника станции... Если так расправлялись большевики с родителями офицеров, то над самими офицерами, взятыми в плен, красные палачи изощряли всю свою жестокость. На плечах вырезывали погоны, вместо звездочек вколачивали гвозди, на лбу выжигали кокарды, на ногах сдирали кожу узкими полосками в виде лампас. Бывали случаи, когда даже тяжело раненных офицеров медленно сжигали на кострах. Видя неминуемый плен, офицеры-добровольцы застреливались или же, если были не в состоянии пошевелить рукой, просили своих друзей пристрелить их во имя дружбы»⁸⁰⁵.

«В Таганроге люди из отрядов Сиверса бросили пятьдесят связанных по рукам и ногам юнкеров и офицеров в горящую доменную печь. В Евпатории несколько сотен офицеров и «буржуев» были после страшных истязаний сброшены связанными в море». Подобные же зверства имели место во многих городах Крыма, занятых большевиками: в Севастополе, Ялте, Алуште, Симферополе. Такая же жестокость проявлялась и в казачьих станицах в апреле-мае 1918 г. В досье комиссии Деникина есть сообщения о «тру-

пах с отрубленными руками, переломанными костями, об обезглавленных телах, о раздробленных челюстях, об отрезанных половых органах»⁸⁰⁶.

Исходя из множества подобных фактов, С. Мельгунов приходил к выводу, что «жестокость повсюду порождали большевики — эти отрицатели всякой “буржуазной” морали первые разнуздали Гражданскую войну. На них лежит вина за дикость произвола, они морально ответственны за темные пятна междоусобной борьбы»⁸⁰⁷. «Красные — грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны, они жестоки. Для них нет ничего священного... Они отвергли мораль, традиции, заповеди господни. Они презирают русский народ. Они озверелые горожане, которые хотят бездельничать, грабить и убивать, но чтобы деревня кормила их. Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидеть. И они истребляют “буржуев” сотнями тысяч. Ведь разве это люди?... Они убивают, они пытаются... Разве это люди? Это звери...», — писал один из лидеров февральского переворота В. Шульгин⁸⁰⁸.

Массовое насилие, сопровождавшее революцию, потрясло современников событий: «большевики — бесчеловечные, жестокие скоты», — восклицал американский посол в России Д. Фрэнсис⁸⁰⁹; «Большевики с самого начала, — утверждал ген. Н. Головин, — выкинули основным лозунгом своих военных действий истребление...»⁸¹⁰. **«Насилие большевиков так сильно повлияло на некоторые интеллигентские группы, что, — по словам члена сибирского правительства В. Утгофа, — борьба с большевизмом стала для них самоцелью»**⁸¹¹.

Именно дикое насилие над офицерами вызвало в них ответную реакцию в виде чувства мести за своих товарищей и родных, которое стало одним из основных движущих мотивов Белого движения. Именно местью оправдывал «Белый террор» А. Колчак: **«главным мотивом этой деятельности является месть... все те ужасы, которые творились... происходили на почве мести»**⁸¹².

Однако даже правый историк русского офицерства, приводящий многочисленные факты подобного насилия,

С. Волков отмечает: «Там, где большевикам оказывалось сопротивление или их власть была непрочной (Новороссия, Крым, Дон, Кубань, Северный Кавказ, Сибирь, Средняя Азия), офицеры, с одной стороны, имели возможность организовать и принять участие в борьбе, но с другой — именно здесь в первой половине 1918 года офицерам было находиться наиболее опасно»⁸¹³. ***Стихийное насилие творилось в первую очередь там, где власть большевиков была слаба.***

* * *

В обстановке классового рабства трудно обучить угнетенные массы хорошим манерам. Выведенные из себя, они действуют поленом, камнем, огнем и веревкой.

Л. Троцкий⁸¹⁴

В XX в. «русский бунт» был разбужен революцией 1905 г., которую М. Покровский связывал с реставрацией крепостничества в 1880—90 гг., воскресившей и «крепостную идеологию во всех ее чертах — в том числе и психологию крепостного бунта»⁸¹⁵. Отличие состояло в том, что Россия уже вступала в эпоху капитализма и привычное для феодализма ***крепостничество превращалось на новом этапе развития в социальную сегрегацию русского крестьянства и простонародья, превращая их в недолюдей*** или, по С. Витте, в «полуперсон», «существ особого рода»; по ген. М. Алексееву, В. Шульгину, ротмистру Князеву — в «зверей»; по М. Булгакову — в «шариковых»; по А. Деникину и П. Милюкову — в «чернь». Русская «чернь» в политическом, экономическом и культурном плане была сегрегирована даже в большей степени, чем северо-американские негры*. Например, в конце XIX в. доля умеющих читать и писать русских крестьян была почти в 3 раз меньше, чем у американских негров⁸¹⁶.

* Подробнее о «социальной сегрегации» в России в ПРИМЕЧАНИЯХ.

Социальная сегрегация нередко трансформировалась в откровенный социальный расизм, который в данных конкретных условиях, например, отражали слова одного из героев М. Булгакова — профессора Преображенского: «не люблю бедных». Н. Бердяев в книге «Философия неравенства» попытался даже дать этому феномену философско-научное обоснование: «Культура существует в нашей крови. Культура — дело расы и расового подбора... “Просветительное” и “революционное” сознание... затемнило для научного познания ее значение. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование “белой кости” есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт»⁸¹⁷.

Социальная сегрегация консервировала развитие крестьянства на уровне эпохи раннего Средневековья. И этой сегрегации было подвержено более 80% населения России. Для сравнения в США, где сегрегации по расовому признаку подверглись негры, их доля на момент отмены рабства составляла всего около 10% населения страны. М. Вебер в 1905 г. весьма точно отмечал эту особенность России, указывая, что в ней миллионы крестьян «образуют класс колонов таких масштабов, которые знали разве что Древний Египет и Римская империя»⁸¹⁸.

Как относились крестьяне к своему положению? Этим вопросом задавался М. Салтыков-Щедрин, который дал на него ответ в 1880-м г. словами одного из своих героев «Мальчика без штанов»: **«С Колупаевыми мы сочтемся»***. «Надоело нам. С души прет, когда-нибудь перестать надо.

* В лице Колупаева Салтыков-Щедрин изобразил пришедшего на смену помещику купца: «с упразднением крепостного права... около каждого “обеспеченного наделом” выскочил Колупаев...»

Только как с этим быть? Коли ему сдачи дать, так тебя же засудят, а ему, ругателю, ничего...»⁸¹⁹

Удержание «черни» в повиновении покоилось на главном основании царского режима — силе и особенно «престиже силы», «сознании силы», — отмечал Витте⁸²⁰. А также на консервации «черни» в невежестве, под покровом феодального «политического обряда», под которым, по словам Н. Головина, понималась формула «За Веру, Царя и Отечество». «Для того, чтобы понять, какую громадную роль в психологии этих масс мог играть “обряд”, — пояснял Головин, — нужно только вспомнить первенствующее значение, которое занимает “обряд” в области религиозных чувств тех же масс»⁸²¹. Британская Daily Chronicle замечала в этой связи: «Царская власть обладает какими-то мистическими и отеческими свойствами, неотразимо действующими на душу русского народа»⁸²².

Русско-японская война поколебала престиж силы, а «Кровавое воскресенье» подорвало основы традиционного «политического обряда». В свою очередь уже первое соприкосновение «черни» с образованием и новыми экономическими реалиями привело к тому, что она политически проснулась. Передавая царящие в крестьянской среде настроения, Ф. Достоевский еще в 1881 г. писал: *«Ищет народ правды и выхода к ней непрерывно и все не находит... С самого освобождения от крепостной зависимости явилась в народе потребность и жажда чего-то нового, уже не прежнего, жажда правды, но уже полной правды, полного гражданского воскрешения своего...»*⁸²³

Смена эпох привела к тому, что революция 1905 г., сохраняя внешние черты крепостного бунта, все же уже несла с собой и новое, пока еще спонтанное и неосознанное, социальное содержание: борьбу «черни» — за свое право называться человеком.* Об этом со всей очевидностью свидетельствовало содержание Петиции рабочих

* Ситуация напоминала ту, о которой писал во время французской революции в 1789 г. в знаменитом памфлете «Третье сословие» аббат Сийес: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было до сих пор, при

и жителей Петербурга от 9 января 1905 г., с которой и началась Первая русская революция.

Наглядную картину бунта рисуют письма саратовского губернатора П. Столыпина своей жене: «В уездах все та же пугачевщина, каждый день несколько убитых и раненых. Точно война...»⁸²⁴ «Пугачевщина растет — все уничтожают, а теперь еще и убивают... Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро совсем слягут. Всю ночь... рассылал пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнодорож. путь. Приезжает от Государя ген. Сахаров. Но чем он нам поможет, когда нужны войска — до их прихода, если придут, все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновка осквернили божий храм, в котором зарезали корову и испражнялись на образе Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не отрезвляет...»⁸²⁵

Спустя несколько дней в очередном своем письме Столыпин отмечал: «кажется, ужасы нашей революции превзойдут ужасы французской. Вчера в Петровском уезде во время погрома имения Аплечева казаки (50 чел.) разогнали тысячную толпу. 20 убитых, много раненых. У Васильчиков 3 убитых, еще в разных местах 4»⁸²⁶. «Дни идут плохо. Сплошной мятеж: в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими... Войск мало и прибывают медленно. Пугачевщина!..»⁸²⁷ «Соседние деревни терроризированы, так как и их хотели сжечь, если они не примкнут к движению. Помещики в панике отправляли в город имущество, жен и детей. В других уездах тоже вспыхивает то тут, то там. Еле успеваешь посылать войска, которых мало. И долго ли еще можно рассчитывать на войска после «Потемкина»»⁸²⁸.

Активность Столыпина в подавлении беспорядков далеко не в последнюю очередь привела его на пост пре-

существующем порядке? Ничем. Что оно требует? Стать чем-нибудь». (Цит. по: *Пикетти Т...*, с. 253.)

мьер-министра и министра внутренних дел. Уже в июле 1906 г. Столыпин рассылал всем губернаторам телеграммы: «Борьба ведется не против общества, а против врагов общества. Открытые беспорядки должны встречать неослабный отпор. Революционные замыслы должны преследоваться всеми законными средствами»... «Дабы не препятствовать умиротворению страны и спокойному ожиданию реформ, строго следить за населением, не разрешая ему ни собраний, ни митингов, возбуждающих к противозаконным деяниям»⁸²⁹.

Николай II в то время писал Столыпину: «Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной анархии. Не только занятие честным трудом, но даже сама жизнь людей находится в опасности. Манифестом 9 июля было объявлено, что никакого своеволия или беззакония допущено не будет, а ослушники закона будут приведены к подчинению царской воле... Р. S. По-видимому, только исключительный закон, изданный на время, пока спокойствие не будет восстановлено, даст уверенность, что правительство приняло решительные меры, и успокоит всех»⁸³⁰.

«Вот будничные фон того периода. 1 мая 1906 г. убит начальник петербургского порта вице-адмирал К. Кузьмич. 14 мая не удается покушение на коменданта Севастопольской крепости ген. Неплюева, убито семь человек, в том числе двое детей. Всего в мае убито 122 человека, в июне — 127. В июле — восстание в Кронштадте. 2 августа боевики Ю. Пилсудского провели в Польше ряд терактов... Убито 33 солдата и полицейских. 14 августа в Варшаве убит ген.-губернатор Н. Вонлярский. 15 августа группа боевиков..., стала разъезжать по Москве и расстреливать стоявших на посту городских»⁸³¹. В Прибалтике «Полиция на местах была в панике. Из всех губерний неслись вопли о помощи и просьбы прислать гвардейские части или казаков. Было убито так много губернаторов,

*что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору»⁸³². В 1906—1909 гг. от рук террористов погибло 5946 должностных лиц. За тот же период официально к смерти было приговорено не более 5086 человек...**

В Польше и Прибалтике бунт 1905 г. приобрел националистический характер. Особенностью Прибалтики являлось то, что низший класс — крестьян представляли латыши, а высший — немцы-дворяне. «Нет никакого сомнения, что своей относительно высокой культурой край обязан был исключительно немецкой части населения, — отмечал Р. Раупах, — но немцы во многих отношениях жили средневековыми традициями и по отношению к аборигенам края держали себя как завоеватели... Начавшись отдельными террористическими актами, революционное движение к осени 1905 г. приняло форму революционного мятежа против немецкого дворянства. В результате оказались разгромленными 573 помещичьих имения... Множество помещиков было убито с чрезвычайной жестокостью»⁸³³.

«В Латвию была послана карательная экспедиция ген. Орлова, а в Эстонию — батальон, составленный из матросов. Эти матросы, содержащиеся под арестом в Кронштадте за учиненный в Петербурге бунт, в Прибалтике проявили себя такими верными защитниками порядка, что генерал-губернатор Сологуб через несколько дней после их прибытия в Ревель телеграфировал Витте просьбу воздействовать на капитан-лейтенанта Рихтера, «дабы он относился к своим обязанностям спокойнее и законнее, так как

* По другим данным, военно-полевыми судами с 1905 г. по март 1909 г. приговорено к смертной казни 4797 человек, повешено и расстреляно 2353 — 2825 человек. В то время как только в 1906 г. революционеры совершили убийство 1126 официальных лиц (еще 1506 человек было ранено), в 1907 г. эти цифры удвоились. Приводятся и другие цифры: в 1905-1907 гг. — 9000 жертв революционеров, в период с 1908 г. до середины 1910 г. — еще 7600 жертв. (Ruud C. A., Stepanov S. A. Fontanka 16, Montreal, 1999, p. 278 (Федоров Б. Г., с. 599))

он казнит по собственному усмотрению, без всякого суда, и лиц, не сопротивляющихся»⁸³⁴.

Проявления «крестьянского бунта» 1905 г. в армии и особенно на флоте сопровождались особой жестокостью. Так, во время Свеаборгского восстания некоторых офицеров бросали в котлы с кипящей водой. П. Столыпин потребовал, чтобы всех связанных с восстанием лиц (примерно 1200 человек), в том числе гражданских, судил военный суд... «Из ведения обычных судебных инстанций изымались дела гражданских лиц, совершивших преступные деяния *«настолько очевидные, что нет надобности в их расследовании»*. На рассмотрение таких дел отводилось не более 48 часов, приговор приводился в исполнение по распоряжению командующего округом в течение 24 часов. В состав судов назначались строевые офицеры»⁸³⁵. «Подобный суд недопустим в стране, в которой существует хотя бы тень гражданственности и закономерного порядка», — восклицал в ответ С. Витте⁸³⁶.

Бунт вспыхнул даже на далекой Сибирской железнодорожной магистрали, в выводимой после русско-японской войны из Маньчжурии русской армии. В начале февраля 1906 г. благодаря энергичным действиям карательных войск порядок был восстановлен. «Задача, казавшаяся столь трудной и опасной, — вспоминал ген. А. Редигер, — была разрешена гладко и просто, с ничтожными силами. Главная заслуга в этом деле принадлежала лично ему (ген. Меллеру-Закомельскому), *так как только при его характере палача можно было столь систематически бить и сечь вдоль всей дороги, наводя спасительный ужас на все эти бунтующие и бастующие элементы»*⁸³⁷.

П. Милюков писал, что в Сибири, в самой древней столице Руси, при подавлении революции «происходят невероятные события. Москву расстреливают из пушек. Расстреливают с такой яростью, с таким упорством, с такой меткостью, каких ни разу не удаивались японские позиции...»⁸³⁸

«Я уверен, что история заклеит правление императора Николая при Столыпине, — утверждал Витте, — за

то, что это правительство до сих пор применяет военные суды, казнит без разбора и взрослых и несовершеннолетних, мужчин и женщин, что политическим преступлениям, имевшим место даже два, три, четыре и даже пять лет тому назад, когда всю Россию свел с ума бывший правительственный режим до 17 октября и безумная война, затеянная императором Николаем II»⁸³⁹. Следующий премьер-министр В. Коковцев в эмиграции, со своей стороны, издал два тома воспоминаний, которые по отношению к царю и его ближайшему окружению могли бы служить настоящим обвинительным актом⁸⁴⁰.

Иностранные исследователи отмечали еще одну особенность, которая проявилась при подавлении революции 1905 г.: «Для большей части Европы применение более или менее бесконтрольного насилия географически очерчивалось колониальными территориями... В России же, по словам П. Холквиста, границы между «колонией» и «метрополией» были менее четкими»⁸⁴¹, «в России не было жесткого и ясного разделения между колониальными проблемами и процессом государственного строительства, чего нельзя сказать о любом другом государстве», — подчеркивал и А. Рибер⁸⁴².

На эту же особенность указывал и русский политический обозреватель в 1908 г.: «Что касается внутренних революционных и оппозиционных движений в пределах культурных государств, то ни одно из европейских правительств не применяло к ним системы карательных экспедиций за последнее столетие... При подавлении народных мятежей иногда употреблялись жестокие меры; бывали даже массовые казни лиц, захваченных с оружием в руках, как например, во время восстания парижской коммуны в 1871 г.; но никогда не предпринимались военные походы против населения отдельных местностей или против целых категорий обывателей после того, как вооруженная борьба прекращалась. Совершенно исключительное нововведение представляли в этом отношении карательные экспедиции 1905—1907 гг.»⁸⁴³

Крестьяне, по словам лидера эсеров В. Чернова, запомнили урок подавления революции 1905 г., **затаив «обиду и жажду мести»**⁸⁴⁴. Реформы Столыпина, разрушая феодальные оковы, приведут не к замирению крестьянства, а к его резкой социальной поляризации и выбросят на улицу почти 20 млн лишенных земли и работы крестьян, превращенных в пролетариев. К чему это все привело, передавал в своих дневниковых записях 1911 г. М. Пришвин, отмечавший **среди крестьян «рождение злобы во имя чувства попанной правды, рычащей злобы, звериной и страшной»**⁸⁴⁵.

«Крестьянский бунт», вызванный Первой русской революцией 1905—1907 гг., был подавлен за счет относительно небольшого количества жертв. Но первая русская революция принципиально отличалась от революции 1917 г. Если в 1902 г., когда «крестьяне в различных местностях бунтовали и требовали земли. Бывший в то время в Харькове губернатором князь Оболенский вследствие крестьянских беспорядков произвел всем крестьянам усиленную порку, причем лично ездил по деревням и в своем присутствии драл крестьян»⁸⁴⁶. То в 1917 г. Оболенский не смог бы даже выйти из Харькова, ведь уже к Февральской революции деревня за счет дезертиров была вооружена и радикализована тремя годами изнурительной и кровавой мировой войны. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, привыкли к смерти и худо-бедно научились воевать.

Уже само начало Февральской революции 1917 г. было другим. «Атмосфера революции была создана не столько пониманием материальных и экономических классовых интересов, — отмечал лидер эсеров В. Чернов, — сколько иррациональным ощущением, что дальше так жить нельзя. **Революция казалась массам карающей рукой беспристрастного языческого божества мести и справедливости**, метнувшей гром и молнию в головы земных врагов человечества; теперь это божество поведет униженных и

оскорбленных в рай, а угнетателей и насильников отправит в геенну огненную»⁸⁴⁷.

Царь еще не успел отречься от престола, а «бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода (уже) бросала в Думу все новые и новые лица...», вспоминал В. Шульгин: *«что может быть ужаснее, страшнее, отвратительнее толпы? Из всех зверей она — зверь самый низкий и ужасный, ибо для глаза имеет тысячу человеческих голов, а на самом деле одно косматое, звериное сердце, жаждущее крови...»*⁸⁴⁸ «Хоть минутку покоя, пока их нет... Их... Кого? Революционного сброда, то есть я хотел сказать — народа... Да, его величества народа... О, как я его ненавижу!...»⁸⁴⁹ «Умереть. Пусть. Лишь бы не видеть отвратительное лицо этой гнусной толпы, — продолжал В. Шульгин, — не слышать этих мерзостных речей, не слышать воя этого подлого сброда. Ах, пулеметов сюда, пулеметов!...»⁸⁵⁰

«Слава богу, наконец я опять в Таврическом дворце..., — продолжал Шульгин, — да, там, в «кабинете Родзянко», есть еще близкие люди. Да, близкие потому, что они жили на одной со мной планете. А эти? Эти — из другого царства, из другого века... Эти — это страшное нашествие неоварваров, столько раз предчувствуемое и наконец сбывшееся... Это — скифы. Правда, они с атрибутами XX века — с пулеметами, с дикорычащими автомобилями... Но это внешне... *В их груди косматое, звериное, истинно скифское сердце*»⁸⁵¹. Представители образованных сословий, даже антропологически, антропометрически разделяли себя с «чернью».

Примером здесь может являться и описание рабочей демонстрации в Москве, другим образцом русской интеллигенции И. Бунинным: «Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: — Вставай, подымайся, рабочий народ! Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: "Cave furem". На эти лица

ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно...»⁸⁵² И дальше, уже из Одессы: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атактистических особей...»⁸⁵³

Февральская либерально-демократическая революция смела остатки «политического обряда» и окончательно уничтожила «престиж силы», расчистив тем самым дорогу для разгоравшегося «русского бунта». И. Бунин по сути стал его хроникером: «в семнадцатом году газеты, все эти “Власть народа”, “Дело народа”, “Воля народа”, “Новая жизнь”, “Новое слово”, на одной полосе печатая хвалы народу и революции..., на другой полосе... с ужасом, сообщали о каждодневных грабежах, погромах и пожарищах, о сожжении мужиками своих провинившихся односельчан на кострах, — “власть народа” в самом деле уже была тогда, в том смысле, что тогда буквально каждый вообразил себя властью, — сообщали о зарывании в землю живых людей, о пытках при допросах в разных “советах рабочих и крестьянских депутатов”... **Мы не с октября, а с самого марта семнадцатого года пребываем в этом мраке, этом дурмане, дурмане злом, диком и, как всякий дурман, прежде всего переполненном нелепостями, на этот раз нелепостями чудовищными**»⁸⁵⁴.

«Мы переживаем тревожное, опасное время, — подтверждал М. Горький в мае 1917 г., — об этом с мрачной убедительностью говорят погромы в Самаре, Минске, Юрьеве, дикие выходки солдат на станциях железных дорог и целый ряд других фактов распушенности, обалдения, хамства»⁸⁵⁵. Насилие бунта носило характер совершенно особой несравнимой ни с чем садистской жестокости.

Лидеры большевиков еще находились в ссылке и эмиграции, бывшие царские генералы еще не стали «белыми», а стихийный террор «русского бунта», раз-

буженный Февральской революцией, уже охватил армию: в первый же день либерально-демократической революции в полку, вставшем на охрану Государственной думы, вспоминал ее председатель М. Родзянко, «к вечеру все офицеры были арестованы, и подверглись всевозможным издевательствам... обезумевшие и вооруженные до зубов солдаты, обезоружили офицеров, хватали и тащили их для немедленной расправы во двор казармы»⁸⁵⁶.

В марте «в Кронштадте были зверски убиты главный командир порта адмирал Р. фон Вирен, начальник штаба адмирал А. Бутаков... командир 2-й бригады линкоров адмирал А. Небольсин, на следующий день толпа настигла командующего Балтийским флотом адмирала А. Непенина. От рук взбунтовавшихся матросов пали комендант Свеаборской крепости, командиры 1-го и 2-го флотских экипажей, командир линкора "Император Александр II", командир крейсера "Аврора"... К 15 марта Балтийский флот и крепость Кронштадт потеряли 150 офицеров, из которых более 100 было убито, или покончило собой. На Черноморском флоте так же было убито много офицеров., имелись и случаи самоубийства. На сухопутном фронте также происходило немало эксцессов. Цензура часто перехватывала солдатские письма такого содержания: "Здесь здорово бунтуют, вчера убили офицера из 22-го полка и так много арестовывают и убивают". Убийства происходили и в тыловых городах в Пскове погиб полковник Самсонов, в Москве полковник Щавинский, в Петрограде князь Абашидзе. Не в силах вынести глумления солдат, некоторые офицеры стрелялись»⁸⁵⁷.

Деникин вспоминал: «январь 1915 г., под Лутовино. В жестокий мороз, по пояс в снегу, однорукий бесстрашный герой полковник Носков, рядом с моими стрелками, под жестоким огнем вел свой полк в атаку на неприступные скаты высоты... Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали

ген. Носкова, окружили его, убили и ушли»⁸⁵⁸. С. Волков приводит почти по дням, пофамильно множество подобных примеров убийств, арестов, унижений и самоубийств офицеров, в том числе и генералов, в период с февраля по июль 1917 г.

И. Бунин находил истоки массового насилия «русского бунта» в особенностях русского народа. Он начинал с глубокой древности, приводя послание славян варягам с приглашением на княжение: «Что это, как не первая страница нашей истории? "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет... **расташите нас, а то мы все перегрызем друг другу горло... усмирите нас — мы слишком жестоки при всем нашем прекраснодушии и малодушии...** введите нас в оглобли сохи и принудьте нас пролагать борозды, ибо иначе наша богатейшая в мире земля зарастет чертополохом, ибо мы зоологической трудоспособности... словом, придите и владейте нами, в нас все зыбкость, все чересполосица... мы и жадны — и нерадивы, способны и на прекрасное, на высокое — и на самое подлое, низменное, обладаем и дьявольской недоверчивостью — и можем быть опутаны нелепейшей, грубейшей ложью, заведены в какую угодно трясины с невероятной легкостью..." Вот наше начало, а дальше что?»⁸⁵⁹

Другой выдающийся представитель русской литературы Г. Успенский накануне еще революции 1905 г. отмечал: «Нет, не о человеческом достоинстве говорят мои воспоминания... Все в деревне несчастны, бешены, злы, подлы... Молодость души, ум, могучий и кроткий тип — все это до тех пор, пока мужик во власти земли... Прежде туда, где жили звериным обычаем, вносил свет угодник, инок... теперь остался только Каратаев и хищник... Почему, говорили мне не раз, вы берете только возмутительные явления? Но **я обречен на подбор этих ужасов, ибо это есть господствующее в деревне...**»⁸⁶⁰

Историк А. Грациози объяснял жестокость бунта тем, что в **крестьянской массе «по-прежнему сохранялось**

крепкое ядро первобытной дикости, реалистически изображенное в повестях Бунина. Вспомним, к примеру, его суходольцев, “шутки ради заживо освежавших помещичьего быка”. Очевидно, сильные социальные сдвиги высвободили эту “первобытность”, многие крестьяне вели себя подобно своим предкам, шедшим за Разиным или Булавиным»⁸⁶¹.

М. Горький находил причины этого явления в том, что «Мы, Русь, — анархисты по натуре, **мы, жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь** — ядовитое наследие татарского и крепостного ига — что тоже правда»⁸⁶². И снова Бунин: «Весь деревенский ум, талант идет на кулачество, и злорадство в основе всей такой деятельности... И никто не ценит ни своей, ни чужой личности... Все говорят сами же про себя: “палки хорошей на нашего брата нету!”»⁸⁶³ После февральской либеральной революции Бунин, устами одного из своих персонажей, говорил: «Теперь народ, как скотина без пастуха, все перегадит и самого себя погубит»⁸⁶⁴.

Уже в марте 1917 г. французский посол М. Палеолог предостерегал: «Русская революция... может привести лишь к ужасной демагогии черни и солдатчины, к разрыву всех национальных связей, к полному развалу России. **При необузданности, свойственной русскому характеру, она скоро дойдет до крайности... Вы не подозреваете огромности сил, которые теперь разнузданы...**»⁸⁶⁵ В. Шубарт находил причину этого явления в том, что «когда русская душа вступает в стадию заболевания нигилизмом, отталкивание от строгих форм вырождается в жажду разрушения форм. Русская душа в своем предпочтении фрагментарности изначально таит в себе зачаток экспрессионистских и символистских искажений, духовной и художественной анархии»⁸⁶⁶.

У этих наблюдений есть объективные предпосылки, определявшие отличия русского человека от западного. Одним из этих отличий, выкованным кли-

матом и географией, обостренной борьбой за выживание, является невероятное терпение русского человека, которым слишком злостно злоупотребляли высшие сословия и классы. А. Радищев еще в 1790 г., указывая на эту особенность, отмечал: *«Я приметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость...»*⁸⁶⁷

Именно с наступлением этой «крайности» связывал Деникин жестокость «русского бунта»: *«все, что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид и своей, по чьей-то вине изломанной жизни, — все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью»*⁸⁶⁸.

«Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся, — продолжал Деникин. — *Прежде всего разлитая повсюду безбрежная ненависть и к людям, и к идеям.* Ненависть ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам — признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственное, веками накопившееся озлобление, ожесточенная тремя годами войны воспринятая через революционных вождей истерия. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона “буржуя”, разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек»⁸⁶⁹.

Эту ненависть Р. Раупах объяснял тем, что: «под тонким, как паутина, слоем... общественности лежала многомилли-

онная народная толща с культурой времен крещения Руси Владимиром Святým. *Почти поголовно безграмотная, непроницаемо невежественная, она столетиями жила в состоянии гнетущей тьмы и безвыходной нищеты* и, став двигателем мировых событий, прежде всего, проявила все те качества голодного волка, которые выработала в ней история в своем вековом течении»⁸⁷⁰.

«Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и, в то же время, непонятно добродушный... *Теперь, когда вскрылся гнилотный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекся по всей стране*, — теперь мы, — писал М. Горький в мае 1918 г., — все должны пережить *мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого* — за нашу азиатскую косность, за эту пассивность, с которой мы терпели насилия над нами... *“болезнь вышла наружу” — явилась во всем ее безобразии*»⁸⁷¹. Исполком эсеров в июне 1918 г. отмечал: «Откуда могло явиться чувство гражданственности, сознание собственного достоинства у нашего забитого мужика?... *Революционность была лишь легким налетом, а под ней — вчерашний раб и насильник*»⁸⁷².

Однако было бы неправильным относить эти свойства к родовым чертам русского народа, они были вбиты в народную массу веками ее порабощения и социальной сегрегации. Не случайно видный эсер, в 1918 г. глава правительства Северной области Н. Чайковский объяснял Западу причины творящихся зверств тем, что «мы слишком долго переносили губительный самодержавный режим... наш народ политически менее воспитан, чем другие союзные народы»⁸⁷³.

Ф. Достоевский еще в 1877 г. по этому поводу замечал: «*Да, великий народ наш был взращен как зверь, претерпел мучения еще с самого начала своего, за всю свою историю тысячу лет, такие, каких ни*

один народ в мире не вытерпел... Не корите же его за "зверство и невежество", господа мудрецы, потому, что вы, именно вы-то для него ничего и не сделали. Напротив, вы ушли от него, двести лет назад, покинули его и разъединили с собой, обратили его в податную единицу и в оброчную для себя статью, вами же забытый и забитый, вами же загнанный как зверь в берлогу свою...»⁸⁷⁴

Это был тот режим, в котором, по словам С. Витте, «быт (крестьянина) в некоторой степени похож на быт домашнего животного с той разницей, что в жизни домашнего животного заинтересован владелец, ибо это его имущество, а Российское государство этого имущества имеет при данной стадии развития государственности в излишке, а то, что имеется в излишке, или мало, или совсем не ценится... **Но, конечно, если государственная власть считала, что для нее самое удобное держать три четверти населения не в положении людей граждански равноправных, а в положении взрослых детей (существ особого рода), если правительство взяло на себя роль, выходящую из сферы присущей правительству в современных государствах, роль полицейского попечительства, то, рано или поздно, правительство должно было вкусить прелести такого режима**»⁸⁷⁵.

Задолго до революции Витте пророчески предсказывал: «Несытое существо можно успокоить, давая пищу вовремя, но озверевшего от голода уже одной порцией пищи не успокоишь. **Он хочет отомстить тем, кого правильно или неправильно, но считает своими мучителями...**»⁸⁷⁶ К аналогичным выводам приходил и Деникин: «Бесспорно..., что аграрная реформа запоздала. **Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное — той страшной духовной темноты, в которой власть и правящие классы держали крестьянскую массу, ничего не делая для ее просвещения, не могли не вызвать исторического отмщения**»⁸⁷⁷.

И когда пришел их час, солдаты стали мстить за всё сразу, за все свои крестьянские и солдатские обиды... И прежде всего офицерам, которые олицетворяли собой ту силу, «престиж силы», на котором веками держалась вся угнетавшая крестьянина, превратившая его в бесправного раба, машина русского самодержавия. Эту данность фиксировала выдержка из письма одного молодого капитана, написанного **в марте 1917 г.**: «Между нами и солдатами — бездонная пропасть. Для них мы есть и останемся "барами". Для них то, что произошло, не политическая революция, а революция социальная, из которой они вышли победителями, а мы — побежденными. Они говорят нам: "Прежде вы были барами, а теперь наш черед барствовать!" **Они чувствуют, что пришла пора реванша за века рабства**»⁸⁷⁸.

«"Плебейская" жестокость взрыва, — дополняет Грациози, — может объясняться предварительной маргинализацией этих людей»⁸⁷⁹. Этот факт подчеркивал и Л. Троцкий, который, соглашаясь с Каутским, писал, что: «Одну из причин крайне кровавого характера революционной борьбы... (он) видит в (Первой мировой) войне, в ее ожесточающем влиянии на нравы. Совершенно неоспоримо»⁸⁸⁰.

Во время войны солдаты и народ пришли к выводу, что сотнями тысяч их жизней жертвуют бесцельно, что их жизнь не стоит ничего, соответственно и они перестали ценить и чужую жизнь. **«Зрелище шедших на убой безоружных людей вызывало такое дикое негодование и такую жгучую ненависть к бесстыдным виновникам этой длившейся месяцами бойни, что я поражался, как солдаты тогда не взбунтовались и как могли находить в себе силы терпеть это гнусное издевательство и безропотно идти на собственную смерть»**, — писал о феврале 1915 г. непосредственный свидетель и участник событий военный юрист, полковник Р. Раупах⁸⁸¹. Даже английский ген. А. Нокс в ноябре 1916 г., не выдержав, высказался о практике русских союзников следующим образом: **«Без аэропланов и гораздо более мощных орудий, снарядов к ним, а также умения все это использовать посылать русскую пехоту**

против германских оборонительных линий представляет собой бойню, бессмысленную бойню»⁸⁸².

Офицеры вели солдат на смерть и поэтому именно офицеры ассоциировались у солдат с теми силами, которые сделали их заложниками войны. Войны за что? — С трибуны Государственной Думы в это время звучали гневные слова лидера российских либералов П. Миллюкова, обвинявшие правительство Николая II в глупости и измене, и одновременно призывавшего солдат идти умирать на завоевание ... Константинополя!

Но камнем, сорвавшим лавину, станут даже не потери на фронте, а голод в тылу. Великая Российская империя рухнула под напором голодной толпы, она же похоронила и Временное правительство. Голод начался еще с середины 1916 г. О ситуации с продовольствием накануне Февральской революции свидетельствовал лидер кадетов П. Миллюков: «никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов, как в настоящее время... Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. **Озлобление растет, и конца его росту не видать»⁸⁸³.** Голодный бунт сметет монархию и явится, предупреждал начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде ген. Глобачев, **«первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов...»⁸⁸⁴**

Правда, сразу после Февральской революции свидетельствовал в марте М. Палеолог: «народ очень скоро вернулся к своей природной мягкости, потому что он не страдает и весь отдается радости быть свободным. Но **пусть даст почувствовать себя голод, и насилия тотчас возобновятся...**» Палеолог цитировал слова Редера, сказанные в 1872 г.: **«Оратору достаточно обратиться к голоду, чтобы добиться жестокости»⁸⁸⁵.** Голод возникнет спустя месяц — в апреле Палеолог тогда отметит: «нет никакого улучшения бедственного положения дел с продовольствием, наоборот, оно только ухудшается»⁸⁸⁶.

Процент выполнения хлебозаготовок, по данным ген. Н. Головнина, к июлю-августу 1917 г. упал до 10-30%⁸⁸⁷. Крестьяне отказывались сдавать хлеб, и на его сбор стали отправлять войска, которые получали самые жесткие инструкции. Но деревня уже сама голодала. По словам С. Мельгунова, в начале осени!!! — времени сбора урожая, — в ней пошли «голодные бунты», «когда население за полным истощением своих запасов хлеба переходит к потреблению “суррогатов”, начинает расхищать общественные магазины и т. д.»⁸⁸⁸ В городе для многих рабочих, отмечал Мельгунов «лозунг “хлеба” становился доминирующим»⁸⁸⁹. В сентябре 1917 г. Бунин записывал слова крестьянина: «*в городе голод пошел. Голод, голод!... покуда буржуазию не перережут, будет весь люд голодный-холодный*. Ах, милый барин, по истинной совести скажу — будут буржуазию резать, ах будут»⁸⁹⁰.

Для спасения городов от голодной смерти большевики будут вынуждены выбивать продовольствие из деревни силой. Это привело к тому, что стихия «русского бунта» повернулась против тех, кто дал крестьянам землю и мир. «По мере обострения Гражданской войны стихийный террор принимал все более ожесточенные формы, — отмечал участник событий меньшевик А. Мартынов. — “Известия Народного комиссариата продовольствия” свидетельствуют о катастрофическом продовольственном положении на местах в 1918 г.: “Это уже не оскудение — это картины... предсмертной агонии. А в паническом настроении народ и действует панически... Упрощенной психике соответствует и упрощенность действий — все они выливаются в одно — погром...”, разрушая и без того вконец разрушенную страну...”⁸⁹¹

Известия ВЦИК в мае сообщали: «характерной чертой современных погромов является то, что громилы обрушиваются на местные Советы. Здания Советов сжигают (Павловский Посад), членов Совета расстреливают и зверски истязают (Звенигород), топят в реке (Рыбинск)⁸⁹². Газеты сообщали о погромах в Пензе, Казани, Сызрани, Елабуге, Кузнецке, Старице⁸⁹³. Настроение того времени характеризо-

вал Троцкий в разговоре с германским послом В. Мирбахом: «Собственно, мы уже мертвы, но еще нет никого, кто мог бы нас похоронить»⁸⁹⁴.

В Декрете ВЦИК и СНК от 13 мая в качестве последней меры по обеспечению городов хлебом предлагалось: **«на насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответить насилием над владельцами хлеба»**⁸⁹⁵. С 11 июня в соответствии с декретом правительства в деревнях стали создаваться комбеды. На попытки изъятия хлеба, деревня ответила яростным сопротивлением. За 8 месяцев 1918 г. в селах было убито 7309 членов продотрядов (большая часть летом)⁸⁹⁶. Общее количество жертв «кулацких» восстаний в советской республике превысило за это время 15 тысяч человек⁸⁹⁷. Между городом и деревней началась настоящая война за физическое выживание, толкая «массу к самым диким эксцессам голодного бунта»⁸⁹⁸.

Их пример приводил в своих воспоминаниях, член правительства Северной области эсер Б. Соколов: «Смелые, привыкшие к своим непроходимым лесам охотники, не испытывавшие на себе крепостного ига северные крестьяне не похожи вообще на русского крестьянина средних губерний. И понятно, что в ответ на репрессии и насилия большевиков начались восстания... Они обладали удивительной храбростью... и крепкой дисциплиной..., они вносили чрезвычайную остроту в Гражданскую войну. Для них большевик, красноармеец — был синоним зверя, которого надо убивать. Они не брали в плен. И большевики платили им тем же. Взятых в плен истязали и расстреливали. Благодаря их жестокости нередко страдали интересы окрестных волостей. В результате появились и на стороне красных тоже партизаны, такие же сильные и такие же беспощадные, и нередко начиналась вражда двух соседних деревень»⁸⁹⁹.

Другой пример давало одно из крупнейших тамбовских восстаний 1920 г. Лидер восставших Анто-

нов агитировал за создание некоего «крестьянского государства» и обещал всему населению «жирную жизнь»⁹⁰⁰. За время мятежа антоновцы убили около 2 тысяч человек. В декабре 1920 г. очевидец сообщал: «В деревнях при поимке коммунистов они терзают их, отрезая сначала конечности, выкалывая глаза, вскрывают живот и, набивая бумагой и опилками, зажигают живые факелы... Жертвою этих зверей становятся не только... коммунисты, но так же и их семьи...»⁹⁰¹

С большевиками крестьяне будут расправляться так же, как и солдаты с офицерами, их будут замораживать, сжигать, забивать молотками, распиливать, сдирать кожу и т.д.⁹⁰² Будут использоваться самые изощренные методы пыток и казней. Даже Деникин отметит, что: «Расправы с большевистскими властями носили характер необыкновенно жестокий...» Но так же сложно было найти среди восставшего против большевиков населения откровенно «белые» настроения. В основе крестьянских восстаний лежала не идеология, а радикализованная до крайности реакция «русского бунта». На эту данность обращал внимание непосредственный участник событий Б. Соколов, говоря о северных партизанах, сражавшихся с большевиками: «Но напрасно, как бы я этого ни хотел, было бы искать в психологии партизан чувств общегосударственных, общенациональных. *Напрасной была бы попытка подвести под их ненависть антибольшевистскую — идейную подкладку...* до России, до всей совокупности российских переживаний им было дела очень мало. Чрезвычайно мало...»⁹⁰³

Наблюдения ген. В. Марушевского из другого района Архангельской области дополняли картину происходивших событий: «Все то, что происходило в эту эпоху в районах верховьев Печоры, далеко превосходит самые фантастические романы. В этих глухих местах... революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведе-

нию счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды... *Голод и нищета при жестоком морозе давали картины, не поддающиеся никакому описанию... Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый — было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались «каждая против каждой», являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае»⁹⁰⁴.*

«Те же самые картины смятения и напряженных боев повторялись с теми или другими изменениями повсюду, где только сталкивались большевистские и антибольшевистские войска. Убийства и анархия, грабежи и репрессии, восстания и подавления бунтов, измены и резня, слабые попытки вмешаться в неслыханные кровопролития, — все это происходило на обширной территории от Белого до Черного моря. Во всей стране никто не знал, что делать, за кем идти. *Никакие организации не в силах были противостоять этому всеобщему разложению, жестокость и страх господствовали над стомиллионным русским народом в создавшемся хаосе*», — У. Черчилль⁹⁰⁵.

Беспощадную войну большевиков с «крестьянским бунтом» А. Грациози подает как их войну против собственного народа. Однако этот широко распространенный пропагандистский штамп скрывает то, что *непримиримую борьбу с «русским бунтом» вели обе стороны*. Подчеркивая эту данность, видный белый генерал Н. Головин отмечал: *«Каждая революция, даже такая, которая приводит к освобождению народов, в своей основе построена на насилии*. Она начинается с актов разрушения и следуя зако-

нам социальной психологии, она по мере своего развития все более становится разрушительной. *Разбушевавшаяся стихия может быть остановлена только силой...*»⁹⁰⁶

Не кто иной, как лидер российских либералов П. Миллюков, еще 26 апреля 1917 г. провозглашал: «С элементами, "ставящими себе прямое разрушение всякого порядка и посягательство на чужие права", нельзя ограничиваться одними увещеваниями. С ними *«необходима настойчивая борьба, не останавливающаяся перед применением всех находящихся в распоряжении государства мер принуждения. Всякая нерешительность в этом направлении, по глубокому убеждению партии народной свободы, будет иметь неминуемым последствием развитие анархии и рост преступности»*

Объективная неизбежность и бескомпромиссность этой борьбы диктуется не идеологией, а условиями, при которых возможно существование любой цивилизации: *государство и общество могут существовать при монархии или республике, при диктатуре или демократии, при белых или при красных, они не могут существовать только при анархии. Поэтому беспощадная борьба с хаосом и анархией становится для государства и общества вопросом борьбы за выживание.*

Подавления бунта требовали и демократические «союзники». Г. Уэллс передавал их опасения на этот счет: «В случае краха цивилизованного строя в России и перехода ее к крестьянскому варварству Европа на много лет будет отрезана от всех минеральных богатств России и лишиться поставок других видов сырья из этого района — зерна, льна и т.д. Совсем не ясно, смогут ли западные державы обойтись без этих поставок. Их прекращение, безусловно, приведет к общему обеднению Западной Европы»⁹⁰⁸.

Любимец русской либеральной общественности И. Бунин в отчаянии в поисках выхода взывал к памяти Ивана

Грозного: «Цари и “попы” многие могли предчувствовать, зная и помня летописи русской земли, зная переменчивое сердце и шаткий разум своего народа, его и слезливость и “свирепство”, его необозримые степи, непроходимые леса, непролазные болота, его исторические судьбы, его соседей, “жадных; лукавых, немилостивых”, и его “младость” перед ними, его всяческую глушь и дичь, и его роковую особенность: кругами совершать свое движение вперед, — знали, словом, все то, от напасти чего все-таки спасали его “цари и попы”, подвижники и святители..., — все то, **что заставило Грозного воскликнуть: “аз есмь зверь, но над зверьми и царствую!”** — все то, что еще слишком мало изменилось до наших дней, да и не могло измениться по щучьему веленью при всех этих степях, лесах, топях и за такой короткий срок, который насчитывается настоящей русской государственности»⁹⁰⁹.

Монархист В. Шульгин обращался к примеру подавления «крестьянского бунта» во время Первой русской революции П. Столыпиным: «он понимал, что несвоевременная жалость есть величайшая жестокость, ибо та жалость понимается как трусость, окрыляет надежды, заставляет бунт с еще большей свирепостью бросаться на власть, и тогда приходится нагромождать горы трупов там, где можно было бы обойтись единицами. Он сурово наказывал, чтобы скорее можно было бы пожалеть... Он был русский человек... Сильный и добрый...»⁹¹⁰ Сам Столыпин говорил с Думской трибуны: «Господа, в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить кровь, о которой так много здесь говорилось, кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной только надеждой, с одной верой — исцелить труднобольного»⁹¹¹.

Подобные примеры могут создать впечатление, что «русский бунт», как и жестокость его подавления, являются органическими чертами присущими толь-

ко этим «диким русским». Отнюдь. Например, во время Великой французской революции, отмечал Герцен, «попытка французов восстановить священные права людей и завоевать свободу обнаружила полное человеческое бессилие... Что мы увидели? Грубые анархические инстинкты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи к животному самоудовлетворению... Но явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо зажмет в своем кулаке бразды правления!»⁹¹² Циркуляр французского командования о подавлении крестьянского бунта 10 декабря 1851 г. гласил: «Банды, несущие с собой грабежи, насилия и поджоги, находятся вне закона. С ними не вступают в переговоры, их не предупреждают — их атакуют и расстреливают. Всякий сопротивляющийся должен быть расстрелян во имя общества и законной обороны»⁹¹³.

Практика белых в подавлении крестьянского бунта ничем не отличалась от красных. Пример подхода к восстановлению «цивилизованного строя» на территории контролировавшейся деникинской армией дает А. Грациози: «В соответствии с духом времени и практикой Первой мировой войны порки сопровождалось уничтожением целых деревень (объявлявшихся “бандитскими гнездами”); расстрелами заложников (родственников предполагаемых “бандитов”); казнями каждого десятого из взрослых мужчин...»⁹¹⁴

Участник событий Н. Воронович вспоминал, как деникинские «добровольцы, ворвавшись в деревню, принимались за экзекуцию оставшихся в ней крестьян, не делая никакой разницы между мужчинами и женщинами, между взрослыми и детьми. Экзекуция состояла в порке шомполами, после чего карательный отряд удалялся из деревни, реквизируя скот, запасы хлеба и фуража. Если в деревне случайно оказывался мужчина призывного возраста, он, в лучшем случае, жестоко избивался шомполами и уводился отрядом в город, а в худшем случае — тут же на месте расстреливался в назидание прочим»⁹¹⁵. И эти меры встречали полную поддержку среди демократических союзников.

Н. Воронович приводил в этой связи следующий пример: «Вскоре начальство убедилось, что никакие жестоко-сти карательных отрядов не могут обратить крестьян на путь послушания. Тогда решено было приступить к мирным переговорам... крестьяне поддались на уловку распустили отряды и прекратили вооруженную борьбу. Но добровольцы не сдержали своих обещаний... На этой почве начались новые волнения, перешедшие вскоре в новое восстание. Крестьянство обратилось за помощью к союзникам, на что полковник Файн ответил, что он ничем им помочь не может. "Если бы добровольцы вас на моих глазах резали, я и тогда бы не имел права заступиться за вас, ибо ген. Деникин и его армия являются законной властью, признанной правительством короля Англии!"»⁹¹⁶

Представление о методах подавления крестьянских восстаний в колчаковской Сибири давал приказ ген. Розанова: «Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания, приказываю неуклонно руководствоваться следующим:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, — расстреливать каждого десятого жителя.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т.д. — отбирать в пользу казны...

3. Если при проходе через селения жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население накладывается денежная контрибуция за круговой порукой. Контрибуции взыскивать беспощадно...

5. Объявить населению, что за добровольное снабжение разбойников не только оружием и бое-

выми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч., виновные селения будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны...

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно.

7. Как общее руководство, помнить: на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть как на врагов и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства»⁹¹⁷.

В качестве примера мер, использованных большевиками при подавлении крестьянских волнений в Тамбовской губернии, можно привести приказ, отданный Антоновым-Овсеенко и Тухачевским:

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте, без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно»⁹¹⁸.

И такие приказы неуклонно приводились в исполнение. Вот лишь один из примеров: «На общем собрании крестьяне заметно стали колебаться, но не решались принять активное участие в оказании помощи по изъятию бандитов. По-видимому, они мало верили в то, что приказы о расстреле будут приводиться в исполнение. По истечении установленного срока был расстрелян 21 заложник в присутствии схода крестьян. Публичный расстрел, обставленный со всеми формальностями, в присутствии всех членов «пятерки», уполномоченных, комсостава частей и пр., произвел потрясающее впечатление на крестьян....» В соседней деревне были повторены те же приемы — взяты заложники в количестве 58 человек. В первый день был расстрелян 21 человек, на другой — 15... «В конечном результате перелом был достигнут, крестьянство бросилось ловить бандитов и отыскивать скрытое оружие...»⁹¹⁹

Эта практика была повсеместной и наиболее широко применяемой. Так, из Ярославля сообщали: «Восстание дезертиров в Петропавловской волости ликвидировано. Семьи дезертиров были взяты в качестве заложников. Когда стали расстреливать по мужчине в каждой семье, зеленые стали выходить из леса и сдаваться. Расстреляно 34 вооруженных дезертира»⁹²⁰. 12 мая 1920 г. Ленин направляет комиссиям по борьбе с дезертирством инструкцию: «После истечения срока помилования, предоставленного дезертирам для сдачи властям, необходимо еще более усилить санкции в отношении этих неисправимых предателей трудящегося народа. С семьями дезертиров и со всеми, кто помогает дезертирам, каким бы то ни было способом, следует обращаться как с заложниками и соответственно с ними поступать»⁹²¹.

Однако отдельные операции не всегда приносили успех, крестьянские восстания охватывали целые области, и тогда против них направлялась регулярная армия. Описание методов ее действий оставил командарм Тухачевский: «В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, ко-

торая должна закончиться полной оккупацией восставшего района, насадить в нем разрушенные органы советской власти и ликвидировать самую возможность формирования населением бандитских отрядов. Словом, борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением»⁹²².

Трудность борьбы со стихией «русского бунта» заключалась и в том, что он не всегда был чем-то однозначно определяемым, нередко он выступал на стороне одной из противоборствующих сил. У белых это явление нашло выражение в лице полунезависимых атаманов. Они выступали против большевиков, и казалось, могли служить опорой «белой» власти. Однако скоро оказалось, что на Юге «наибольшее зло, — писал деникинский ген. А. Драгомиров, — это атаманы, перешедшие на нашу сторону, вроде Струка. Это типичный разбойник, которому суждена, несомненно, виселица. Принимать их к нам и сохранять их отряды — это только порочить наше дело»... Драгомиров считал необходимым поставить борьбу с бандитизмом на первый план, ибо *«ни о каком гражданском правопорядке невозможно говорить, пока мы не сумеем обеспечить самое элементарное спокойствие и безопасность личную и имущественную...»*⁹²³

В Сибири, вспоминал управляющий делами правительства Колчака Г. Гинс, «Анненков покорился (Колчаку) и признался только на словах... В Семипалатинске он облагал буржуев “добровольными взносами”...» Анненков «был действительно атаманом... одним из тех многочисленных атаманов, которые составляли в совокупности царство атаманщины, оказавшейся сильнее всякой другой власти в Сибири... Можно с уверенностью сказать, что монархистами анненковцы, красильниковцы и другие последователи атаманщины являлись только потому, что не было монархии. Если бы воцарился в Сибири или России мо-

нарх, то не было бы удивительно, если бы они провозгласили республику и облагали население «добровольными» сборами на защиту республиканских идей. Но составляя вольницу своенравную, непокорную, такие отряды, как анненковский, сохраняются дольше других. Они обживают в одном месте, они знают все тропинки, все выходы... Они связаны дисциплиной, основанной на чувстве самосохранения, как было у запорожцев. Это возродившаяся Запорожская Сечь»⁹²⁴.

«Одним из крупнейших препятствий к водворению порядка и законности, — вторил военный министр Колчака ген. А. Будберг, — являются атаманы и окружающие их банды насильников, интриганов из темных жуликов, прикрывающих высокими и святыми лозунгами всю разводимую ими грязь и преследование личных, шкурных, честолюбивых, корыстолюбивых, чрево- и плотоугодных интересов. *Для этих гадин восстановление порядка и закона все равно что появление солнца для ночных пресмыкающихся, ибо с восстановлением закона приходит конец их вольному, разгульному и развратному житью...* они драпируются в ризы любви к отечеству и ненависти к большевизму. Каторжный Калмыков двух слов не скажет, что бы не заявить, что он идейный и активный борец против большевизма...»⁹²⁵ Но «мы бессильны справиться с гнездящимся там (в тылу) преступным элементом...»⁹²⁶, — отмечал Будберг. — Яд атаманщины и сладость беззаконного существования слишком глубоко всюду проникли, и нам не справиться с этим злом; нас оно вероятно съест...»⁹²⁷.

Красным благодаря своей настойчивости удалось придать этой неоформленной стихии более организованные формы. Этому способствовало и то, что до поры их политика отражала ее интересы. Однако это мало изменило ее сущность: «Доношу, — сообщал начальник 8-й кавдивизии Червонного казачества В.М.

Примаков,— что вчера и сегодня через расположение вверенной мне дивизии проходила 6-я дивизия 1-й Конной армии, которая по пути производит массовые грабежи, убийства и погромы. Вчера убито свыше 30 человек в м. Сальница, убит председатель ревкома и его семейство; в м. Любар свыше 50 человек убито. Командный и комиссарский состав не принимают никаких мер. Сейчас в м. Уланов продолжается погром... военком дивизии и несколько лиц комсостава несколько дней тому назад убиты своими солдатами за расстрел бандитов. Солдатские массы не слушают своих командиров и, по словам начдива, ему больше не подчиняются. 6-я дивизия идет в тыл с лозунгами “бей жидов, коммунистов, комиссаров и спасай Россию”, у солдат на устах имя Махно как вождя, давшего этот лозунг»⁹²⁸.

Из Кременчуга сообщали, что части Конармии, проходящие через Черкасский уезд, «терроризируют власть», грабят и расстреливают жителей и даже семьи служащих в рядах Красной армии, а весь скот угоняют. «С криками “бей жидов и коммунистов”,— говорилось в телеграмме губначтыла,— носятся по селам и деревням, есть убитые и много раненых, в числе которых много советских работников. Семьи красноармейцев, совработников, волвоенкомов, предревкомов подвергаются полному разграблению и избиению до полусмерти. Власть и население в паническом ужасе бегут, скрываясь в лесах и полях. Результаты бесчинств уже сказываются: те села, которые были на стороне соввласти и были далеки от участия в бандитизме, теперь, наоборот, питают страшную ненависть к Красармии и соввласти»⁹²⁹.

При занятии Конармией Ростова «город,— писал Р. Гуль,— задохнулся в убийствах и насилиях дорвавшихся до солдатской радости мародерства буденновцев. Тут бы самого Маркса повесила на фонарном столбе вверх ногами эта мужицкая, пугачевская

конница»⁹³⁰. «Настроение частей..., — сообщал сотрудник политинспекции Юго-Западного фронта, — боевое: бей жидов и коммунистов и спасай Россию. И действительно переплетаются эти два элемента. *Армия боевая, но антикоммунистическая. Нередко можно было слышать: покончим с Врангелем, пойдём воевать с коммуной, пойдём «чистить тыл»...* Барахольство процветает. В ячейках появился даже целый ряд ответственных товарищей со следующими за ними тачанками с лисьими шубами и другим барахлом... Население, где проходили части 1 Конной, было в буквальном смысле терроризировано»⁹³¹.

В ответ на критику из Москвы Реввоенсовет Первой Конной почти грозил: «Следует подчеркнуть, что если тыл не особенно любит Конную армию, то и Конная армия питает к нему солидную нелюбовь. *“Наши коммунисты, — говорят иногда бойцы, — славные ребята, но там, в тылу, там нужна чистка”...* Чистку же они понимают немного проще, чем секретари парткомов»⁹³².

В «непотопляемости» Буденного очевидно сыграл вклад Первой Конной в разгром белых армий, по свидетельству Тухачевского, «в России никогда не было конницы, равной Конармии...», а Буденный — это «исключительного таланта самородок» и «самый способный командарм»⁹³³. Однако не меньшую роль, отмечает историк В. Генис, очевидно сыграло и заступничество за Буденного и Ворошилова, тесно связанного с ними еще по обороне Царицына в 1918 г. члена Политбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Республики Сталина⁹³⁴.

Однако, несмотря на крайне жесткие меры подавления большевиками крестьянских восстаний, крестьяне выбрали именно большевиков. На причины этого выбора указывал в своих воспоминаниях один из членов крестьянско-эсеровского правительства КОМУЧа: «в армии неблагополучно. Отряды не получают продуктов и проводят реквизиции

у крестьян. Часты случаи расправ с крестьянами. У них отбирают помещичьих лошадей и коров, это сопровождается поркой и террором. *Офицеры снова надели погоны и кокарды. Все это приводит крестьян и солдат в такой ужас, что они искренне теперь хотят возвращения большевиков...* На его вопрос, почему они это делают, ему отвечали, что большевики все же их народная власть, а там царем пахнет. Опять придут помещики, офицеры и опять будут нас бить. Уж пусть лучше бьет — так свой брат»⁹³⁵.

Обещания земли и мира позволили большевикам свершить свою революцию, но победу в Гражданской войне им принес лозунг «кто был ничем, тот станет всем». И если белые относились к «русскому бунту», как к бунту «черни», которую, по словам лидера российских либералов П. Милюкова, нужно загнать в стойла⁹³⁶, то большевики воспринимали «русский бунт» как взрыв страдавших масс⁹³⁷, которым они несли освобождение от векового гнета. Эти различия, несмотря на всю их неизбежную абстрактность, крестьяне скоро осознали и сделали свой выбор, который в конечном итоге predetermined исход Гражданской войны.

Что касается белых, то на всех фронтах на Юге, Севере, Сибири в борьбе с «русским бунтом» они приходили к одному и тому же результату:

По словам командующего американскими войсками в Сибири ген. В. Гревса, белые были обречены на поражение, так как из-за бесчинств, творимых ими, «количество большевиков в Сибири ко времени Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода»⁹³⁸. *«По всей Сибири, — подтверждал министр колчаковского правительства Г. Гинс в ноябре 1919 г., — разлились, как сплошное море, крестьянские восстания. Чем больше было усмирений, тем шире они разливались по стране»*⁹³⁹. *«Теперь для нас, белых, немыслима парти-*

*занская война, ибо население не за нас, а против нас», — констатировал военный министр колчаковского правительства ген. А. Будберг 1 сентября 1919 г.*⁹⁴⁰

На Юге, отмечал Раупах, «Административное банкротство («Белой власти») было полное, *и если старую власть не любили, то новую ненавидели... Вера в самую идею новой власти была народом утеряна, и, выкопав из земли, запрятанные туда винтовки и пулеметы, крестьяне обратили их против белых.* Начались восстания, которые, распространяясь с быстротой пожара, охватили всю огромную территорию между Днепром и Азовским морем, и в тылу ген. Деникина стали хозяйничать бесчисленные банды и партизанские отряды»⁹⁴¹.

На Севере председатель Архангельского губернского земского собрания П. Скоморохов в феврале 1920 г. констатировал: *«мы вновь оказались в завоеванной стране. Аресты, расстрелы, произвол — вот наши завоевания»*⁹⁴². На Юге, отмечал Гинс, «Движение Деникина не похоже сейчас на победное шествие, где население готовит победу раньше, чем приходит победитель. *Он завоевывает страну...* я больше всего боюсь того момента, когда будет взята Москва. Внутренних противоречий еще слишком много, и когда будут брать Москву, развалится тыл. Безразличие, а иногда прямое недоверие со стороны населения — вот самый опасный наш враг...»⁹⁴³ П. Врангель позже уже в Крыму признавал: «Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... *Политику завоевания России надо оставить... Ведь я же помню... Мы же чувствовали себя, как в завоеванном государстве... Так нельзя... Нельзя воевать со всем светом... Надо на кого-то опереться...*»⁹⁴⁴

А. Деникин, признавая свое полное бессилие усмирить стихию «русского бунта», предавался мечтам: «та *“расплавленная стихия”*, которая с необычайной легкостью сдунула Керенского, попала в железные тиски Ленина-Бронштейна и вот уже более трех лет (1917—1921 гг.) не может вырваться из большевистского плена. Если бы такая жесто-

кая сила... взяла власть и, подавив *своеволие*, в которое обратилась свобода, донесла бы эту власть до Учредительного собрания, то русский народ не осудил бы ее, а благословил»⁹⁴⁵. Но где была эта сила? Все свои надежды Деникин возлагал только на интервентов. Атаман Войска Донского П. Краснов в этой связи писал командованию Добровольческой армии: ***«Вы все ждете барина. Вот придет барин — барин нас рассудит... Нельзя рассчитывать на чужеземную помощь... Вы живете надеждами, что через две недели придут иностранцы и помогут Вам и войсками, и снарядами, и одеждой, и деньгами. Этой надеждой Вы заразили даже мою армию... вы все надежды возлагаете на них»***⁹⁴⁶.

Подобным же мечтам предавался в Сибири военный министр Колчака А. Будберг: ***«На атаманах и карательных отрядах государства не восстановить; всех недовольных и восстающих против насилия не перевешать и не перепороть — рук не хватит, да и руки коротки»***⁹⁴⁷, а у нас, белых, продолжал Будберг, для наведения порядка «средств нет... те случайные и импровизированные суррогаты, которые мы пытаемся для этого применить, только увеличивают разруху и заставляют население становиться большевиками или сочувствующими любому режиму кроме нашего. Все донесения разных усмирителей об умиротворениях — все это на три четверти ложь и обман... несомненно, что наружное спокойствие кое-где водворяется, но это спокойствие кладбища или придавленное молчание стиснутой ненависти, ждущей только благоприятного случая, чтобы опять развернуться»⁹⁴⁸.

В поисках выхода Будберг находил необходимую силу только в иностранной «оккупации важнейших населенных пунктов для установления там законного порядка и нормальных условий жизни; сделать сами этого мы не в состоянии как по недостатку людей и вооруженной силы, так и по причинам чисто морального порядка, свойственным атмосфере Гражданской войны... нам нужны совершенно нейтральные, беспристрастные и спокойные войска, спо-

собные сдержать всякие антигосударственные покушения как слева, так и справа. Только под прикрытием сети союзных гарнизонов, не позволяющих никому насильничать и нарушать закон, поддерживающих открыто и определенно признанную союзниками власть, возможно будет приняться за грандиозную работу воссоздания всего разрушенного в стране, восстановления и укрепления местных органов управления и за еще более сложную и щекотливую задачу постепенного приучения населения к исполнению государственных и общественных повинностей, к платежу налогов, — одним словом, к многому, от чего население отвыкло; это **неизбежное ярмо надо надеть умеючи**, а главное, без помощи наших карательных и иных отрядов»⁹⁴⁹.

Подобные призывы белых генералов к завоеванию собственной страны иностранной военной силой откровенно пугали ее представителей: «Что станут делать союзники в завоеванной Москве, как сможет удержаться в России буржуазное правительство без нашей постоянной поддержки?», — вопрошал Р. Локкарт⁹⁵⁰.

Кроме большевиков, в стране не оказалось реальной силы, способной справиться с «русским бунтом». Этот факт признавали многие выдающиеся современники того времени, весьма критически и даже враждебно относившиеся к большевикам. Так, например, активный борец с большевизмом В. Львов уже из эмиграции в 1922 г. писал: «Или советская власть создаст новый порядок в России, или его не создаст никто... **Днем гибели России будет крушение советской власти, так как никакая власть не в состоянии заменить ее. Россия будет ввержена в анархию...**»⁹⁵¹ Другой, не менее видный борец с большевизмом Н. Устрялов приходил к аналогичным выводам: «следовало бы решительно воздержаться от проявлений какой-либо радости на этот счет — “сломили-таки большевиков”. Такой конец большевизма таил бы в себе огромную опасность, и

весьма легкомысленны те, которые готовятся уже глотать каштаны, поджаренные мужицкою рукой... *При нынешних условиях это будет означать, что на место суровой и мрачной, как дух Петербурга, красной власти придет безграничная анархия, новый пароксизм "русского бунта", новая разиновщина, только никогда еще не бывавших масштабов.* В песок распадется гранит невских берегов, "оттает" на этот раз уже до конца, до последних глубин своих государство Российское...»⁹⁵².

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

И вот, как бич Божий, пришли большевики. Они — олицетворение всех смертных грехов исторической русской деспотии и преступной самонадеянности интеллигенции.

Г. Гинс⁹⁵³

Истоки красного террора, утверждал Б. Рассел, «лежат в большевистском мировоззрении: в его догматизме и его вере, что человечество можно полностью преобразовать с помощью насилия»⁹⁵⁴. Террор коренится в самой природе советской власти, вторил С. Мельгунов, идея перестройки мира на новых началах социальной справедливости «органически была связана с насилием над человеком и с полным презрением к его личности»⁹⁵⁵. «Оргия убийств "на классовой основе" постоянно оправдывалась родовыми схватками нового мира», — отмечают и авторы «Черной книги коммунизма»⁹⁵⁶.

Большевики не только не отрицали революционного террора, но и считали его неизбежным. *Беспощадный террор сопровождал все буржуазные революции, в том числе английскую и французскую, социалистическая не должна была стать исключением.* К. Маркс констатировал эту закономерность как объективную данность: «кровавые муки родов нового общества, есть только одно

средство — революционный терроризм»⁹⁵⁷. В «Капитале» он пояснял: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁹⁵⁸.

Большевики полностью разделяли эти идеи: не найти в человеческой «истории других средств, чтобы сломить классовую волю врага, — утверждал Л. Троцкий, — кроме целесообразного и энергичного применения насилия»⁹⁵⁹. В социалистической революции, разъяснял В. Ленин, мы должны подавить сопротивление угнетателей, эксплуататоров, капиталистов, «чтобы освободить человечество от наемного рабства...»⁹⁶⁰ «Революционное насилие расчищает дорогу будущему подъему, — дополнял Н. Бухарин. — И как раз тогда, когда начинается этот подъем, насилие теряет девять десятых своего смысла»⁹⁶¹.

Первый номер газеты «Красный меч» Киевского ЧК в августе 1918 г. разъяснял своим читателям: «Для нас нет и не может быть старых устоев “морали” и “гуманности”, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации “низших классов”. Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех... Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет Революции серо-бело-черный штандарт старого разбойничьего мира. Ибо только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов!...»⁹⁶²

Руководитель ЧК Чехословацкого (Восточного) фронта М. Лацис 1 ноября 1918 г. конкретизировал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии? Эти вопросы и должны определить

судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора»^{963,*}.

Не случайно А. Деникин приходил к выводу, что: «большевики с самого начала определили характер гражданской войны: истребление... Террор у них не прятался стыдливо за "стихию", "народный гнев" и прочие безответственные элементы психологии масс. Он шествовал нагло и беззастенчиво. Представитель красных войск Сиверса, наступавших на Ростов... (провозглашал): — Каких бы жертв это ни стоило нам, мы совершим свое дело, и каждый, с оружием в руках восставший против советской власти, не будет оставлен в живых. Нас обвиняют в жестокости, и эти обвинения справедливы. Но обвиняющие забывают, что Гражданская война — война особая. В битвах народов сражаются люди-братья, одураченные господствующими классами; в гражданской же войне идет бой между подлинными врагами. Вот почему эта война не знает пощады, и мы беспощадны»⁹⁶⁴.

Как ни убедительны все вышеприведенные заявления, факты свидетельствуют, что **до середины 1918 г. красного террора не было**. До революции большевики, в отличие от эсеров, вообще не признавали террора, как средства борьбы. В случае победы своей революции, отмечает историк И. Ратьковский, ими не предусматривалось и создания специального репрессивного органа, для подавления сопротивления побежденного класса: «Согласно представлениям большевиков диктатура пролетариата — это диктатура большинства и поэтому она будет более эффективной и демократичной. Поэтому она легко сломит прежнюю диктатуру меньшинства экономическими и контролирующими мерами, не прибегая для этого к насилию»⁹⁶⁵. Не случайно Л. Троцкий позже в беседе с американским писа-

* Руководство большевистской партии раскритиковало это заявление Лациса. В частности, В. Ленин откликнулся статьей «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов», а статья Е. Ярославского под заголовком «Недопустимая мерка» в «Правде» разоблачала суждения Лациса, как недостойные коммуниста. (Правда. 1918. 25 дек. (Ратьковский И.С..., с. 187).)

телем А. Вильямсом даже отметит, что «главное наше преступление в первые дни революции заключалось исключительно в доброте»⁹⁶⁶.

«То, что с полным правом можно назвать террором, — отмечает историк С. Павлюченков, — тогда исходило не от правительства, а, так сказать, стихийно изливалось из глубин душ, облаченных в серые шинели и черные бушлаты, в виде их беспощадной ненависти к офицерству... до того, как террор превратился в большевистскую государственную политику, он являлся более продуктом “революционного творчества” масс (“русского бунта”), как на рубежах Совдепии, так и в ее центрах»⁹⁶⁷.

«После революции 25 октября 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет и о терроре не было речи», — отмечал Ленин⁹⁶⁸. Член ЦК партии меньшевиков Д. Далин подтверждал: «Странно вспоминать, что первые 5-6 месяцев Советской власти продолжала выходить оппозиционная печать, не только социалистическая, но и откровенно буржуазная... На собраниях выступали все, кто хотел, почти не рискуя попасть в ЧК. **“Советский строй” существовал, но без террора**»⁹⁶⁹.

«Жизнь членов оппозиции в большевистской России была пока вне опасности (убийство Шингарева и Ф. Кокошкина в январе 1918 г. можно считать исключением)..., — замечает историк П. Кенез. — Репрессии еще не начинались: в конце апреля 1918 г. в Петрограде было лишь 38 политических заключенных, а кадетская газета “Речь” издавалась до конца мая». По мнению Кенеза, **«Правительство просто не считало, что необходимы более жестокие действия»**⁹⁷⁰. С. Мельгунов, говоря о том, как вели себя большевики по отношению к оппозиции в первые месяцы Советской власти, не находил в них врожденной склонности к террору: **«Память не зафиксировала ничего трагического в эти первые месяцы властвования большевиков...**

Наша комиссия (тайно готовившая антисоветские заговоры. — *Авт.*) собиралась почти открыто»⁹⁷¹.

Эту особенность — отсутствие красного террора до сентября 1918 г. — отмечал и ненавидевший большевиков французский дипломат Л. Робие: «Большевики становятся жестокими, они сильно изменились за последние две недели. *Боюсь, как бы в русской революции, которая до сих пор не пролила ни капли крови, не настал период террора...*»⁹⁷² По данным не менее радикального противника большевиков историка С. Волкова: «*В местностях, с самого начала твердо находящихся под контролем большевиков (Центральная Россия, Поволжье, Урал), организованный террор развернулся в основном позже — с лета-осени 1918 года*»⁹⁷³. Другой свидетель, комендант Арчен, которому удалось бежать из Петрограда, сообщал: «*Когда большевики пришли к власти, они были утопистами, гуманистами и великодушными провидцами — сегодня они больше походят на злобных сумасшедших. Их преступное безумие дало о себе знать в начале июля (1918 г.)...*»⁹⁷⁴

Позицию большевиков в отношении террора к своим политическим противникам Ленин озвучил сразу после Октябрьской революции — в ноябре 1917 г.: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать»⁹⁷⁵.

*И это были не просто политические заявления. Уже в начале декабря под честное слово были выпущены на свободу генерал, будущий атаман П. Краснов с его казаками, бывшими главной силой Корниловского мятежа, и похода Керенского на Петроград*⁹⁷⁶. В конце апреля 1918 г. на свободу под честное слово был выпущен ген. А. Шкуро, арестованный как органи-

затор антибольшевистского партизанского отряда⁹⁷⁷. Генералы В. Болдырев и В. Марушевский, арестованные за саботаж. Министры Временного правительства Н. Гвоздев, А. Никитин и С. Маслов и т.д.

В начале 1918 г. были освобождены: генерал-квартирмейстер Северного фронта В. Барановский, арестованный за контрреволюционную деятельность; бывший военный министр Временного правительства, один из лидеров антисоветского «Союза возрождения России» А. Верховский; 14 членов ультраправой группы во главе с лидером В. Пуришкевичем, готовившим вооруженное выступление офицеров⁹⁷⁸; арестованный за антисоветскую деятельность, бывший обер-прокурор святейшего Синода и крупный помещик А. Самарин; юнкера и кадеты участники октябрьских-ноябрьских боев против большевиков; чиновники-саботажники, в том числе и графиня Панина⁹⁷⁹; председатель «Союза Союзов» А. Кондратьев, организовавший забастовку госслужащих в Петрограде⁹⁸⁰; председатель «Комитета общественной безопасности» В. Руднев — один из главных виновников московского кровопролития, а так же десятки членов контрреволюционных организаций, саботажники и т.д.⁹⁸¹

«Несмотря на многочисленные антибольшевистские заговоры и выступления, к их участникам применялись достаточно гуманные меры...», — подтверждает историк И. Ратьковский. — Подобное наказание контрреволюционеров исходило... из дооктябрьских представлений о характере пролетарской диктатуры и кратковременном сопротивлении буржуазии, для подавления которого нет необходимости в смертной казни и длительных сроках тюремного заключения»⁹⁸².

Отношение большевиков к смертной казни демонстрировала и дискуссия, развернувшаяся в партии в то время. Против нее выступало большинство, позицию которого отражали слова А. Луначарского, сказанные сразу после

победы революции, в октябре 1917 г.: *«Я пойду с товарищами по правительству до конца. Но лучше сдача, чем террор. В террористическом правительстве я не стану участвовать. Лучше самая большая беда, чем малая вина»*⁹⁸³. Отмену смертной казни поддержал Л. Каменев и многие другие большевики. За смертную казнь выступил В. Ленин, считавший предложение Каменева пацифистской иллюзией, ослабляющей революцию⁹⁸⁴.

Тем не менее, попытки введения в тот период смертной казни, помимо декретов СНК и ВЦИК, незамедлительно пресекались. Так был отменен Приказ № 1 от 1(14) ноября 1917 г. главнокомандующего войсками по обороне Петрограда М. Муравьева о беспощадной и немедленной расправе с преступными элементами⁹⁸⁵.

Примкнувший к левым эсерам подполковник М. Муравьев до октября 1917 г. был начальником охраны Временного правительства. С 1918 г. он возглавил войска Красной армии, действовавшие на Украине, где в начале января в Киеве местными антисоветскими силами было расстреляно более 700 рабочих-арсенальцев. В ответ М. Муравьев, по пути следования его эшелонов в Киев, расстрелял около 20 гайдамаков⁹⁸⁶. После захвата Киева по приказу Муравьева в городе в течение трех дней, по словам Мельгунова, было расстреляно более тысячи человек⁹⁸⁷. Муравьев использовал расстрел как метод наказания и в борьбе с грабежами в армии: в конце января 1918 г. на Румынском фронте по его приказу было расстреляно 30 анархистов из 150 членов анархистского отряда, подчинявшегося ему⁹⁸⁸.

Действия Муравьева вызвали резкое осуждение среди многих большевистских лидеров. Например, Ф. Дзержинский на следствии над Муравьевым утверждал: «худший враг наш не мог бы нам столько вреда принести, сколько он принес своими кошмарными расправами, расстрелами, самодурством, предос-

тавлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это он проделывал от имени советской власти, восстанавливал против нас население...»⁹⁸⁹ Однако, несмотря на многочисленные свидетельства, следственная комиссия не подтвердила предъявленные обвинения, и 9 июня 1918 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Причина этого, очевидно, крылась в том, что большевики не хотели подвергать угрозе разрыва шаткое сотрудничество с левыми эсерами. Но это не поможет: спустя всего месяц после подавления левоэсеровского мятежа 7 июля в Москве 10 июля по приказу левоэсеровского Центрального комитета Муравьев, находясь в должности главнокомандующего Красной армией на Средней Волге, повернет ее против большевиков, за сотрудничество с чехословаками и за продолжение войны с Германией. Выступление было быстро пресечено местными большевиками, Муравьев застрелился⁹⁹⁰.

В тылу в качестве наказания в этот период большевики в основном применяли такие меры, как конфискация, лишение карточек, выдворение, и выселение, опубликование списков врагов народа, общественное порицание и т.д.⁹⁹¹ В начале 1918 г. Ленин в связи с этим замечал: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов; А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо»⁹⁹². Даже в тех районах, где Гражданская война уже началась (весной 1918 г.), отношение большевиков к добровольцам демонстрирует следующий пример: «при отступлении из Екатеринодара Деникин для ускорения движения и маневра оставлял тяжелораненых в станицах, встречавшихся по пути. Согласно белым источникам из 211 оставленных в станицах и попавших в руки красных 136 выжили»⁹⁹³.

Почему же летом 1918 г. гуманисты-большевики вдруг неожиданно обратились к красному террору?

Для большевиков первым толчком к ужесточению внутренней политики стало выступление Добровольческой армии на Юге России и провал первых Брестских переговоров, приведший к началу немецкого наступления. И тогда 21—22 февраля Совет народных комиссаров (СНК) издает постановление «Социалистическое отечество в опасности» и наделяет ВЧК правом внесудебного решения дел с применением высшей меры наказания — расстрела. **Этими двумя решениями СНК фактически вводил в стране режим военного положения.** С этого времени органы ВЧК вели не только оперативную работу, но и проводили следствие и выносили приговор, заменяя следственные и судебные органы⁹⁹⁴. ВЧК было предоставлено «право непосредственной расправы с активными контрреволюционерами», в число которых включались: «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы, саботажники и прочие паразиты» — все они «расстреливались на месте»⁹⁹⁵.

Декрет «Социалистическое отечество в опасности», отмечает Ратьковский, открыл целую череду несанкционированных расстрелов местными органами власти, так как в документе не говорилось об органах, получивших это право. Уже в первый день применения смертной казни 22 февраля в Петрограде было расстреляно не менее 13 уголовников. Расстрелы продолжались и после выхода разъяснений ВЧК от 23 февраля, в которой говорилось о закреплении расстрельной функции только за ЧК и недопустимости самосудных приговоров. Расстрелы не стали даже менее массовыми. Счет расстрелянных на месте преступления 26 февраля доходил в Петрограде уже до 20 человек⁹⁹⁶. В марте советская периодика фиксирует около 100 подобных случаев расстрелов. Значительная часть из них приходилась на Москву, в Петрограде же ситуация постепенно улучшалась⁹⁹⁷.

Первый расстрел по постановлению коллегии ВЧК был произведен 26 февраля и применен к самозваному князю Эболи за ряд грабежей, совершенных им под видом обысков от имени советских органов. В тот же день ВЧК расстрелял четверых матросов-налетчиков и одного немецкого шпиона⁹⁹⁸. 28 февраля ВЧК расстреляла еще двух грабителей, действовавших от ее имени⁹⁹⁹. За февраль было расстреляно 9 человек, за исключением одного немецкого шпиона, все остальные были уголовники-рецидивисты¹⁰⁰⁰. 22 марта 1918 г. в «Известиях ВЦИК» было опубликовано постановление ВЧК «О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией».

Из 196 дел рассмотренные Петроградской ЧК за первые 100 дней своей деятельности 102 было связано со спекуляцией, 75 — заведено на уголовников и лишь 18 дел имело политическую окраску¹⁰⁰¹. Из последних 10 было прекращено за недостаточностью улик, 3 закрыты по амнистии 1 мая, остальные переданы в ревтрибуналы¹⁰⁰². *Смертная казнь к политическим противникам в Петрограде не применялась вплоть до второй половины августа 1918 г.*, констатирует Ратьковский¹⁰⁰³

Но даже в условиях единичных случаев применения смертной казни по отношению к уголовникам у чекистского руководства и рядового состава стали наблюдаться нервные срывы, вызванные переутомлением и моральной ответственностью, сообщала в ЦК одна из лидеров эсеров и известная террористка М. Спиридонова¹⁰⁰⁴.

Примером в данном случае может являться свидетельство английского разведчика Р. Локкарта, который отмечал, что каждое подписание смертного приговора причиняло заместителю председателя ВЧК Я. Петерсу физическую боль «в его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком во всем, что касалось столкновений между больше-

визмом и капитализмом...»¹⁰⁰⁵ Сам Петерс мотивировал свое согласие с введением расстрела вовсе не идеологическими причинами: «в течение нескольких месяцев... смертную казнь мы отвергали, как средство борьбы с врагами. Но бандитизм развивался с ужасающей быстротой и принимал слишком угрожающие размеры. К тому же мы убедились, около 70% наиболее серьезных нападений и грабежей совершались интеллигентными лицами, в большинстве бывшими офицерами. Эти обстоятельства заставили нас в конце концов решить, что применение смертной казни неизбежно...»¹⁰⁰⁶

В марте начинается интервенция и новое немецкое наступление, Гражданская война охватывает Юг России. Ситуацию, сложившуюся в стране 18 мая, в газете «Известия» характеризовал один из лидеров большевиков Стеклов (Нахамкес): «Положение тяжелое, что и говорить. И мы, активные деятели и сторонники советской власти, меньше других скрываем от себя серьезность положения. Разруха, разброд, неустройство осаждают нас со всех сторон; явные и тайные препятствия, открытый и скрытый саботаж всячески мешают наладить нормальную жизнь страны...»¹⁰⁰⁷ 29 мая был образован революционный трибунал при ВЦИК. Д. Курский и Н. Крыленко обосновывали этот шаг необходимостью усилить карательную политику против контрреволюционеров¹⁰⁰⁸.

Однако, *несмотря на царящий с начала 1918 г. «белый террор», большевики более полугода не отвечали на него*, делая максимум возможного для того, что бы предупредить массовое кровопролитие и перерастание эксцессов, возбужденных революцией, в Гражданскую войну. *Радикализм корниловцев, кадетов и т.д., не представлял для большевиков той угрозы, из-за которой имело бы смысл прибегать к методам террора.* «В первое полугодие 1918 г. чрезвычайные комиссии, — подтверждает И. Ратьковский, — не использовали террор, как оружие по-

литического устрашения противника. ВЧК, обладая чрезвычайными полномочиями, еще не применяла мер, даже отдаленно схожих с террором»¹⁰⁰⁹. Об этом свидетельствовали и данные, приводимые исследователями того времени:

**Количество расстрелянных за первое полугодие 1918 г.
(до введения «красного террора»), человек**

По данным периодической печати (учитывая тамбовские расстрелы) ¹⁰¹⁰	150-180 (из них 2/3 на месте преступления)
М. Лацис ¹⁰¹¹	22
С. Мельгунов ¹⁰¹²	884
И. Ратьковский ¹⁰¹³	200 (из них более 80% уголовники) ¹⁰¹⁴

Но террор все-таки начался. Почему? В. Ленин, отвечая на этот вопрос, указывал на главную причину — террор нам был навязан Антантой¹⁰¹⁵. К словам лидера большевиков можно было бы отнестись скептически, если бы подобные признания не звучали из уст самих интервентов:

*В первой половине 1918 г. «террора еще не существовало, нельзя даже сказать, что население боялось большевиков, — отмечал диппредставитель Великобритании в России Р. Локкарт. — Газеты большевистских противников еще выходили, и политика Советов подвергалась в них ожесточенным нападениям... Я нарочно упоминаю об этой первоначальной стадии сравнительной большевистской терпимости, потому, что **их последующая жестокость явилась следствием обостренной Гражданской войны**. В Гражданской войне немало повинны и союзники, вмешательство которых возбудило столько ложных надежд... **Я продолжаю придерживаться той точки зрения, что нашей политикой мы содействовали усилению террора и увеличению кровопролития**»¹⁰¹⁶.*

Именно «размещение союзников в Архангельске послужило предлогом для нового террора», — утверждал французский посол Ж. Нуланс¹⁰¹⁷. На другом конце страны, по словам командующего американским экспедиционным

корпусом в Сибири ген. В. Гревса: *«Жестокости, совершенные над населением, были бы невозможны, если бы в Сибири не было союзнических войск»*¹⁰¹⁸.

Можно привести даже точную дату, с которой у большевиков возникла пока только идея «красного террора» — 25 мая 1918 г. В этот день в глухом глубоком тылу, где за исключением разбоев нескольких мелких банд, и речи не было о Гражданской войне и терроре, одновременно в трех местах вдоль Сибирской магистрали восстал чехословацкий корпус. Объясняя причину восстания, лидер чехословаков Т. Масарик заявлял советскому наркому Г. Чичерину: «Мы, чехословаки, любим Россию и желаем, чтобы она была сильной и свободной демократией. Мы были просто лояльны к России и относились корректно к вашему правительству»¹⁰¹⁹.

Какую же демократию несли на своих штыках «корректные чешские парни» Масарика и как они «любили Россию»? Предоставим слово одному из их руководителей Гайде, который в воспоминаниях описывал свой боевой путь. В бою за Троицк, было убито около 500 красных. Под Липягами — до 130 убитых и 1500 пленных. Под Мариинском убито около 300 русских и 600 взято в плен. В боях за Клыквенную убито почти 200 красных. Под Нижнеудинском «потери большевиков были огромны... Пленных не брали». В сражении у Култука не менее 300 русских было убито и 500 ранено. У Нязепетровска только убитых русских было почти 300 человек. У Мурино (на Байкале) из 12—15 тыс. русских «уцелело очень мало», в плен взято 2500 человек. При захвате ст. Посольская: «Потери большевиков были так велики, что несколько дней подбирали убитых, складывали в вагоны, отвозили в тайгу и закапывали», несколько тысяч было взято в плен. А что делали с пленными? Об этом рассказал участник тех боев белогвардейский офицер капитан А. Кириллов: «В этот момент доложили, что прибыла партия пленных. Гайда, не оборачиваясь, резко и твердо сказал... — “Под пулемет”. Партию пленных, где было много мадьяр, немедленно отвели в горы и расстреляли из пулеметов»¹⁰²⁰.

26 мая 1918 г. чехословаки захватили Челябинск. Все члены местного Совета были расстреляны, 28 взят Нижнеудинск, 29 — Канск и Пенза. В последнем городе чехословаки впервые столкнулись с серьезным сопротивлением, в том числе со стороны тысячного советского чехословацкого отряда. После захвата Пензы большинство из 250 чехословацких красноармейцев попавших в плен было расстреляно¹⁰²¹. 30 мая чехословаки захватили Сызрань, на следующий день Петропавловск, все члены местного Совета (20 человек) были расстреляны, как и четверо чехов-интернационалистов¹⁰²². В тот же день ими была занята станция Тайга и Томск. 2 июня пал Курган, 7 июня — Омск. 8 июня — Самара, где белочехами в первые дни после захвата города было расстреляно более 300 красноармейцев, рабочих и советских служащих¹⁰²³. За неделю к 15 июня количество арестованных в Самаре достигло 1680 человек, а к началу августа 2000, при том, что из Самары была вывезена часть заключенных (в августе их было в Бузулуке свыше 500, в Хвалынске — 700, в Сызрани — 600 человек)¹⁰²⁴.

По данным газеты «Приволжская правда», в Самаре и Сызрани за лето осень 1918 г. было расстреляно более чем по тысяче человек¹⁰²⁵. В местечке Липяги (Новокуйбышевск) вблизи Самары было расстреляно 70 раненых красноармейцев, а общее количество погибших составляло около 1300 человек¹⁰²⁶. Многочисленные расстрелы произошли в Мелекессе и других городах. Так, под Курганом чехословаками было повешено 13 рабочих и 500 арестовано¹⁰²⁷. В захваченном 22 июля 1918 г. Симбирске белочехами было расстреляно около 400 человек, в селе Сорочинском — 40 человек, в селе Пьяновке — 8 человек, в селах близ Красного Яра — 27 человек¹⁰²⁸. В августе в Казани — 300 человек, а в сентябре при подавлении восстания — еще более 600 человек¹⁰²⁹, при отходе из города в конце сентября еще — 50 человек¹⁰³⁰. Таким об-

разом, в Казани и ее пригородах менее чем за месяц было расстреляно более 1000 человек¹⁰³¹.

Общее количество жертв белочехов и КОМУЧа летом-осенью 1918 г. только в Поволжье насчитывает, по данным Ратьковского, более 5 тысяч человек. Известен расстрел 16 из 37 арестованных женщин виновных лишь в том, что они захоронили выброшенные Волгой трупы расстрелянных. Остальные избежали этой участи только благодаря побегу, при котором погибло еще 7 женщин¹⁰³². Самарский союз грузчиков до переворота насчитывал 75 человек, из них осталось в живых 21, остальные были расстреляны летом 1918 г.¹⁰³³ В июле 1918 г. при подавлении крестьянского восстания в трех волостях Бугурусланского уезда Самарской губернии было расстреляно более 500 человек¹⁰³⁴. Даже Иркутский комитет эсеров указывал в своих прокламациях на непростительную жестокость к местному русскому населению, проявляемую чехословаками, на их участие в грабежах и насилии разного рода¹⁰³⁵.

О том, как чехословаки наводили порядок на захваченных территориях, сообщал представитель чехословацкого национального совета при самарском правительстве Ф. Власак: «В качестве устрашающего средства к запрещению опасного выступления самарских рабочих, среди которых было много симпатизирующих большевикам и ждавших с нетерпением их прихода, я дал указание о создании чрезвычайного суда, единственным приговором его был смертный приговор, приводимый в исполнение через час после вынесения»¹⁰³⁶. Когда самарские железнодорожники в знак протеста против террора и насильственной мобилизации в «народную армию» КОМУЧа собрались на митинг численностью в 600 человек, тут же явился чехословацкий военный комендант города Ребенда с командой и приказал собравшимся немедленно разойтись. Рабочие демонстративно не подчинились приказу. Тогда Ребенда вызвал подкрепление, разогнал сход, многих его участников аре-

стовал, а 20 «зачинщиков» расстрелял¹⁰³⁷. И это только малая толика «подвигов» чехословацкого корпуса в России, но и это было не самым главным...

Главное заключалось в том, что выступление *третьей (внешней) силы возбудило надежды реванша, в антибольшевистских кругах*. Например, несмотря на то, что эсеровская партия вела отсчет начала Гражданской войны с момента разгона их Учредительного собрания, отмечал С. Мельгунов, она *«лишь с конца мая»* на своем 8-м совете «с большей определенностью устанавливает тезисы о внешней и внутренней войне», *поскольку у эсеров появилась возможность опереться «на финансовую и военнотехническую поддержку союзников»*¹⁰³⁸.

Только и исключительно масштабное вооруженное выступление союзников и прежде всего в лице чехословацкого корпуса побудило антибольшевистские силы, перейти к активным боевым действиям. В этом вопросе среди них царило полное единодушие: С. Мельгунов: *«выступление чехов имело огромное значение... для всех последующих событий в России»*¹⁰³⁹; А. Деникин: *«главный толчок к ней (Гражданской войне) дало выступление чехословаков...»*¹⁰⁴⁰; ближайший соратник Колчака Г. Гинс: *«Началом (Гражданской войны) страна обязана чешскому выступлению в конце мая 1918 г.»*¹⁰⁴¹. Именно «чехословацкие войска...», — подтверждает американский историк Р. Уорт, — вступили в конфликт с советскими властями и зажгли пожар Гражданской войны»¹⁰⁴².

Общее мнение выражали слова бывшего члена ЦК меньшевистской партии, министра труда КОМУЧа И. Майского: «Вмешательство чехов в российскую революцию... оказались... поистине роковыми. *Не вмешайся чехословаки в нашу борьбу, не возник бы Комитет членов Учредительного собрания и на плечах последнего не пришел бы к власти адмирал Колчак. Ибо силы самой русской контрреволюции были совершенно ничтожны. А не укрепись Колчак, не могли бы так широко развернуть свои операции ни Деникин, ни Юденич, ни Миллер. Гражданская вой-*

на никогда не приняла бы таких ожесточенных форм и таких грандиозных размеров, какими они ознаменовались: возможно даже, что не было бы и Гражданской войны в подлинном смысле этого слова...»¹⁰⁴³

Данный факт признавали и сами делегаты съезда чехословацкого корпуса*: в своем заявлении они протестовали против того, чтобы чехословацкое войско «употреблялось для полицейской службы, подавления забастовок, чтобы от имени республики принуждалось сжигать деревни, убивать мирных жителей...»¹⁰⁴⁴ Делегат съезда А. Кучера особо подчеркивал: *«За кровь, которая в настоящее время льется на необозримом братоубийственном поле битвы в России, чехословаки несут наибольшую ответственность, за эту кровь должно отвечать чехословацкое войско...»¹⁰⁴⁵* Другой легионер Ф. Галас заявлял, что *«сибирская экспедиция останется самым грязным пятном в истории чешского народа»¹⁰⁴⁶*.

Аналогично развивались события на Украине. Начало Гражданской войне и массовому террору там положили формально нейтральные оккупационные войска Германии, Австрии и Румынии¹⁰⁴⁷. Примером может послужить августовское подавление рабочего восстания в Мариуполе, когда было расстреляно свыше 200 человек, а на город наложена контрибуция¹⁰⁴⁸. В Рыльске немцами было расстреляно 60 советских деятелей, в Обояни и Путивле — до 130 человек, после взятия Николаева в течение 3 дней — более 5 тысяч человек, Севастополя — 530 матросов и солдат, Юрьева — 119 солдат, Ревеля — 50 солдат и т.д.¹⁰⁴⁹ Массовые расстрелы вызвали мощное антигерманское движение на Украине. Сообщение об истреблении немецких гарнизонов поступали из Чернигова, Нежина, Новгород-Северска, Глухова и других мест¹⁰⁵⁰.

* Как «мятежники», они будут арестованы белочехами. (всего репрессиям подверглось около 3 тыс. легионеров).

Все эти выступления были подавлены с применением безжалостных карательных мер¹⁰⁵¹.

Но главное австро-венгерские и немецкие войска создали ту материальную и психологическую реваншистскую основу, которая привела к появлению казачьих армий и армии Юга России. Без германской помощи они бы просто не смогли даже возникнуть, как сколь-либо значимая военная сила. Без немецкой помощи не могла бы даже возникнуть и Северо-Западная армия Юденича.

Моральным оправданием и поводом для вмешательства в русскую революцию для Запада стали страстные призывы правых и либеральных кругов российской общественности, борцов за «народоправство и Великую Россию». Настроения именно этой «общественности» передавал С. Мельгунов: *«Вооруженная интервенция» — всеобщая мечта*¹⁰⁵². Принадлежащий этой же среде герой И. Бунина «горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию»¹⁰⁵³.

При этом эти «пламенные патриоты» совершенно отчетливо понимали, к чему приведет вовлечение во внутреннюю борьбу внешних сил. Например, П. Дербер, глава Западно-Сибирского правительства, предупреждал Колчака накануне интервенции: *«Вы должны их (союзников) предупредить и о гражданской войне, которая возникнет в тылу у иностранных войск, и о терроре, который разовьется в случае осуществления комбинации власти сверху... Вообще нужно им (интервентам) дать понять, что своими действиями они объединяют всех с большевиками, так как никогда организованные общественные силы городские и земские самоуправления, кооперативы, организации... объединяющие миллионы крестьян, национальные организации и другие не примирятся с иностранной властью в образе русского Хорвата или авантюристической организации вроде Дальневосточного Комитета»*¹⁰⁵⁴.

Аналогично во время Французской революции именно интервенция стала основной причиной беспощадного террора. В июле 1793 г. началась иностранная интервенция, а уже 4 и 5 сентября прошли народные выступления под лозунгом «Хлеба и Террора!», положившие начало якобинскому террору. В России события разворачивались по аналогичному сценарию, подчеркивая эту объективную и неизбежную закономерность. В июле 1918 г., при поддержке западных послов, произошел эсеровский мятеж. 1 августа с высадки интервентов в Архангельске официально началась иностранная интервенция, а спустя месяц, точно так же, как и во Франции веком раньше, — 4-5 сентября был объявлен красный террор.

При этом сами цивилизованные и «демократические интервенты» никак не реагировали на тот террор, к которому привело их вмешательство в Гражданскую войну: «Притворная неосведомленность великобританского посланника по вопросу о диких эксцессах, совершенных чехословаками, об их несчетных, вопиющих преступлениях может вызвать лишь усмешку презрения ввиду многочисленных, разнообразных свидетельств, удостоверяющих совершение ими этих злодеяний..., — отмечал нарком Г. Чичерин, — *потоки крови на улицах городов и деревень — за все эти ужасы, которых было так много во всей области оккупации ослепленных чехословацких агентов английского и французского капитала, ответственность падает на их действительных вдохновителей и авторов, на британскую и французскую олигархию*»¹⁰⁵⁵.

Возникший на штыках чехословаков КОМУЧ начал свою деятельность с массового террора против большевиков и им сочувствующих*. По словам С. Мельгунова, Коми-

* «КОМУЧ» — комитет членов учредительного собрания, объединил около сотни социалистов (главным образом эсеров) членов Учредительного собрания. Создан 8 июня в Самаре, осуществлял власть на территории Ср. Поволжья и Приуралья до сентября 1918 г.

тет Учредительного собрания «облекал в одежду формальной законности репрессии, происходившие в порядке повседневности»¹⁰⁵⁶. Ответом большевиков стала дальнейшая мобилизация власти.

Уже 10 июня в обращении СНК говорилось: «главная цель заговорщиков состоит в том, что бы отрезать Сибирскую дорогу, приостановить подвоз сибирского хлеба и взять голодом Советскую республику... Офицеры заговорщики, предатели... должны беспощадно истребляться...»¹⁰⁵⁷ Были распущены оппозиционные Советы, 14 июня из Всероссийского ЦИКа были удалены представители оппозиционных партий. Ленин объяснял свое решение тем, что: «И меньшевики, и эсеры в громадном большинстве были на стороне чехословаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточенной борьбы и террористических методов этой войны. *Как бы люди с различных точек зрения ни осуждали этого терроризма..., для нас ясно, что террор был вызван обостренной Гражданской войной...*»¹⁰⁵⁸

16 июня народный комиссариат юстиции РСФСР извещал, что революционные трибуналы «не связаны никакими ограничениями» в «выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч.»¹⁰⁵⁹. Ревтрибуналам было предоставлено право вынесения смертного приговора¹⁰⁶⁰. Первым городом, где произошел массовый расстрел стал Тамбов, где мятеж 17-18 июня 1918 г. сопровождался многочисленными жертвами. После подавления мятежа было расстреляно более 60-ти человек¹⁰⁶¹. Таким образом, практика вынесения смертных приговоров за уголовные преступления, наблюдаемые в первом полугодии 1918 г. в деятельности ЧК, постепенно распространяется и на политических противников, отмечает И. Ратьковский.

*Свой первый смертный приговор революционный трибунал при ВЦИК вынес 21 июня, он относился к начальнику морских сил Балтийского флота контр-адмиралу А. Щастному*¹⁰⁶². Главным обвинителем вы-

ступил Л. Троцкий, который, по словам исследователей, имел личные счеты с Щастным¹⁰⁶³. В обвинительной речи Троцкий заявил, что «Щастный, совершая геройский подвиг (спас остаток русского флота на Балтике), тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против советской власти»¹⁰⁶⁴. Несмотря на отсутствие прямых улик Щастный был расстрелян*.

Однако красного террора все еще не было. Ленин, указывая на этот факт 26 июня после убийства лидера Петроградского Совета В. Володарского, писал: «**Товарищ Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы... удержали.** Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архиважное. Надо поощрять энергичность и **массовидность** террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает»¹⁰⁶⁵.

Отсутствие репрессий после убийства В. Володарского объяснялась позицией М. Урицкого, Б. Позерна, А. Иоффе и других лидеров Петрограда, выступавших против применения смертной казни. Репрессиям в этот период не подверглись и члены обнаруженной ранее террористической группы «Каморра народной расправы», которые готовили специальные проскрипционные списки. Немногочисленные члены этой группы были арестованы и лишь осенью 1918 г. и в месяцы красного террора расстреляны¹⁰⁶⁶. В июне 1918 г.

* Для многих расстрел Щастного имел прецедентное значение, уничтожив в их глазах ареол праведности новой власти, и в результате привел в лагерь белых тысячи офицеров и колеблющихся.

ПГЧК ликвидировала диверсионную группу во главе с бывшим царским офицером Погуляевым-Демьяновским и еще ряд организаций, и вновь проходившие по этому делу не были расстреляны¹⁰⁶⁷.

Московская ВЧК действовала более решительно, в июле 1918 г. она расстреляла членов «Союза родины и свободы». Уральская областная ЧК после переезда в Вятку расстреляла 35 человек «пойманных с поличным в заговорах»¹⁰⁶⁸. С этого времени начало ощущаться изменение отношения большевиков к террору.

17 августа был убит председатель Петроградской ВЧК М. Урицкий, а 28 августа совершено покушение на Ленина. Реакцию большевиков на эти события передает воззвание Нижегородской ЧК, появившееся в те дни: «Преступное покушение на жизнь нашего идейного вождя тов. Ленина, побуждает нас отказаться от сентиментальности и твердой рукой провести диктатуру пролетариата»¹⁰⁶⁹.

«Охота» на большевистских лидеров к этому времени приобрела уже массовый характер¹⁰⁷⁰. Среди наиболее известных: покушение 7 августа на Р. Берзина, убийство комиссара внутренних дел Пензы Оленина и покушение 27 августа на председателя Совнаркома Северной Коммуны Г. Зиновьева¹⁰⁷¹. Подрыв анархистами 1 сентября спецпоезда Военной комиссии с Н. Подвойским¹⁰⁷². Всего в 22 губерниях Центральной России контрреволюционерами в июле 1918 г. был уничтожен 4141 советский работник, в августе — 339¹⁰⁷³.

Но убийства и покушения на большевистских вождей стали лишь поводом, для развертывания красного террора истинной его причиной был «Белый террор», захлестнувший страну. М. Лацис в этой связи в августе 1918 г. недоумевал: **«Нас убивают тысячами, а мы ограничиваемся арестом».** Август стал переломным моментом. Не случайно С. Мельгунов в своей нашумевшей книге начина-

ет отсчет красного террора именно с этого времени. Один из руководителей ВЧК Петерс позже назвал тот период **«истерическим террором»**. По его словам, «до убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов, а после него слишком много и часто без разбора...»¹⁰⁷⁴

Первый смертный приговор коллегия Петроградского ЧК вынесла 19 августа. По нему был расстрелян 21 человек, из них шестеро участники заговора в Михайловской артиллерийской академии, еще шестеро также были политическими, остальные уголовники, причем четверо — бывшие работники самой ПетроЧК. При подавлении восстания в Ливнах в августе 1918 г. было убито несколько сотен человек, еще около 300 было расстреляно после захвата города¹⁰⁷⁵. До этого восставшими была уничтожена вся советская местная администрация¹⁰⁷⁶.

В переломный август доля расстрелянных уголовников по приговорам ЧК в среднем составила 30%, а в Центральной России от 50 до 80%¹⁰⁷⁷. В прифронтовых территориях доля расстрелянных за контрреволюцию была выше. Наиболее часто к высшей мере наказания прибегали в Нижнем Новгороде, где находилась ЧК Восточного (Чехословацкого) фронта во главе с М. Лацисом. За август 1918 г. в этом городе был расстрелян 101 человек, из них 76 по политическим мотивам, и 25 за уголовные преступления¹⁰⁷⁸. Тем не менее, отмечает Ратьковский, «общее количество расстрелянных органами ЧК в этот период не позволяет еще сделать вывод о введении красного террора летом 1918 г... Следует также отметить, что использование концлагерей и практики взятия заложников носило единичный характер»¹⁰⁷⁹.

2 сентября, после высадки интервентов в Мурманске, Архангельске, Владивостоке, мятежей эсеров в Ярославле и Вологде, «заговора послов», Кубанского похода Добро-

вольческой армии на Юге, начала террора Комуча и чехословацкого корпуса в Поволжье, атамана Дутова на Южном Урале и т.д., декретом ВЦИК в стране по сути **вводился режим «осадного» — «чрезвычайного военного положения»**. В Декрете говорилось: «Лицом к лицу с империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного империализма, Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет: **Советская республика превращается в военный лагерь...**»¹⁰⁸⁰ В отношении покушения на В. Ленина декрет ВЦИК постановил: «за каждое покушение на деятелей советской власти и носителей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. **На белый террор против рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором** против буржуазии и ее агентов»¹⁰⁸¹.

4 сентября 1918 г. режим «чрезвычайного военного положения» был дополнен приказом Г. Петровского «О заложниках»: «Убийство Володарского, убийство Урицкого, покушение на убийство и ранение председателя СНК В.И. Ленина, **массовые десятками тысяч расстрелы наших товарищей в Финляндии, на Украине, и наконец на Дону, и в Чехославии**, постоянно открываемые заговоры в тылу наших армий,... и в то же время чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны Советов показывает, что, **несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет**. С таким положением должно быть решительно покончено. Расхлябанности и миндальничанию должен быть немедленно положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При

малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел... Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора...»¹⁰⁸².

5 сентября Совет Народных Комиссаров декретом «О красном терроре» утвердил введение *«чрезвычайного военного положения»*: СНК «находит, что *при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью*... необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях... подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам... *необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры*»¹⁰⁸³.

После 5 сентября 1918 г. репрессии стали принимать организованный и упорядоченный характер. Одной из предпринятых мер стало укрепление чрезвычайных комиссий коммунистами, введение жесткого партийного контроля над ЧК. Уже в августе большинство членов ВЧК были коммунистами¹⁰⁸⁴. Дзержинский 10 сентября 1918 г. указывал: В своей работе ЧК «должна опираться на местные комитеты партии коммунистов»¹⁰⁸⁵. Газета «Беднота» в статье «О красном терроре» разъясняла: «террор — страшное оружие, им должна пользоваться только уверенная в себе, организованная правительственная власть; он должен идти сверху и не применяться в деревнях как кому вздумается»¹⁰⁸⁶.

По убеждению большевиков, красный террор, объявленный 5 сентября, должен был стать встречной волной, призванной погасить разгоравшийся пожар белого террора. Газета «Правда» по этому поводу еще 18 июля 1918 г. писала: «Белый террор мог бы быть предотвращен своевременным введением красного террора»¹⁰⁸⁷. Экстренный бюллетень ВЧК в сентябре 1918 г. разъяснял: красный террор — «противозаразная прививка», сделанная по всей России¹⁰⁸⁸.

«Эта идея получала тем большую поддержку, — отмечает историк И. Ратьковский, — чем чаще происходили антисоветские выступления летом 1918 г. Террор как ответная мера на разгорающуюся Гражданскую войну становится панацеей от всех бед на местах. Начинается этот процесс снизу: террор вводится решениями сходов, деревень, вырастает из крестьянской среды, из самосудов и бессилия власти. Самосудный красный террор объявляется и проводится крестьянами в Воронежской, Рязанской, Петроградской, Томской губерниях»¹⁰⁸⁹. «Для красного террора принципиально новым было то, что террор вводился по всей стране (до этого он применялся при чрезвычайном и осадном положении в отдельных городах и губерниях). Кроме этого он по сути вводил красный террор сверху в противовес террору снизу — самосуду организованному местными органами власти»¹⁰⁹⁰.

Ключевая роль в осуществлении красного террора принадлежала ВЧК*. Д. Рид называл ВЧК «Красной армией тыла»¹⁰⁹¹. При этом, отмечал Лацис, «ВЧК, как орган чрезвычайный и временный, не входит в нашу конституционную систему. Пройдет время Гражданской войны, время чрезвычайных условий существования советской власти, и чрезвычайные комиссии станут лишними: они... будут

* К середине июня 1918 г. действовало 43 губернских и 365 уездных чрезвычайных комиссий, в которых, по данным ЧКК: «работало уже 12 000 сотрудников — к концу 1918 г. их станет 40 000». В ноябре 1920 г. в ВЧК вошли пограничные войска и к началу 1921 года ее численность достигла 280 000 чел. Численность непосредственно самой ВЧК в 1921 г. составляла около 80 тыс. человек. Следует учитывать, что в функции ВЧК, кроме классового террора, вошли: внешняя разведка, контрразведка, борьба с бандитизмом, подавление вооруженных восстаний, обеспечение работы транспорта, борьба с беспризорностью, эпидемиями тифа и т.д. «Непосредственно политическим сыском в конце 1920 — начале 1921 г. занимались секретные отделы ВЧК их численность в 32 губернских и уездных ЧК составляла 1805 человек». (РГАСПИ, ф 5, оп. 1, д. 2563, л. 3—4, 6—24. (Литвин А..., с. 121.))

вычеркнуты из аппарата советской власти»¹⁰⁹². В период красного террора — сентябрь-ноябрь 1918 г. — рупором ВЧК стали собственные печатные издания: «Еженедельник ВЧК», «Красный террор», «Красный меч» и др., в которых вполне откровенно освещалась его деятельность. В решении от 5 сентября 1918 г. СНК требовал «опубликовать имена всех расстрелянных, а так же основания применения к ним этой меры»¹⁰⁹³.

Широкое освещение террора служило не только оправданию его причин в глазах населения, но и подавлению антибольшевистских сил. Формула воздействия была выражена Л. Троцким: «Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрояя остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи»¹⁰⁹⁴. М. Калинин смягчал напор трибуна революции: «Наказывая одних, мы воспитываем целое поколение», — утверждал будущий «всесоюзный староста». Соответственно информация об этих «наказаниях» должна была распространяться как можно шире.

Красный террор «в Питере, пример коего решает», выразился в расстреле 512 представителей высшей буржуазной элиты (бывших сановников и министров, даже профессоров). Списки расстрелянных вывешивались. Всего в Петрограде в ходе красного террора было расстреляно около 800 человек, еще примерно 400 человек было расстреляно в Кронштадте¹⁰⁹⁵. Кроме этого, в Питере было арестовано 6229 человек, взято в заложники 476 человек из них 13 правых эсеров, 5 великих князей, 2 члена Временного правительства, 407 бывших офицеров¹⁰⁹⁶. В Москве, по данным С. Мельтюхова, было расстреляно более 300 человек¹⁰⁹⁷.

«Еженедельник ВЧК», выходивший в то время, скрупулезно подсчитывал число жертв красного террора: с сентября по октябрь 1918 г. ЧК Нижнего Нов-

города расстреляла 141 заложника; 700 заложников было арестовано в течение трех дней. В Вятке, эвакуированная из Екатеринбурга Уральская ЧК отработовала о расстреле за неделю 23 «бывших жандармов», 154 «контрреволюционеров», 8 «монархистов», 28 «членов партии кадетов», 186 «офицеров» и 10 «меньшевиков и правых эсеров». ЧК Иваново-Вознесенска сообщила о взятии 181 заложника, казни 25 «контрреволюционеров» и об организации «концентрационного лагеря на 1000 мест». ЧК маленького городка Себежа казнила «16 кулаков и попа, отслужившего молебен в память кровавого тирана Николая II»; ЧК Твери — 130 заложников, 39 расстрелянных; Пермская ЧК — 50 казненных. Можно еще долго продолжать этот каталог смерти, извлеченный из шести вышедших номеров *«Еженедельника ВЧК»*¹⁰⁹⁸.

«Другие местные газеты осенью 1918 г. также сообщают о сотнях арестов и казней. Ограничимся лишь двумя примерами: единственный вышедший номер *«Известий Царицынской Губчека»* сообщает о расстреле 103 человек за неделю между 3 и 10 сентября. С 1 по 8 ноября 1918 г. перед трибуналом местной ЧК предстал 371 человек: 50 были приговорены к смерти, другие — «к заключению в концентрационный лагерь в качестве профилактической меры как заложники вплоть до полной ликвидации всех контрреволюционных восстаний»... «Такая практика была обычной в течение всего лета 1918 г. Однако в ноябре того же года в Мотовилихе местная ЧК, вдохновляемая призывами из центра, пошла дальше: более 100 забастовщиков были расстреляны без всякого суда»¹⁰⁹⁹ и т.д.

Введение красного террора раскололо партию большевиков на два противоборствующих лагеря. Настроения радикалов отражали заявления руководства Петрограда. Примером в данном случае может являться выступление Г. Зиновьева 18 сентября 1918 г. на Седьмой конференции

парторганизаций Петрограда: «Мы говорили, что на белый террор надо ответить красным. Что это означает? Мы теперь спокойно читаем, что где-то там расстреляно 200-300 человек. На днях... в Дюнах Орловской губернии было расстреляно несколько тысяч белогвардейцев. Если мы будем идти такими темпами мы сократим буржуазное население России»¹¹⁰⁰. Местные руководители карательно-репрессивных органов, такие как И. Смилга, Ф. Голощенин, Бела Кун, в августе 1918 г. призывали питерских рабочих к неограниченному террору: «Не нужно нам судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически»¹¹⁰¹.

Центральное правительство выступило с резкой критикой «революционного радикализма» и послало в Питер своего представителя Д. Рязанова¹¹⁰². Однако его увещевания не достигли успеха. О результатах миссии свидетельствовала статья в петроградской «Красной газете» под красноречивым заголовком «Сердобольное выступление Рязанова и отповедь тов. Зиновьева»¹¹⁰³. Тогда в октябре в Петроград на должность начальника ПГЧК была откомандирована член коллегии ВЧК В. Яковлева, что сразу снизило количество расстрелов с 800 в сентябре до 21 в октябре¹¹⁰⁴. Вместе с тем, отмечает Ратьковский, Петроградскому губчека осенью-зимой 1918 г. так и не удалось избавиться от негативной практики огульного подавления контрреволюции. Приговоры к расстрелам по-прежнему выносились чрезвычайным порядком без рассмотрения конкретной вины обвиняемых¹¹⁰⁵.

Обострению характера дискуссии в октябре 1918 г. способствовала публикация «Еженедельника ВЧК» о применении пыток. Когда белогвардейцами в Вятской губернии были сожжены и расстреляны около 30 советских активистов. Местный исполком и ЧК потребовали ответных мер, послав статью «Почему вы миндальничаете?» в «Еженедельник ВЧК». Среди мер против контрреволюции предлагалось применение пыток при допросах арестованных»¹¹⁰⁶.

Ответом на статью стало постановление ВЦИК, в котором говорилось: «Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой буржуазной борьбы, в которой пролетариат и беднейшее крестьянство не могут отказаться от мер террора, советская власть отвергает на основе, как недостойные и вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в этой статье»¹¹⁰⁷. Журнал «Еженедельник ВЧК» за помещенную статью был вскоре закрыт.

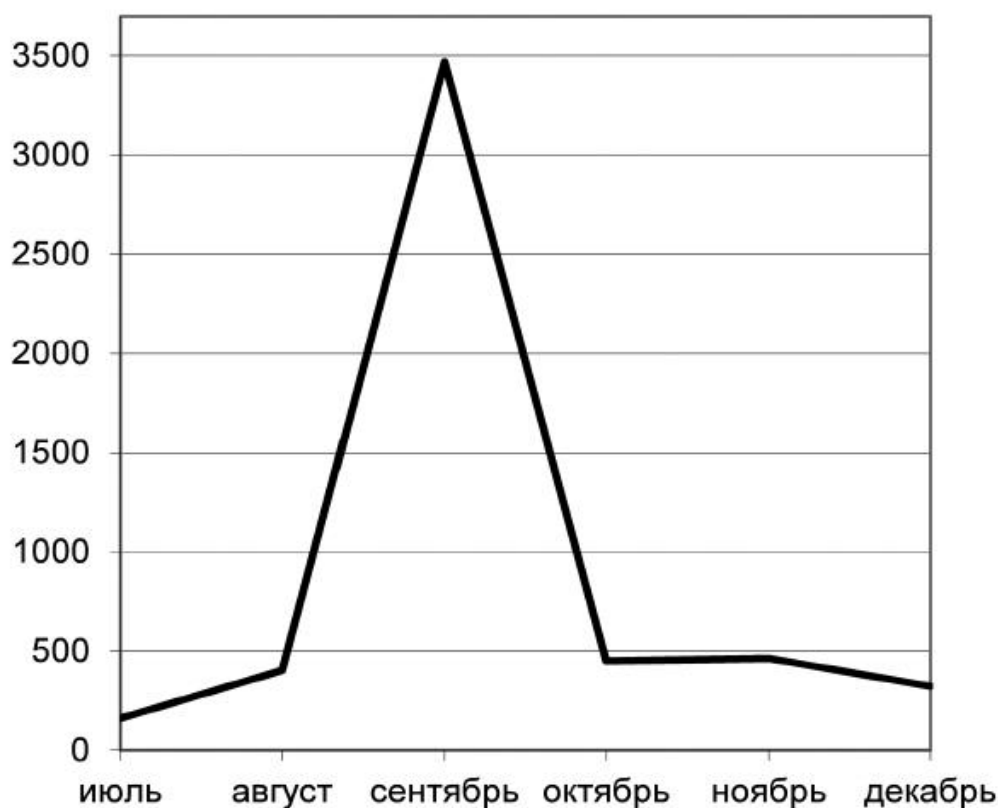
Особой критике со стороны представителей ревтрибуналов, народных судов и местных исполкомов в период красного террора подверглась практика чрезвычайных комиссий: К. Радек в Известиях ВЦИК утверждал: «Пять заложников, взятых из буржуазии, расстрелянных на основании публичного приговора пленума местного Совета, расстрелянных в присутствии тысячи рабочих, одобдивших этот акт, — более сильный акт массового террора, нежели расстрел пятисот человек по решению ЧК без участия рабочих масс»¹¹⁰⁸. Дискуссия, по словам Ратьковского, постепенно переходила от критики методов террора к критике ВЧК. Большое количество критических материалов и статей было помещено на страницах центрального органа компартии — газете «Правда». Например, в одной из статей «О чрезвычайных комиссиях» указывалось на ничем неограниченную власть ЧК, констатировалась ее внепартийность, самовластие и необходимость переподчинения местных и центральной ЧК¹¹⁰⁹.

Критика ВЧК достигла такого уровня, что 19 декабря 1918 г. по предложению Ленина ЦК партии вынужден был постановить, что «На страницах партийной советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых

условиях»¹¹¹⁰. Тем не менее критика достигла цели — уже в октябре была создана комиссия ВЦИК по реорганизации ВЧК в составе Д. Курского, И. Сталина и Л. Каменева.

А 6 ноября VI Всероссийский съезд Советов объявил о проведении широкомасштабной политической амнистии, подготовка к которой началась еще в начале октября¹¹¹¹. Одновременно *Съезд своим постановлением фактически положил конец красному террору*¹¹¹². По словам Ф. Дзержинского, «условий, при которых необходимо было создать органы с чрезвычайными полномочиями на местах, в уездах, тех условий теперь нет»¹¹¹³. О прекращении террора свидетельствовала и динамика применения расстрелов:

**Помесячное применение высшей меры наказания ЧК
во время красного террора 1918 г.
(по сообщениям советской печати, по И. Ратьковскому)¹¹¹⁴**

Всего за период красного террора (06—12.1918) по сообщениям советской периодической печати выявлен 5381 случай применения ЧК высшей меры наказания¹¹¹⁵. При этом, несмотря на принятый еще 19 августа декрет Совета Комиссаров Северной Коммуны о необходимости публикации сообщения о каждом случае смертного приговора, большинство жертв красного террора, отмечает Ратьковский, осталось безымянными¹¹¹⁶. Приводимая статистика может отражать лишь динамику событий.

Согласно официальным данным, приводимым одним из руководителей ВЧК М. Лацисом, количество жертв красного террора 1918 г. составило 6 300 человек¹¹¹⁷. По оценке С. Мельгунова, общее количество жертв достигло 50 тыс. человек¹¹¹⁸. Ратьковский, проверив данные Мельгунова, пришел к выводу, что они завышены в 5 с лишним раз и составили 8 000 человек¹¹¹⁹. Подобные цифры называл и лидер меньшевиков Ю. Мартов, по его данным к концу октября 1918 г. количество жертв ЧК с начала сентября превысило «десять тысяч»¹¹²⁰.

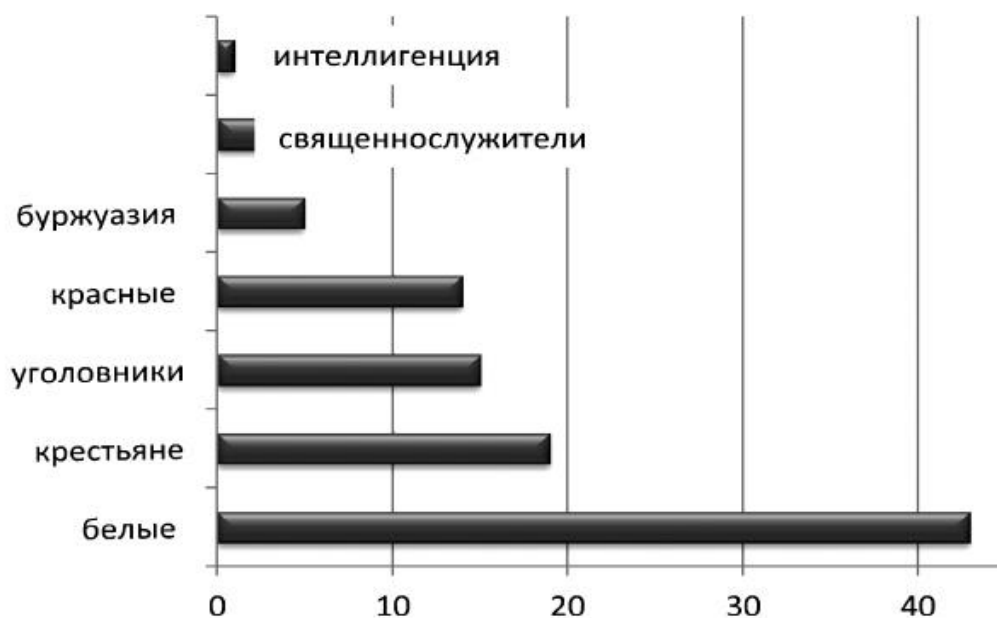
За тот же период — последние 7 месяцев 1918 г., по данным историков, жертвами белого террора на территории только 13 губерний стало 22 780 человек¹¹²¹.

Каковы же были наиболее пострадавшие от красного террора социальные группы?

Местные руководители карательно-репрессивных органов, такие как И. Смилга, Ф. Голощенин, Бела Кун, призывали: «Класс убийц, буржуазия, должен быть подавлен»¹¹²². «За одного вождя рабочей революции — тысячу буржуев»¹¹²³. «Вы должны уничтожить буржуазию»¹¹²⁴ и т.п. Следуя логике подобных сентябрьских 1918 г. призывов, буржуазия должна была стать основной целью красного террора, отмечает Ратьковский. Но происходит обратное... Буржуазия среди заложников составляет более 25% и всего 80 расстрелов за год, освещенных в прессе (120 газет). В основном террор коснулся буржуазии в виде мер изоляции: концлагерей, заложничества, а так же контрибуций,

налогов и других денежно-товарных поборов¹¹²⁵. Для буржуазии вводятся спецработы: в Петрограде — рыть могилы умерших от холеры, в Ельце около 4 тысяч человек буржуазного происхождения убирали поля. Повсеместно буржуазия использовалась при рытье окопов, уборке развалин, улиц и т.д.¹¹²⁶

**Распределение по социальным группам
расстрелянных во время красного террора в 1918 г.,
в % к итогу, по И. Ратьковскому¹¹²⁸**

«белые» — офицеры, жандармы и «белогвардейцы»;

«красные» — чекисты, милиционеры, красноармейцы, совслужащие;

«буржуазия» — помещики, торговцы, буржуазия.

Наиболее пострадавшей от красного террора социальной группой оказались офицеры. До 1919 г. офицеры, отмечает С. Волков, составляли среди расстрелянных больший процент, чем в дальнейшем. Их арестовывали и расстреливали в первую очередь: «Со всех концов поступают сообщения о массовых арестах и расстрелах. У нас нет списка всех расстрелянных с обозначением их социального положения, чтобы составить точную статистику в этом отношении, но по

тем отдельным, случайным и далеко не полным спискам, которые до нас доходят, расстреливаются преимущественно бывшие офицеры... Представители буржуазии в штатском платье встречаются лишь в виде исключения»¹¹²⁷. Примечательно и то, что «своих красных» за время красного террора большевики расстреляли больше, чем представителей буржуазии, священников и интеллигенции вместе взятых:

В феврале 1919 г. функции ВЧК были ограничены ролью «розыскных боевых органов по предупреждению и пресечению преступлений», судебные решения имели право принимать только ревтрибуналы. ВЧК оставили право выносить приговоры лишь в местностях объявленных на военном положении». Ревтрибуналам так же предоставлялось право ревизии следственных действий ВЧК и проверки законности произведенных арестов¹¹²⁹. Вечерние «Известия» из Москвы в те дни ликовали: *«Русский пролетариат победил. Ему не нужен террор, это острое, но опасное оружие крайности. Он даже вреден ему, ибо отпугивает и отталкивает те элементы, которые могли бы пойти за революцией. Поэтому пролетариат ныне отказывается от оружия террора, делая своим оружием законность и право»*¹¹³⁰. Начались амнистии тем, кто сдаст оружие¹¹³¹.

Однако на фронтах Гражданской войны настрояния были совсем другие. Об этом свидетельствовало, например, получившее большую известность Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) «Об отношении к казакам» от 24.01.1919 г.: *«учитывая опыт года Гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо: 1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо*

применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти...»

«Опыт года Гражданской войны с казачеством» говорил в частности о том, что рассказывание началось еще в мае 1918 г., когда «Круг Спасения Дона» принял решение об исключении сочувствующих Советской власти из казачьего сословия — с лишением всех казачьих прав и льгот, конфискацией имущества и земли, высылкой за пределы Дона или на принудительные, каторжные работы. По данным историка П. Голуба, по этим основаниям подверглись преследованиям до 30 тысяч красных казаков с их семьями¹¹³².

В октябре 1918 года Войсковой круг принял указ «против изменников казачьему делу»: 1) признать переход на сторону врага изменой Родине и казачеству. Карать изменников по всей строгости закона; 2) если преступники не могут быть настигнуты непосредственной карой, немедленно постановлять приговоры о лишении их казачьего звания; 3) к имуществу их применять беспощадную конфискацию; 4) всех красных казаков, попавших в плен, казнить.

Но в еще большей мере, отмечал Л. Троцкий, этот опыт разделил казаков и иногородних: «глубокий антагонизм между казаками и крестьянами придал в южных степях исключительную свирепость Гражданской войне, которая здесь забиралась глубоко в каждую деревню и приводила к поголовному истреблению целых семейств»¹¹³³. «Тяжелая атмосфера отчужденности и вражды между казачьим и иногородним населением, — подтверждал Деникин, — принимавшая иногда, впоследствии, в быстро менявшихся этапах гражданской войны, чудовищные формы взаимного истребления»¹¹³⁴.

У казаков распространилось «убеждение, — докладывал Свердлову один из членов Донского советского правительства С. Васильченко, — в необходи-

мости поголовного истребления иногородних (Дон для донцов), так в свою очередь крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков. Приемы расправы, практиковавшиеся казаками над крестьянством, делали это убеждение непреодолимым»¹¹³⁵.

Против январской директивы Оргбюро ЦК уже 10 февраля выступил член РВС Южфронта Г. Сокольников, который телеграфировал Ленину и Свердлову: «Пункт первый директивы не может быть целиком принят ввиду массовой сдачи казаков полками, сотнями, отдельными группами»¹¹³⁶. «Восстание в Вешенском районе, — указывал при этом Сокольников, — началось на почве применения военно-политическими инстанциями армии и ревкомами массового террора по отношению к казакам, восставшим против Краснова и открывшим фронт советским войскам»¹¹³⁷.

За продолжение террора выступало командование Южного фронта, которое 12 марта разослало телеграмму: «Восстание казачьего населения в районе Солонка, Шумилин, Казанская, Вёшенская, Мигулинская, Мешковская должно быть подавлено немедленно самыми решительными карательными мерами с беспощадным истреблением не только восставших, но хотя бы косвенно причастных элементов, вплоть до процентного расстрела взрослого мужского населения... необходимо, во что бы то ни стало... не только ликвидировать местное восстание, но в зародыше подавить во всем тылу всякую мысль о восстании»¹¹³⁸.

Тем не менее, 16.03.1919 г. Пленум ЦК РКП(б) с участием Ленина принял решение «**О приостановке мер беспощадного террора по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо участие в борьбе с Советской властью**»¹¹³⁹. Против вновь выступили местные большевистские организации, о чем говорит, например, резолюция Донбюро РКП(б) от 8.04.1919 г., которая указывала на казачество, как на базу контрреволюции и требовало его уничтожения, как особой экономической группы и физического уничтожения верхов казачества¹¹⁴⁰.

В июне, когда положение на юге, после деникин-ского прорыва на север, катастрофически обострилось, на Дон перевели командовавшего ударной группой 9-й армии казака Ф. Миронова, одного из первых награжденных орденом Красного Знамени, для командования Донским казачьим корпусом. Потрясенный увиденным, Миронов пришел к выводу, что «восстания в казачьих областях вызывают искусственно, чтобы под видом подавления истребить казачье население». «В силу приказа о красном терроре, — писал он Ленину, — на Дону расстреляны десятки тысяч безоружных людей... Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями...»¹¹⁴¹

13.08.1919 г. решением Политбюро и Оргбюро январская директива была признана ошибочной и было принято обращение «Ко всем казакам»¹¹⁴². 18.09.1919 г. объединенное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило «Тезисы о работе на Дону», Л. Троцкого: «Мы разъясняем казачеству словом и доказываем делом, что наша политика не есть политика мести за прошлое. Мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим. Дальнейшие взаимоотношения определяются в зависимости от поведения различных групп самого казачества...»¹¹⁴³

Новый виток террора против казаков вспыхнет на Кубани годом позже. 16 июля член Кавбюро ЦК РКП(б) А. Белобородов телеграфировал Ленину: «Положение в крае становится серьезным. Хлебная разверстка, понижение ставок, аннулирование белогвардейских денег служат причинами все более растущего противосоветского настроения. Достигнутые Врангелем успехи расцениваются как доказательство бессилия Соввласти, заставляют даже колеблющихся ориентироваться на возвращение белых»¹¹⁴⁴. 1 августа Белобородов телеграфировал в СНК, ЦК РКП(б) и ВЧК: «Вся

Кубань охвачена восстанием, действуют отряды, руководимые единой врангелевской агентурой. Зеленые отряды растут и значительно расширяются с окончанием горячей поры полевых работ около половины августа... В случае не ликвидации Врангеля мы рискуем временно лишиться Северного Кавказа... Под ударом все Черноморское побережье»¹¹⁴⁵.

Для того, что бы лишить врангелевцев опоры началась чистка Кубани и, прежде всего, с офицеров 31 июля особый отдел 9-й армии издал приказ, которым предписывалось «явиться на регистрацию в Краснодар (Екатеринодар) всем бывшим военным, без различия рода службы, здоровья и возраста»¹¹⁴⁶. Все они были отправлены на север, в Архангельск и Холмогоры и с той поры, по словам историка С. Павлюченкова, совершенно исчезли. Следующий удар был обрушен на кубанское казачество: в июле были сформированы ударные отряды, которыми была «расстреляна не одна тысяча противников Соввласти и сожжена не одна станица (не одна сотня домов). И это, по словам члена РВС 9-й армии Анучина, «чрезвычайно благоприятно подействовало на казачество, отрезвило его...»¹¹⁴⁷

История борьбы с казачеством, показала большевикам, что их попытка остановить белый террор встречным огнем красного террора не удалась. Сохранявшаяся угроза развития успеха белых армий, которая могла быть поддержана восстаниями в тылу, вынудила большевиков перейти на следующую ступень террора: к террористическим формам очистки освобожденных территорий от враждебного элемента.

Психологию этой волны террора, на примере Парижской коммуны передавал П. Лавров: «Именно те люди, которые дорожат человеческой жизнью, человеческой кровью, должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергически для подавления врагов, так

как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови»¹¹⁴⁸. Троцкий утверждал этот тезис словами: «В революции высшая энергия есть высшая гуманность»¹¹⁴⁹. Этот же принцип провозглашал один из руководителей ВЧК Лацис: «Строгая железная рука уменьшает всегда количество жертв»¹¹⁵⁰.

О прекращении террора будет объявлено сразу, как только будут подавлены основные очаги белого движения: 15 января 1920 г. Ф. Дзержинский опубликует в «Известиях» постановление адресованное «всем губчека»: «Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций... и достигнутое нами укрепление советской власти дают нам ныне возможность отказаться от применения высшей меры наказания (т.е. расстрела к врагам советской власти...)»¹¹⁵¹. В тот же день Киевский совет торжественно объявил, что «на территории его власти смертная казнь отменяется»¹¹⁵².

17 января постановлением ВЦИК и СНК смертная казнь по решениям ВЧК и приговорам революционных трибуналов была отменена (за исключением военных трибуналов)¹¹⁵³. В феврале Ф. Дзержинский поставил вопрос о перестройке работы ВЧК и необходимости «изыскать такие методы, при помощи которых нам не нужно было бы производить массовых обысков, не пользоваться террором...»¹¹⁵⁴. В марте после эвакуации интервентов с Севера России, полного разгрома армий Колчака, Деникина, Юденича, полномочия ВЧК снова были ограничены только предварительным следствием¹¹⁵⁵.

Подводя итог, Ленин писал: «**Террор был нам навязан терроризмом Антанты**, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем... как только мы одержали решительную победу... мы отказались от применения смертной казни... Всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор...»¹¹⁵⁶. И действительно смертная казнь будет восстановлена 24 мая 1920 г. в связи с началом польской агрессии.

Террор, как явление вообще, за исключением порожденных революцией и насилием эмоций, был вызван к жизни: противоборством идеологических противников, «русским бунтом», а так же тяготами войны, которые наиболее наглядно выразились в продразверстке. Очевидно быстрая ликвидация причин террора, вела к быстрейшему его прекращению и к скорейшему окончанию изнурительной и разрушительной войны. Тяготы войны, войны на истощение, стали приобретать, в этом плане, доминирующее значение на 6 году непрерывной, тотальной войны.

Наглядной демонстрацией этой данности стало падение сбора зерновых в России в 1920 г. по сравнению с 1913 г. почти в 2 раза. Именно в это время появляются первые идеи направленные на демобилизацию экономики, ставящие целью снижение тягот войны: в январе 1920 г. председатель Президиума ВСНХ Рыков поддержал члена Президиума Ю. Ларина в подготовке проекта перехода от продразверстки к «комбинированной» системе, предполагавшей наряду с сохранением продразверстки использование товарообмена по рыночным эквивалентам¹¹⁵⁷. Идею поддержал Троцкий, направив 20 марта в ЦК записку о сельскохозяйственной политике, в которой предложил перейти от разверстки к налоговой системе и индивидуальному товарообмену в хлеботорговых регионах страны. Однако большинством голосов в ЦК предложения Троцкого, обвиненного притом во «фритрейдерстве», были отвергнуты¹¹⁵⁸.

С. Павлюченков считает это решение следствием идеологической зашоренности большевистских лидеров и оно безусловно было. Тот же Троцкий в начале 1920 г. на сессии ВЦИК провозглашал: «Всякие разговоры о свободном труде мы разбиваем и разрушаем, как пережиток буржуазного строя, основанные на лживых предрассудках и на всемерной лжи...»¹¹⁵⁹ Однако здесь очевидно ведущую роль играли не столько идеологические мотивы, сколько восприятие объективной необходимости, сквозь призму радикализированных Гражданской войной идеологических воззрений: продразверстка была вызвана не идеологиче-

скими причинами, а разрушением рыночных механизмов хозяйствования во время войны, и ввели ее не большевики, а еще царское правительство.

В 1920 г. борьба с Врангелем была еще в разгаре, мало того в апреле начинается польская агрессия, которая придала Гражданской войне новый импульс. Очередное обострение войны потребовало продолжения жестких мобилизационных мер. В результате prodразверстка была сохранена, что привело к массовым выступлениям крестьянства и новому витку террора.

Историк С. Павлюченков, исследовавший данную тему, приводит множество свидетельств тех событий, для того чтобы передать реалии той эпохи процитируем хотя бы некоторые из них:

*Один из красных продагентов из Вятской губернии доносил в марте 1920 г.: «Работать приходится в невероятно трудных условиях. Везде и всюду крестьяне прячут хлеб, зарывают его в землю... Наш район по пересыпке хлеба был один из первых лишь благодаря тому, что были приняты репрессивные меры с хлебодержателями, а именно: сажали крестьян в холодные амбары, и как он только посидит, то в конце концов приводит к тому месту и указывает скрытый хлеб. Но за это арестовывали наших товарищей, начальника экспедиции и 3-х комиссаров. Теперь тоже работаем, но менее успешно. За скрытый хлеб конфискуем весь скот бесплатно, оставляем голодный 12-фунтовый паек, а укрывателей отправляем в Малмыш в арестантские помещения на голодный паек... **Крестьяне зовут нас внутренними врагами, и все смотрят на продовольственников как на зверей и своих врагов**»¹¹⁶⁰.*

К чему приводили подобные реквизиции, свидетельствовал комиссар Воднев, подавлявший восстание крестьян в Воронежской губернии в 1920 г.: это восстание по своим формам не имеет «ничего общего» с восстаниями 1918—1919 годов. Тогда бунтова-

ло мужское население, начинавшее с разгрома Советов и избиения совработников. Здесь же *«участие в мятеже принимает все население, начиная от стариков и заканчивая женщинами и детьми. Советы не разгоняются, а привлекаются на сторону восставших»* и даже восстанавливаются в случаях, когда совработники бежали. Портреты вождей Ленина и Троцкого вместе с красными флагами везде сохраняются. Самый популярный лозунг: «Против грабежей и голода». Отмечались случаи участия в мятеже не только отдельных коммунистов, но и целых партийных организаций.

В докладе комиссара Воднева приведены факты о том, что восстание идет из самой глубины деревни, чуждое всякому влиянию кулачества, духовенства и офицерства. Более того, отмечалось много случаев, когда священники укрывали от повстанцев красноармейцев и даже комиссаров в своих домах. Явно поражало то, что *«в противовес бунтам в центральных губерниях в прошлом, здесь бросается в глаза та тупая решимость повстанцев, с которой они принимают смерть в боях с войсками. Каждый из них предпочитает смерть плену..., были также случаи, когда тяжелораненые брались за оружие для того, чтобы вынудить красноармейцев добить их»*¹¹⁶¹. Истинную причину мятежа, отмечает Павлюченков, так и не удалось установить, поскольку за время боев не удалось взять почти ни одного пленного из лагеря восставших. Однако комиссар пишет, что с уверенностью можно предположить, что причины эти кроются прежде всего в продовольственной политике и методах ее проведения местными властями¹¹⁶².

В феврале-марте 1920 г. в ряде уездов Уфимской, Казанской и Самарской губерний вспыхнуло крестьянское «вилочное» восстание. Общее число восставших доходило до 400 тысяч человек¹¹⁶³. *«Информационные сводки ВЧК за вторую половину 1920 года, —*

отмечает С. Павлюченков, — *свидетельствуют, что в республике не осталось практически ни одной губернии, не охваченной в той или иной степени так называемым бандитизмом*¹¹⁶⁴. Пик выступления западносибирских крестьян пришелся на январь 1921 г. Численность восставших — несколько сот тысяч человек... «Усмирение» крестьян продолжалось вплоть до июля 1921 г. Погибло не менее 2 тыс. красноармейцев, 5 тыс. партийно-советских работников. Число погибших крестьян исчислялось десятками тысяч¹¹⁶⁵. По другим данным в боях с повстанцами или просто в результате партизанского террора погибло около 30 000 партийных и советских работников Сибири¹¹⁶⁶.

Победа большевиков на фронтах Гражданской войны выявит еще одну особенность революционного насилия — это стремление к полному уничтожению всех даже потенциальных очагов продолжения Гражданской войны. Наиболее отчетливо и трагично она выразилась в терроре победителей против побежденных. Закономерность этого вида террора подчеркивает тот факт, что все гражданские войны XX века закачивались данным видом или красного, или белого (там, где победили белые) террора:

На Севере России в Архангельске, вспоминал бывший член белого правительства Северной области эсер Б. Соколов, в «первый период пребывания большевиков в Архангельске был временем совершенно несвойственного для большевиков либерализма... большинство из взятых в плен офицеров было освобождено, не было реквизиций, магазины были открыты, свободная торговля процветала, члены белого Правительства не были не только ни арестованы, ни просто обеспокоены. С первых же дней прихода красных войск начал функционировать реорганизованный городской театр...»¹¹⁶⁷

Счастлирое время закончилось, с прибытием Че-Ка начались массовые аресты, обыски и реквизиции. Комиссар Кузьмин, пытавшийся бороться с беспределом ЧК, получил

отповедь от самого Ленина¹¹⁶⁸. Мало того, в Архангельск был послан Кедров, «репутация которого, — по словам Соколова, — была общеизвестна, как беспощадного палача и изувера... Расстрелы, реквизиции и беспощадные преследования всех и вся продолжались до тех пор, пока не выяснилось, что Кедров сумасшедший»¹¹⁶⁹. Личность Кедрова даже в то время явно выделялась на общем фоне, не случайно С. Мельгунов посвятил ему одну из глав своей книги, назвав ее «Маньяк». Кедров, по его мнению, «человек ненормальный»*.

В Крыму в гораздо больших размерах повторилась то же, что и в Архангельске: после взятия Крыма, офицеры прошли регистрацию, одна часть из них была амнистирована и отправлена в госпитали и к семьям, вторая «на очень гуманных условиях» — в северные концлагеря. В местной печати даже появилось обращение амнистированных: «Мы, бывшие офицеры и чиновники армии Врангеля, получив извещение о дарованном нам помиловании,

* Историк В. Голдин по этому поводу замечает: «Версия о сумасшествии М. Кедрова получила довольно широкое распространение, но она не соответствует действительности... Дело, думается, в другом. С начала Гражданской войны Кедров оказался в самом ее пекле... он возглавлял Особый отдел ВЧК (армейскую контрразведку)..., в качестве полпреда ВЧК выезжал в самые горячие и угрожающие места. Накапливалось ожесточение, выработалась привычка и уверенность в праве сурово карать «врагов революции»... В этом привыкании к насилию и террору заключалась великая драма и трагедия революции и людей, вершивших ее с самыми благими целями и намерениями. Этим во многом определялась и последующая история страны и судьбы людей, стоявших у истоков российской революции». (В. Голдин, Белый Север, т. 2, прим., с. 455).

Эволюцию психологии Кедрова наглядно передают его слова, приводимые С. Мельгуновым и сказанные Кедровым еще до того, как он стал «сумасшедшим»: «Я стрался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться... тем не менее, я колебался: всю жизнь я боролся против виселиц и расстрелов. Неужели теперь нужно прибегать к тем средствам, которые раньше не достигали цели? Неужели рабоче-крестьянская власть не может обойтись без казней». При первом своем отъезде в Архангельск Кедров решительно заявлял Троцкому, что не может «никого расстрелять». (Мельгунов С.П. Красный террор..., с. 305).

не находим слов для выражения чувств восхищения и благодарности человеколюбивому к нам отношению представителей власти и Советской армии...»¹¹⁷⁰

Однако уже через 2-3 дня после окончания первой регистрации была назначена новая, которая проводилась Особой комиссией 6-й армии. Регистрации теперь подлежали уже не только военные, но также буржуазия, священники, юристы... Все военные, только что амнистированные, вновь были обязаны явиться на регистрацию. Сразу же после регистрации начались массовые расстрелы¹¹⁷¹.

Проекты чистки Крыма, по словам Павлюченкова, зрели в кругах большевистского руководства задолго до его взятия. Учитывая, что в Крыму скопище контрреволюционеров, «после овладения Крымом надо послать туда не маниловых, а энергичных и твердых работников», — писал в ЦК сотрудник Крымского обкома А. Шаповалов¹¹⁷². ЦК поддержали инициативу, и после взятия полуострова слишком «мягкого» Ю. Гавена понизили с поста председателя обкома партии, а на его место была прислана «твердокаменная» Землячка¹¹⁷³.

О своих успехах с 22 ноября по 13 декабря Землячка сообщала в ЦК РКП (б): «Путем регистрации, облав и т.п. было произведено изъятие служивших в войсках Врангеля офицеров и солдат. Большое количество врангелевцев и буржуазии было расстреляно (например, в Севастополе из задержанных при облаве 6000 чел. отпущено 700, расстреляно 2000, остальные находятся в концлагерях)...»¹¹⁷⁴

Против расстрелов выступил заместитель председателя Крымревкома Ю. Гавен, который заявил, что видит ненужность и даже вред террора, член ревкома и обкома Д. Ульянов также разделял эту точку зрения¹¹⁷⁵. Однако вопрос о терроре не мог быть даже поставлен на обсуждение в местных партийных организациях. Землячка по этому поводу писала в Оргбюро ЦК, что у крымских партийных и советских работников сохранилась связь с буржуазными слоями и «от красного террора у них зрачки расширяются...»¹¹⁷⁶

«По отзывам самих крымских работников, — отмечал М. Султан-Галиев в своем докладе в Москву, — число расстрелянных врангелевских офицеров достигает по всему Крыму от 20 000 до 25 000. Указывают, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12 000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70 000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось... Такой бесшабашный и жестокий террор, оставил неизгладимо тяжёлую реакцию в сознании крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба...»¹¹⁷⁷

Приведенные примеры красного террора не охватывают его целиком, а дают лишь общее представление о его особенностях, касаясь наиболее крупных и характерных его проявлений. В тех или иных формах и размерах красный террор проводился на всей территории страны. Например, во время разгрома армии Деникина на Украине, 25 июля 1919 г. «Известиях ВЦИК» объявили, что по всей Украине организуются комиссии красного террора, и предупреждалось, что «пролетариат произведет организованное истребление буржуазии». На деле и на Украине террор решал прежде всего практические задачи: он был направлен на подавление потенциальных очагов вооруженного сопротивления в лице офицеров и полубандитских формирований, а также сопровождал проведение продразверстки такими же радикальными мерами, как и в других регионах, от Средней Азии до Крайнего Севера, от западных границ до Дальнего Востока.

По официальным данным ВЧК количество расстрелов в 1919 г. по сравнению с 1918 г. сократилось с 6300 до 2134 (за 7 месяцев)¹¹⁷⁸, а за 1921 г. наоборот выросло до 9701¹¹⁷⁹. При этом официальных данных за 1920 г. нет вообще! Тем не менее, «со всеми оговорками и натяжками, — утвержда-

ет исследователь деятельности советских спецслужб О. Мозохин, — число жертв органов ВЧК (за все время Гражданской войны) можно оценивать в цифру никак не более 50 тыс. человек»¹¹⁸⁰. Однако, как отмечает историк И. Ратьковский, массовые репрессии, исключая украинский красный террор весны-лета 1919 г., в последний период Гражданской войны проводились в значительной степени через военные органы и ревтрибуналы¹¹⁸¹.

Террор начнет стихать только с окончанием интервенции и Гражданской войны. В 1921 г., после Кронштадтского мятежа, большевики пойдут на компромисс с деревней, введя НЭП, а так же предпримут целенаправленные меры для остановки маховика насилия:

Например, В. Шульгин вспоминал, что большевики на другой день после окончания Гражданской войны приступили к целенаправленному подавлению преступности, террора и насилия: «в направлении «смягчения» были даже довольно странные факты. В один прекрасный день пришел циркуляр из Москвы, по-видимому, от Луначарского, — предписывающий читать лекции рабочим и солдатам, с целью развития в них «гуманных чувств и смягчения классовой ненависти». Во исполнение этого те, кому сие ведать надлежит, обратились к целому ряду лиц с предложением читать такого рода лекции и с представлением полной свободы в выборе тем и в их развитии. Эти лекции состоялись. Одна из них имела особенно шумный успех и была повторена несколько раз. Это была лекция об Орлеанской Деве. Почему коммунистам вдруг пришла мысль поучать «рабочих и крестьян» рассказами о французской патриотке, спасавшей своего короля, объяснить трудно. Но это факт...»¹¹⁸²

И этот пример был не единичен отмечает Шульгин: «Как он (Котовский) стал командиром дивизии, я не знаю, но могу засвидетельствовать, что он содержал ее в строгости и благочестии, бывший каторжник, — "honny soit, qui mal y pense". В особенности за-

мечательно его отношение к нам — “пленным”. Он не только категорически приказал не обижать пленных, но и заставил себя слушать. Не только в Тирасполе, но и во всей округе рассказывали, что он собственноручно застрелил двух красноармейцев, которые ограбили наших больных офицеров и попались ему на глаза. “Товарищ Котовский не приказал” — это было, можно сказать, лозунгом в районе Тирасполя. Скольким это спасло жизнь...»¹¹⁸³

В 1921—1924 гг. был проведен целый ряд амнистий, вернувших к нормальной жизни сотни тысяч людей, сражавшихся не только в рядах белых, но и в различных бандах, в крестьянских восстаниях и т.д.

Так, например, 5 марта 1921 г. Всеукраинский съезд Советов объявил амнистию виновным в бандитизме, если они дадут обязательство не принимать участие в вооруженных выступлениях против Советской власти. Высшая мера за преступления совершенные до издания постановления, заменялась лишением свободы на 5 лет. Сокращено наказание другим заключенным. 30 ноября ВУЦИК объявил амнистию всем рабочим и крестьянам. 12 апреля 1922 г. всем другим лицам, служившим во вражеских антисоветских армиях и находившимся за границей¹¹⁸⁴.

Примечательно, что амнистировались даже те, кто был освобожден под честное слово в 1918 г., а после этого снова боролся против советской власти, и снова арестован. Так, повторно был амнистирован один из лидеров антисоветского «Союза возрождения России», член Уфимской Директории и ее главнокомандующий ген. Болдырев¹¹⁸⁵. Аналогично второй раз был амнистирован в 1920 г. А. Самарин, в 1923 г. — лидер Кронштадтского мятежа С. Петриченко, вернувшийся из эмиграции¹¹⁸⁶. В том же году — бывший председатель Центральной Рады профессор М. Грушевский.

Амнистировались, под честное слово даже такие, как ближайший сотрудник Петлюры генерал-хорунжий Ю. Тютюнник и многие другие бывшие петлюровцы.

В 1922 г., после окончания Гражданской и польской войн, по решению IX Всероссийского съезда Советов ВЧК была упразднена^{1187,}.*

Подводя итог эпохе красного террора в 1921 г. В. Ленин напишет: «Мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы... без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет, «третьего» нет и быть не может»¹¹⁸⁸.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать. Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня.

*Приказ красновского есаула, коменданта
Макеевского района, от 10 ноября 1918 г.¹¹⁸⁹*

История белого террора начинается с января 1918 г., когда один из организаторов белого движения и Главнокомандующий Добровольческой армией ген. Л. Корнилов провозгласил тотальный террор наиболее эффектив-

* Вместо ВЧК в 1922 г. было организовано ГПУ (главное политическое управление). Дейтельность последнего была строго ограничена только дознанием, в течение двух месяцев ГПУ должно было передать дело в суд. ГПУ входило в состав НКВД, его деятельность была строго поднадзорна прокуратуре и Наркомюсту.

ным методом борьбы против большевизма: **«Не берите в плен этих преступников (большевиков). Чем больше они будут бояться, тем более великой будет наша победа»**¹¹⁹⁰. И пленных действительно не брали, отмечает П. Кенез, «русские офицеры были фанатичными антибольшевиками и относились к бойцам Красной армии с невероятной ненавистью...»¹¹⁹¹

Уже 1-й Кубанский поход, в феврале 1918 г., под командованием Корнилова был отмечен массовым террором по отношению к тем, кого прямо или косвенно можно было отнести к большевикам или им сочувствующим: Первое сражение похода произошло 6 марта в Лежанке, на границе Ставропольской области и Кубани. Большинство населения станицы сочувствовало большевикам и ему пришлось спасаться бегством¹¹⁹². По свидетельству Р. Гуля, после боя в Лежанке было расстреляно до 60 пленных, после чего офицерами в деревне был учинен самосуд. Потери белых составили 3 человека убитыми 17 ранеными. В Лежанке осталось 507 трупов¹¹⁹³. И это был только первый бой. Всего из 80 дней, которые продолжался 1-й Кубанский поход, Добровольческая армия вела бои 44 дня¹¹⁹⁴.

По словам Н. Богданова, участника «Ледяного похода» Корнилова, во время «похода» «Расстрелы были необходимы. При условиях, в которых двигалась Добровольческая армия, она не могла брать пленных»¹¹⁹⁵. **«Без всяких приказов, — подтверждал Деникин, — жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны «на истребление»...»**¹¹⁹⁶ Массовое сопротивление населения лишь распаляло Л. Корнилова, и вождь белого движения уже призывал: **«Если придется сжечь половину России, пролить кровь трех четвертей всего русского населения, на это можно пойти ради спасения России»**¹¹⁹⁷.

Ген. П. Врангель: «По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конеч-

но, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть, несомненно, сплошь и рядом играли роль, однако со всем этим приходилось мириться. Необходимость по мере продвижения вперед прочно обеспечить тыл от враждебных элементов, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствии правильного судебного аппарата, кару хотя бы подобием внешней законной формы, заставляли мириться с этим порядком вещей. Наши части со своей стороны, имея неприятеля и спереди и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. **Пленных не брали**»¹¹⁹⁸.

Войска «цивилизованных» интервентов находились в гораздо лучших условиях и имели более или менее стабильный тыл, но, как свидетельствовал их командующий на Севере России английский ген. Э. Айронсайд, придерживались тех же правил «пленных не брали»¹¹⁹⁹. Р. Альбертсон, сотрудник «Христианской ассоциации молодежи» вспоминал о своем пребывании на Севере России в 1919 г.: **«Мы применяли против большевиков химические снаряды**. Уходя из деревень, мы устанавливали там все подрывные ловушки, которые только могли придумать. Один раз мы расстреляли больше тридцати пленных... Каждую ночь пленных пачками уводили на расстрел»¹²⁰⁰.

Красные отвечали тем же и «в первый период войны — практически в течение всего 1918 г. — в плен обычно не брали, особенно офицеров»¹²⁰¹. Так, в конце февраля 1918 г. советские войска, направленные на борьбу с Калединым овладели Ростовом и Новочеркасском, где в результате устроенной победителями «кровавой бани» погибли сотни казачьих офицеров-калединцев, в том числе 14 генералов и 23 полковника¹²⁰². В плен не брали тем более и участники «русского бунта», и армии националистов. Невероятно дикое издевательство над пленными, перед их убийством, были свойственны всем сторонам.

В плен белые и красные стали брать лишь с 1919 г., по мнению Деникина, это было связано с тем, что «только много времени спустя, когда советское правительство кроме своей прежней опричнины привлекло к борьбе путем насильственной мобилизации подлинный народ, организовав Красную армию, когда Добровольческая армия стала приобретать формы государственного учреждения с известной территорией и гражданской властью, удалось мало-помалу установить более гуманные и человеческие обычаи, поскольку это вообще возможно в развращенной атмосфере гражданской войны. Она калечила жестоко не только тело, но и душу»¹²⁰³.

Член правительства Северной области Б. Соколов при этом отмечал: как только одна сторона начинала проявлять гуманное отношение к пленным, то «происходило своеобразное смягчение обычно беспощадной гражданской войны. Красные, узнав, что на белой стороне не расстреливают, стали тоже воздерживаться от применения расстрелов»¹²⁰⁴.

«К осени 1918 г. жестокий период Гражданской войны на истребление был уже изжит. Самочинные расстрелы пленных красноармейцев были исключением и преследовались начальниками. Пленные многими тысячами поступали в ряды Добровольческой армии»¹²⁰⁵, — в то же время вспоминал Деникин. — В ноябре я отдал приказ, обращенный к офицерству, оставшемуся на службе у большевиков, осуждая его непотивление и заканчивая угрозой: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд русской армии — суровый и беспощадный»¹²⁰⁶.

У большевиков, в ноябре 1918 г. «Для агитации среди белых Бронштейн (Троцкий) составил лично и выпустил воззвание: «Милосердие по отношению к врагу, который повержен и просит пощады. Именем высшей военной власти в Советской республике заяв-

ляю: каждый офицер, который в одиночку или во главе своей части добровольно придет к нам, будет освобожден от наказания. Если он делом докажет, что готов честно служить народу на гражданском или военном поприще, он найдет место в наших рядах...». Для Красной армии приказ Бронштейна, отмечал Деникин, звучал уже иначе: «Под страхом строжайшего наказания запрещаю расстрелы пленных рядовых казаков и неприятельских солдат. Близок час, когда трудовое казачество, расправившись со своими контрреволюционными офицерами, объединится под знаменем советской власти...»¹²⁰⁷

Однако перейти к более цивилизованным методам ведения войны окажется непросто. Об этом свидетельствует разговор военного министра деникинского правительства А. Лукомского с В. Гурко в октябре 1918 г. Лукомский: «взято в плен что-то около пятисот человек.

— Разве это так много? — спросил я.

— Очень. Ведь мы пленных не берем. Это означает, что руки рубить устали, — и тут же добавил: — Мы этому конечно, не сочувствуем и стараемся препятствовать, но озлобление среди наших войск столь сильно, что ничего в этом отношении поделать нельзя»¹²⁰⁸.

Идеологическую основу белого террора обеспечили лидеры правых и либеральных политических сил. Еще в преддверии Первой русской революции, в ноябре 1904 г. лидер российских либералов П. Милюков заявлял: «**Если члены нашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что наши планы об организации партии... окажутся бесплодными.** Ведь трудно рассчитывать на мирное разрешение назревших вопросов государственного переустройства в то время, когда уже кругом происходит революция. Или, может быть, вы при этом рассчитываете на чужую физическую силу, надеясь в душе на известный исход, но, не желая лич-

но участвовать в актах физического воздействия? Но ведь это было бы лицемерием, а подобная лицемерная постановка вопроса была бы граждански недобросовестна. **Несомненно, вы все в душе радуетесь известным актам физического насилия, которые всеми заранее ожидаются и историческое значение которых громадно...**»¹²⁰⁹

Об особенностях либеральной интеллигентской мысли говорит и заявление известного ученого, сделанное во время революции 1905 г., приводимое С. Витте: «Вот этот милейший, достойнейший и талантливейший Мечников упрекал меня также, что я мало убил людей. По его теории, которую он после выражал многим, я должен был отдать Петербург, Москву или какую-нибудь губернию в руки революционеров. Затем через несколько месяцев их осадить и взять, причем расстрелять несколько десятков тысяч человек. Тогда бы, по его мнению, революции был положен конец. Некоторые русские с восторгом и разинутыми ртами слушали его речи. При этом он ссылался на Тьера и его расправу с коммунистами»¹²¹⁰.

Либерал-демократы совершенно осознано относились к массовому насилию, как законному и оправданному средству борьбы со своими противниками, и подводили под него вполне показательную историческую основу. Не случайно спустя всего два месяца после либерально-демократической революции лидер российских либералов П. Милюков 26 апреля 1917 г. провозглашал: «партия народной свободы... не считает возможным мириться с полумерами в предстоящей борьбе, от успеха которой зависит прочность и непоколебимость нового строя»¹²¹¹.

К идее террора либералы вернутся уже на следующий день после революции — 26 октября 1917 г. отмечал С. Анский: **«Кадеты настаивали на том, чтобы к большевикам отнеслись беспощадно, чтобы их вешали и расстреливали...**»¹²¹² По словам (12 ноября 1917 г.) бывшего министра внутренних дел Временного правительства, главы антисоветского блока в Учредительном собрании меньшевика И. Церетели, **«вся буржуазная кадетская партия объединена лозунгом кровавой расправы с большевиками»**¹²¹³.

Идеи либералов полностью совпадали с лозунгами, их недавно непримиримых ультраправых противников, которые сразу после революции, в лице одного из своих лидеров В. Пуришкевича, провозглашали: «Ударить в тыл и уничтожить их (большевиков) беспощадно: **вешать и расстреливать публично в пример другим**. Надо начать со Смольного института и потом **пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами**»¹²¹⁴.

«После первого серьезного поражения, — определял идеологию белого террора Ленин, — свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили, не допускали мысли о нем, с удесытеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возрождение отнятого “рая”»¹²¹⁵.

Что же представлял из себя белый террор? — Вот лишь некоторые примеры с разных фронтов Гражданской войны:

**«Демократических правительств»
Поволжья, Урала и Сибири**

КОМУЧ. «В обстановке гражданской войны никакая государственная власть не в состоянии обойтись без террора, — заявлял бывший министр правительства КОМУЧА И. Майский, — Я готов согласиться с этим утверждением, но тогда почему же эсеры любят болтать о “большевистском терроре”, господствующем в Советской России?.. Террор был и в Самаре, на той единственной территории, где волей исторического случая и чехословацких штыков эсеры оказались носителями государственной власти...»¹²¹⁶

При захвате войсками КОМУЧа поволжских городов в июне 1918 г. «Вооруженные патрули по указаниям из толпы расстреливали заподозренных в большевизме лиц прямо на улице»¹²¹⁷. Лидеры КОМУЧА взывали к массовому террору: «**комиссарам мы пощады не дадим и к их истреблению зовем всех**, кто раскаялся, кого насильно ведут против

нас»¹²¹⁸. Комучевец С. Николаев признавал: «режим террора... принял особо жестокие формы в Среднем Поволжье»¹²¹⁹. Расстреливали в Мелекессе и Ставрополе в каждом городе и деревне¹²²⁰. Эсеры попытались от имени Комуча установить подобие законности¹²²¹, и... «продолжали расстреливать уже на “законном” основании»¹²²².

Свидетель событий Вольнов вспоминал о своей поездке через линию фронта в Самару летом 1918 г.: «Мы не раз встречали изнасилованных женщин и девушек. Мы видели женщин, до костей иссеченных казацкими нагайками. Мы проезжали мимо братских могил. В общей куче, в братских объятиях, там покоились солдаты обоих фронтов, дети, случайно попавшие под выстрелы, до смерти изломанные, измятые солдатами женщины. Мы видели попа, на котором целую ночь катались верхом скучавшие на отдыхе партизаны... Наконец, мы видели старуху, мать коммуниста, с выколотыми глазами и отрезанными грудями. Видели церковные кресты, валявшиеся в навозе, трепыхающиеся по ветру концы намыленных вожжевок на столбах, в петлях которых умирали большевики...»¹²²³

Начальник «государственной охраны» КОМУЧА эсер Климушкин приводил подробности подавления комучевцами рабочих восстаний в Казани и Иванице, в чем, полагал он, «надо признаться хотя бы для истории»¹²²⁴. 3 сентября — 1 октября в эти городах от рук комучевцев и чехов погибло около тысячи рабочих¹²²⁵. В сентябре терпя поражение на фронте, Комуч принял чрезвычайные меры, учреждался чрезвычайный полевой суд, выносивший только один приговор — смертную казнь¹²²⁶, в том числе за любое неповиновение властям, распространение слухов, спекуляцию и т.д.¹²²⁷. При наступлении красных комучевцы стали эвакуировать тюрьмы. Только в одном из поездов, отправленном в Иркутск из Самары, было 2700 человек... из него до конечного пункта добрались 725 человек, остальные погибли¹²²⁸.

Временное Сибирское правительство 3 августа 1918 г. постановило передать всех представителей «так называемой советской власти» политическому суду Всесибирского Учредительного собрания. В результате только в Омске было расстреляно полторы тысячи человек. 4 июня в Новониколаевске «при попытке к бегству» были убиты многие партийно-советские работники, тела погибших... были сильно изуродованы...¹²²⁹

На Урале *Временное областное правительство* 27 августа декларировало установление власти партий кадетов, эсеров и меньшевиков... И там, по словам историка А. Литвина, «террор с первых дней принял массовый характер». Так, в Альяшинской волости Осинского уезда только с 10 сентября по 10 декабря 1918 г. было расстреляно 350 коммунистов, красноармейцев и членов их семей; на станции Сусанна — 46 родственников красноармейцев и советских работников¹²³⁰. Центральное областное бюро профсоюзов Урала в августе 1918 г. заявляло: «Вот уже второй месяц идет со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара беспричинных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму...»¹²³¹

Армии Юга России

Отрядом Дроздовского только весной-летом 1918 г. в Ростове было расстреляно 16 человек, в Бердянске — 19, в Таганроге несколько десятков человек¹²³². В том же Ростове одновременно с расстрелами Дроздовского безымянными штабами был отдан приказ о расстреле 56 человек¹²³³. В бою под Белой Глиной (июнь 1918 г.) штаб полка под командованием Жербак-Русановича попал к красным в плен. Тяжело раненого Жербак-Русановича сожгли заживо. В ответ Дроздовский приказал казнить около тысячи пленных красноармейцев. Массовые казни имели место и в других городах¹²³⁴.

В одном Калаче Воронежской губернии было расстреляно 1300 человек¹²³⁵. В той же Воронежской губернии казачьими частями Краснова 8 августа 1918 г. было расстреляно 28 красноармейцев, более 300 большевиков были заключены в тюрьмы, и каждую ночь проходили расстрелы по 10-20 заключенных. Кроме этого, по уезду было расстреляно 115 человек, а 213 подвергнуто различным телесным наказаниям¹²³⁶.

Общий счет жертв на территориях, контролируемых генералом П. Красновым, по сообщениям советской прессы, достиг только в 1918 г. более 30 тыс. человек¹²³⁷. По данным историка П. Голуба, «во время красновщины, то есть с мая 1918-го по февраль 1919 года, было зверски истреблено не менее 45 тысяч сторонников Советской власти на Дону»¹²³⁸, т.е. почти 1,2% населения Донской области.

Донской ген. С. Денисов вспоминал: *«Миловать не приходилось... Лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками, надо было без всякого милосердия истреблять*. Времененно надо было исповедовать правило: "Лучше наказать десять невиновных, нежели оправдать одного виноватого". Только твердость и жестокость могли дать необходимые и скорые результаты»¹²³⁹. Деникинский ген. А. Лукомский свидетельствовал: «С пленными наши войска расправлялись с большой жестокостью»¹²⁴⁰. Не щадили и раненых, так, когда войска Деникина ворвались в Ставрополь, они в первый же день перебили семьдесят раненых красноармейцев находившихся в госпитале¹²⁴¹. В частных письмах сообщалось: «Деникинские банды страшно зверствуют над оставшимися в тылу жителями, а в особенности над рабочими и крестьянами. Сначала избивают шомполами или отрезают части тела у человека, как то: ухо, нос, выкалывают глаза или же на спине или груди вырезают крест»¹²⁴².

«Кошмарные слухи о жестокостях добровольцев, об их расправах с пленными красноармейцами и с теми жителями, которые имели хоть какое-нибудь отношение к советским учреждениям, распространялись в городе Сочи и в деревнях. Случайно находившиеся в Новороссийске в

момент занятия города добровольцами члены сочинской продовольственной управы рассказывали о массовых расстрелах, безо всякого суда и следствия, многих рабочих новороссийских цементных заводов и нескольких сот захваченных в плен красноармейцев»¹²⁴³.

«Заняв Одессу, добровольцы прежде всего принялись за жестокую расправу с большевиками. Каждый офицер считал себя вправе арестовать, кого хотел и расправляться с ним по своему усмотрению», — писал очевидец, новороссийский журналист. То, что творилось в застенках контрразведки города, по его словам, напоминало «самые мрачные времена Средневековья»... «Помню, один офицер из отряда Шкуро, из так называемой “волчьей сотни”, отличавшейся чудовищной свирепостью, сообщал мне подробности победы над бандами Махно... даже поперхнулся, когда назвал цифру расстрелянных, безоружных уже противников: четыре тысячи!»¹²⁴⁴

Сибирской армии Колчака

А. Колчак, став Верховным правителем, сразу же ввел на контролируемой им территории режим «чрезвычайного военного положения». Адмирал мотивировал свое решение тем, что: **«Гражданская война должна быть беспощадной. Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов.** Или мы их перестреляем, или они нас. Так было в Англии во время Алой и Белой Розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне»¹²⁴⁵. Колчаковцы вообще, отмечал историк В. Краснов, «не распространяли на большевиков, а заодно и на побывавшее под властью Советов население, особенно “низшие” трудовые слои, общепринятые правовые нормы и гуманитарные обычаи. Убить или замучить большевика не считалось грехом»¹²⁴⁶.

Докладная капитана Колесникова — начальник штаба дивизии, являлась примером трактовки колчаковско-

го «военного положения» на местах: «Наезды гастролеров, порющих беременных баб до выкидышей за то, что у них мужья ушли в Красную армию, решительно ничего не добиваются, кроме озлобления и подготовки к встрече красных... Порка кустанайцев в массовых размерах повела лишь к массовым переходам солдат, на некоторых произвела потрясающее впечатление бесчеловечностью и варварством...» И тут же Колесников предлагал ряд мер по укреплению армии: «...**Уничтожать целиком деревни в случае сопротивления или выступления, но не порки. Порка, это — полумера.** Открыть полевой суд с неумолимыми законами...»¹²⁴⁷

Приказ командующего западной армией ген. М. Ханжина требовал от крестьян сдать оружие, в противном случае виновные будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены; комендант Кустаная предлагал до смерти пороть женщин, укрывавших большевиков. Управляющий Енисейской губернии Троицкий предлагал ужесточить карательную практику, не соблюдать законы, руководствоваться целесообразностью¹²⁴⁸. Ген. К. Сахаров издал приказ, требовавший расстрела каждого десятого заложника или жителя, а в случае массового вооруженного выступления против армии — расстрела всех жителей и сожжения селения дотла¹²⁴⁹. По приказу ген. Иванова-Рынова в «Восточной Сибири солдаты истребляли все мужское население в деревнях, где по их подозрениям, укрывали “большевиков”. Женщин насиловали и избивали шомполами. Убивали без разбора — стариков, женщин, детей»¹²⁵⁰.

Колчаковский министр Сукин вспоминал, про другого генерала: «Осуществляя свои карательные задачи, Розанов действовал террором, обнаружив чрезвычайную личную жестокость... расстрелы и казни были беспощадны. Вдоль сибирской магистрали в тех местах, где мятежники своими нападениями прерывали полотно железной дороги, он для вразумления развешивал по телеграфным столбам трупы казненных зачинщиков. Проходящие экспрессы наблюдали эту картину, к которой все относились с философ-

ским безразличием. Целые деревни сжигались до основания»¹²⁵¹. Мало того, отмечал министр колчаковского правительства Гинс, с мест: «Приходили сведения о жестоких расправах в городах с представителями местной социалистической интеллигенции»¹²⁵².

Ижевская рабочая дивизия была одной из наиболее боеспособных в колчаковской армии, и ей было позволено воевать под красным стягом и петь «Варшавянку»*. В октябре 1918 г. свидетели заявляли о расстреле ею 300 человек (по данным В. Владимировой, закопанных частью заживо)¹²⁵³. Осенью 1918 года под Ижевском были подвергнуты наказанию кнутом 22 крестьянина Банниковых (однофамильцы советского деятеля). Из них 7 человек погибли при экзекуции, остальные были расстреляны¹²⁵⁴. Общие цифры жертв в этом регионе только осенью 1918 г. находятся в пределах 500-1000 человек¹²⁵⁵. Командир ижевской дивизии ген. В. Молчанов приказывал: «При нападении на караулы и порчи ж.д. производить круговые аресты всего мужского населения в возрасте от 17 лет. При задержке к выдаче злоумышленников расстреливать всех без пощады как сообщников-укрывателей...» В исполнение приказа, в одной из экзекуций, огнем из пушек ижевцы уничтожили живших в бараках семьи рабочих Кусинского завода. Местное население прозвало ижевцев варнаками (каторжниками, разбойниками)¹²⁵⁶.

«Мы дожидались Колчака как Христова дня, а дождались как самого хищного зверя», — писали пермские рабо-

* «Ижевская народная армия» была создана рабочими в результате восстания в августе 1918 г. Армия насчитывала более 30 тыс. человек. «Социальной особенностью уральского пролетариата, по сравнению с пролетариатом Ленинградской и центрально-промышленных областей являлась... крепкая его связь с землей» в результате, отмечали исследователи «уральский пролетариат в своих настроениях часто отражал колеблющиеся настроения крестьянской стихии». (Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 73, 40. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 174)). Не случайно в Ижевске, большевики получили на выборах в Советы всего 12% мандатов. Ижевская армия воевала под эсеровскими лозунгами.

чие 15 ноября 1919 г. Даже премьер правительства Колчака П. Вологодский отмечал в дневнике, что когда правили военные, они «не считались с правительством и творили такое, что у нас волосы на голове становились дыбом»¹²⁵⁷. А. Керенский в ноябре 1919 г. заявлял западной прессе, что «террор и анархия, созданные там режимом Колчак-Деникин, превосходят всякое вероятие... Нет преступления, которое не совершили бы агенты Колчака по отношению к населению, они представляют тиранию и самую черную реакцию»¹²⁵⁸.

Атаманский террор не уступал колчаковскому. Так, с 27 мая-3 июля 1918 г. после захвата Челябинска, Троицка и Оренбурга казаками атаман Дутова, там устанавливался режим белого террора. «Только в Оренбургской тюрьме в августе 1918 г. томились свыше 6 тыс. коммунистов и беспартийных, из которых 500 человек было замучено при допросах. В Челябинске дутовцы расстреляли, увезли в тюрьмы Сибири 9 тыс. человек»¹²⁵⁹. В Троицке, по данным советской периодики, в первые недели было расстреляно 700 человек¹²⁶⁰. В городе Илеке дутовцы вырезали 400 душ «инородного населения»¹²⁶¹. Ошибочным будет вывод, отмечает в этой связи И. Ратьковский, характеризующий белый террор как явление, характерное для белого движения только при движении фронтов: при занятии и оставлении городов. Террор продолжался и в тылу, на занятых территориях. В январе 1919 г. дутовцами только в Уральской области будет убито 1050 человек¹²⁶². В том же 1919 г. в селе Сахарное будет сожжена больница вместе с находившимися там 700 больными тифом красноармейцами. Дополняет картину уничтожения тот факт, что после пожара их трупы будут зарыты в навозные кучи. Печально известна и деревня Меглиус, уничтоженная вместе с ее 65 жителями¹²⁶³.

Большую известность получила трагедия Александров-Гая (Новоузенский уезд Самарской губернии). 5 мая 1918 г. уральские казаки взяли село. 9 мая были убиты 96 взятых в плен красноармейцев, раненных засыпали землей, закопав их заживо. Всего в селе

было расстреляно и уничтожено иными способами (закопано заживо) 675 человек. В большевистской печати того периода появились подробные шокирующие сведения о конкретном содержании пыток захваченных в плен в Александров-Гае. Отрезанные уши, носы, губы, пальцы, вырубленные из спины куски мяса, разрубленные и оскальпированные тела погибших, были свидетельствами казачьей расправы¹²⁶⁴.

За все время Гражданской войны, только в одной Екатеринбургской губернии колчаковцы расстреляли и замучили более 25 тыс. человек¹²⁶⁵ — 1,4% населения всей губернии.

Представители интервентов, непосредственные свидетели событий, дополняли общую картину происходившего в Сибири. Журналист А. Вильямс на слушаниях комиссии американского сенатора Овермана 22 февраля 1919 г. говорил: «призовите на суд истории с одной стороны большевиков, обвиняемых в красном терроре, а с другой стороны — белогвардейцев и черносотенцев, обвиняемых в белом терроре, и предложите им поднять руки, мозолистые и загрубелые от работы руки рабочих и крестьян будут сиять белизной по сравнению с обагренными кровью руками этих привилегированных леди и джентльменов»¹²⁶⁶.

Командующий американскими войсками в Сибири ген. В. Гревс вспоминал: «В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось 100 человек, убитых антибольшевистскими элементами»¹²⁶⁷. Гревс сомневался в том, чтобы можно было указать за последнее пятидесятилетие какую-либо страну в мире, где убийство могло бы совершаться с такой легкостью и с наименьшей боязнью ответственности, как в Сибири во время правления адмирала Колчака¹²⁶⁸.

Армии Врангеля

Участник событий В. Оболенский вспоминал: «Однажды утром дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях Симферополя страшных мертвецов с высунутыми языками... Этого Симферополь еще не видывал за все время Гражданской войны. Даже большевики творили свои кровавые дела без такого доказательства. Выяснилось, что это ген. Кутепов распорядился таким способом терроризировать симферопольских большевиков»¹²⁶⁹. Приближенный к Врангелю журналист Г. Раковский: «Если читать только приказы Врангеля, то можно действительно подумать, будто правосудие и правда царили в крымских судах. Но это было только на бумаге... Главную роль в Крыму... играли военно-полевые суды... Людей расстреливали и расстреливали... Еще больше их расстреливали без суда»¹²⁷⁰.

В Крымском архиве хранится множество документов — свидетельств террора белогвардейцев, например, 17 марта 1919 г. в Симферополе были расстреляны 25 политзаключенных; в апреле в Севастополе ежедневно контрразведка уничтожала 10-15 человек и т. д.¹²⁷¹ 29 апреля 1920 г. **Врангель приказал «безжалостно расстреливать всех комиссаров и коммунистов, взятых в плен»**. Троцкий в ответ предложил издать приказ «о поголовном истреблении всех лиц врангелевского командного состава, захваченного с оружием в руках». Фрунзе, командующий тогда войсками Южного фронта, нашел эту меру нецелесообразной, так как среди врангелевских командиров много перебежчиков, которые без угрозы расстрела легко сдаются в плен¹²⁷².

На Севере России

С момента высадки интервентов на Севере России тюрьмы Мурмана были набиты арестованными. «Посадочных» мест не хватало, пришлось открыть 13 новых тюрем

за полярным кругом. Так, тюрьма на Печенге была устроена в пещерных гrotтах, вырубленных в скале и огороженных колючей проволокой. Ее узники лежали в неимоверной тесноте прямо на каменном или земляном полу. Под плавучую тюрьму приспособили даже устаревший линкор «Чесма», в трюмах которого заключенные содержались в нечеловеческих условиях. Концлагеря были созданы в Мурманске, Кандалакше, Кеми¹²⁷³.

В Архангельске к губернской тюрьме и ее отделениям были добавлены тюрьмы и арестные помещения в 9 уездах губернии; концлагеря на Бакарице, Смольном Буяне, в Усть-Пинеге, Березнике и Троице; ссыльно-каторжные тюрьмы на островах Мудьюг и Кегостров, в Пустозерске на Печоре и в становище Иоканьга за Полярным кругом¹²⁷⁴. В Архангельске расстрелы совершались как в тюремном дворе, так и на окраине города в зловещих Мхах. Писарь тюрьмы Кузьмин вспоминал: «Иной раз, засыпая могилы, приходилось слышать стоны... приходилось возвращать уже уходящий конвой для того, чтобы добить расстрелянных... Конвой в большинстве был всегда пьяным...»¹²⁷⁵ Всего за один год в Архангельской губернии с населением в 400 тысяч жителей только через тюрьмы, концлагеря и каторгу прошло около 52 тысячи человек¹²⁷⁶. Из них только по более или менее подтвержденным данным было расстреляно 8 тысяч и более тысячи умерло от побоев и болезней¹²⁷⁷. И это при том, что на 1 августа 1918 г. в Архангельской губернии было лишь немногим более 1 тыс. большевиков¹²⁷⁸ из них на оккупированной территории осталось лишь несколько сотен¹²⁷⁹.

Вот всего несколько примеров террора того времени: «В селе Извайли в руки карателей попали пятеро братьев Ульяшовых... всех их, активных сторонников Советской власти, зверски убили. Последнего, Дмитрия, председателя волисполкома, подвергли особым пыткам. Его раздели донага и опускали в прорубь реки при лютom морозе, вынимали, отхаживали

и снова опускали. И так — в течение трех дней...»¹²⁸⁰
В Яренском уезде наводил ужас отряд карателей под командой капитана Орлова. После освобождения уезда специальная комиссия насчитала до 100 расстрелянных. Многих убитых и утопленных многоводная Печора унесла в Ледовитый океан»¹²⁸¹.

Северо-западные армии

В мае 1919 г. в Пскове появились отряды ген. С. Булак-Балаховича, и тут же в городе, по словам В. Горна, стали вешать людей всенародно, и не только большевиков: «Вешали людей во все времена управления «белых» псковским краем. Долгое время этой процедурой распоряжался сам Балахович, доходя в издевательстве над обреченной жертвой почти до садизма...»¹²⁸² Современник событий, командующий 7-й армией ген. Д. Надежный вспоминал: «Пребывание Балаховича в г. Псков было ознаменовано целым рядом разного рода насилий, вымогательств и зверских убийств. Лиц, заподозренных в приверженности к советской власти, вешали на улицах прямо на фонарях...»¹²⁸³ Во время восстания на форте «Красная горка» было арестовано около 350 коммунистов и сочувствующих им. Их судьбу решил финский командир Ингерманландского полка Топольненен, который обменял арестованных на продовольствие и расстрелял¹²⁸⁴. В общем же армия Юденича по видимому отличалась наибольшей умеренностью в отношении мирного населения, по сравнению с другими белыми армиями. Как отмечал писатель А. Куприн: «Расстреливали только коммунистов»¹²⁸⁵.

Функции чрезвычайных комиссий

в белых армиях выполняла контрразведка и подразделения государственной стражи (охраны). В. Вольский, председатель самарского КОМУЧа, в 1919 г. признавал: «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой... жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами Гражданской войны. Взявши власть в таких усло-

виях, мы должны были действовать, а не отступать перед кровью. *И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли не хуже*»¹²⁸⁶.

На Севере наряду с сетью особых следственных комиссий был создан орган политического сыска в виде контрразведки (военной регистратуры), подчиненной генерал-губернатору области¹²⁸⁷. В августе 1918 г. Верховное управление приняло *распоряжение английского ген. Пуля о безотлагательном введении «быстро действующих русских военно-полевых судов»*, поскольку, по словам генерала, в тюрьмах оказалось «значительное количество лиц, арестованных в связи с переворотом»¹²⁸⁸. Высшая мера наказания следовала — за неподчинение начальству, отказ от участия в бою, сдачу в плен, за «всякое способствование неприятелю» и т.д.¹²⁸⁹ Наряду с русской на Севере действовала союзная контрразведка (военный контроль): «Его представители, — вспоминал ген. Марушевский, — рассыпанные по всему фронту, вели работу по охране интересов союзных войск... По существу, это была чисто контрразведывательная организация с громадными правами по лишению свободы кого угодно и когда угодно»¹²⁹⁰. Как отмечал министр внутренних дел правительства Северной области Игнатьев, союзническая контрразведка о своих действиях не ставила в известность российские власти и не допускала их представителей в подконтрольные союзникам места заключения¹²⁹¹.

На территории, подчиненной Деникину, численность только государственной стражи к сентябрю 1919 г. достигла почти 78 тыс. человек, для сравнения численность всей действующей армии Деникина в то время была около 110 тыс. штыков. В тылу Добровольческой армии, по воспоминаниям Раковского, «Обыски и аресты, в особенности среди... рабочих, принимали характер какой-то вакханалии. Аресты производились чаще всего под предлогом

сочувствия большевикам, причем это сочувствие выражалось, например, в том, что рабочие жаловались на дороговизну, на невозможные условия существования. Профессиональные союзы ожесточенно преследовались...»¹²⁹²

В колчаковской Сибири в начале 1919 г. при МВД стали формироваться отряды особого назначения в каждой губернии по 1200 человек, на которых была возложена государственная охрана для предупреждения и пресечения государственных преступлений¹²⁹³. При максимальной численности на фронте 140 тыс. штыков, безопасность тыла колчаковской армии обеспечивали почти 200 тыс. штыков. Основную силу помимо белогвардейских и казацких отрядов составляли остатки — чехословацкого корпуса, численностью до 50 тыс. человек, выведенные в начале 1919 г. с фронта в тыл для подавления массовых восстаний местного населения. Один из участников событий эсер Е. Колосов отмечал: «Нет никакого сомнения, что если бы Колчак не имел тогда... помощи чехословаков, румын, сербов, итальянцев, положение его было бы критическим еще весной 1919 г... поражения, которые Колчак испытал под Пермью летом, произошли бы гораздо раньше, и катастрофа приняла бы еще большие размеры»¹²⁹⁴.

Помимо белых и чехословацких карателей, «порядок» в тылу колчаковских войск поддерживали японские войска, численностью более 60 тыс. человек, а также сибирские атаманы. О нравах последних свидетельствовал американец Ф. Кинг: «бежавшие из Хабаровска от тирании атамана Калмыкова русские выглядят полоумными от тех ужасов, которые им пришлось пережить от безумных калмыковцев. В защиту беспощадно расстреливаемых русских вынуждены были вступить американские войска...»¹²⁹⁵

Кроме этого, у Деникина и Колчака всю работала и своя контрразведка. «За войсками следом шла контрразведка, — вспоминал Деникин. — Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период Гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каж-

дая воинская часть, политические организации, донское, кубанское и терское правительства, наконец, даже... Отдел пропаганды... Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью»¹²⁹⁶.

В Сибири, по словам Колчака, «в самых, казалось бы, маленьких отрядах, создавались особые органы контрразведки... Эти органы контрразведки самочинно несли полицейскую и главным образом политическую работу, которая заключалась в том, что бы выслеживать, узнавать и арестовывать большевиков... основания, по которым производились действия органов контрразведки, были совершенно произвольными... никакой связи с прокуратурой не существовало, и само **понятие «большевик» было до такой степени неопределенным, что под него можно было подвести что угодно...** Формально они (контрразведки) не существовали никогда, и таким образом любая часть могла сказать, что никакой контрразведки у нее нет. С точки зрения военных чинов, это было средство борьбы»¹²⁹⁷.

«Ходило много рассказов относительно этих органов, — продолжал Колчак. — Не знаю, насколько они были справедливы, но **это был сплошной кошмар..., как со стороны большевиков, так и со стороны тех, которые боролись с ними... Методы борьбы были одни и те же**»¹²⁹⁸.

Характеризуя деятельность колчаковской контрразведки, военный министр Колчака ген. А. Будберг отмечал: «Сейчас отношения старших начальников очень портятся благодаря гнусной и чисто провокационной деятельности многих видных представителей контрразведки, которая ядовитой плесенью обволокла верхи управления и многих высоких начальников, незаметно для них втянув их в свою атмосферу сыска, влезания в чужие души и мысли, и размазав эту нравственную грязь по всей стороне военного управления...»¹²⁹⁹

«Полупочтенное всегда учреждение контрразведки, — продолжал Будберг, — впитавшей в себя функ-

ции охранного отделения, распухло теперь до чрезвычайности и создало себе прочное и жирное положение, искусно используя для сего атмосферу гражданской войны, политических заговоров и переворотов и боязни многих представителей предрешающей власти за свою драгоценную жизнь и за удержание власти. Все это сделало главарей контрразведки большими и нужными людьми... и открыло самые широкие и бесконтрольные горизонты для их темной, грязной и глубоко вредной деятельности... контрразведка — это огромное учреждение, пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охраны... Все это прикрывается самими высокими лозунгами борьбы за спасение родины, и под этим покровом царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол... Если мое краткое соприкосновение с чинами прежней охраны дало мне такие случаи, как подполковник Заварицкий и ротмистр Фиотин, посылавшие людей на виселицу и на каторгу ради отличия и получения внеочередной награды, то что же должно быть теперь...?»¹³⁰⁰

Несмотря на широкое распространение белого террора, сторонники «белого» движения считали виновными в терроре только большевиков. Наиболее четко их позицию передавал С. Мельгунов в своей книге «Красный террор»: «Нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики; нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор. Эта система, нашедшая своих идеологов, эта система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире. Это не эксцессы, которым можно найти в психологии гражданской войны то или иное объяснение. **Белый террор** — явление иного порядка. *Это, прежде всего, эксцессы на почве разнужданности власти и мести...* Нет, слабость власти, экс-

цессы, даже классовая месть и... апофеоз террора — явления разных порядков»¹³⁰¹.

В соответствии с этими доводами праволиберальные историки классифицировали красный террор как «институциональный», а белый террор — как ответный стихийный «инцидентный»¹³⁰². Какой же из них более губителен для общества? Отвечая на этот вопрос, известный религиозный философ Л. Карсавин замечал, что *«ведь уже сама идея „революционной законности“ не что иное, как самоограничение ненависти»*¹³⁰³.

Стихийный террор, питаемый жаждой мести, границ не знает. Не случайно лидеры белого движения так же пытались загнать террор в сколь-либо организованные рамки: «Обзор законодательных актов белых правительств, определяющих судебные-правовые нормы в части „борьбы с большевизмом“, — отмечает исследователь террора того времени В. Цветков, — позволяет сделать вывод о наличии определенной правовой системы в законотворчестве этих правительств, что противоречит суждениям об отсутствии „институциональной составляющей“ белого террора, о якобы исключительно „истероидной“ его форме»¹³⁰⁴.

Примером в данном случае может являться приказ от 28 августа 1918 г. по Гражданскому управлению, где командующий армией Юга России ген. А. Деникин распорядился «всех лиц, обвиняемых в способствовании или благоприветствовании войскам или властям советской республики в их военных, или в иных враждебных действиях против Добровольческой армии...», предавать «военно-полевым судам войсковой части...»¹³⁰⁵. Данный приказ передавал дела на представителей советской власти и пленных судам тех воинских частей, с которыми они сражались. Разумеется, замечает В. Цветков, при взаимном ожесточении сторон рассчитывать на снисхождение противника им не приходилось¹³⁰⁶.

Годом позже, когда будет сделана попытка ввести и другие виды репрессий, круг обвиняемых при этом не изменится. Видный деятель кадетской партии, член Всероссийского Национального Центра кн. Г. Трубецкой, по этому поводу за-

мечал: *уголовная ответственность «за один факт участия в партии коммунистов» делает «закон не столько актом правосудия, сколько массового террора»*¹³⁰⁷.

Еще более наглядные примеры давала колчаковская Сибирь, где вскоре после прихода адмирала к власти, 3 декабря 1918 г. Совет министров скорректировал статьи Уголовного Уложения 1903 г., уравнив статус власти Верховного Правителя и статус Государя Императора... Статья 99 определяла, что «виновные в покушении на жизнь, свободу, или вообще неприкосновенность Верховного Правителя, или на насильственное его или Совета министров лишение власти, им принадлежащей, или воспрепятствование таковой наказуются смертной казнью». При этом как «совершение тяжкого преступления», так и «покушение на оное» уравнивались в санкции. Статья 100 звучала в следующей редакции: «виновные в насильственном посягательстве на ниспровержение существующего строя или отторжение, или выделение какой-либо части Государства Российского наказуются смертной казнью». «Приготовления» к данным преступлениям карались «срочной каторгой» (ст. 101). «Виновные в оскорблении Верховного Правителя на словах, письме или в печати наказуются тюрьмой» (ст. 103). Бюрократический саботаж подлежал наказанию по скорректированной ст. 329: «виновные в умышленном неприведении в исполнение приказа или указов Верховного Правителя подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Вышеперечисленные деяния рассматривались военно-окружными или военно-полевыми судами»¹³⁰⁸.

11 апреля 1919 г. колчаковским правительством был принят закон № 428: «О лицах, опасных для государственного порядка вследствие прикосновенности их к большевистскому бунту и об учреждении окружных следственных комиссий» — провозглашавший тотальный террор против большевиков и всех им сочувствующих. Цель закона министр юстиции С. Старынкевич весьма откровенно объяснял в сопроводительной записке к нему: борьба «должна будет сводиться не только к уничтожению воинствующе-

го большевизма, но и к искоренению из толщи населения самих идей большевизма...» Старынкевич дополнял: *«Бунтом и изменой являются всякая прикосновенность к большевикам, принятие от них каких-либо должностей, их признание и всякое им сочувствие...»*¹³⁰⁹.

Однако, несмотря на принятие даже таких законов поощрявших тотальный террор, белый террор оставался стихийным, и причина этого заключалась не в нежелании, а в неспособности вождей белого движения подчинить его закону. Например, на вопрос Алексеевского, допрашивавшего адмирала: «Когда факты самочинных обысков, арестов и расстрелов устанавливались, принимались ли меры, чтобы привлечь виновных к суду и ответственности»? Колчак отвечал: «Такие вещи никогда не давали основания для привлечения к ответственности...»¹³¹⁰. «При мне лично, — отмечал Колчак, — за все это время не было ни одного случая полевого суда»¹³¹¹.

Попытки привлечения к ответственности все же были, но большинство из них заканчивались безрезультатно. Так, министр колчаковского правительства Гинс вспоминал: «Комитет законности* рассмотрел сто обязательных постановлений, но он не привлек к ответственности ни одного крупного правонарушителя, не обрушился ни на одно из гнезд беззакония...»¹³¹² Другой пример приводимый Гинсом связан со случаем, который произошел в Иркутской губернии, где «какой-то офицер потребовал выдачи ему арестованных из тюрьмы и расстрелял их. Судебные власти никак не могли получить этого офицера в свое распоряжение». Наконец офицера арестовали, а недели через две-три... по распоряжению Верховного Правителя выпустили»¹³¹³.

* Для повышения эффективности работы репрессивных органов летом 1919 г. Колчак объединил трех министров военного, внутренних дел и юстиции, создав Комитет обеспечения порядка и законности, получивший исключительные права.

«Экспессы на почве разнузданности власти и мести», которыми Мельгунов оправдывал белый террор, достаточно быстро привели белое движение к полной деградации и вырождению. Прошло чуть более полугода с момента провозглашения в Сибири Колчака Верховным правителем, а старшие священники фронта уже в один голос жаловались «на пошатнувшиеся основы офицерства... по мнению главного священника Западной армии, из восьми случаев насилия над населением семь приходится на долю офицеров (за исключением казачьих частей, где «пользование местными средствами» составляет общий и непреложный закон)...» **«Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя, и нам веры нет, особенно словам»**¹³¹⁴.

Вспоминая об аналогичной ситуации сложившейся на Юге России Деникин, многократно и запоздало будет раскаиваться: «И жалки оправдания, что там, у красных, было несравненно хуже. Но ведь мы, белые, вступали на борьбу именно против насилия и насильников!.. Что многие тяжелые эксцессы являлись неизбежной реакцией на поругание страны и семьи, на растление души народа, на разорение имуществ, на кровь родных и близких — это неудивительно. Да, месть — чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мере. Но была и корысть. Корысть же — только гнусность. Пусть правда вскрывает наши злобонные раны...»¹³¹⁵ Сражавшийся у Деникина В. Шульгин восклицал: «нас одолели Серые и Грязные... Первые — прятались и бездельничали, вторые — крали, грабили и убивали не во имя тяжкого долга, а собственно ради садистского, извращенного грязно-кровавого удовольствия...»¹³¹⁶

«Белое движение было начато почти святыми, а кончили его почти что разбойники, — констатировал Шульгин, — Утверждение это исторгнуто жестокой душевной болью, но оно брошено на алтарь богини Правды. Мне кажется, что эта же богиня требует от меня, чтобы и о красных я высказал суровое суждение, не останавливаясь перед его болезненностью. И вот он, — мой суровый приговор: красные, начав почти что разбойниками, с некоторого времени стремятся к святости»¹³¹⁷.

Г. Уэллс в этой связи замечал: «Красный террор повинен во многих ужасных жестокостях; его проводили по большей части ограниченные люди, ослепленные классовой ненавистью и страхом перед контрреволюцией, но эти фанатики по крайней мере были честны. За отдельными исключениями, расстрелы ВЧК вызывались определенными причинами и преследовали определенные цели, и это кровопролитие не имело ничего общего с бессмысленной резней деникинского режима...»¹³¹⁸

Деградация белого движения была связана, прежде всего, с отсутствием идеалов, ради которых оно вообще существовало, за которые должно было вести за собой свои армии. Всю «белую идею» в конечном итоге отражали слова И. Бунина: *«Какая у всех свирепая жажда их (большевиков) гибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга»*¹³¹⁹.

Мельгунов

Никаким политическим фанатизмом нельзя объяснить то, что мы могли прочесть на предшествующих страницах. Только маньяки и садисты по природе, привлеченные алчностью и возможностью властвования, могли идти и творить свое кровавое дело в таких размерах. Я думаю, что и здоровая психика должна была надорваться в удручающей атмосфере кровавых оргий, ареной которых была Россия за истекшие пять лет.

С. Мельгунов¹³²⁰

Исследователь Гражданской войны уже не может пройти мимо фигуры С. Мельгунова, написавшего в начале 1920-х гг. нашумевшую книгу «Красный террор». До этого Мельгунов получил популярность как серьезный исто-

рик эпохи революции и Гражданской войны, но вдруг все изменилось кардинально, и он вошел в историю как автор «Красного террора»... Многими, например, авторами «Черной книги коммунизма» эта книга используется как цитатник, но научный подход требует проверки если не самих фактов, то, по крайней мере, адекватности высказанных Мельгуновым суждений.

Заложники

Большевики восстановили гнусный обычай брать заложников. И что еще хуже, они разят своих политических противников, мстя их женам. Когда недавно в Петрограде был опубликован длинный список заложников, большевики арестовали жен ненайденных и посадили их в тюрьму впредь до явки их мужей.

Локкарт, 10 ноября 1918 г.¹³²¹

Взятие заложников началось в июле 1918 г. в качестве предупредительной меры, против индивидуального белого террора и контрреволюционных мятежей. Поэтому в заложники главным образом брались офицеры, представители буржуазии и оппозиционных партий в значительно меньших масштабах¹³²². Приказ о заложниках вышел в сентябре, по нему заложников брали среди интеллигенции, высшего, чиновничества, буржуазии... они подлежали расстрелу в случае покушения на большевистских вождей. Общее количество «профессиональных заложников» в 1918 г. составляло 3-4 тыс. человек по всей России. Мельгунов пишет о 1026 случаях расстрела заложников в месяцы красного террора, что может, по словам Ратьковского, быть принято, как близкое к истине¹³²³.

Затем стали арестовывать жен и детей в качестве заложников за офицеров, взятых в Красную армию и перешедших к белым, и их часто расстреливали. В марте 1919 г. в Петербурге расстреляли родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым¹³²⁴, в Кронштадте — «родственников офицеров, подозреваемых в том, что они перешли к белой гвардии»¹³²⁵. Длинные списки залож-

ников и заложниц за дезертиров публиковались, например, в «Красном воине»¹³²⁶.

Во время крестьянских восстаний заложников брали сотнями, в том числе крестьянских жен вместе с детьми. Например, приказ оперштаба Тамбовской ЧК 1 сентября 1920 г. объявлял: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество»¹³²⁷. Как проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют официальные сообщения, печатавшиеся в тамбовских «Известиях»: 5 сентября сожжено 5 сел; 7 сентября расстреляно более 250 крестьян... В одном Кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921—1922 гг.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в числе их дети от 1 месяца до 16 лет. Среди этих раздетых (без теплых вещей), полуголодных заложников осенью 1921 г. свирепствовал сыпной тиф¹³²⁸.

Французский посол Ж. Нуланс негодовал: «Надо было обратиться к истории, чтобы найти примеры варварства, подобные большевистским в этот период. Любое цивилизованное государство, уважающее закон, допускает только один вид наказания — индивидуальный, применимый к преступникам и правонарушителям. Комиссары же заменили его на систему заложников и на коллективную ответственность, действующую только у отсталых народов»¹³²⁹.

Безусловно, взятие заложников это чудовищная, абсолютно бесчеловечная, террористическая мера, и большевики применяли ее в невероятных (для данной меры) масштабах. Однако все познается в сравнении...

Практика взятия заложников из «населения вражеских территорий оккупированных русскими войсками» начала применяться уже во время Первой мировой войны, отмечал лидер эсеров В. Чернов¹³³⁰. С началом Гражданской войны первыми брать в заложники стали передовые отря-

ды «демократических стран» — комучевцы и белочехи. Уже летом 1918 г. они брали в заложники жен, матерей, сестер, детей советских руководителей¹³³¹. Так, в Самаре по распоряжению КОМУЧа содержались в качестве заложников 16 женщин — жен ответственных работников. Ряд дипломатов из нейтральных стран (Дания, Швеция, Норвегия, Швейцария, Нидерланды), узнав об условиях их содержания, 5 сентября 1918 г. заявила протест против подобных мер¹³³². Однако протест остался без ответа. Тем временем заложников расстреливали, в том числе, например, мать летчика Арошева*, захваченную вместе с семьей в Спасске¹³³³.

Белочехи объявили заложниками членов захваченных Пензенского, Кузнецкого, Сызранского и Саранского Советов¹³³⁴. В сентябре 1918 г. в Уфе содержалось более 20 заложников¹³³⁵. Заложники содержались как в концлагерях, так и в обычных тюрьмах. В Казани в одиночных камерах сидело по 15—18 человек, арестованные по очереди отдыхали на полу в ожидании расстрела¹³³⁶. В тюрьмах зачастую применялись пытки, изготавливались даже специальные пыточные орудия, впоследствии захваченные красными частями¹³³⁷. Особенно крупные масштабы система заложничества белочехов примет осенью 1918 г., когда из числа заключенных в октябре 1918 г. будут сформированы знаменитые «поезда смерти». В поездах находилось более 4300 заложников, из которых более трети по пути следования на Дальний Восток погибли от голода, холода и расстрелов¹³³⁸. Европа и США узнают о «поездах смерти» от своих корреспондентов на Дальнем Востоке.

Институт заложничества А. Колчак узаконит, издав 23 марта 1919 г. приказ: «за укрывательство большевиков, пропагандистов и шаяк должна быть беспощадная расправа... для разведки, связи пользоваться местными жителями, **беря заложников**. В случае неверных и несвоевременных сведений или измены **заложников казнить, а дома, им принадлежащие, сжигать...** Всех способных к боям

* Арошев был главным комиссаром Военно-воздушного флота советской республики.

мужчин собирать... и содержать под охраной на время ночевки, в случае измены, предательства — беспощадная расправа»¹³³⁹. В том же марте колчаковцами «из всех ненадежных селений (были) взяты заложниками от 5 до 20 человек... с предупреждением, что при попытке восстания их общества заложники будут расстреляны»¹³⁴⁰.

Однако, сколь ни чудовищно жестоки были меры, применяемые как красными, так и белыми, они меркли в сравнении с той системой заложничества, которую применили к России ее «демократические союзники»: 27 октября 1918 г. глава французского правительства Клемансо извещал французского командующего Восточным фронтом ген. Франше д'Эспере о принятом «плане экономического изолирования большевизма в России в целях вызвать его падение»¹³⁴¹. Французы абсолютно четко понимали, к каким последствиям это приведет. В своих воспоминаниях вл. князь Александр Михайлович приводил разговор с представителем Клемансо, который утверждал необходимость установления блокады России, подобной той которая «парализовала Германию во время войны... Вокруг России будет воздвигнуто как бы колоссальное проволочное ограждение. Через короткое время большевики начнут задыхаться, сдадутся», а «русский народ получит повод, чтобы восстать». Великий князь отвечал: «Разве ваш шеф примет на себя ответственность за те страдания, которым подобный метод подвергает миллионы русских людей? Разве он не понимает, что миллионы русских детей будут от такой системы голодать?»¹³⁴²

Таким образом, наступление голода и крестьянских восстаний в России, приобретало плановый характер, задуманный и установленный Лондоном, Парижем и Вашингтоном. Лорд Асквит выступавший против блокады в этой связи утверждал, что необходимо: «Либо оказывать России помощь в полной мере, либо предоставить ее собственным силам»¹³⁴³. В противном случае интервенция и блокада ведут не к свержению большевизма, а к массовому террору и страданиям местного населения. Так и произош-

ло. *«Демократические союзники» превратили в заложников поголовно все население России, от мала до велика, вынуждая его нести коллективную ответственность. Прямыми жертвами голода и радикализма, вызванных блокадой и интервенцией, стали миллионы людей.*

Смертная казнь

Нет законодательства, которое бы не давало права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней, которое не давало бы права правительству приостанавливать все нормы права. Правительство, колеблясь, противопоставит насилию силу.

П. Столыпин

Подчеркивая кровожадность большевиков, Мельгунов обращал внимание, на тот факт, что: «За 1918—1919 гг... по признанию самого Лациса... более 2,5 тысячи расстреляно не за “буржуазность”, даже не за “контрреволюцию”, а за обычные преступления (632 преступления по должности, 217 — спекуляция, 1 204 — уголовные деяния). Этим самым признается, что большевики ввели смертную казнь уже не в качестве борьбы с буржуазией как определенным классом, а как общую меру наказания, которая ни в одном мало-мальски культурном государстве не применяется в таких случаях»¹³⁴⁴.

Францию Мельгунов очевидно относил к некультурным странам, поскольку там в 1914 г. когда немцы подошли к Парижу, было введено *осадное положение*. Только в одной столице, в глубоких рвах Венсенского форта за несколько дней были расстреляны сотни воров, хулиганов и прочих элементов, особо опасных в военное время¹³⁴⁵. Американцы также наверняка страдали от бескультурья. В 1906 г. из-за грабежей, начавшихся во время землетрясения в Сан-Франциско, войскам был отдан приказ стрелять на поражение. Силами правопорядка всего за месяц было убито более 500 человек, при общем количестве жертв землетрясения около 3 000 человек.

Деникин, по-видимому, так же был далек культуры. Ведь в декабре 1919 г. Генерал, хоть и запоздало, но изложил свой политический курс в «наказе», включающем такие положения: «Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи — не пугать только, а осуществлять их... **Смертная казнь — наиболее соответственное наказание**... Местный служилый элемент за уклонение от политики центральной власти, за насилия, самоуправство, сведение счетов с населением, равно как и за бездеятельность — не только отрешать, но и карать»¹³⁴⁶.

Что касается большевиков, то их противник, один из лидеров меньшевиков А. Мартынов, анализируя стихию террора, приходил к выводу: «Когда власть в стране завоевал пролетариат, все силы ада на него обрушились, и тогда для спасения революции организованный террор стал неизбежен. Но не было ли излишеств в применении террора со стороны обороняющейся советской власти? Да, наверно, были, хотя неизмеримо меньше, чем со стороны наступающей контрреволюции и бесконечно меньше, чем у нас было бы, если бы эта контрреволюция победила... Был ли террор Советской власти неизбежен? Могла ли она обойтись без казней в тылу фронта гражданской войны?.. Смертная казнь есть, конечно, варварство, излишняя, недостигающая цели жестокость, в условиях устойчивого государственного строя, когда государственный аппарат регулярно функционирует и когда преступника в девяти случаях из десяти может постигнуть законная кара. Но могли ли мы, революционеры, зарекаться, что не будем прибегать к смертной казни, в условиях обостряющейся борьбы революции с контрреволюцией... когда отказ от смертной казни равносителен провозглашению почти полной безнаказанности тяжких и опасных для государства преступлений? Я в Ялтушкове был свидетелем жестокой сцены: у мирных обывателей вырвался вздох облегчения, когда "чекист" на их глазах застрелил убежавшего с допроса участника бан-

ды, накануне убившей у нас ни в чем не повинную девушку. *Не жестокость, а инстинкт общественного самосохранения вызвал у мирной толпы вздох облегчения при виде расстрела бандита...*»¹³⁴⁷

В. Шульгин приводил другой пример: «Одесса спокон веков славилась как гнездо воров и налетчиков. Здесь, по-видимому, с незапамятных времен существовала сильная грабительская организация, с которой более или менее малоуспешно вели борьбу все... четырнадцать правительств, сменившихся в Одессе за время революции. Но большевики справились весьма быстро. И надо отдать им справедливость, в уголовном отношении Одесса скоро стала совершенно безопасным городом...»¹³⁴⁸

Тюрьмы

Большевистская «система властвования», основанная на арестах, отмечает «деспотию».

*С. Мельгунов, 1923 г.*¹³⁴⁹

Сколько же было заключенных? Например, в наиболее известном концентрационном лагере на Соловках в 1920 г. было 350 заключенных вместе с конвоем. Только в 1923 г. образуется СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) первыми заключенными были эсеры, меньшевики, анархисты, белогвардейцы, священники и уголовники. (С начала 1930 годов численность заключенных на островах выросла в сотни раз... Но это уже другая история.) В 1920 годах среднегодовая численность всех заключенных уголовных и политических во всех тюрьмах и лагерях Советской России не превышала 150 тыс. человек, т.е. менее 0,1% населения¹³⁵⁰.

Для сравнения в начале XXI в. в демократической России, как и у лидера демократического мира — Соединенных Штатов, в тюрьмах сидело 0,6—0,8% населения. Что касается начала 20-х годов XX в., то тогда в белофинских тюрьмах, уже после окончания Гражданской войны, сидело почти 3% населения страны¹³⁵¹. На Белом Севере России всего за два года через тюрьмы и концлагеря прошло почти 15% населения региона¹³⁵². В Белой Сибири сначала комучевцы, а

затем колчаковцы, устанавливая «народоправство», посадили менее чем за год правления в тюрьмы и концлагеря почти 7% населения подвластных им территорий¹³⁵³.

На конец 1918 г. в Советской России, по сведениям ВЧК, во всех местах заключения находилось чуть больше 42 тыс. человек. К концу июля 1919 г. было подвергнуто заключению 87 тыс. человек, из них 35 тыс. в тюрьмах и 9,5 тыс. в лагерях¹³⁵⁴. Для сравнения к концу 1918 г. в 78 тюрьмах только одной «белой» Сибири находилось около 75 тыс. человек¹³⁵⁵. Кроме этого, в 45 концлагерях, находившихся в ведении колчаковского правительства, от Урала до Приморья, по данным Штаба Сибирской армии всего за полгода оказалось почти 920 тыс. человек, из них более 520 тыс. использовалось в качестве рабской рабочей силы¹³⁵⁶.*

Но дело не только в количестве, заявлял Мельгунов, — в большевистских тюрьмах, утверждал он, условия содержания были гораздо хуже, чем у белых. Мельгунов приводил пример Пертоминского красного концлагеря, созданного на берегу Белого моря в конце 1919 г. По свидетельству ссыльных, «Лагерь устроен в старом полуразвалившемся здании бывшего монастыря, без печей, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания, без всякой медицинской помощи...» Но центральным местом ссылки, отмечает Мельгунов, стали Соловецкие острова, где в то время находилось свыше 200 заключенных. «Главное ее отличие от дореволюционной каторги состоит в том, что вся администрация, надзор, конвойная команда и т. д. — состоит из уголовных, отбывающих наказание в этом лагере. Все это, конечно, самые отборные элементы: главным образом чекисты, приговоренные за воровство, вымогательство, истязания и прочие проступки.... (заключенные) хо-

* Включая более 300 тыс. немецких и венгерских военнопленных Первой мировой войны.

дят босые, раздетые и голодные, работают минимум 14 ч. в сутки и за всякие провинности наказываются...: палками, хлыстами, простыми карцерами и "каменными мешками", голодом, "выставлением в голом виде на комаров"»¹³⁵⁷. В итоге, констатировал Мельгунов, «Обрекая людей на физическую и духовную смерть, власть "коммунистическая" с особой жестокостью создает условия существования, неслыханные даже в трагической истории русской каторги и ссылки»¹³⁵⁸.

Действительно, уголовники, став надзирателями, получив абсолютную власть над заключенными, не имели никаких моральных границ, сдерживавших их животные инстинкты. Как же обстояли дела с содержанием заключенных в белых тюрьмах и лагерях?

На том же Севере наибольшую известность приобрела тюрьма на острове Мудьюг в Белом море, созданная интервентами 23 августа 1918 г. Въезд туда для россиян воспрещался, комендант и его помощник по иронии судьбы были офицерами армии страны, когда-то провозгласившей знаменитую Декларацию прав человека и гражданина¹³⁵⁹. Опыт у коменданта уже имелся, он «служил перед этим по тюремному делу в какой-то колонии, где приобрел навык в обработке туземцев»¹³⁶⁰.

Столкнувшись однажды с тем, что происходило в этом лагере, не выдержал даже, союзный французам член правительства Северной области: «Трудно удержаться, не указав... на образцы худшего применения средневековой инквизиции на Мудьюге...»¹³⁶¹ Лишь в течение недели (март 1919 г.) на Мудьюге умерло 22 человека¹³⁶². Причины смерти — голод, цинга, тиф, гангрена, холод. К моменту посещения лагеря министром внутренних дел правительства Северной области В. Игнатьевым заключенных было около 300 человек, смертность составила свыше 30%, за пять месяцев. Об оставшихся Игнатьев писал: «Общее впечатление было потрясающее — живые мертвецы, ждущие своей очереди»¹³⁶³. К закрытию лагеря вымерло более половины заключенных, выжившие большей частью представляли собой полуживых безнадежных калек¹³⁶⁴.

Примеру «цивилизованных союзников» последовало и «белое» правительство ген. Миллера, в середине 1919 г. организовавшее каторжную тюрьму в бухте Иоканьга на пустынном мурманском побережье Белого моря. В тюрьму было сослано свыше 1200 человек, в основном политических. Начальником тюрьмы был бывший начальник Нерчинской каторги, «личность безусловно ненормальная», отмечал член правительства Северной области эсер Б. Соколов. «Режим Иоканьгской каторги, — вспоминал один из ее узников П. Чуев, — представляет собой наиболее зверский, изощренный метод истребления людей медленной, мучительной смертью»¹³⁶⁵. «Если бы мне кто-нибудь рассказал о нравах Иоканьги, то я бы ему не поверил. Но виденному собственными глазами нельзя не верить», — подтверждал Б. Соколов¹³⁶⁶. По его данным, «из 1200 арестантов 23 были расстреляны за предполагавшийся побег и непослушание, 310 умерли от цинги и тифа, и только около 100 через три месяца заключения остались более или менее здоровыми. Остальных, я их видел, иоканьгская каторга превратила полуживых людей. Все они были в сильнейшей степени больны цингой, с почерневшими, раздутыми руками и ногами, множество туберкулезных и, как массовое явление, — потеря зубов. Это были не люди, а жалкие подобию их. Они не могли передвигаться без посторонней помощи...»¹³⁶⁷ Сойти на берег в Мурманске после освобождения края от белых смогли только 127 мучеников Иоканьги¹³⁶⁸.

В центре Архангельска в губернской тюрьме условия были не намного лучше. По свидетельству начальника канцелярии генерал-губернатора подп. Драшусова: «При осмотре тюрьмы майор Картер был поражен тем весьма тяжелым положением, в котором находятся в тюрьме больные арестанты. Теснота помещения, отсутствие вентиляции, отсутствие ухода за тяжелобольными и крайний недостаток необходимых лекарств, несомненно, являются для большинства больных арестантов в тюрьме условиями убийственными, притом крайне мучительными...»¹³⁶⁹

Что касается знаменитого Соловецкого лагеря, то он стал использоваться для содержания заключенных с постановления того же «белого» правительства Северной области от 3 февраля 1919 г.: «Местом высылки назначается Соловецкий монастырь или один из островов Соловецкой группы, где возможно поселение высылаемых»¹³⁷⁰.

Как же обстояли дела у Верховного правителя России в Сибири? По данным Главного управления местами заключения, эпидемия тифа охватила 43 из 78 тюрем. Особое совещание по вопросу о причинах распространения эпидемии в Троицкой уездной тюрьме приходило к выводу: «Главными причинами заболевания были: переполнение тюрьмы заключенными, плохие санитарные условия... вследствие ветхости, сырости самого тюремного здания, отсутствие топлива, белья, постельных принадлежностей и одежды...»¹³⁷¹ Моботдел отвечавший за состояние лагерей сообщал в июне 1919 г.: «помещения лагерей оказались переполненными и скученность пленных дошла до крайних пределов, что способствовало развитию эпидемии тифа, а в данное время с наступлением жаркой погоды неизбежны и другие эпидемические заболевания, как-то холера, брюшной тиф, дизентерия и проч.». В сентябрьском докладе моботдела указывалось, что главной причиной страданий заключенных стал «холод, в результате давший очень большой процент смертности в некоторых лагерях»... наступающая зима «унесет в могилу... не одну сотню жизней»¹³⁷².

И это одна маленькая толика тех страшных фактов, которые накопились за историю Гражданской войны. Тем не менее, они говорят о том, что условия содержания в тюрьмах, как белых, так и красных мало, чем отличались между собой, за исключением самого количества заключенных. В «белых» тюрьмах и лагерях, как на Севере, так и в Сибири, по крайней мере, из доступных данных, доля заключенных (к численности населения данных регионов) в десятки раз превышала аналогичный показатель для Советской России.

Количество жертв

Сколько же было жертв красного террора? Ответ именно на этот вопрос дал такую широкую популярность книге С. Мельгунова:

При оценке количества жертв красного террора Мельгунов ссылается на «обобщающий очерк» комиссии, созданной Деникиным по расследованию злодеяний большевиков. Комиссия только за два года 1918—1919 гг. насчитала около 1700 тыс. жертв большевизма¹³⁷³. Однако, как пришли к выводу авторы исследования «Население России в XX веке», опубликованном в 2000 г., цифра, приводимая комиссией Деникина, не имеет никакого научного обоснования¹³⁷⁴. Историк С. Павлюченков в этой связи замечал, что «белогвардейская литература, бесспорно, впитала в себя элементы народного вымысла в описании красного террора»¹³⁷⁵. Мельгунов сам признавал низкую достоверность приводимых им данных: «Допустим, что легко можно подвергнуть критике сообщение хотя бы с.-р. печати о том, что во время астраханской бойни 1919 г. погибло до 4 000 рабочих. Кто может дать точную цифру? И кто сможет ее дать когда-либо? Пусть даже она уменьшится вдвое. Но неужели от этого изменится хоть на йоту сама сущность?»¹³⁷⁶

Мельгунов приводит и другие оценки, например, профессора Sarolea, который в эдинбургской газете «The Scotsman» № 7 ноябрь 1923 г. подводил такие итоги большевистским убийствам: «28 епископов, 1 219 священников, 6 000 профессоров и учителей, 9 000 докторов, 54 000 офицеров, 260 000 солдат, 70 000 полицейских, 12 950 землевладельцев, 355 250 интеллигентов и профессионалов, 193 290 рабочих, 815 000 крестьян. Автор не указывает источники этих данных. Надо ли говорить, что эти точные подсчеты, — отмечал сам Мельгунов, — носят, конечно, совершенно фантастический характер, но характеристика террора в России в общем у автора соответствует действительности»¹³⁷⁷.

Мельгунов приводил и свою методику, говоря о которой историк Ю. Емельянов отмечает: если у Мельгунова

счет расстрелянных и замученных идет на десятки и сотни тысяч, то у Солженицына — на миллионы и десятки миллионов¹³⁷⁸. Действительно, Солженицын далеко превзошел своего предшественника, даже несмотря на то, что у Мельгунова количество жертв красного террора так же считается миллионами, например, он оценивает количество жертв красного террора за наиболее кровавый 1920 г. в 1500 тыс. чел¹³⁷⁹. Определяя свой подход, Мельгунов пишет: «Среднюю (скромную) цифру (расстрелов) надо установить приблизительно 5 человек в день или помножив на 1000 застенков, — 5 000 и в год около 1,5 млн»¹³⁸⁰. Подобные подходы к оценке количества жертв вынудили Даниэля и Охотина, первых публикаторов книги «Красный террор» в СССР, предупредить читателей, что Мельгунов и «не претендовал на научное освещение событий»¹³⁸¹.

Действительно, очевидно, Мельгунова цифры и факты волновали далеко не в первую очередь. Зачем же он тогда писал книгу? Какую цель преследовал?

Направление поиска ответа на эти вопросы давал сам Мельгунов, указывавший на то, что вся его книга сводится к обвинению красного террора и оправданию белого: *«говоря о красном терроре, со спокойной совестью я мог в данный момент проходить мимо насилий эпохи белого террора»*¹³⁸². Мельгунов, даже не проходил мимо, а просто отрицал его: «Мы готовы не верить диким “похвальбам” о расстреле 900 новобранцев в день сдачи Самары или 120 пленных красноармейцев на ст. Чишма. Мы можем ослабить оценку подавления восстания в Сибирском полку, даваемую Майским, или докладов полк. Галкина об обстреле артиллерийским огнем непокорных деревень; мы пройдем мимо захвата заложников Комучем...»¹³⁸³ Дело уже не в цифрах и фактах. А в чем?

Ответ на этот вопрос звучит в словах даже в целом благожелательно относящегося к Мельгунову Емельянова, который, предваряя издание его книги, отмечал, что она «имеет большое политическое значение», «имеет явный публицистический характер... не лишена пристраст-

ности, автор ненавидит большевизм... (что) не способствует взвешенности суждений и выводов»^{1384,*}. Однако дело здесь не просто в пристрастности, а во вполне осознанном акте борьбы — *книга Мельгунова, не историческое научное исследование, а пропагандистский памфлет являющийся оружием идеологической войны*. И Мельгунов здесь был далеко не первым.

Та же деникинская комиссия по расследованию большевистских злодеяний, на отчеты которой ссылался Мельгунов, была учреждена *отделом пропаганды* Особого совещания при генерале А. Деникине¹³⁸⁵. Проблема, которую решала эта комиссия, заключалась в отсутствии собственной созидательной Белой идеи, но ради чего тогда продолжать борьбу? И тогда вместо созидательных идей, была выдвинута идея борьбы против варварства большевистского насилия. Она должна была служить разжиганию ненависти в целях повышения боевого духа войск и привлечения помощи союзников.

Эту данность констатировал сам Деникин: у нас «не было ни идеологов, ни исполнителей... К началу 1919 г. чахотинское учреждение (занимавшееся пропагандой) успело проявить свою несостоятельность в полной мере, и Особое совещание постановило учредить новый *Отдел пропаганды*, отпустив на него весьма крупные средства, чтобы с первых же шагов поставить широко это важное дело. Главная задача, возлагавшаяся на этот отдел, состояла в распространении по всей территории России и за границей правдивых сведений, как о большевизме, так и о борьбе, которая велась против него на Юге»¹³⁸⁶.

Главная цель создания отдела пропаганды, по словам Деникина, заключалась в том, чтобы «заставить сейчас, после заключения перемирия, их

* С. Мельгунов был руководителем «Союза Возрождения России» и «Тактического центра», ведущих борьбу с большевиками, неоднократно арестовывался, и в 1922 г. был выслан за границу.

войска (союзников) сражаться за Россию (а это) — выше сил какого бы то ни было правительства. А главное, здесь сейчас начинается такая кампания — демагогическая, взывающая к желанию покоя и мира, изображающая всех антибольшевиков реакционерами и реставраторами, что союзные правительства боятся дать сражение своим большевикам на непопулярном сейчас лозунге интервенции»¹³⁸⁷.

Но в конечном итоге работа *Отдела пропаганды* самим белым принесла больше вреда, чем пользы, признавал Деникин, прежде всего *«благодаря самому факту всеобщего отрицательного отношения к нему и недоверия ко всему, что носило печать "Освага"»¹³⁸⁸*. В то же время «кредиты на пропаганду и "осведомление" грозили достичь гомерических размеров»¹³⁸⁹. «Политические авантюристы всех рангов и калибров, ех-министры Особого совещания, голодные, оказавшиеся на мели осважники, случайные репортеры вчерашних столичных газет, — все эти дни и ночи напролет сочиняли обеими руками рецепты спасения России»¹³⁹⁰.

После окончания Гражданской войны в рядах этих «политических авантюристов» окажется и Мельгунов, который в годы написания «Красного террора» в 1926 г. становится одним из инициаторов и соредакторов еженедельника «Борьба за Россию», который открывался передовицей: *«Мы зовем к непримиримости. Мы зовем к борьбе... поднять чувство активности для борьбы с нею (коммунистической властью) вот наши главные задачи»¹³⁹¹*.

На практике эти «благие намерения» вели только к возбуждению новой войны, новой интервенции против России. Не случайно М. Горький в этой связи назвал *Мельгунова «достойным кандидатом в палачи»¹³⁹²*. «Именно демагоги и политиканы с нарочитыми всхлипываниями и причитаниями, — отмечал по этому поводу С. Павлюченков, — ведут толпы слепых к порогу нового террора»¹³⁹³. Мельгу-

нов относился к тем российским эмигрантам, которые, по словам Дж. Кейнса, *«больше ненавидят большевиков, чем любят Россию, — (и) заставляют нас принимать решения только на основе слухов, далеких от реальности»*¹³⁹⁴.

Что же касается количества жертв Гражданской войны, то Мельгунов в итоге сам был вынужден признать: «Оглядывая всю совокупность материала, легшего в основу моей работы, я должен, быть может, еще раз подчеркнуть, что в наши дни он не может быть подвергнут строгому критическому анализу — нет данных, нет возможности проверить во всем его достоверность. Истину пока можно установить только путем некоторых сопоставлений»¹³⁹⁵.

Действительно, в период написания книги «Красный террор» таких данных либо не было, либо они находились еще в слишком разрозненном виде, но они стали доступны уже во второй половине 1920-х гг.

Но начать стоит все-таки с сопоставлений, поскольку они задают систему координат, которая позволяет сделать оценку масштабов того или иного исторического события. Для временной и тематической корректности сопоставлений возьмем для сравнения только наиболее яркие примеры XX столетия, а также для наглядности — некоторых великих революций прошлого.

СРАВНЕНИЯ

Финляндия

Опыт Финляндии интересен тем, что он предшествовал российскому опыту террора и был одной из причин ожесточения гражданской войны в России с обеих сторон.

*И. Ратьковский*¹³⁹⁶

В Финляндии, по словам английского историка Д. Кигана, «готовность правых вступить в альянс с Германией после объявления в 1917 г. независимости спровоцировала левых сформировать собственную рабочую милицию.

В январе 1918 г. между ними начались сражения»¹³⁹⁷. Гражданская война шла между просоветски настроенными пролетариями индустриального Юга и националистами, аграрного Севера. Силы красных насчитывали около 90 тысяч человек, в основном рабочих, в распоряжении ген. Маннергейма было 40 тысяч, авангард которых составляли около 6 тысяч «егерей» 27-го финского батальона, воевавшего на стороне немцев с 1916 г. Кроме этого, немцы направили в помощь Маннергейму дивизию ген. Дер Гольца — 15 тысяч человек, а так же 70 тысяч винтовок, 150 пулеметов и 12 орудий¹³⁹⁸.

Русские большевики со своей стороны не смогли оказать помощи красным финнам, в соответствии с Брест-Литовским миром они отвели свои войска из Финляндии, чем не замедлил воспользоваться Маннергейм. Благодаря поддержке Германии, белофинны одержали победу и устроили массовый террор против побежденных, за масштабность которого в левых кругах победителей называли **мясниками (лахтари)**. Активный участник контрреволюции в Финляндии Сванлюг признавал: «мы избивали красных, не вникая в отдельных случаях, совершили ли они какое-либо другое преступление, кроме того, что они были красные...»¹³⁹⁹

Сообщения о жертвах белофинского террора публиковались советской периодической печатью почти каждый день, начиная с апреля 1918 г. Сообщения сопровождались многочисленными примерами: в Выборге 29 апреля за два дня было убито более 400 человек, в подавляющем большинстве местное русское население, не имевшее никакого отношения к красному движению¹⁴⁰⁰. В истории это убийство вошло под названием «**Выборгская резня**». После занятия Котки такая же участь постигла 500 человек, Генсильформа — 270, Раумо — 500 человек и т.д.¹⁴⁰¹.

Расстрелы пленных нередко предварялись изощренными пытками: «троим рабочим они разрубили головы топорами, у двоих вытащили мозги нару-

жу, иных били поленьями по лицу, расплющивая носы и скулы, иным отрубали руки..., отрезали языки, уши, выкалывали глаза...»¹⁴⁰² Морской министр Северо-Западного правительства, контр-адмирал Пилкин предупреждал в этой связи правительство Колчака, выразившего намерение призвать финнов на помощь: «Если финны пойдут [на Петроград]..., то при известной их ненависти к русским, их характере мясников... они уничтожат, расстреляют и перережут все наше офицерство, правых и виноватых, интеллигенцию, молодежь, гимназистов, кадетов — всех, кого могут, как они это сделали, когда взяли у красных Выборг»¹⁴⁰³.

Сотни людей погибли от пыток в концлагерях образованных в Финляндии летом 1918 г.¹⁴⁰⁴ Более многочисленными в лагерях были жертвы голода. В Экенассе из 800 заключенных от голода умерло 400, в Куокино из 3 тысяч — 800, в Свеаборге умерших только в первые дни — 40, а впоследствии — каждый третий из 6 тысяч заключенных¹⁴⁰⁵. В Таммерфорском лагере за период с 6 по 31 июня 1918 г. умерло от истощения, по официальным сведениям, 1347 человек¹⁴⁰⁶. Однако «реальные масштабы карательной политики, — отмечает И. Ратьковский, — были выше приводимых газетами»¹⁴⁰⁷.

Всего по официальным финским данным всего за 2,5 месяца Гражданской войны с обеих сторон погибло около 4 тыс. человек, еще 8 тысяч было расстреляно после войны и 12 тыс. умерло в концлагерях¹⁴⁰⁸. Советская печать, основываясь на свидетельствах финских эмигрантов, приводила данные о 20 тысячах расстрелянных красных финнах¹⁴⁰⁹. По данным американских исследователей, «за несколько недель маннергеймовцы казнили 20 тыс. человек; десятки тысяч были брошены в тюрьмы и концлагеря, где многие умерли от пыток, голода и болезней»¹⁴¹⁰. По словам Д. Кигана, «Общие потери в войне насчитывали 30 тысяч человек.

Это была большая цифра для страны с населением в три миллиона человек...»¹⁴¹¹

Согласно советским источникам, помимо боевых потерь, в 1918 г. в Финляндии, от белого террора погибло около 40 тыс. человек: во время Гражданской войны было казнено около 10 тыс. чел.; после победы расстреляно (по неполным данным) 15 817 чел.; в концлагерях от голода и антисанитарных условий умерло до 15 тыс. чел. По современным финским данным, которые приводит Т. Кески-сарья, в общей сложности за время Гражданской войны в Финляндии и после нее были убиты и умерли в концентрационных лагерях от болезней и недоедания 40 тысяч человек¹⁴¹². Если брать даже одних только убитых за 2,5-3 месяца войны, то они составили ~ 0,7% населения страны.

За первые 4 месяца после окончания войны финские суды рассмотрели 75 575 политических дел, приговорив к заключению 67 758 чел. Всего в тюрьмы было брошено 90 тыс. чел. — почти 3% населения страны, т.е. в 2-4 раза больше, чем было в сталинском ГУЛАГе всех заключенных вместе взятых уголовных и политических (или в 10 раз больше, если брать одних политических) даже в самые суровые периоды сталинских репрессий. В результате террора в Финляндии стала ощущаться столь сильная нехватка рабочей силы, что многих заключенных пришлось амнистировать. Доля погибших на уровне 13-16% в финских концлагерях более чем в два раза превышала долю умерших в сталинских лагерях за все 22 года (1931—1953 гг.) их существования.

Но главное для нашего исследования состоит в том, что финский белый террор предшествовал террору в России. Ситуация в Финляндии стала с пугающим для большевиков сходством повторяться летом 1918 г. в России по мере развития успехов чехословацкого корпуса и контрреволюции в Поволжье и Сибири. ***Для обеих сторон и белой, и красной белофинский террор стал живым, наглядным примером и уроком беспощадного, садистского отношения к противнику в Гражданской войне.***

Испания

Другой, более сравнимой по масштабам и продолжительности, является Гражданская война в Испании. В 1936 г. после демократической победы на выборах в Испании Народного фронта ген. Франко совершил антиправительственный переворот и установил фашистскую диктатуру. На помощь Испании фашистская Германия бросила легион «Кондор» — 50 тыс. солдат, Италия — 150 тыс. Против них в интербригадах сражалось примерно 40 тыс. добровольцев 35 национальностей. Число советских — не превышало 3,5 тыс. человек.

Боевые потери в Гражданской войне в Испании, по Урланису, составили 300 тыс. солдат и офицеров, еще 150 тыс. умерло от болезней — всего 450 тыс. человек. Общее количество погибших, включая гражданское население, достигло 1 млн человек¹⁴¹³. Т. Хью дает следующие цифры потерь: боевые — 320 тыс., от болезней — 220 тыс., от послевоенного террора — 100 тыс.¹⁴¹⁴ Сам он оценивает общее количество погибших от террора (в том числе послевоенного) в количестве 300—400 тыс. человек, при этом указывая: «В то же время существует предположение, что эти цифры были преуменьшены, что бы не создавать за границей слишком тяжелого впечатления об испанском национальном характере»¹⁴¹⁵.

Потери от террора во время Гражданской войны в Испании ¹⁴¹⁶

От рук националистов		От рук республиканцев	
Республиканец Р. Сендер	750 000		
Националист (глава отдела пропаганды) А. Бахамонте	150 000	По данным националистов	85 940
Т. Хью	40 000	С 18 июля по 1 сентября 1936 г.	75 000

Жестокость террора, насилия, пыток и изощренных убийств, в том числе священников, женщин и детей в Испании, соответствовали духу Гражданской войны, свиде-

тельства тому приводит Т. Хью. Кроме этого, после войны через франкистские тюрьмы прошло около 2 млн человек, или почти 6% населения страны. Даже «в 1942 г. в грязных, сырых и переполненных тюрьмах сидела 241 тысяча заключенных»¹⁴¹⁷. Эмигрировало из Испании 600—1000 тыс. человек. «Хроника человечества» приводит другие данные. Боевые потери 280 тыс. человек, потери мирного населения 15 тыс. человек, еще 25 тыс. умерли от болезней и голода¹⁴¹⁸.

Россия

За отсутствием соответствующих статистических данных точный размер потерь за время Гражданской войны в России установить практически невозможно. Не случайно существующие профессиональные оценки дают разброс от 8,9¹⁴¹⁹ до 14,3¹⁴²⁰ млн прямых потерь. Оценки общих демографических потерь находятся в пределах 20—28 млн чел.¹⁴²¹

Расчет демографических потерь можно провести следующим образом: по современным источникам население России (в границах 1926 г.) осенью 1917 г. составляло 147,6 млн чел., а на конец Гражданской войны (начало 1923 г.) в 139,3 млн чел.¹⁴²², при среднегодовом предвоенном (1908-1913гг.) естественном приросте населения России в 1,64% к 1923 г. население СССР должно было бы составить ~159,8 млн чел. Таким образом, демографические потери России/СССР за время Гражданской войны должны составить ~20,5 млн чел.¹⁴²³

Распределение потерь по видам представляет еще большую трудность, оценки здесь иногда различаются в разы. Тем не менее, некоторые ориентировочные расчеты возможны. Потери от эмиграции, по наиболее вызывающим доверие источникам, составили ~2 млн чел.¹⁴²⁴

Наиболее масштабные потери были связаны с резким снижением производства хлебов. В полном соответствии с формулой В. Покровского: «За сильным понижением урожаев и поднятием цен следуют в том же, а еще более

в следующем году увеличение смертности, уменьшение брачности, рождаемости и естественного прироста населения»¹⁴²⁵. Эту данность отчетливо подтверждает приводимый график:

**Разница между брутто и нетто рождаемостью*, в тыс. чел.
и урожай зерновых по отношению к среднему
за 1909—1913 гг. в %¹⁴²⁶**

* Брутто рождаемость, в данном случае, обозначает численность населения данной возрастной категории по переписи 1926 г. Нетто рождаемость рассчитана как ежегодное снижение численности каждой возрастной категории на 2,16% в соответствии с возрастной динамикой по Переписи 1897 г., для первых 10 лет жизни каждого поколения. (Рассчитано по: Статистический ежегодник России. 1913 г., с. 90—92. http://istmat.info/files/uploads/25514/stat_ezh_ri_1914-_1.pdf) Нетто рождаемость для 1926 г. рассчитана, как произведение потенциальной численности населения — 159,8 млн, чел. на уровень рождаемости 1913 г. — 4,3%. (Источник: Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. I, с. 2 http://istmat.info/files/uploads/17163/stat_1915_dvigenie_naselen.pdf)

Разница между брутто и нетто рождаемостью дала отрицательный прирост населения 13,5 млн чел.¹⁴²⁷ Конечно, эта цифра включает в себя не только снижение рождаемости*, но и рост детской смертности в неурожайные годы.

«Всякое народное бедствие, — замечал в этой связи Н. Рубакин в 1910 г., — а значит, и всякое препятствие для борьбы с ним, откуда бы оно ни шло, сейчас же увеличивает число покойников в народной среде, и прежде всего детей»¹⁴²⁸. «Так, например, в некоторых углах Казанской губернии в 1899—00 г. в кой-какие народные школы не было приема учеников, так как те, кто должен был поступать в этом году в школу, “сделались покойниками” 8-9 лет тому назад, в эпоху великого народного бедствия 1891-92 гг., которое, впрочем, не самое большое, и каких не мало в русской истории»¹⁴²⁹.

В отличие от рождаемости, для определения смертности в этот период есть только оценочные данные¹⁴³⁰. Поэтому здесь можно, с определенной условностью, обратиться к некоторым аналогиям, а именно к последствиям наиболее масштабного голода 1892 г. В 1891 г. урожайность зерновых снизилась на 30% от среднегодового уровня, что привело на следующий год к снижению естественного прироста населения на 66% (0,8 млн чел.) по 50 губерниям Европейской России¹⁴³¹. Несмотря на то, что голодающим оказывалась государственная и международная помощь, снижение естественного прироста на 80% было обеспечено за счет роста смертности¹⁴³².

Во время Гражданской войны помощь оказывать было уже не из чего, все государственные резервы были проданы за годы мировой войны. А между тем уже в 1917 г. общий сбор зерновых упал на 28% от среднего за 1910—

* Свою роль здесь очевидно сыграл и призыв мужчин на военную службу, всего к 1917 г. было призвано 47% всех кормильцев. (Головин Н.Н..., с. 83.)

1913 гг.¹⁴³³, т.е. практически на весь довоенный объем товарного хлеба, в то время, как потребность в нем, с мобилизацией армии, наоборот выросла. Производство же хлебов продолжало снижаться практически непрерывно, вплоть до 1921 г., достигнув падения — на 52%. Кроме этого, поставка продовольствия из аграрных районов в промышленные резко сократилась. Об этом может свидетельствовать рост разницы цен: например, если цена ржи уже к сентябрю 1917 г., по сравнению с 1914 г., в Одессе выросла в 3 раза, то в Москве в 5,2 раза¹⁴³⁴. В результате продовольственное обеспечение не только городов, но даже деревень центральной России упало значительно ниже показателя голода 1892 гг.¹⁴³⁵

Кроме этого, следует учитывать, что в суровых климатических условиях России выживание обеспечивается не только хлебом, но и теплом. Однако большевики уже к середине 1918 г. оказались практически полностью отрезаны от источников угля и нефти. Надежда оставалась только на дрова, но и их производство с 1916 г. по 1919 г. упало в 2,4 раза. В результате одновременного действия голода и холода избыточная смертность в годы Гражданской войны, очевидно, упала значительно ниже тех 20% (600 тыс. чел.), которые дал 1892 г.¹⁴³⁶ В то же время численность населения России с 1892 г. по 1917 г. (в границах 1926 г.) выросла в 1,7 раза, исходя из чего можно предположить, что среднегодовая брутто смертность находилась на уровне не ниже, чем 1 млн человек, или 5 млн человек, с 1918 по 1923 гг. Большая часть этой смертности, очевидно, приходится на детей младших возрастов, избыточная смертность взрослого населения от данных причин составила примерно в 1—2 млн чел.

Помимо голода и холода, другим масштабным фактором повышения смертности стали инфекционные заболевания.

Заболеваемость в армии начала расти уже с первых дней войны. Положение к февралю 1917 г. передавал А. Деникин: «Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболевали тысячами; из нетопленных

румынских вагонов, не приспособленных для больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах»¹⁴³⁷. После этого мировая, а затем Гражданская война и интервенция непрерывно продолжались для России еще почти пять лет!

Британская миссия в сообщении своему МИДу в те годы находила причины высокой смертности в России в том, что «чрезвычайно трудно победить болезнь в Сибири из-за повсеместно неадекватного медицинского обслуживания, антисанитарии в местных жилищах и негигиенических привычек населения». П. Флеминг относил это на счет того, что «личная гигиена никогда не была сильной стороной русских»¹⁴³⁸.

Однако, например, за время Первой мировой войны удельная доля солдат и офицеров, умерших от болезней в русской армии, оказалась ниже, чем в английской, французской или немецкой¹⁴³⁹. Основной причиной роста смертности от болезней явились не привычки русских, а продолжительность войны: об этом наглядно свидетельствовала динамика нарастания заболеваемости в армии, которая с 1914 по 1917 г. выросла в почти в 10 раз¹⁴⁴⁰.

Другим примером может являться смертность от испанки, унесшей в менее чем за год (1918/1919) только в Германии, почти 0,6 млн чел. ~ 1% населения¹⁴⁴¹. В Германии «в результате недоедания растет поколение с малокровием, недоразвитыми мышцами, суставами и мозгом», — сообщала «Нойе Фрайе Прессе» от 31 мая 1919 г. Врачебная комиссия, составленная из представителей медицинских факультетов Голландии, Швеции и Норвегии, писала в своем докладе: «туберкулез распространяется угрожающими темпами, особенно среди детей. Также все более распространяется и рахит... В настоящее время взрослый туберкулез практически смертелен и является причиной 90% смертей в больницах. Ничего нельзя сделать из-за нехватки продовольствия...»¹⁴⁴²

Но для Германии и всего мира война закончилась в 1918 г., в России же интервенция продолжила тотальную войну в самой холодной стране мира до конца 1921 г.

По мнению представителей Лейбористской партии Великобритании, посетивших страну Советов в 1920 г., основной причиной роста смертности от инфекционных заболеваний в России являлась ее международная блокада: **«Блокада... есть корень ужасных бедствий, которым Россия подвержена в настоящее время...** Вызывающим наибольшее опасения результатом политики блокады оказалось отсутствие санитарно-гигиенических средств. Эпидемии сыпного и возвратного тифа охватили всю страну... В 1918—1919 гг. имелось более миллиона случаев сыпного тифа, причем ни один город или деревня в России или Сибири не избежали заражения. В добавок к этому, случались эпидемии холеры, испанки и оспы. Мыло, дезинфицирующие средства и лекарства, необходимые для лечения этих болезней, отсутствовали в России из-за блокады. 200 или 300 тысяч русских умерло только от сыпного тифа, половина докторов, осуществлявших уход за больными тифом, умерла при исполнении обязанностей»¹⁴⁴³.

Конечно, холод, неустроенность и отсутствие санитарных средств внесли свой вклад в рост заболеваемости, но главной причиной был все же голод. Задолго до революции, в 1905 г. известный экономист И. Озеров отмечал в этой связи, что **в России «особенно характерной болезнью дурного питания является сыпной, или так называемый голодный тиф»**¹⁴⁴⁴.

На Юге России эпидемия разразилась в конце 1918 г., о ее характере говорит сообщение начальника гарнизона станицы Мечетинской: «У меня свыше шести тысяч тифозных... В местных лазаретах творится нечто ужасное. Помещение рассчитано максимум на сто-двести человек, а там находится от тысячи до двух тысяч. Медицинского персонала нет. Лежат все вповалку как попало. Каждую ночь умирает в каждом лазарете человек по двадцать — тридцать. За

отсутствием санитаров они лежат несколько дней и больные, выходя во двор, вынуждены ступать по трупам... Вывезти больных некуда: везде то же самое. Все станицы переполнены, города также: везде то же самое...»¹⁴⁴⁵

На Западе интернированным эстонцами белогвардейцам, по словам одного из участников событий — Г. Гроссена, «был уготован нарвский мешок со вшами». «Восточная часть Эстонии покрылась многочисленными могилами солдат и офицеров русского воинства»¹⁴⁴⁶. Аналогичная судьба была уготована десяткам тысяч красноармейцев, погибших в 1919—1920 гг. в польских концлагерях.

Ген. И. Данилов, попав в Бутырскую тюрьму, писал, что там в течение зимы 1919—1920 гг. только от сыпного тифа умирали десятки человек ежедневно. Он же приводил воспоминания офицера Уральского Казачьего Войска, который утверждал, что: «Не большевики нас сломили, а тиф, который занесли к нам большевики. Ведь общее число Казачьего Войска было 160 тыс. человек, теперь же нас осталось всего 40 тыс. На протяжении десятков верст можно было встретить станицы без одной живой души. Все вымерло»¹⁴⁴⁷. И это только в одной Уральской области. Откуда появился на Урале «большевицкий тиф» докладывал Колчаку начальник уральского края Постников: «В губерниях тиф, особенно в Ирбите. Там ужасы в (конц)лагерях красноармейцев: умерло за неделю 178 из 1600... По-видимому, они все обречены на вымирание... а зараза распространяется на весь город»¹⁴⁴⁸.

«Когда наши войска вступили за Урал и в Туркестан, — вспоминал нарком здравоохранения Н. Семашко, — громадная лавина эпидемических болезней... двинулась на нашу армию из колчаковских и дутовских войск. Достаточно упомянуть, что из 60-тысячной армии противника, перешедшей на нашу сторону в первые же дни после разгрома Колчака и Дутова, 80% оказались зараженными тифом...»¹⁴⁴⁹ Колчак, говоря о своей армии, отмечал: «некоторые корпуса представляют собой движущийся лазарет, а не воинскую силу. Дутов пишет мне, что в его оренбургской армии свыше 60% больных сыпным тифом, а докторов и лекарств нет»¹⁴⁵⁰.

Один из очевидцев, описывавший отступление колчаковский армии, вспоминал: вдоль «полотна великого Сибирского пути эпидемия начала косить людей без жалости и без разбора. Тысячи больных в непосредственной близости со здоровыми увеличивали число жертв. Попытка сдавать тифозных в поезда не помогала, т.к. везде выяснялось отсутствие медицинской помощи и самого необходимого для ухода за больными. Здоровые бежали в панике, а больные оставались на произвол судьбы и гибли. Вскоре можно было видеть чуть ли не целые эшелоны, груженные окоченевшими трупами, которые стояли ужасающими приведениями на запасных путях железнодорожных станций»¹⁴⁵¹.

У отступавших колчаковских войск «более постоянной и более настойчивой и гораздо более острой была боязнь заболеть тифом», чем страх перед преследующей их Красной армией. Невозможно даже приблизительно сказать, сколько десятков тысяч людей умерло в ту зиму от тифа, — пишет П. Флеминг. — В одном только Новониколаевске с ноября по апрель от тифа умерло 60 тысяч человек.... Мужчины, женщины и дети мерли как мухи... Часто люди, оказавшиеся в изоляции, умирали целыми вагонами. Никто не знал, сколько людей убил именно тиф, а сколько слишком слабых, что бы топить печку, — холод. Все трупы... складывали, как дрова»¹⁴⁵².

Красноармейцы, по данным П. Кенеза, пострадали от болезней еще сильнее, так как имели худшие санитарные условия, испытывая недостаток медикаментов¹⁴⁵³. Не случайно В. Ленин в своем выступлении на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. заявлял: «третий бич на нас надвигается — вошь, сыпной тиф, который косит наши войска... нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств... Или вши победят социализм или социализм победит вшей»¹⁴⁵⁴. Еще в начале 1919 г. была создана Чрезвычайная военно-санитарная комиссия, летом был издан дек-

рет о мобилизации медперсонала. Поголовная вакцинация Красной армии и флота началась с 1920 г.¹⁴⁵⁵

Всего от острых инфекционных заболеваний, по данным Наркомздрава, приводимым Е. Волковым, за 5 лет 1918—1922 гг. умерло в Европейской части России, без Северного Кавказа и Украины ~ 3,1 млн чел.¹⁴⁵⁶ Если принять в расчет всю территорию России, то, очевидно, более полно общую картину отразит оценка В. Данилова ~ 5,1 млн чел.¹⁴⁵⁷ Большую часть умерших от инфекционных заболеваний, так же как и от голода, составили очевидно дети младших возрастов, потери взрослого населения можно оценить ~ в 1-2 млн чел.

Военные потери

При расчете военных потерь более или менее достоверные данные есть только по Красной армии¹⁴⁵⁸. Но и они колеблются в широких пределах, например, Б. Урланис непосредственно к боевым потерям (погибшим) Красной армии относил 125 тыс. человек¹⁴⁵⁹, а современные авторы, включая партизанские отряды, говорят об общем размере потерь в 1150—1250 тыс. человек¹⁴⁶⁰. Представление о распределении потерь дают статистические данные, приведенные в справочнике под редакцией Г. Кривошеева:

Общее число людских потерь Красной армии за время Гражданской войны и интервенции, чел.¹⁴⁶¹

	Общее число	В том числе	
		1918-1920 гг.	1921-1922 гг.
Убито и умерло на этапах санитарной эвакуации	259 213	249 294	9 919
Пропало без вести и не вернулось из плена	101 045	86 330	14 715
Умерло от ран и болезней в лечебных учреждениях.	616 605*	407 209	213 274
Итого безвозвратных потерь	980 741	742 833	237 908

* Из них от инфекционных болезней ~ 370 тыс. (Рассчитано по: Россия и СССР в войнах..., с. 131.)

Боевые потери белых армии Б. Урланис оценивает в 175 тыс. человек¹⁴⁶², и добавляет к ним санитарные потери в 150 тыс. солдат и офицеров, умерших от болезней¹⁴⁶³. Потери всех остальных участников Гражданской войны: украинских, среднеазиатских и прочих националистов, крестьянских, казачьих и кулацких восстаний, зеленых, махновцев, партизан и т.п. оцениваются исследователями в 500—780 тыс. человек¹⁴⁶⁴. Из которых, очевидно, непосредственно к боевым потерям относится не более половины.

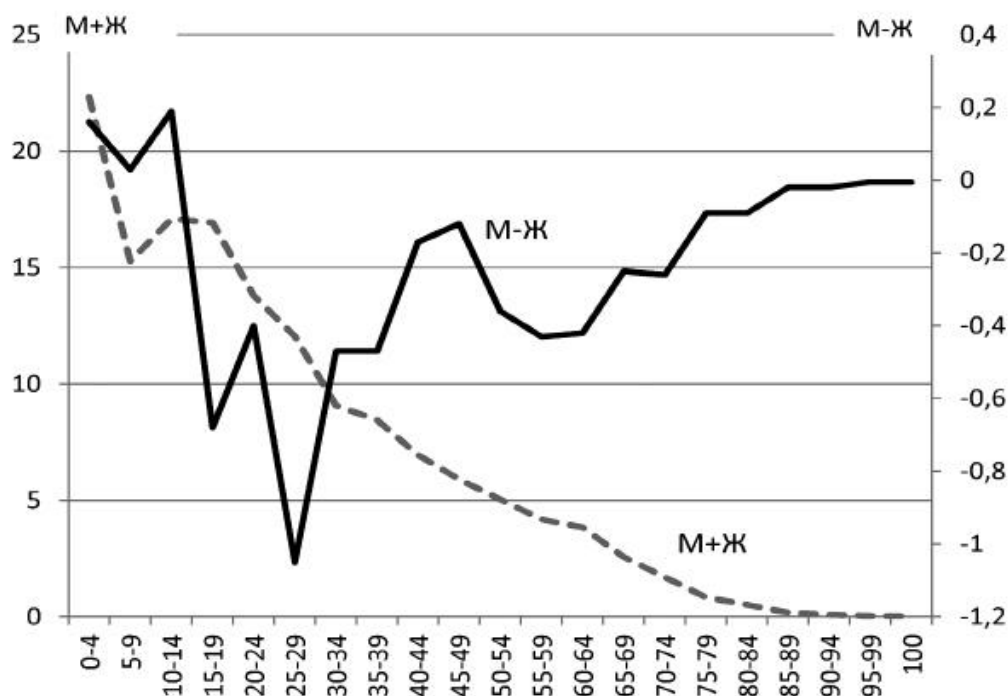
Современные исследователи считают оценку потерь белых армий, сделанную Б. Урланисом, неполной и полагают, что общие безвозвратные потери всех вооруженных сил в Гражданской войне составили 2,5—3,3 млн человек¹⁴⁶⁵. Однако данные демографического баланса позволяют оценить максимальные размеры безвозвратных потерь не более чем в 2,1 млн человек:

Данные переписи 1920 г. дают перевес численности женского населения над мужским в размере 9,2 млн человек¹⁴⁶⁶. Из этого количества необходимо вычесть: потери в Первой мировой ~ 2,2 млн¹⁴⁶⁷ и служивших на момент переписи в армии ~ 4,9 млн¹⁴⁶⁸ в результате половой баланс сводится с дефицитом мужского населения в ~ 2,1 млн чел. Близкий результат дают и расчеты на основании переписи 1926 г., по которой дефицит мужского населения на 1923 г. в возрасте от 16 до 66 лет, составил ~ 4,3 млн чел., что за вычетом потерь в Мировой войне показывают дефицит мужского населения в размере ~ 2,1 млн человек¹⁴⁶⁹. Притом, что накануне Первой мировой, в целом по Российской империи, половой баланс сводился почти в ноль.

В 1926 г.: дефицит мужского населения в среднем по СССР составил — 3,4% к численности населения, в частности: по РСФСР — 4,5%; Северо-Кавказскому краю — 3,7%; Украине — 2,8%, а в Закавказье наоборот был профицит + 2,7%¹⁴⁷⁰.

Как видно из графика основной пострадавшей категорией среди мужчин стала молодежь.

**Баланс мужского и женского населения СССР
по возрастам в 1926 г., млн чел.¹⁴⁷¹**

Очевидно, что эти общие потери в Гражданской войне не включали в себя и жертвы террора. Особую остроту он приобретал в районах ведения боевых действий, имея целью как подавление сопротивления и устрашение противника, так и являясь эмоциональным проявлением мести или первобытных инстинктов, разбуженных царящим насилием и безвластием. Количество жертв террора в боевых условиях можно представить, как процент от численности боевых потерь противоборствующих вооруженных формирований. Если принять его в размере ~50% от всех убитых и умерших на этапах эвакуации, не вернувшихся из плена и пропавших без вести для Красной армии¹⁴⁷², то число жертв террора всех противоборствующих армий составит не более 400 тыс. человек.

В это количество входят и жертвы тылового террора: против идеологических противников, от подав-

ления крестьянских и казацких восстаний, террора победителей против побежденных в Крыму и на Севере России. Нередко этот вид террора касался не только мужчин, но и женщин, и даже детей, однако они все-таки являлись исключением и составляли относительно небольшой процент потерь.

Таким образом, общее количество жертв террора можно потенциально оценить примерно в 0,4 млн чел. или ~ 0,3% населения России 1917 г., в границах 1926 г. Конечно погрешность подобных оценок достаточно велика, но она не меняет их в принципе, что позволяет отнести все разговоры о миллионах жертв красного террора не более чем к Большой лжи, не имеющей к реальности никакого отношения*. Эта ложь является совершенно осознанной, и является ничем иным, как орудием продолжения Гражданской войны и интервенции в других формах.

Демографические потери населения в Гражданской войне в России составили 20,5 млн чел. или ~15% населения 1917 г. (в границах 1926 г.), из них погибшими и умершими ~8%, в том числе от террора ~0,3%, — много это или мало?

Для сравнения всего за 4 месяца во время французской революции 1793 г. французы посредством гильотины публично обезглавили не менее 17 тыс. своих соотечественников, среди них оказались ученый А. Лавуазье и поэт А. Шенье...**. Но это было лишь начало. Пример последовавших массовых казней приводил В. Ревуненков: «выводят приговоренных к смерти на равнину... — и там расстреливают их картечью, расстреливают «пачками» по 53, 68, даже по 209

* Той самой Большой лжи, о которой А. Гитлер писал в «Майн Кампф»: «чем больше ложь, тем быстрее в нее поверят».

** Из числа гильотинированных дворяне составили 6,25%, священники — 6,5%, представители «третьего сословия» — то есть прежде всего крестьяне, рабочие, ремесленники — 85%.

человек». Были «изобретены» и другие виды массовых казней — например, тысячами людей стали «набивать барки», которые затоплялись затем в реках¹⁴⁷³. Подавление наиболее известного восстания в Вандее привело к гибели от 0,5 до 1 млн человек¹⁴⁷⁴. Всего за период с 1789 по 1815 гг. 0,6-2 млн гражданских лиц были казнены или убиты, что составило 2-7% населения Франции.

Кроме этого, «Французская революция, — отмечал В. Кожин, — отличалась от русской более открытой, обнаженной жестокостью. Все делалось публично и нередко при активном участии толпы — в том числе и такие характерные для этой революции акции, как вспарывание животом беременным женам ее “врагов” — то есть превентивное уничтожение будущих вероятных “врагов” — или... на “более ранней стадии” — так называемые “революционные бракосочетания”, когда юношей и девушек, принадлежавших к семьям “врагов”, связывали попарно и бросали в омут...»¹⁴⁷⁵

К этим потерям необходимо добавить 1,2 млн французских солдат и офицеров, павших за время походов «революционной армии» Наполеона, направившего выход революционной энергии и насилия вне страны. Как замечал в этой связи К. Маркс: Наполеон «завершил терроризм, поставив на место перманентной революции, перманентную войну»¹⁴⁷⁶. Суммарные прямые потери только одной Франции за революционный период достигли 10-15% численности ее населения. Более или менее точного количества погибших история дать не может, но одно, отмечает Б. Урланис, является фактом: «Урон был настолько значителен, что французская нация так и не смогла от него оправиться, и... он явился причиной уменьшения роста населения во Франции на протяжении всех последующих десятилетий»¹⁴⁷⁷. Так, если население Великобритании в течение XIX в. выросло на 131%, Германии — на 135%, Италии — на 115%, то Франции — всего лишь на 44%¹⁴⁷⁸!

Во время Гражданской войны в США погибло почти 610 тыс. человек¹⁴⁷⁹, от голода, ставшего следствием Гражданской войны, к 1865 г. — еще около 200 тыс. человек¹⁴⁸⁰, что в сумме составило 2,6% от общей численности населения. И это при том, что во время Гражданской войны в США не было иностранной интервенции, многократно катализирующей увеличение количества жертв.

В Чили в 1973 г. было замучено около 30 тыс. человек, что составило 0,3% населения¹⁴⁸¹. При этом в Чили фактически не было не только интервенции, но и самой Гражданской войны. Главным образом это был террор победителей против побежденных. Примерно 300 тыс. прошли сквозь лагеря и тюрьмы, т.е. около 3% населения, 500 тыс. чилийцев были высланы из страны.

Если общее количество жертв террора во время Гражданской войны в России можно рассчитать лишь с большой погрешностью, то их распределение вообще носит условный характер. Тем не менее, необходимость завершения общей картины требует его сделать. В первом приближении можно принять, что оно было пропорционально соотношению боевых потерь противоборствующих сторон. Ни одна из сторон не проявляла большей жалости или великодушия к захваченным или пленным противникам, по сравнению с другой. Ожесточенность и непримиримость борьбы не оставляла им другого выбора.

Во втором приближении, к потерям белых следует добавить жертвы террора победителей против побежденных в Крыму, в казачьих областях и на Севере России. Если исходить из этих предпосылок то потери красных от террора их противников можно ориентировочно оценить ~ в 40% общего количества жертв террора; белых, включая казаков, ~ в 30%; всех остальных, от белого, красного и взаимного террора, ~ в 30%.

Количество жертв террора

	Тыс. человек, тыс. чел.	В % от численности населения	Длительность гражданской войны, мес.	В концлагерях и тюрьмах, в %
Россия	400	0,3	40	
Финляндия	20	0,7	3	0,7
Испания	100	0,4	34	0,7
Чили	30	0,3	-	3

Данные расчеты говорят о том, что количество жертв террора во время Гражданской войны в России, несмотря на то, что она велась в несопоставимо более тяжелых условиях, не превышало величины аналогичных показателей сравниваемых стран. При этом удельные потери от левого (красного) террора в России не только не превышали, но и были в разы меньше, чем от правого (белого) террора, как например в Финляндии.

ЭПОХА ДИКТАТУР

Америка ведет войну только с чисто своей национальной психологической точки зрения — рекламы... Американская war for democracy — Вы не можете представить себе, что за абсурд и глупость лежит в этом определении цели и смысла войны. Война и демократия — мы видим, что это за комбинация, на своей родине, на самих себе.

*А. Колчак*¹⁴⁸²

Что такое абсолютная монархия, как не феодальная форма диктатуры, опирающаяся на религиозный догматизм, невежество и аристократию? Но даже здесь А. Герцен в середине XIX в. выделял: «Русское императорство... это военная и гражданская диктатура, гораздо больше схожая с римским цезаризмом, чем с феодальной монархией...»¹⁴⁸³ И к XX в. Россия подходила именно с этим традиционным для нее опытом развития. Не потому ли Н. Бердяев писал, что: «По русскому духовному складу революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологи были всегда тоталитарными, теократическими...»¹⁴⁸⁴

ПРИЗРАК ДЕМОКРАТИИ

Что касается России, то ищущие подлинную истину могут убедиться в том, до какой степени страшна господствующая там антидемократическая тирания и до чего ужасны совершающиеся там социальные и экономические процессы, грозящие вырождением. Единственным надежным основанием для государства является правительство, свободно избранное миллионными народными массами. Чем шире охват масс выборами, тем лучше. Отклоняться от этого принципа было бы губительно.

*У. Черчилль, декабрь 1918 г.*¹⁴⁸⁵

Первая русская революция 1905 г. поколебала вековые устои русского самодержавия, оставляя ему только два пути, о которых С. Витте докладывал Николаю II: «*при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода, или диктатура, или конституция*»¹⁴⁸⁶. Проект манифеста Витте о введении конституции категорически поддержал вл. князь Николай Николаевич мотивировавший свое решение «невозможностью, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре»¹⁴⁸⁷. Но «конституция» Витте продержалась менее двух лет. «Переворот» П. Столыпина 1907 г. «урезал демократию» и фактически установил «полудиктатуру». Для этого он объединил в своем лице посты премьер-министра и министра внутренних дел. Войска для подавления крестьянских беспорядков были возвращены из Маньчжурии и размещены в европейской части страны. Витте, указывая на диктаторские полномочия Столыпина, назвал его конституцию — «quasi-конституцией, а, в сущности, скорее — самодержавием наизнанку, т.е. не монарха, а премьера»¹⁴⁸⁸. М. Вебер назвал новый политический строй России «псевдоконституционализмом»¹⁴⁸⁹.

Однако с началом Первой Мировой и этого оказалось недостаточно. Первые результаты стали видны уже в начале мая 1916 г., когда на вопрос Председателя Государственной Думы М. Родзянко: «Скажите... что Вам недостает в России», представитель французского Правительства министр Тома отвечал: «***Нам недостает сильной центральной Русской власти, так как... Россия должна быть морально очень крепкой, чтобы переносить*** в критические минуты, которые мы сейчас переживаем, ***то состояние тихой анархии, которое царит в Вашей стране и прямо бросается в глаза***»¹⁴⁹⁰. Паралич власти прогрессировал. «Ведь только "видимость правительства" заседает у нас в Мариинском дворце», — восклицал начальник ГАУ ген. А. Маниковский осенью 1916 г.

Министр внутренних дел России А. Протопопов в своих показаниях, следственной комиссии Временного Правительства, рассказывал о состоянии стра-

ны к зиме 1916/1917 гг.: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль... пути сообщения — в полном расстройстве... двоевластие (Ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасающим беспорядкам... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, ощутился громадный недостаток рабочей силы... Общий урожай в России превышал потребность войска и населения; между тем система запрета вывозов — сложная, многоэтажная, — реквизиции, коими злоупотребляли, и расстройство вывоза создали местами голод, дороговизну товаров и общее недовольство...

Многим казалось, что только деревня богата; но товара в деревню не шло, и деревня своего хлеба не выпускала... Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций. Единственного пути к установлению цен — конкуренции — не существовало... Товара было мало, цены росли, развилась продажа «из-под полы», получилось «мародерство», не как коренная болезнь, а как проявление недостатка производства и товарообмена... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух, а это не ведет к победе. Упорядочить дело было некому.

Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много. Но направляющей воли, плана, системы не было и не могло быть при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля над работой министров. Верховная власть... была в плену у дурных влияний и дурных сил. Движения она не давала. Совет министров имел обветшавших председателей, которые не могли дать направления работам Совета... Работу захватили общественные организации: они стали «за (то есть вместо. — П.М.) власть», но полного труда, облеченного законом в форму, они дать не могли».

Таково было положение, при котором *мысль о диктатуре навязывалась сама собой. Вопрос этот был поставлен в Ставке начальником штаба генералом Алексеевым, который считал необходимым сосредоточить эти три ведомства в одном лице — «диктатора», который бы соединял гражданскую власть с военной. Диктатором должен был быть военный. Этот вопрос обсуждался в заседании Совета министров, в Ставке 27 и 28 июня 1916 г.»*¹⁴⁹¹ И «спустя месяц, в июле секретным приказом Штюрмер был назначен диктатором со всеми полномочиями»¹⁴⁹².

Но Штюрмер оказался бессилён организовать власть. И в январе 1917 г. у ген. А. Маниковского вырывался вопль отчаяния: «Условия работы боевых припасов все ухудшаются: заводы не получают металла, руды, угля, нефти; рабочие — продовольствия и одежды... Общее настроение здесь — задавленное, гнусное. А сильной власти — все нет как нет!»¹⁴⁹³

Революционный исход в этих условиях грозил вообще погрузить страну в хаос и анархию. На эту данность, по воспоминаниям эсера В. Станкевича, обращали внимание сами будущие творцы февральского переворота: «В конце января месяца мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с Керенским. Речь шла о возможностях дворцового переворота. К возможностям народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что раз вызванное, народное массовое движение может попасть в крайне левое русло, и это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны. Даже вопрос о переходе к конституционному режиму вызывал серьезные опасения и убеждение, что новой власти нельзя будет обойтись без суровых мер для поддержания порядка и недопущения пораженческой пропаганды»¹⁴⁹⁴.

Не случайно в день свершения февральской *либерально-демократической* революции, ее организаторы сразу же выдвинули кандидата на роль диктатора. По словам

С. Мельгунова: «со стороны Некрасова, несколько неожиданно для «левого кадета», в частном зале Госдумы... 27 февраля, было сделано... предложение о военной диктатуре и вручении власти популярному генералу... (А. Маниковскому)»*.

Николай II со своей стороны назначает военным диктатором ген. Иванова. Но уже 2 марта по требованию Временного комитета Государственной Думы начальник штаба Ставки ген. Алексеев предпринимает меры для отзыва ген. Иванова и выполнения требования председателя Временного комитета М. Родзянко: «Необходимо для восстановления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда... доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира 25-го армейского корпуса ген. — адъютанта Корнилова...»¹⁴⁹⁵

Помощь Л. Корнилова была нужна М. Родзянко для поддержания его собственных притязаний на диктаторские полномочия. Однако милюковская партия поспешила избавиться от Думы, оттеснив ее председателя Родзянко и поставив во главе **Временного правительства, объединившего законодательную, исполнительную и верховную власть (т.е. ставшего еще более авторитарным, чем даже царское правительство)**, безвольного кн. Г. Львова. Позднее лидер кадетов П. Милюков объяснит свой выбор следующими соображениями: «Было бы, конечно, нелепо обвинять князя Львова за неудачу революции. Революция — слишком большая и сложная вещь. Но мне казалось, что **я имею право обвинять его за неудачу моей политики**

* (Яковлев Н..., с. 320.) А.А. Маниковский очевидно действительно был выдающейся личностью. Его выделяли абсолютно все, например, В. Шульгин писал: «Среди них несколько генералов и самый замечательный — Маниковский, начальник главного артиллерийского Управления». (Шульгин В.В. Дни..., с. 119) «Маниковского все очень ценят как простого, дельного, умного, лишенного генеральствования начальника». (Лемке М.К..., 1916, с. 395)

в первой стадии революции. *Или, наконец, обвинять себя за неудачу выбора в исполнители этой политики?* Но я не мог выбирать, как и он “не мог не пойти”. Что же, спрашивал себя В. Шульгин: был лучше Родзянко? И он правильно отвечал, как и я: нет, *Родзянко был невозможен — ему “не позволили бы левые”!* А нам, кадетам, имевшим “все же кой-какую силу”, могли бы “позволить”? В обнаженном виде к этому сводился весь вопрос...»¹⁴⁹⁶

В этом признании П. Милюков отвечает на вопрос, почему новые «правые» не установили свою диктатуру? — не потому что не хотели, а потому, что не могли, поскольку не имели сил для преодоления сопротивления «левых». Под левыми же понимались, не большевики, а та самая расплавленная стихия «русского бунта», разбуженная февральской революцией, воплотившаяся в политическую силу в эсеро-меньшевистских Советах.

В апреле 1917 г. накануне организации коалиционного правительства лидер российских либералов П. Милюков вновь попытается вернуться к идее диктатуры¹⁴⁹⁷, но левые опять «не позволят» ему даже предложить этот вариант. Ген. В. Воейков по этому поводу замечал: *«По-видимому, временному комитету Государственной Думы не удалось организовать настолько, чтобы, по выражению Милюкова, быть в состоянии “загнать в стойла чернь, расчистившую Временному правительству дорогу к власти”»*¹⁴⁹⁸. Один из свершителей февральского переворота В. Шульгин оправдывался: «пулеметов у нас не было... Величайшей ошибкой, непоправимой глупостью всех нас было то, что мы не обеспечили себе никакой реальной силы. *Если бы у нас был хоть один полк, на который мы могли бы твердо опереться, и один решительный генерал — дело могло бы обернуться иначе. Но у нас ни полка, ни генерала не было... И более того — не могло быть...* В то время в Петрограде “верной” воинской части уже — или еще — не существовало...»¹⁴⁹⁹

Шульгин, столкнувшись с разбуженной «стихией», буквально впадал в отчаяние: *«Да, под прикрытием ее (мо-*

анархии) штыков мы красноречиво угрожали власти, которая нас же охраняла... Но говорить со штыками лицом к лицу... Да еще с взбунтовавшимися штыками... Нет, на это мы были неспособны. Беспомощные — мы даже не знали, как к этому приступить... **Как заставить себе повиноваться? Кого? Против кого? И во имя чего?...** Я убежден, что если бы сам Корнилов был членом Государственной думы, ему это не пришло бы в голову. Впрочем, нечто в этом роде пришло в голову через несколько дней члену Государственной думы казаку Караулову. Он задумал “арестовать всех” и объявить себя диктатором. Но когда он повел такие речи в одном наиболее “надежном полку”, он увидел, что если он не перестанет, то ему самому несдобровать... Такой же прием ожидал каждого из нас... Кому мог приказать Милюков? Своим “кадетам”? Это народ не винтовочный...»¹⁵⁰⁰

Оказавшийся неспособным справиться с бременем власти, первый либерально-буржуазный кабинет Временного правительства, уходя в отставку 25 апреля, оставил политическое завещание, которое гласило: «трудности только множатся и внушают серьезные опасения за будущее... строительство новых социальных устоев, укрепляющих основы нового общественного порядка в стране... далеко отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного режима. В таких обстоятельствах и ввиду отказа правительства вернуться к старым методам административного давления и другим неестественным способам повышения престижа власти тяжесть возложенной на Временное правительство задачи стала невыносимой... Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии несущий гибель свободы»¹⁵⁰¹.

Верховный главнокомандующий Русской армии М. Алексеев 20 (7) мая при открытии офицерского съезда в Ставке буквально молил: **«Где та сильная Власть, о которой горюет все государство? Где та мощная Власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг**

перед Родиной?»¹⁵⁰² В мае французский посол М. Палеолог в отчаянии восклицал: *«Русская революция может быть только разрушительной и опустошительной, потому что первое усилие всякой революции направлено на то, что бы освободить народные инстинкты: инстинкты русского народа по существу анархичны... Пусть русская революция примет какое угодно знамя, хотя бы даже черное, только бы это была эмблема силы и порядка...* Последний раз оглядываясь назад, я повторяю пророчество, которое... юродивый произносит в конце "Бориса Годунова": "Плачь, святая Россия, плачь. Ты погружаешься во тьму... Ты скоро умрешь"¹⁵⁰³.

«Именно в это время, — отмечал А. Керенский, — в кругу банкиров и финансистов возникла идея заговора с целью свергнуть Временное правительство. Эта дата свидетельствует, что они вступали в борьбу не против революционных "эксцессов", не против "слабого" правительства Керенского, а против самой революции и нового порядка вещей в России»¹⁵⁰⁴. Вместо Временного правительства, по мысли правых должна была быть установлена военная диктатура.

По словам Керенского, ген. Алексеев был первым кандидатом в диктаторы, однако в середине мая он был вовремя заменен на посту главнокомандующего ген. Брусиловым. Летом 1917 г. «в кандидаты на диктатора она («Маленькая газета» Сувориных с тиражом несколько сотен тысяч экземпляров, со стоящими за ними деловыми кругами) — сначала полегоньку, а потом без околичностей — выдвигала не кого другого, а адмирала Колчака...»¹⁵⁰⁵. И в июле Колчак с особой миссией был отправлен в Соединенные Штаты. *«Поиски генерала на белом коне продолжались»*¹⁵⁰⁶.

Тем временем, к лету 1917 г. деятельность Временного правительства привела к ситуации, о которой сам Милюков говорил: «В сущности, не менее катастрофическое положение уже не грозило, а было налицо в области народного хозяйства...»¹⁵⁰⁷. Лидер российских либералов приходил к выводу: *«Не отступление войск и отсутствие*

снарядов заботит русских людей, а глубокое функциональное расстройство самой страны. И именно оно повелительно ставит дилемму между диктатурой и сдачей власти...»¹⁵⁰⁸. Шульгин в отчаянии призывал: «хочу, чтобы ваша власть (Временного правительства) была бы действительно сильной, действительно неограниченной. Я хочу этого, хотя знаю, что сильная власть очень легко переходит в деспотизм, который скорее обрушится на меня, чем на вас — друзей этой власти»¹⁵⁰⁹.

Но, как вспоминал Деникин: «Вместо установления власти соответствовавшей военному времени, такие как (либерал) Вердеревский проповедовали, что «дисциплина должна быть добровольной. Надо сговориться с массой (!) и на основании общей любви к родине побудить ее добровольно принять на себя все тяготы воинской дисциплины. Необходимо, чтобы дисциплина перестала носить в себе неприятный характер принуждения»¹⁵¹⁰.

В те же дни английский посол Дж. Бьюкенен докладывал в Лондон: «я не держусь оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. *Россия не созрела для чисто демократической формы правления*». Бьюкенен подчеркивал, что «не принадлежит к тем, кто видит в республике панацею от прежних слабостей страны. *До тех пор пока образование не пронизало российские массы, они будут не более способны обходиться без сильного правителя, чем их славянские предки, которые в девятом веке пригласили северных викингов прийти и править ими, поскольку не было в их земле порядка...*»¹⁵¹¹

Английский историк Р. Чаркес также находил причины невозможности установления в России демократического правления в том, что «российский либерализм, стоявший за полную парламентскую демократию в империи, где более трех четвертей населения были неграмотны и жили на протяжении столетий в условиях ничем не сдерживаемого абсолютизма, был обречен на неминуемое поражение»¹⁵¹².

«В результате всеобщего признания несостоятельности установившейся власти в общественном сознании возник-

ла мысль о *диктатуре*, — вспоминал Деникин, — первые разговоры на тему о диктатуре (в виде легкого зондирования почвы) начали со мной различные лица, приезжавшие в Ставку, приблизительно в начале июня. Все эти разговоры настолько стереотипны, что я могу кратко обобщить их. — ***Россия неизбежно идет к гибели. Правительство совершенно бессильно. Необходима твердая власть. Раньше или позже нам нужно перейти к диктатуре***¹⁵¹³. 2 июня сами кадеты главные организаторы либерально-буржуазной февральской революции, выходят из правительства и «решают прекратить всякое сотрудничество с демократией и направить все усилия на подготовку условий для сотрудничества с иными силами на платформе военной диктатуры»¹⁵¹⁴. ***Это была уже третья попытка либеральных демократов, за последние 4 месяца, после Февральской революции, установить свою диктатуру.***

Через месяц к неизбежности установления военной диктатуры приходят лидеры Временного правительства и Советов: «В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3—5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство»¹⁵¹⁵. Сам Керенский по возвращении из действующей армии после неудачного наступления заявил журналистам: «главной задачей настоящего времени исключительного по тяжести событий, является концентрация и единство власти... Опираясь на доверие широких народных масс и армии, ***правительство спасет Россию и скует ее единство кровью и железом, если доводов разума, чести и совести окажется недостаточно***»¹⁵¹⁶.

Однако в условиях непримиримого противостояния праволиберальных и левых партий, для получения доверия «широких народных масс» Керенскому необходимо было выбрать «цвет» той силы, на которую он мог бы опе-

реться. Любой выбор, по мнению Керенского вел к немедленному началу Гражданской войны¹⁵¹⁷. Колебания премьер-министра привели к тому, что в том же августе «Лорд Роберт Сесиль обосновал точку зрения, что “этот лидер” (имелся в виду Керенский) никогда не найдет в себе внутренних сил для превращения своего режима в диктуемую обстановкой диктатуру»¹⁵¹⁸. «Общественность» так же «разочаровалась в нем, — отмечал Деникин, — как в возможном организаторе и главном деятеле изменения системы управления в сторону сильной власти», тогда уже «начались поиски другого человека»¹⁵¹⁹.

Тем временем правительственный кризис превращался в государственную катастрофу: «Участились и внешние проявления этого расстройств, особенно в обороне страны... производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство — на 60%), — отмечал Деникин. — *Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках.* В этих «новообразованиях» постепенно пропадал, вызванный первым подъемом революции интерес к политическим вопросам и разгоралась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы»¹⁵²⁰.

Военный атташе Великобритании в России ген. А. Нокс в августе докладывал своему правительству: «Конечно первое, что нужно, это восстановление дисциплины. Если это не будет сделано, то нет силы в мире, которая сможет спасти Россию от катастрофы. Вопрос только в том, произойдет ли последняя осенью или зимой»¹⁵²¹. В то же самое время, вспоминал Деникин: «офицерство просило и требовало *власти* над собой и над армией. Твердой, единой, национальной — “приказывающей, а не взывающей”. *Власти правительства, опирающегося на доверие страны, а не безответственных организаций.* Такой власти офи-

цество приносило тогда полное и неограниченное повиновение, *не считаясь совершенно с расхождением в области социальной*»¹⁵²².

«На состоявшемся в августе в Москве съезде несоциалистических общественных групп настроения нашей интеллигенции получили свою формулировку. Общую мысль и чувством ... было "создание сильной национальной власти, которая спасет единство России"... Патриотические мотивы играли основную роль в новых настроениях либеральной интеллигенции»¹⁵²³. «Подобное положение, — комментировал Н. Головин, — предрешало *тесный союз между либеральной интеллигенцией и командным составом армии, а так же ее тяготение не только к диктатуре, но и диктатуре военной*»¹⁵²⁴. Теперь, по словам Деникина, «*Страна искала имя*»¹⁵²⁵.

«Имя» скоро нашлось и вновь в лице ген. Л. Корнилова, который еще за день до ареста Николая II, 7 марта арестовал в Царском Селе императрицу с детьми. Корнилов утверждал, что он «*глубоко убежден, что единственное решение можно найти в установлении диктатуры и во введении военного положения и смертной казни по всей стране*»¹⁵²⁶. Он в ультимативной форме настаивал на немедленных «репрессиях..., на смертной казни, революционных трибуналах в тылу» и т.д.¹⁵²⁷ Керенский, определяя цель Корнилова, лишь повторял слова последнего — необходима «*военная диктатура*» (выделено в оригинале)¹⁵²⁸.

На сторону Корнилова встали будущие белые генералы Деникин, Лукомский, Кисляков, Марков..., которые «начали тотальное устранение всех командиров, сочувствовавших новым общественным организациям»¹⁵²⁹. Генералов, по словам Керенского, без малейшего промедления поддержали «союзнические военные миссии»¹⁵³⁰. «На улицах распространялись брошюры под заглавием «*Корнилов, национальный герой*», они бесплатно печатались в британской военной миссии и доставлялись в Москву, через английское посольство в Петрограде»¹⁵³¹. Военный министр Соединенного Королевства лорд Милнер

послал Корнилову письмо, в котором «одобрял идею военной диктатуры в России и благословлял необходимые для ее установления действия»¹⁵³². Английский посол Дж. Бьюкенен был целиком на стороне Корнилова, «желая ему преодолеть сопротивление, которое ему окажут в ближайшие дни»¹⁵³³. А британский ген. А. Нокс, по словам В. Чернова, был так тесно связан с корниловцами, что практически являлся участником заговора¹⁵³⁴.

«Союзники смотрят с тревогой на то, что творится в России, — сообщал посланник российского правительства, — *Вся Западная Европа — с Корниловым, и ее пресса не перестает твердить: довольно слов, пора приступить к делу*». Еще более определенное и вполне доброжелательное отношение сохранили к Верховному иностранные военные представители, — отмечал Деникин, — Многие из них представлялись в эти дни Корнилову, принося ему уверения в своем почитании и искренние пожелания успеха; в особенности в трогательной форме это делал британский представитель...»¹⁵³⁵.

Ведущие газеты союзников, от лондонской «Таймс» до французской «Фигаро», выступили в поддержку Корнилова. Наиболее точно их позицию отражал французский журнал «Опиньон», который писал: «Твердо установленная военная диктатура способна положить конец разлагающему влиянию византийских политиканов...», или сан-францисская «Кроникл»: «России нужен диктатор, и, похоже, что Корнилов больше, чем кто-либо другой подходит на эту роль»¹⁵³⁶.

Однако для водворения правой диктатуры в России моральной поддержки английских союзников оказалось недостаточно. Для установления диктатуры требовались реальные политические и материальные ресурсы. Результат их «поисков» оказался неожиданным для Деникина, и приводил его к печальному выводу: «Поддержка буржуазии?...

крупная денежная буржуазия, «небольшая по числу..., но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах». Буржуазия эта «подняла тревогу (в июльские дни), когда обнаружилась слабость Временного правительства, и предложила (Республиканскому центру) первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию... от очевидной тогда для них надвигавшейся опасности большевизма». Представители этой банковской и торгово-промышленной знати лично стояли вне организации, опасаясь скомпрометировать себя в случае неудачи...»¹⁵³⁷.

«Московская группа шла нам навстречу; петроградская нас избегала. У Рябушинского отнеслись более внимательно. Тем не менее, мы должны были сделать вывод: **мы — одни**»¹⁵³⁸. В итоге, как свидетельствовал Деникин: «Большое затруднение для нас представляло полное отсутствие денежных средств. Широкое субсидирование корниловского выступления крупными столичными финансистами, о котором так много говорил в своих показаниях Керенский, — вымысел. В распоряжении «диктатора» не было даже нескольких тысяч рублей, чтобы помочь впавшим в нужду семьям офицеров...»¹⁵³⁹.

«Поддержка русской общественности? Произошло нечто чудное: русская общественность внезапно и бесследно сгинула», — вспоминал Деникин, «У меня никого не было. (говорил Корнилов)... У Корнилова действительно никого не было. Все те общественные и политические деятели, которые если не вдохновляли, то, во всяком случае, всецело стояли на его стороне, предпочитали оставаться в тени в ожидании результатов борьбы»¹⁵⁴⁰. Один из лидеров либералов В. Маклаков еще ранее предупреждал в этой связи: «Передайте Корнилову, что ведь мы его провоцируем, особенно М(иллюко)в. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся»¹⁵⁴¹. В свою очередь «Правые смотрели на Корнилова только как на орудие судьбы, и на дело его — как на переходный этап к другому строю», — отмечал Деникин¹⁵⁴².

Поддержка командного состава армии? Его общие настроения отражал ген. Пржевальский, который выступил

против планов правой военной диктатуры: «Я остаюсь верным Временному правительству и **считаю в данное время всякий раскол в армии и принятие ею участия в гражданской войне гибельными для отечества**»... Еще более определенно высказался будущий военный министр полковник Верховский, объявивший в приказе по войскам Московского округа: «Бывший Верховный главнокомандующий (Корнилов)... в то самое время, когда немцы прорываются у Риги на Петроград, снял с фронта три лучшие казачьи дивизии и направил их на борьбу с правительством и **народом русским**»¹⁵⁴³.

Тем временем британский ген. А. Нокс информировал военный кабинет своей страны об отчаянной ситуации: «**Огромные массы солдат не желают воевать; в промышленности дело приближается к анархии; виды на урожай катастрофические**. Если Керенский выступит с предложением сепаратного мира, огромное большинство страны поддержит его». Русские не созрели для демократии. «Им нужно приказывать, что следует делать»¹⁵⁴⁴. Нокс заявлял о возможной «необходимости в поддержке попыток ген. Л.Г. Корнилова» «свергнуть в начале сентября правительство премьер-министра Керенского»¹⁵⁴⁵.

Британский представитель Нокс упрекал американского полковника Р. Робинса в том, что последний не поддерживает Корнилова. «Я не заинтересован в правительстве Керенского, — говорил **британский генерал**, — оно слишком слабо; **необходима военная диктатура, необходимы казаки, этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно**»¹⁵⁴⁶. Лорд Р. Сессил, как и британский военный кабинет заявляли, что обстановка в России диктует необходимость установления военной диктатуры: «ради интересов союзников и демократии вообще»¹⁵⁴⁷.

За Керенского вступились американцы, благодаря давлению которых, совещание дипломатов 11 стран, под председательством Бьюкенена, как дуайена дипломатического корпуса, поддержало Временное правительство против Корнилова.

Позиция США в отношении России формировалась под воздействием различных точек зрения: Госсекретарь США Лансинг «скептически относился к компромиссам Керенского с радикалами и считал провальными попытки привести к согласию умеренных и радикалов. В нормальном, по его выражению, революционном процессе России предстоит пройти через стадии, аналогичные этапам Французской революции: «Первая — умеренность. Вторая — террор. Третья — восстание против новой тирании и реставрация порядка непререкаемой военной силой. По моему мнению, деморализованное состояние будет ухудшаться и ухудшаться, пока не появится некая властная личность и со всем не покончит»¹⁵⁴⁸.

Американский представитель Уошберн сообщал, что «к зиме разразится кризис, который приведет к «необычайно суровому времени для России, когда повсюду будут звучать требования реставрации сильной власти любого рода»¹⁵⁴⁹. Советник американского президента Э. Хауз по-прежнему верил, что важнее поддерживать русскую демократию, чем пытаться поставить «Германию на колени». При условии сохранения демократии Хауз отнесся бы снисходительно к военным обязательствам России¹⁵⁵⁰. В итоге, заключал Уильямс: «В августе 1917 г. Соединенные Штаты решили оставить Россию с ее Февральской революцией, пока “нормальный процесс” революции не войдет в свое русло и не восстановится порядок с помощью произвольной военной силы». Уильямс приписывает эту политику Лансингу, «несмотря на предупреждения разных источников о ее крайней опасности»¹⁵⁵¹.

Причины неудачи корниловского мятежа В. Войтинский находил в том, что «Корнилов не был «слеплен» из материала, из которого история делает Цезарей и Наполеонов»¹⁵⁵². По мнению Керенского, «все генералы, особенно Алексеев, Рузский и Деникин, проявили полный недоста-

ток стратегического и политического мышления»¹⁵⁵³. Князь Г. Трубецкой: «Мое общее мнение о Корнилове состоит в том, что он, прежде всего, солдат не способный ухватить сложные политические вопросы, и в качестве такового он являет собой особенно замечательный образец нашего командного состава»¹⁵⁵⁴. Английский посол Дж. Бьюкенен: «Выступление Корнилова с самого начала было отмечено почти детской неспособностью его организаторов».

Но главное отмечал ген. Н. Головин, у Корнилова «не было в руках той силы при помощи, которой он мог бы осуществить диктатуру...»¹⁵⁵⁵. И действительно организаторские способности играли в данном случае далеко не главную роль. Корниловский мятеж был обречен изначально, что наглядно продемонстрировали последовавшие события: **«уже 29 августа, — отмечал Керенский, — стало очевидно, что вся реальная сила страны — против Корнилова... Корнилов оказался в абсолютной изоляции... мятеж был окончательно и бескровно подавлен. Корнилова не поддержала ни одна сколько-либо значительная политическая организация, он не мог опираться на силу какого-либо класса»**¹⁵⁵⁶. «Борьба с войсками ген. Корнилова закончилась без единого выстрела, — подтверждал лидер кадетов П. Милюков, — «Вопрос был решен не столько... стратегическими или тактическими успехами правительственных или корниловских войск. Вопрос решили... не полководцы, а солдаты»¹⁵⁵⁷. По словам Войтинского, **«казаки не хотели идти за ген. Корниловым против петроградских солдат и рабочих — и не пошли — этим исчерпывается реальное содержание корниловской эпопеи»**¹⁵⁵⁸.

После сдачи Корнилова, Верховным Главнокомандующим стал сам Керенский: «Временное правительство находит безотлагательным: наделить меня ради спасения НАШЕЙ страны, свободы и республиканского порядка властью принимать быстрые и решительные меры для искоренения какой бы то ни было попытки покушения на верховную власть в государстве и на права, которые граждане завоевали революцией»¹⁵⁵⁹. По словам В. Чернова, Ке-

ренский все больше склонялся к «политике Корнилова, без Корнилова». С четырьмя министрами он по сути организовал директорию¹⁵⁶⁰.

Член Директории, военный министр Временного правительства ген. А. Верховский отмечал, **«для борьбы с анархией также необходима сильная единоличная власть, как для командования армией, и в этом смысле означенная власть может считаться диктатурой»**¹⁵⁶¹. «Мольба о сильной, крепкой власти, — вновь взывал в сентябре ген. М. Алексеев, — думаю есть общая мольба всех любящих Родину и ясно отдающих себе отчет об ее истинном положении»¹⁵⁶².

Но никакой реальной властью Директория не обладала. После корниловского мятежа страна раскололась на два непримиримых лагеря, где умеренной Директории уже не было места. Прежние войсковые комитеты казались солдатам слишком «правыми». «Везде начали самочинно возникать “революционные трибуналы”, переименовавшиеся вскоре затем в военно-революционные комитеты...»¹⁵⁶³ В это время британский посол Дж. Бьюкенен с раздражением записывал, что военный министр Верховский «по-видимому, окончательно потерял голову и заявил, что Россия должна немедленно заключить мир и что когда мир будет заключен, то должен быть назначен военный диктатор для обеспечения поддержания порядка»¹⁵⁶⁴.

«Если не хотят мне верить и за мной следовать, — в свою очередь восклицал А. Керенский, — я откажусь от власти. Никогда я не употреблю силы, чтобы навязать свое мнение... Когда страна хочет броситься в пропасть, никакая человеческая сила не сможет помешать ей, и тем, кто находится у власти, остается одно: уйти!». И «с разочарованным видом он сходит со сцены». Французский посол М. Палеолог писал в недоумении: «Мне хочется ему ответить, что **когда страна находится на краю бездны, то долг правительства — не в отставку уходить, а с риском для собственной жизни удержать страну от падения в бездну**»¹⁵⁶⁵. «Тот факт, что правительство Керенского — ли-

беральное и частью социалистическое — оказалось способно оставаться у власти только 8 месяцев, — констатировал американский ген. В. Гревс, — ясно показывает, что русским было предназначено иметь или автократическое или крайнее социалистическое правительство»¹⁵⁶⁶.

Корниловский мятеж, по словам В. Ленина, стал для большевиков поворотной точкой: *«Либо диктатура Корнилова (если взять его за русский тип буржуазного Кавеньяка), либо диктатура пролетариата — об ином выходе для страны, проделывающей необычайно быстрое развитие с необычайно крутыми поворотами, при отчаянной разрухе, созданной мучительнейшей из войн, не может быть и речи»*¹⁵⁶⁷.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Во время гражданской войны «самым демократическим декларациям — грош цена, самые благие намерения остаются праздными, когда встречают сильное сопротивление среды; самые демократические формы правления не гарантируют от попрания свободы и права в те дни, когда эти ценности временно погасли в сознании народном, в те дни, когда право восстанавливается насилием, насилие претворяется в право».

А. Деникин¹⁵⁶⁸

В XVII веке либеральное государство Дж. Локка стало революционным прорывом в общественных отношениях, это была победа демократии и свободы над аристократичной, феодальной монархией. Но уже к середине XIX в. либеральный демократизм XVII в., по мнению классиков марксизма, выродился если не в подобие нового рабовладельческого строя, то во вполне очевидную диктатуру избранной элиты, ведь либерально-демократическое государство согласно Дж. Локку, Дж. Мэдисону, А. Смит... было призвано защищать и отражать права меньшинства,

за счет подавления большинства. По терминологии К. Маркса и Ф. Энгельса государство Дж. Локка к этому времени превратилось в «особую силу подавления», у В. Ленина в «диктатуру буржуазии», у С. Шарапова в «диктатуру капитала». Философ К. Леонтьев, отмечая эти тенденции в 1880 г., прогнозировал, что «тот слишком *подвижный* строй», к которому привел «эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века... должен привести или к всеобщей катастрофе», или же к обществу, основанному «на совершенно новых и вовсе уже не либеральных, а напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме»¹⁵⁶⁹.

Несмотря на то, что внешней формой выражения этой диктатуры была демократия, ее сущность от этого не только не менялась, но и приобретала более устойчивый характер. Указывая на эту данность, французский посол М. Палеолог отмечал: *демократия «не нарушая своих принципов... может сочетать в себе все виды гнета политического, религиозного, социального. Но при демократическом строе деспотизм становится неуловимым, так как он распыляется по различным учреждениям, он не воплощается ни в каком одном лице, он вездесущ и в то же время его нет нигде; оттого он, как воздух, невидим, но удушлив, он как бы сливается с национальным климатом. Он нас раздражает, от него страдают, на него жалуются, но не на кого обрушиться. Люди обыкновенно привыкают к этому злу и подчиняются. Нельзя же сильно ненавидеть то, чего не видишь. При самодержавии же наоборот, деспотизм проявляется в самом, так сказать, сгущенном, массивном, самом конкретном виде. Деспотизм тут воплощается в одном человеке и вызывает величайшую ненависть»*¹⁵⁷⁰.

Основой «нового деспотизма» К. Маркс считал буржуазное государство, в работе «Гражданская война во Фран-

ции» он утверждал: «Государственная власть после революции 1848—1849 гг. становится «национальным орудием войны капитала против труда». Рано или поздно, по словам Ф. Энгельса, эта «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатурой пролетариата)»¹⁵⁷¹. Умеренный Р. Гильфердинг, теоретический вождь каутскианства, вообще полагал, что человечество движется по эволюционному пути развития, на котором: «в гигантском столкновении враждебных элементов диктатура магнатов капитала превращается в диктатуру пролетариата»¹⁵⁷².

Маркс впервые употребил термин «диктатура пролетариата» в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Впоследствии, опираясь на опыт международного рабочего движения, Маркс сформулировал в «Критике Готской программы» (1875) следующий вывод: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата». Сущность диктатуры пролетариата классики марксизма изложили в «Коммунистическом Манифесте»: «пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии... Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал... и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹⁵⁷³.

Однако, как отмечал В. Ленин в своем анализе работ классиков: «открывать политические формы... будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к разрушению буржуазной государственной машины»¹⁵⁷⁴. Причины того, что Маркс не оставил никаких конкретных рекомендаций для политической организации в переходный период, Ленин

находил в том, что «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются, так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»¹⁵⁷⁵.

В программе большевиков «Положение о необходимости установления диктатуры пролетариата» было впервые закреплено в Программе РСДРП, принятой на 2-м съезде партии (1903). «Успех революции — высший закон, — подчеркивал на нем лидер меньшевиков Г. Плеханов, — И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или иного демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться»¹⁵⁷⁶. Однако подтверждая верность теоретическим постулатам марксизма, большевики применительно к реальным условиям России, совершенно иначе трактовали его практическое содержание.

Практическое понимание того, что большевики, на том этапе, понимали под диктатурой пролетариата, В. Ленин дал в июле 1905 г., в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»: «Решительная победа революции над царизмом, есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства... И такая победа будет именно диктатурой, то есть неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные, "легальным", "мирным путем", созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому, что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков и крупных буржуа и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контрреволюционные попытки невозможно. ***Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не сможет затронуть (без целого ряда промежу-***

точных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный и полный демократизм вплоть до республики, вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня...»¹⁵⁷⁷.

«Кроме, как в росте капитализма, нет залога победы над ним, — пояснял Ленин. Классовая борьба «не задерживает развитие капитализма, а ускоряет его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма». «Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический ("реалистический, демократический, активности полный") капитализм. Чем больше мы будем обличать перед рабочими капитализм за "жадность", тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта»¹⁵⁷⁸. «Каково будет социальное содержание этой диктатуры? Первым делом она должна будет довести до конца аграрный переворот и демократическую перестройку государства, — дополнял Л. Троцкий, — Другими словами, диктатура пролетариата станет орудием разрешения задач исторически запоздалой буржуазной революции»¹⁵⁷⁹.

Даже после февральской революции 1917 г. большевики вовсе не стремились к немедленному свершению социалистической революции. Троцкий объяснял настроение большевиков, в тот период, тем, что: «человеческое мышление консервативно, а мышление революционеров подчас — особенно. Большевистские кадры в России продолжали держаться за старую схему и восприняли Февральскую революцию, несмотря на то, что она явно заключала в себе два несовместимых режима, лишь как первый этап буржуазной революции... *Все руководящие большевики без изъятия — мы не знаем ни одного — считали,*

что демократическая диктатура еще впереди. После того как Временное правительство буржуазии “исчерпает себя”, установится демократическая диктатура рабочих и крестьян, как преддверие буржуазно-парламентарного строя»¹⁵⁸⁰.

Однако разгоравшийся «русский бунт», начавшаяся Гражданская война и интервенция похоронили возможность мирного развития событий, наоборот радикализовали их. Уже в марте 1918 г. В. Ленин констатировал: «нетрудно убедиться, что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а, следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т.е. Гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, — означающей тысячи и миллионы случаев колебания и переметов с одной стороны на другую, — означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса... Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*»... «Все средние решения — либо обман народа буржуазией, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость мелкобуржуазных демократов, Черновых, Церетели и Мартовых, с их болтовней о единстве демократии, диктатуре демократии, общедемократическом фронте и т. п. чепухе. Кого даже ход русской революции 1917—1918 годов не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть рукой»¹⁵⁸¹.

Гражданская война лишь укрепила Ленина в убеждении, что: **«в этой отчаянной войне не может быть никакой середины**, и для того, чтобы держаться, буржуазия должна расстреливать десятками и сотнями все, что есть

творческого в рабочем классе. Это ясно видно на примере Финляндии, это показывает теперь пример Сибири. Чтобы доказать, что большевики несостоятельны, эсеры и меньшевики начали строить новую власть и торжественно провалились с ней прямо к власти Колчака... Это показывает, что между диктатурой буржуазии и диктатурой рабочего класса середины быть не может»¹⁵⁸².

«Диктатура пролетариата — пояснял Ленин, — ... есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»¹⁵⁸³. При этом указывал Ленин: «Власть рабочего класса вырастает из конкретных условий освободительной борьбы каждого народа. Поэтому в разных странах она не может не приобретать различной формы. «Все нации придут к социализму это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»¹⁵⁸⁴.

«Чем грандиознее задачи, — добавлял Троцкий, — чем большее количество приобретенных прав и интересов они нарушают, тем концентрированнее революционная власть, тем обнаженнее ее диктатура. Плохо ли это или хорошо, но именно такими путями человечество до сих пор шло вперед»¹⁵⁸⁵. Бухарин давал «диктатуре пролетариата» экономическую трактовку: «Целью пролетарской диктатуры являются *ломка старых производственных отношений и организация новых отношений в сфере общественной экономики, "диктаторское посягательство"* (Маркс) на права частной собственности. Основной смысл пролетарской диктатуры как раз и состоит в том, что она есть *рычаг экономического переворота*»¹⁵⁸⁶.

Однако одного идеологического обоснования и желания диктатуры, недостаточно для ее установления, за ней прежде всего должна стоять сила, которая вызывает ее к жизни и соглашается ей подчиниться. И эта сила была порождена в ответ на вызовы брошенные Первой мировой,

революцией и вызванной интервенцией Гражданской войной. Эта сила отражала инстинкт коллективного самосохранения, требовавший для выживания сильной власти, опирающейся на самые широкие слои народа. Ни монархическое, ни либерально-демократические правительства, ни армейское командование не смогли найти необходимую опору и организовать эти силы. Это смогли сделать только большевики.

В условиях ожесточенной Гражданской войны **монополия большевистской партии была введена, решением VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г.** Партия должна была добиваться: «полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы, полного руководства всеми общественными организациями, и в первую очередь профсоюзами»¹⁵⁸⁷. **Введение монополии партии — прямое установление «диктатуры пролетариата»** было вызвано катастрофическим ухудшением экономической обстановки, явившимся следствием иностранной интервенции.

Закономерность подобного развития события, подчеркивал пример революционной Франции: «Железная диктатура якобинцев была вызвана чудовищно-тяжким положением революционной Франции... Иностранные войска вступили с четырех сторон на французскую территорию: с севера — англичане и австрийцы, в Эльзасе — пруссаки, в Дофинэ и до Лиона — пьемонтцы, в Руссильоне — испанцы. И это в такое время, когда Гражданская война свирепствовала в четырех различных пунктах: в Нормандии, в Вандее, в Лионе и в Тулоне... К этому надо прибавить внутренних врагов, в виде многочисленных тайных сторонников старого порядка, готовых всеми средствами помогать неприятелю»¹⁵⁸⁸.

Механизм осуществления «Диктатуры пролетариата» строился на принципах «демократического централизма»,

впервые упомянутых Марксом в 1847 г., и доведенных до логического конца Лениным в 1903—1908 гг. Принципы «демократического централизма» первоначально предназначались только для организации партии и включали в себя: «а) выборность всех руководящих органов партии снизу доверху; б) периодическую отчетность партийных органов перед своими партийными организациями и перед вышестоящими органами; в) строгую партийную дисциплину и подчинение меньшинства большинству; г) безусловную обязательность решений высших органов для низших»¹⁵⁸⁹.

После Октябрьской революции большевики, распространили действие принципов демократического централизма на все области государственной жизни. «Наша задача теперь, — заявлял Ленин, — провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т.п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»¹⁵⁹⁰.

Наибольшей проблемой было сохранение баланса между демократией и централизмом. По словам Троцкого «Сам Ленин говорил, что палку, изогнутую в одну сторону, пришлось перегибать в другую. Его собственная организационная политика вовсе не представляет одной прямой линии. Ему не раз пришлось давать отпор излишнему централизму партии и апеллировать к низам против верхов. В конце концов, партия в условиях величайших трудностей, грандиозных сдвигов и потрясений, каковы бы ни были колебания в ту или другую сторону, сохраняла необходимое равновесие элементов демократии и центра-

лизма. Лучшей проверкой этого равновесия явился тот исторический факт, что партия впитала в себя пролетарский авангард, что этот авангард сумел через демократические массовые организации, как профсоюзы, а затем Советы, повести за собой весь класс и даже больше, весь трудящийся народ. Этот великий исторический подвиг был бы невозможен без сочетания самой широкой демократии, которая дает выражение чувствам и мыслям самых широких масс с централизмом, который обеспечивает твердое руководство...»¹⁵⁹¹

С окончанием Гражданской войны троцкисты (левые коммунисты) выступили против демократического централизма, в целях развития партийного демократизма в виде фракционности. Позиция Троцкого, по его словам, основывалась на том, что демократический централизм оправдан лишь для конкретных исторических условий, при их изменении он может нести потенциальную угрозу обществу. Троцкий пояснял: «Демократизм и централизм, сведенные к отвлеченным принципам, могут, подобно законам математики, найти свое применение в самых различных областях. Не трудно чисто логически “предсказать”, что ничем не сдерживаемая демократия ведет к анархии или атомизированию, ничем не сдерживаемый централизм — к личной диктатуре... Поскольку централист Ленин казался мне чрезмерным, я, естественно, прибег к логическому доведению его до абсурда. Но дело шло все же не об абстрактных математических принципах, а о конкретных элементах организации, причем соотношение между этими элементами вовсе не оставалось неподвижным...»¹⁵⁹²

Позиция Троцкого находилась в полном соответствии с постулатами классиков марксизма: **временный характер централизма**, «диктатуры пролетариата» был установлен еще К. Марксом, по словам которого, «для уничтожения классов необходима **временная диктатура** угнетенного класса»¹⁵⁹³. Сам Ленин так же пояснял, что именно своим временным характером диктатура (единовластие) отличается от

деспотии: *«Единовластие... отличается от деспотизма тем, что оно мыслится не, как постоянное государственное учреждение, а как преходящая мера крайности»*¹⁵⁹⁴.

Однако X съезд РКП(б) (1921 г.) решительно осудил всякую фракционность и принял по предложению В. Ленина резолюцию «О единстве партии». По сути это был жест отчаяния и самопожертвования, об этом говорили, например, слова одного из лидеров большевиков К. Радека: «Голосуя за резолюцию, я чувствую, что ее можно легко обернуть против нас, и все таки я голосую за нее...» Пусть ЦК в момент опасности примет строжайшие меры против лучших членов партии, если сочтет это целесообразным... Пусть даже ЦК совершит ошибку! Она будет менее опасна, чем колебания, которые мы наблюдаем сегодня»¹⁵⁹⁵.

Троцкий, несмотря на свои опасения, в итоге так же безоговорочно встал на ленинскую позицию: *«Советский централизм вообще находится еще в зачаточном состоянии, а без него мы ничего не создадим ни в продовольственной, ни в других областях, ни тем более в военной области.* Армия, по своему существу, есть строго-централизованный аппарат, тесно связанный нитями со своим центром. Нет централизма — нет армии»¹⁵⁹⁶. Троцкий пояснял, что такой радикальный подход к централизму, был вынужденной мерой: *«Главнократический централизм в его нынешней форме может держаться лишь на основе чрезвычайного хозяйственного оскудения»*¹⁵⁹⁷.

«Возможно, русский коммунизм развивался бы совсем по другому, — отмечает в этой связи американский историк П. Кенез, *— если бы не горькая реальность Гражданской войны, которая способствовала развитию некоторых черт, не имеющих ничего общего с марксистской идеологией»*¹⁵⁹⁸.

* И действительно К. Радек, как и большинство ленинцев, зачастую вместе с семьями, будут репрессированы и погибнут во время террора 1930-х гг.

ПОЧЕМУ В РОССИИ НЕ ПОБЕДИЛ «ФРАНКО»

Мы проиграли Белую борьбу на всех рубежах — Северном, Южном, Западном и Восточном. Это уже не случайность, не перст судьбы, а определенное указание на то, что были какие-то общие причины, не позволившие нам выйти победителями.

Ген. Д. Филатьев¹⁵⁹⁹

О необходимости введения в России правой военной диктатуры уже 28 ноября 1917 г. заговорит министр британского военного кабинета лорд Р. Сесил, по его словам, вести переговоры с умеренными социалистами в России столь же бесполезно, как с большевиками, и какую-то надежду сулит лишь военная власть. Возможно, какой-нибудь генерал... возьмет на себя руководство, восстановит Восточный фронт и сбросит большевиков¹⁶⁰⁰. Госсекретарь США Лансинг убеждал американского президента В. Вильсона 10 декабря 1917 г.: «Только военная диктатура, опирающаяся на поддержку войск, способна гарантировать стабильность в России и ее участие в войне»¹⁶⁰¹. Секретарь посольства Франции в России 17 апреля 1918 г. сообщал: «То и дело происходят тайные сборища различных партий оппозиции: кадетов, эсеров и т.д. Пока это только "gasgavors", и вполне вероятно, что люди, неспособные договориться между собой и совместно действовать, так и не смогут ничего добиться. **Единственным режимом, могущим установиться в России, остается самодержавие или диктатура...**»¹⁶⁰²

Корреспондент британской военной миссии на Белом Юге России майор Годжсон сообщал: «Условия, создавшиеся ныне на Юге России, не подходят ни к какому принятым нами до сих пор понятиям о цивилизации. Разница между Россией и Англией так велика, что я могу объяснить ее лишь примерно: если бы любой английский городской совет был призван управлять

Россией, он справился бы лучше, чем все теперешние русские законодатели... Распушенность спекуляция и пьянство в данное время такие же враги России, какими были и раньше... Россия никогда не переставала пить водку, поэтому она проиграла войну... Вся страна нуждается быть взятой в крепкие руки. По моему мнению, строгая и справедливая диктатура наиболее подошла бы моменту...»¹⁶⁰³

К подобным выводам приходил и непосредственный участник событий А. Мартынов: «каждый раз, когда мутная волна бандитизма нас захлестывала... я приходил к убеждению, что в одном пункте мы, меньшевики, были совершенно слепы, что наш меньшевистский взгляд на демократию и диктатуру в эпоху революции есть взгляд маниловский, кабинетный, безжизненно-доктринерский. Когда я очутился на Украине, в самой гуще Гражданской войны, в самом пламени бушующих народных стихий, суровые факты действительности безжалостно разрушали мои старые парламентско-демократические схемы...»¹⁶⁰⁴

В Сибири голос либеральной общественности прозвучал на уфимском Государственном Совещании 23 сентября 1918 г., привезенная на него из Москвы В. Пепеляевым Директива кадетского ЦК, «была весьма краткой: диктатура»: «Комитет партии Народной свободы считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти было бы создание временной единоличной власти». «Призыв к диктатуре отчетливо прозвучал и на съезде торгово-промышленников, собравшемся одновременно с Государственным Совещанием. Еще более за диктатуру были правые круги русского общества...»¹⁶⁰⁵.

Стремление к твердой власти, стали проявляться и в среде простого народа, отмечал колчаковский ген. А. Будберг: «Много говорят о том, что среди населения Сибири поднимается монархическое движение и что лозунг "давайте нам назад царя и урядника" становится все более и более популярным. Это очень возможно, но только подкладка тут не идейная, а са-

мая практическая: изнеможенное всякими перевертиями население, изверившись во всех видах новой власти и видя, что жизнь становится все хуже и невыносимее вспомнило, что тогда жилось куда лучше, и жаждет этого старого как избавителя от всех прошедших по его бокам экспериментов»¹⁶⁰⁶.

Генералы, решившиеся взять на себя твердое руководство, скоро найдутся: На Юге России, А. Деникин, перебрав все варианты организации политической власти, скоро пришел к идее **«полной концентрации власти в виде диктатуры»**, признавая такую форму правления единственно возможной в небывало тяжелых условиях гражданской войны...»¹⁶⁰⁷. В своем наказе Особому совещанию А. Деникин определял свой **«политический курс»** как: **«Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить, всякое противодействие власти — и справа и слева — карать...»**¹⁶⁰⁸. В. Шульгин следующим образом разъяснял сущность деникинского наказа: «Добровольческая армия, взявшая на себя задачу очищения России от анархии, выдвинула, непреложный принцип твердого управления — диктаторскую власть главнокомандующего. Только неограниченная, сильная и твердая власть может спасти народ и развалившуюся храмину государственности от окончательного распада...»¹⁶⁰⁹.

Пример практического осуществления диктатуры давали первые шаги добровольцев в занятом ими Сочинском округе: началось с того, что «все демократические организации — городская дума, земский комитет, профессиональные рабочие союзы — были распущены, а не успевшие вовремя скрыться члены этих организаций арестованы по обвинению в государственной измене... Все управление округом перешло к военным властям, которым были подчинены начальник округа и участковые пристава, на какие должности были назначены опытные чины прежней жандармерии и полиции»¹⁶¹⁰.

На Севере России военную диктатуру возглавил генерал Е. Миллер. Правда при этом «Северная Область считалась Республикой Демократической, — однако, как вспоминал член правительства эсер Б. Соколов, — это обстоятельство, впрочем, не помешало превалировать в ней власти военной над гражданской, **что с полным правом могло именоваться диктатурой военной**»¹⁶¹¹. «Процесс кристаллизации твердой военной власти, который имел место на Севере — отвечал желаниям англичан и находил в них во всех тяжелых случаях поддержку и одобрение..., — отмечал Б. Соколов, — Победы на фронте еще больше укрепили военную диктатуру, сведя совершенно на нет гражданскую власть»¹⁶¹².

*«У нас военная диктатура и военный диктатор, который готов допустить совещательный орган при своей персоне, но не больше..., — при этом лидер северных эсеров добавлял, — Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать Область и будем помогать там, где можем»*¹⁶¹³.

А. Колчак взял на себя диктаторские полномочия в результате переворота 18 ноября 1918 г. В своем письме Деникину адмирал оправдывал произошедшее тем, что **«здравый государственный смысл сибирского правительства признал невозможным существование социалистической партийной директории и остановился на военной диктатуре и единоличной военной власти, как единственной форме правления в настоящее время**»¹⁶¹⁴. Деникин ответил, что он «отнесся с большим удовлетворением и полным признанием к факту замены Директории единоличной властью адмирала Колчака»¹⁶¹⁵.

Приказ Деникина о признании Верховной власти Колчака объяснял необходимость этого шага тем, что: «наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий... Спасение Родины заключается в единой верховной вла-

сти...»¹⁶¹⁶. Колчак пояснял, о чем идет речь: «Основная причина, почему нам так трудно было создавать вооруженную силу, — это всеобщая распущенность офицерства и солдат, которые потеряли, в сущности говоря, всякую меру понятия о чести, о долге, о каких бы то ни было обязательствах. Никто не желал ни с кем решительно считаться — каждый считался со своим мнением. То же самое было и в обществе. Например, в Харбине я не встречал двух людей, которые бы хорошо высказывались друг о друге... *Это была атмосфера такого глубокого развала, что создавать что-нибудь было невозможно*»¹⁶¹⁷.

Последним претендентом на роль военного диктатора России станет генерал П. Врангель, который придет на смену А. Деникину: «Все равно с властью Деникина покончено. Его сгубил тот курс политики, который отвратен русскому народу, — писал министр внутренних дел В. Зеелер, — Последний давно уже жаждет “хозяина земли русской”... Все готово: готовы к этому и ген. Врангель, и вся та партия патриотически настроенных действительных сынов своей Родины, которая находится в связи с генералом Врангелем. Причем *ген. Врангель — тот Божией милостью диктатор*, из рук которого и получит власть и царство помазанник...»¹⁶¹⁸ Врангель, беря власть в свои руки, заявлял: *«другого устройства власти, кроме военной диктатуры, при настоящих условиях мы не можем принять* — иначе это было бы сознательно идти на окончательную гибель того святого дела, во главе которого вы стоите». Кн. В. Оболенский дополнял: *«Сама собой подразумеваемая диктатура выдвигалась не как временное необходимое зло, а как универсальное средство для спасения России*»¹⁶¹⁹.

Особого недостатка в генералах-диктаторах у «белых» не было. Почему же все они потерпели поражение?

Красный маршал А. Егоров находил ответ в том, что «декретировать военную диктатуру нельзя. Военный диктатор силен и представляет собой власть не программны-

ми декларациями, а мощью штыков в первую очередь, а их-то как раз у Деникина не было. Армия безнадежно отходила и, отходя, распылялась. И власть Деникина пала, как только окончательно определилась невозможность продолжения вооруженной борьбы»¹⁶²⁰. Но, например, у Николая II в «штыках» недостатка не было, однако он не смог сохранить власть, даже гвардия и личная охрана царя одними из первых в Феврале 1917 г. бросили своего монарха и одели красные банты. У Верховного главнокомандующего Русской армией генерала М. Алексеева так же недостатка в «штыках» не наблюдалось, а кроме этого было и понимание ситуации, когда он «настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры»¹⁶²¹. Однако он не смог не только ввести диктатуру, но даже сохранить армию. Аналогичный результат ожидал диктатуры всех белых генералов. Почему?

Поиск ответа на этот вопрос очевидно следует начинать с анализа самих этих диктатур:

Характеризуя диктатуру установившуюся на *Севере России*, член правительства Северной области эсер Б. Соколов отмечал: «Гражданская война заставила меня довольно спокойно относиться к положению, что для победы необходима диктатура... Но *если твердая власть и есть необходимое условие для победы, то, во всяком случае, не ею одной куется последняя. Чего-чего, а твердой власти наши военные не были лишены... Ибо для них все начиналось с твердой власти и кончалось ею же.* Причем часто они довольствовались лишь внешним проявлением этой твердости... Погоня за призраком твердой власти, а не за ней самой, не затем, что бы быть сильным, а что бы казаться таковым. И ген. Миллер, который среди других генералов выделялся сравнительной культурностью, тем не менее, был типичным «российским военным диктатором». Он стремился к «окружению и оформлению» своей власти, мало заботясь о фундаменте, на котором она зиждется...»¹⁶²².

На *Юге России* А. Деникин определял свою диктатуру, как национальную: «Основной целью было свергнуть боль-

шевиков, восстановить основы государственности и социального мира, чтобы создать необходимые условия для строительства затем народной власти волей народа... разрешени(е) таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие... я считал выходящим за пределы нашей компетенции... диктатуре национальной, к осуществлению которой стремились на Юге, свойственны иные задачи и иные методы, чем диктатуре бонапартистской»¹⁶²³.

«Диктатура Наполеона была "политическая", а не "военная", — отвечал Деникину ген. Н. Головин. — Под первым определением нужно понимать диктатуру, имеющую целью установление определенного политического и социального порядка; под термином же "диктатура военная" нужно понимать такую диктатуру, которая уклоняется от проведения политических и социальных реформ, а имеет своим лозунгом "все для армии"»¹⁶²⁴. «Сравнивая диктатуры Наполеона и Деникина, историк не может не прийти к выводу, противоположному мнению Деникина, — констатировал Головин. — А именно: **диктатура Наполеона была "национальной", диктатура же Деникина была "узковоенной"**»¹⁶²⁵.

А. Колчак определил политические идеи своей диктатуры, установленной в *Сибири*, следующим образом: «Население ждет от власти ответа..., — Вопрос должен быть решен одним способом — оружием и истреблением большевиков. Эта задача и эта цель определяют характер власти, которая стоит во главе освобожденной России — власти единоличной и военной»¹⁶²⁶. Эти цели ничем не отличались от целей диктатур установленных ген. Деникиным и ген. Миллером: **все «белые» диктатуры на Севере, на Юге и в Сибири, используя определение Головина, являлись диктатурами «узковоенными»**.

Но «даже военная диктатура, — приходил к выводу Деникин уже в эмиграции, — для того, чтобы быть сильной и устойчивой, нуждается в поддержке могущественного класса, притом активного, способного за себя постоять, бо-

роться. *Наша же средняя линия вызвала опасение одних классов, недоверие других и создала пустоту в смысле социальной опоры вокруг*»¹⁶²⁷.

Единственной политической «опорой» военных диктатур «белых» генералов оказались российские либералы.

На Юге России, конституция Добровольческой армии принятая, 4 октября 1918 г., и ставившая главным принципом верховную и неограниченную власть лидера армии, была написанная двумя кадетскими адвокатами К. Соколовым и В. Степановым¹⁶²⁸. Определяя характер этой диктатуры, видный *либерал* П. Струве утверждал, что Деникину необходимо положить *руль направо* и, отметая всякое соглашательство, твердо проводить военную диктатуру¹⁶²⁹. Практическую реализацию этого курса определял лидер кадетов П. Милюков, который отрицал возможность коалиционного правительства с социалистами, ссылаясь при этом на опыт Временного правительства, который по его словам показал, что коалиционное правительство не будет эффективно. «Диктатура Деникина уже существует, утверждал Милюков, и все антибольшевистские партии должны признать ее»¹⁶³⁰.

В Сибири составленный из либералов «Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, Адмиралу Александру Колчаку»¹⁶³¹. Правительство Колчака возглавил один из кадетских лидеров В. Пепеляев, который находил: «спасение в единоличной военной диктатуре, которую должна создать армия»¹⁶³². Итог подводила ростовская конференция партии кадетов (29—30 июня), которая постановила «в отношении общенациональной платформы считать руководящими начала, провозглашенные в декларациях адмирала Колчака и ген. Деникина»¹⁶³³.

Именно либеральные идеи и офицерские настроения определили политическое лицо военных диктатур «белых» генералов и их классовый характер. Кадеты и офицеры отрицали любую возможность сотрудничества с социалистами, все социалисты, еще с Временного правительства, были для них такими же врагами, как и большевики. Свои

идеи правой военной диктатуры либералы смогли реализовать, только поддержав диктатуру ген. Деникина, таким образом, **они установили свою монополию на власть на полгода раньше большевиков.**

Эту данность подчеркивал один из наиболее глубоких исследователей истории Гражданской войны В. Голдин: «эволюция антисоветского режима в Северной области от «социалистического» Верховного управления к военной диктатуре ген. Миллера не была особенностью Севера, но характерной чертой процессов, которые происходили на всей территории, контролируемой антибольшевистскими силами»¹⁶³⁴.

«Социалисты оказались игрушкой в руках отечественных черносотенных и буржуазных групп. Наш союз оказался совершенно неосуществимым, — подводил итоги «сотрудничеству» член правительства Северной области эсер В. Игнатьев. — Буржуазия, используя нас, сказала: “Мавр сделал свое дело, и мавр может идти”... в тюрьму. И начался последний акт величайшей нашей трагедии — нас, вдохновителей организаторов похода, за великую Россию, как только обстоятельства на белых фронтах стали складываться благополучно и где то вдалеке забрезжила эта “великая Россия”, — стали сажать по тюрьмам, ссылая, расстреливать наши же бывшие соратники — кадеты, офицерство и их сподвижники...»¹⁶³⁵.

Аналогично складывалась ситуация на другом конце страны: «Комуч представлял собой организацию эсеровско-демосоциалистическую, его армия имела и соответствовавшие тому атрибуты... Все это находилось в вопиющем противоречии с настроениями, психологией и идеологией офицерства»¹⁶³⁶. «Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизнь только за Россию», — говорили офицеры¹⁶³⁷. Они «ненавидели Комуч и терпели его лишь как неизбежное зло, позволявшее по крайней мере вести борьбу с большевиками»¹⁶³⁸.

Но как свидетельствовал опыт Временного правительства сами по себе кадеты, оказавшись в результате *дворцового переворота* на вершине власти, смогли удержаться на ней всего несколько месяцев. Да и то только благодаря признанию Временного правительства эсеро-меньшевистскими Советами, фактически легитимизировавшими его власть. На выборах в Учредительное собрание кадеты набрали всего 5% голосов. Как замечал в этой связи Г. Гинс, «История знает диктатуру, сила которой покоилась на народном избрании — этого в Омске не было. *Идея диктатуры была выдвинута малочисленной группой населения*»¹⁶³⁹.

Узко классовый характер Белых диктатур* привел к тому, что не только левые, но и «все социалисты-революционеры центра (черновцы) перешли в лагерь большевиков», — отмечал Гинс, за ними потянулись и другие социалисты — меньшевики и интернационалисты. «*Стал создаваться единый социалистический фронт*»¹⁶⁴⁰. Один из эсеров И. Святицкий позже писал: «Нужно представить себе, что пережили и перечувствовали мы, оставшиеся в Уфе, за последние два месяца, чтобы понять охватившее нас в это торжественное утро настроение... после стольких мучительных дней, проведенных в чужой и враждебной, смертельно враждебной колчаковщине, мы как-то забыли о том, что разъединяло нас с большевиками, и красные звезды на белых папах солдат Советской России показались нам родными, своими звездами. Как-то вдруг, совершенно объективно, со стороны, мы почувствовали в пришедшей армии революционную и социалистическую армию...»¹⁶⁴¹. Как констатировал в конце 1919 г. Гинс, колчаковское «*правительство оказывалось почти совершенно изолированным*.

* Премьер колчаковского правительства Г. Гинс даже обвинил Совет Верховного правителя в олигархии. (Будберг А. 13 августа 1919 г..., с. 230).

Никакая партия, никакая общественная организация за ним не стояла, враги же были кругом, недовольные — всюду»¹⁶⁴².

На Юге России ситуация развивалась аналогичным образом, отмечал Деникин, в результате установления праволиберальной диктатуры, «начавшаяся на Кубани... кампания против южной власти приняла размеры угрожающие... в программу кубанской «революционной демократии» в соответствии с практикой российских социалистов входила «энергичная борьба со стремлением слуг царского режима, помещиков и капиталистов установить диктаторскую власть в освобожденных от большевиков местностях России, ибо эта власть есть первый твердый и верный шаг к установлению самодержавно-полицейского строя»¹⁶⁴³.

На что же рассчитывали правые, либералы и офицеры теперь после разгона социалистов? Какая сила должна была удержать их у власти на этот раз?

Этой силой, способной бросить решающий аргумент на чашу весов, могли стать только интервенты. Не случайно **все белые диктатуры были установлены и держались только при прямой и непосредственной поддержке интервентов**. Без этой поддержки ни белых диктатур, ни даже самих белых генералов просто не существовало бы:

Переворот, приведший к свержению эсеровской Директории и установлению диктатуры Колчака, по признанию «белого» ген. Федорова, был сделан с согласия и при участии англичан¹⁶⁴⁴. Этот факт подтверждал и французский посол Ж. Нуланс: «Этот государственный переворот был осуществлен при соучастии английского ген. Нокса...»¹⁶⁴⁵. Сам Нокс, «цитируя заявление У. Черчилля в палате общин..., заявлял, что **англичане несут ответственность за создание правительства Колчака**»¹⁶⁴⁶. И даже британский полк. Дж. Уорд заявлял, что Колчак ел «британский солдатский рацион»¹⁶⁴⁷.

На Юге России Деникин никогда не смог бы создать своей Армии если бы союзники «не убедили» сначала Корнилова, Алексеева и Каледина, работать совместно¹⁶⁴⁸, а затем не в лице английского ген. Пуля не вынудили атамана П. Краснова подчиниться Деникину¹⁶⁴⁹. Диктатура Деникина не смогла появиться если бы еще до этого **немцы не «дали возможность Белому движению реорганизоваться»**¹⁶⁵⁰. Эта диктатура не смогла бы удержаться у власти без союзников после немцев, поскольку интервенты являлись *главным, жизненным источником питания* Армии Юга России¹⁶⁵¹.

На Севере России в результате переворота свергнувшего правительство социалиста Чайковского пришла диктатура ген. Миллера. «Взбешенные послы» обвиняли ген. Пуля «в потворствовании заговорщикам. Конечно, подобные глупые обвинения были лживы насквозь», — утверждал главнокомандующий войсками Антанты в Архангельске английский ген. Э. Айронсайд¹⁶⁵². Однако американцев подобные заявления не убеждали. Американский посол назвал переворот «простым похищением» явно указывая на участие в нем англичан и французов¹⁶⁵³. В результате переворота на Севере была установлена очередная «белая» диктатура. **«Скажем просто, — конкретизировал командующий войсками Северной области ген. В. Марушевский, — английская диктатура»**¹⁶⁵⁴.

Не имея поддержки среди населения, белые диктатуры были вынуждены опираться только на силу. Этот факт спустя полгода после переворота констатировал министр колчаковского правительства Н. Петров, который провозглашал: **«Если масса не понимает, что она творит, ее надо заставить делать то, что требуется, а не то, чего хочет она»**¹⁶⁵⁵. «Союзники» полностью поддерживали эту политику, например, французский дипломат Л. Робиен в то время записывал: **«Я надеюсь, что он (Колчак) сумеет удержаться у власти и усмирит кнутом этих молодчиков: русские так устроены, что будут этому только рады»**¹⁶⁵⁶. И данный принцип неуклонно проводился в жизнь, в результате чего верный Колчаку Гинс вскоре был

вынужден признать: *«Имя Колчака по воле жестокой судьбы стало нарицательным именем тирана»*¹⁶⁵⁷.

Допрашивавший адмирала К. Попов выражался еще резче: «Он не знал, что та диктатура, которую он возглавлял в Сибири и которую так неудачливо стремился распространить на всю страну, — *образец и подобие западно-европейского фашизма, диктатуры фашистской*, выдвигаемой самим буржуазным миром...»¹⁶⁵⁸. К аналогичному выводу приходил эмигрировавший в Германию ген. К. Сахаров: *«Белое движение в самой сущности своей являлось первым проявлением фашизма... Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его»*¹⁶⁵⁹.

Почему же в России не победил «Франко»?

Единственным средством борьбы с социальными идеями в Европе в то время был национализм. Одними из первых эту данность осознали лидеры «белого» движения. Уже в начале 1918 г. в своей политической программе Л. Корнилов призывает опереться «на все здоровые национальные элементы»¹⁶⁶⁰. Деникин не случайно назовет свой аналог Учредительному собранию — Народным собранием, а Колчак — Национальным¹⁶⁶¹. Именно «обостренный национализм», по словам Н. Головина, predetermined всю программу и характер белой армии¹⁶⁶². Большевизму, отмечал Н. Головин, Атаман Донского войска П. Краснов «противопоставил шовинизм, интернационалу — яркий национализм»¹⁶⁶³.

К идее опоры на национализм российские либералы пришли еще до большевистской революции, отмечали их сторонники, современники событий: *«Кадеты правят до Союза истинно-русских людей»*¹⁶⁶⁴. 5 мая 1918 г. Деникин выпустит свое первое политическое обращение «к Русским людям»¹⁶⁶⁵. «Обостренный национализм predetermined и появление в Белом движении лозунга “за Единую, Неделимую”...», — от-

мечал Головин, — Напряженность этого настроения приводила к нетерпимости, с которой участники этого вида противобольшевистского движения будут относиться к проявлениям «местных патриотизмов» в тех областях России, в которых противобольшевистское движение примет «областнический характер»»¹⁶⁶⁶.

Однако внедрение националистических лозунгов в многонациональной стране привело не к ее единению, а наоборот к распаду на множество местных национализмов, которые с упорством отстаивали свои особые права от центра. Распад пошел еще дальше, приводя русские регионы к идее «областничества», которое варьировалось в широких пределах от федеративных и конфедеративных отношений с центральной властью, до полного отделения. В результате констатировал Н. Головин: «Общероссийское контрреволюционное движение «провинциализировалось»»¹⁶⁶⁷. Каждое провинциальное контрреволюционное движение защищало свои права не только от большевиков, но и от центра.

Но дело было не только в многонациональности Российской империи, но и в характере самого русского народа: национализм является крайней, высшей формой выражения индивидуализма, что полностью противоречило духовным основам русских. А. Хомяков называл их «соборностью», Ф. Достоевский — «всечеловечностью», В Шубарт — «братством»: «Русский — братский всечеловек, немец — радикальный индивидуалист*, англичанин — типовой индивидуалист, француз — индивидуалистическое социальное существо»¹⁶⁶⁸. Эти бесконечно тонкие, почти неуловимые различия находят наглядное отражение в основах соответствующих религий и культур. Именно поэтому идеи оголенного национализма не находили широкой поддержки в русской народной среде. Бри-

* А. Гитлер в *Mein Kampf* пишет об ультраиндивидуализме немцев.

танский историк Дж. Хоскинг в этой связи даже приходил к выводу, что: «русские потерпели неудачу в формировании собственной нации»¹⁶⁶⁹.

Фашизм не мог укорениться в России и потому, что у него не было, в ней, не только национальных и духовных опор, но и социальных: в России почти не было того среднего класса, который являлся связующим звеном между высшими и низшими классами в Европе. Журнал «Лайф», касаясь этого вопроса, спустя полвека, после рассматриваемых событий, писал про большевиков: «Их возмездием явился сплоченный средний класс Европы... как раз слабо представленный в России. В основном, поэтому, никакая Коммунистическая партия до сих пор не в силах захватить власть в Западной Европе»¹⁶⁷⁰. В кризисных условиях именно разорившийся средний класс стал опорой фашизма в Европе. Условия России коренным образом отличались от европейских, предопределяя особый путь ее развития*,**.

И именно эти, на первый взгляд едва ощутимые различия, даже в большей мере, чем большевики привели к падению «белых диктатур». Гинс в этой связи приходил к выводу, что **«очевидно, в самом фундаменте антибольшевистского государства была гниль, сами стены его были непрочны, сам план постройки был неудачен»**¹⁶⁷¹. Радикальные идеи западнического либерализма российской интеллигенции, вступившие в непримиримый конфликт, с русским традиционализмом, вместе с радикализмом полу-

* Это отдельная большая и фундаментальная тема, которой посвящена книга В. Галина «Капитал Российской империи». Книгу можно найти на сайте автора **Galin.biz**.

** Кроме этого, в Финляндии и Испании победа правых не в последнюю очередь была обеспечена за счет массированной иностранной (немецкой и итальянской) интервенции: доля активных интервенцистских сил в России составляла ~0,1% численности ее населения, в Финляндии ~ 0,7%, в Испании ~ 0,8%.

феодалного консерватизма, вступившего в такой же непримиримый конфликт с требованием нового времени, привели к внутреннему разложению «белых диктатур».

Тому разложению, о котором говорил Колчак, отвечая на призыв Гинса: «мы должны писать хорошие законы, чтобы не провалиться», *«- дело не в законах, а в людях, — отвечал Колчак, — Мы состоим из недоброкачественного материала. Все гниет. Я поражаюсь до чего все испоганилось»*. Что можно создать при таких условиях, если кругом либо воры, либо трусы, либо невежи?!...»¹⁶⁷².

Неизбежный итог правления «белых диктатур» подводил военный министр Колчака ген. А. Будберг: «С ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и действительности, фронт трещит, армия разваливается, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманщина. *Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной*». «Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело». Но вместо этого повсюду «только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций»; *«гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество... торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами»*¹⁶⁷³.

Аналогичная ситуация была на Юге России, свидетельствовал непосредственный участник событий кадет Н. Астров: «Насилие, порка, грабежи, пьянство, гнусное поведение начальствующих лиц на местах, безнаказанность явных преступников и предателей, убогие, бездарные люди, трусы и развратники на местах, люди, принесшие с собой на места старые пороки, старое неумение, лень и самоуверенность»¹⁶⁷⁴. Во всем белом движении констатировал Будберг: *«Внутренней, идейной дисциплины, способной заставить подчинить общему свое личное, нет»*¹⁶⁷⁵.

Причина этого разложения, по мнению Раупаха, заключалась в том, что все участники белого движения «отрицали революцию начисто и не желали видеть в ней того исторического барьера, за которым начиналась новая эпоха жизни русского народа. И потому *белые знамена несли в себе одно голое отрицание. Но ради ненависти и мести люди не отдают своей жизни. Кто умирает, тому нужен положительный пароль, новое слово, ставящее себе национально-государственную задачу, тому нужен такой лозунг, который способен зажигать сердца*»¹⁶⁷⁶.

Именно этого, по словам Б. Савинкова, не понимали белые генералы: «*Основная, решающая ошибка Колчака, Деникина, Юденича состояла именно в том, что и Колчак, и Деникин и Юденич — доблестные вожди — не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идее нужно противопоставить тоже идею, и идею не вычитанную из книг и не возвращенную на традициях Карамзина, а живую жизненную, понятную каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу*»¹⁶⁷⁷.

К аналогичным выводам в итоге приходили и наиболее выдающиеся деятели «белого мира». Например, один из его представителей И. Бунин в те годы писал: «Добровольцев везде бранят, говорят, что спекулируют и берут взятки почти все. И только теперь очевиднее становятся причины краха: *разложение белого движения, его неспособность победить — при отсутствии положительной общей идеи, моральном упадке, полной потере опоры на народ*»¹⁶⁷⁸. «Без опоры на прочное сочувствие населения ничего не сделать, — признавал Будберг. — Власть должна быть сильной — и ею не была; она должна быть глубокой, т.е. близкой, полезной и нужной населению, — этого и в помине не было... *Власть оказалась только формой без содержания... Надо откровенно сознаться: мы обманули надежды обывателя, и нам веры нет, особенно словам*»¹⁶⁷⁹.

«Остановить революцию, повернуть жизнь на новый путь не удалось, — констатировал Гинс, — Революция побеждала. В армии, в чиновничестве, в политических пар-

тиях — везде проявилась мощная сила революции. Все и мы все, участники борьбы, казались жалкими и бессильными»¹⁶⁸⁰. Как вспоминал Э. Двингер *многих белых офицеров охватывало отчаяние: «мы должны победить? И победить людей, провозглашающих идеалы?»- «Разве они совсем уж неправы, эти красные?»*¹⁶⁸¹

Неразрешенную проблему белых генералов передают слова председателя Верховного Казачьего круга Тимошенко: «Несмотря на талант Главнокомандующего и блестящую плеяду полководцев, его окружающих, вахмистры Буденный и Думенко отбросили нас к исходному положению. Почему? Одного боевого таланта мало. *Гражданская война, это не племенная борьба, это борьба за формы правления.* И поэтому воссоздать Россию мы можем лишь такой политикой, таким лозунгом, которые близки и понятны народу... *Диктатурой Россию не победить... Клеймить сейчас позором движение народных масс как народную смуту — тяжелая ошибка*»¹⁶⁸².

Митрополит Вениамин признавал: «можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетия. А что же мы все (и я, конечно, в том числе), могли противопоставить им со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление «священной собственности», Учредительное собрание или Земский собор, который каким-то чудом все разъяснит и устроит? Нет, *мы были глубоко бедны идейно.* И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, что *здесь лежала одна из главных причин поражения нашего белого движения: в его безыдейности! В нашей бездумности!*»¹⁶⁸³

«Сомнительные авантюристы, терзающие Россию при поддержке западных держав, — Деникин, Колчак, Врангель и прочие — не руководствуются никакими принципиальными соображениями и не могут предложить какой-либо

прочной, заслуживающей доверия основы для сплочения народа. По существу, это просто бандиты», — приходил к выводу Г. Уэллс¹⁶⁸⁴. Лидер российских либералов П. Милюков запоздало, в сентябре 1921 г., признает: «После Крымской катастрофы (войск Врангеля), когда с несомненностью для меня выяснилось, что даже военное освобождение (от власти большевиков) невозможно, ибо *оказалось, что Россия не может быть освобождена вопреки воле народа*». Б. Савинков был более четок в определениях: «*Правда в том, что не большевики, а русский народ выбросил нас за границу, что (мы) боролись не против большевиков, а против народа...*»¹⁶⁸⁵.

Уже из эмиграции, ряд видных генералов и офицеров Белых армий* напишут: «мы признаем в качестве Российского правительства нынешнее Правительство РСФСР и готовы перейти на службу в РККА. Мы все даем обещание быть лояльными гражданами Советской Республики и честными солдатами ее революционной армии. Гражданская война и годы эмиграции наглядно показали, что идеологии белого движения потерпела полное крушение, потому, что по существу своему являлась глубоко антигосударственной и противонародной... *Зародившееся под лозунгом спасения отечества белое движение уже давно является ярко выраженным движением против России...*»¹⁶⁸⁶.

«*Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии.* Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы... Только большевизм оказался способным овладеть положением, — признавал Н. Бердяев, — только он соответствовал массовым инстинктам и реальным отношениям»¹⁶⁸⁷. Эти же мысли находили отражение в словах Г. Уэллса: Со-

* Генералы: А. Секретов, бывший командир Донского конного корпуса; Ю. Гравицкий, бывший начальник Марковской дивизии; И. Клочков, командир бригады Донской казачьей дивизии; Е. Зеленин из Алексеевской пехотной дивизии и т.д.

ветское правительство «это — единственное правительство возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее спланирует»¹⁶⁸⁸.

«В действительности же Советская власть при всех ее дефектах — максимум власти, могущей быть в России, переживающей кризис революции, — констатировал в итоге А. Бобрищев-Пушкин, — Другой власти быть не может — никто ни с чем не справится, все перегрызутся... Одна Советская власть, против которой была всемирная коалиция, белые армии, занявшие три четверти русской территории, внутренняя разруха, голод, холод и увлекавшая Россию в анархию сила центробежной инерции, сумела победить все эти исторически беспрецедентные затруднения»¹⁶⁸⁹.

* * *

Опыт Гражданской войны в России наглядно показал, что даже самые фанатичные либеральные демократы в условиях кризиса становятся самыми яростными апологетами самой правой диктатуры. И это объективная закономерность, поскольку мобилизация власти в виде диктатуры является крайней формой борьбы за выживание. Именно эту данность отражали слова В. Шубарта: *«в конечном счете требуется государство насилия, в котором человеческая масса ищет спасения от хаоса»¹⁶⁹⁰*. Чем глубже кризис, чем дольше он продолжается, тем более радикальной будет мобилизация власти, тем жестче и тоталитарнее становится диктатура.

Утверждение, что диктатура является неременной чертой какого-либо политического строя, класса или нации равносильно обвинению этого класса или нации в «расовой» неполноценности. Мобилизацию власти по классовому признаку осуществляли обе стороны, причем лидерство в этом вопросе принадлежало праволиберальным силам. Именно они первыми попытались установить свою диктатуру руками ген. Корнилова, большевистская рево-

люция и передача власти Советам, стала лишь ответной реакцией на эту попытку. Военная диктатура и монополия право-либеральных сил на власть были введены Деникиным и Колчаком в октябре-ноябре 1918 г, большевики ответили на это только в марте 1919 г. установлением монополии большевистской партии.

При этом даже с идеологической стороны «диктатура пролетариата» виделась большевикам не как конечная цель, а только как переходная форма к новому политическому строю. Представление о формах его организации дают мысли Ф. Энгельса о самоуправлении: «Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показала и доказала нам Америка и Первая французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, например, швейцарский федерализм» в соответствии с этим необходимо: «Полное самоуправление в провинции (губернии или области), уезде и общине через чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством»¹⁶⁹¹.

Почему же тогда «диктатура пролетариата» сохранилась и после окончания Гражданской войны? — По двум причинам:

— первая заключается в огромной инерционности общественных и политических процессов. Особенно это касается мобилизации власти: ***чем дольше продолжается кризисный период и чем больше его глубина, тем труднее осуществить демобилизацию власти.***

— вторая кроется в том, что демобилизация означает не просто передачу власти демократии, а создание экономических и социальных условий, при которых эта демократия сможет существовать. Об этой данности, говорит известная формула, повторенная С. Липсетом: ***«чем больше благосостояние нации, тем больше у этой нации шансов на формирование устойчивой демократии»***¹⁶⁹².

Не случайно именно экономический и социальный кризис, вызванный Первой мировой и Великой депрессией 1929 г., разрушил политические системы практически всех стран Европы, не получавших репарации с Германии или не имевших богатых колоний. Во всех этих странах Европы в 1920-1930 гг. пришли к власти те или иные типы военных или правых диктатур*.

Если необходимого благосостояния нет, то никакие *благие пожелания* не смогут утвердить демократию, скорее наоборот они ввергнут страну в ад хаоса и анархии. И здесь мы сталкиваемся с еще одной причиной, почему в России сохранилась «диктатура пролетариата», а именно — с экономическими возможностями России по достижению необходимого минимального уровня благосостояния. Это отдельная большая и сложная тема, пытливый читатель сможет найти ее системный и естественнонаучный анализ в книге автора *«Капитал российской империи»*, без нее понять историю России в XX веке невозможно.

История же Гражданской войны на этом не заканчивается, а только начинается. История Гражданской войны — это, прежде всего, история интервенции. Как и во время французской революции, интервенция в русской революции сыграла решающую роль — именно она вывела общественные весы из шаткого равновесия. Чем же была интервенция? Когда и почему она началась? Как осуществлялась? К чему привела?... На эти вопросы автор пытается найти ответ в своей следующей книге настоящей серии — «Интервенция».

* См. подробнее: Галин В. Тупик либерализма. М.: Алгоритм, 2011. Книгу можно найти на сайте **Galin.biz**

ПРИМЕЧАНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ

Под социальной сегрегацией понимается сознательное подавление правящими или доминирующими элитами экономического, умственного и политического развития отдельных социальных групп.

Социальная сегрегация крестьянства в России, представлявшего более 80% населения страны, выражалась прежде всего в дискриминации его экономического, политического и культурного развития. Общие принципы этой сегрегации отразил еще В. Ключевский в 1911 г.: «Средства западно-европейской культуры, попадая в руки тонких слоёв общества, обращались на их охрану... усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины — на бессмысленном управлении»¹⁶⁹³.

Экономическая сегрегация выражалась в непропорциональном большом, принудительном изъятии крестьянского продукта на содержание государства и высших слоёв общества. Примером в данном случае могут являться размеры: **совокупных налоговых и выкупных платежей с государственных и удельных крестьян**, которые согласно данным правительственной сельскохозяйственной комис-

сии 1872 г., в 37 губерниях (не считая западных) составляли ~ 93% чистого дохода с земли, а *«платежи бывших помещичьих крестьян по отношению к чистому доходу с их земли, — согласно «Трудам податной комиссии», — выражались в размере 198%, т.е. крестьяне не только отдавали весь свой доход с земли, но и должны были еще приплачивать столько же...»*¹⁶⁹⁴

«Налоги, — отмечал в этой связи известный экономист И. Озеров, — из года в год высасывали из крестьянского населения огромную часть его дохода, не давая взамен почти ничего для улучшения культуры, для увеличения производительности народного труда. Хозяйство падало, и дефициты покрывались лишь хроническим голоданием»¹⁶⁹⁵. В то же самое время русское дворянство, священники и чиновники были освобождены от личных налогов. Известный общественный деятель того времени князь В. Мещерский замечал по этому поводу: *«наша финансовая система всегда основывалась на несоразмерном взимании налогов и податей с наименее имущих плательщиков», привилегированные же классы продолжают «пользоваться полным безучастием в несении тягостей государственных платежей»*¹⁶⁹⁶.

При этом «стоимость содержания этой (государственной и элитарной) надстройки, была несопоставима с национальным доходом. Бремя налогов, добавлявшееся к другим видам частной эксплуатации, мешало накоплению капитала в крестьянской экономике, а без такого накопления внедрение новой агротехники и применение более совершенной организации труда было невозможно..., — писал В. Чернов, но, — невозможно и брать у деревни до бесконечности, никак не компенсируя причиненный ей ущерб»¹⁶⁹⁷.

Несоразмерные взыскания с крестьянства не позволяли ему накопить необходимый капитал для поднятия своего хозяйства и преодоления глубокой нищеты. Сло-

*жившийся порядок, писал С. Витте Николаю II, держится только на долготерпении крестьянства, оно слишком долго подвергается перенапряжению*¹⁶⁹⁸. *«Теперь мы действительно обеднели, — утверждал в начале XX века известный экономист, славянофил С. Шарапов, — мы убили, закабалили труд, а главное, мы беспощадно опустошили землю хищническим хозяйством»*¹⁶⁹⁹. Что дальше? — *«В будущем не видно ничего, — отвечал Шарапов, — кроме взрыва стихийной ненависти, которая накаплиется все больше и больше»*¹⁷⁰⁰.

Терпение крестьянства лопнуло, что привело к Первой русской революции. Она началась с Петиции рабочих 9 января 1905 г. где одним из первых требований стояла отмена выкупных платежей. Отказ правительства удовлетворить требования привел к тому, что своих прав крестьяне стали добиваться силой. На основную причину перехода крестьян к активным действиям П. Столыпин указывал в своем отчете о волнениях в Саратовской губернии: *«все крестьянские беспорядки, агитация среди крестьян и самовольные захваты возможны только на почве земельного неустройства и крайнего обеднения сельского люда. Грубое насилие наблюдается там, где крестьянин не может выбиться из нищеты»*¹⁷⁰¹.

Культурная сегрегация выражалась, прежде всего, в подавлении умственного развития крестьянства, в ограничении возможности получения им образования: «Понимание того, что на отсталой деревне лежит тяжелое бремя не только государственной надстройки, но и лихорадочно развивавшейся капиталистической промышленности, финансируемой правительством, а также страх, что крестьянство поймет это и сделает опасные политические выводы, заставляло власть намеренно сохранять невежество, безграмотность и культурную отсталость села, где единственной отдушиной для трудящегося крестьянина был кабак,

который благодаря государственной монополии на спиртные напитки являлся еще одним способом опустошения мужицкого кармана. Все пути перехода к более высокому уровню производства, — отмечал Чернов, — были для деревни закрыты»¹⁷⁰².

Пример подобной сегрегации давал циркуляр министра народного просвещения, 1887 г.: «Озабочиваясь улучшением состава учеников гимназий и прогимназий, я нахожу необходимым допускать в эти заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства. Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат, и через то, как доказывает многолетний опыт, приводить их к пренебрежению своих родителей, к недовольству своим бытом, к озлоблению против существующего и неизбежного, по самой природе вещей, неравенства имущественных положений»¹⁷⁰³.

К чему пришла Россия в результате этой политики, С. Витте писал Николаю II в 1898 г.: *«Наш народ с православной душой невежествен и темен. А темный народ не может совершенствоваться. Не идя вперед, он по тому самому будет идти назад, сравнительно с народами, двигающимися вперед»*¹⁷⁰⁴. *«Главный недостаток России заключается в отсутствии народного образования»*, — заключал Витте¹⁷⁰⁵. Известный историк С. Соловьев добавлял: «просвещение необходимо было не для удовлетворения одним только материальным потребностям государства; оно было необходимо для очищения нравов»¹⁷⁰⁶.

Крестьяне отлично осознавали эту сегрегацию. Примером тому может служить решение одного из крестьянских сходов в Курской губернии: *«одною из главных причин нашего бесправия служит наша темнота и необразованность, которые зависят от недостатка школ и плохой постановки в них обучения»*¹⁷⁰⁷. Требование введения бесплатного всеобщего начального образования, войдет в Петицию рабочих 9 января 1905 г.

Политическая сегрегация выражалась в подавлении гражданских и политических прав крестьян. Пример в данном случае приводил С. Витте: «Крестьянство находилось вне сферы гражданских и других законов... *На крестьянина установился взгляд, что это, с юридической точки зрения, не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но стал крепостным крестьянского управления...* Вообще его экономическое положение было плохо, сбережения ничтожны...»¹⁷⁰⁸

Один из выдающихся агрономов московского земства А. Зубрилин в этой связи замечал: «Самые элементарные зачатки народной мысли, порывы умственной деятельности на каждом шагу встречают административную опеку. Нельзя же в самом деле насаждать приемы хозяйства высококультурных стран среди массы пользующейся правами детей...»¹⁷⁰⁹ Однако это была совершенно осознанная политика: государство тем самым стремилось, по словам А. Грациози: «изолировать или сегрегировать российское крестьянство, как от гражданского общества, так и от политического ядра... ради гарантии политической стабильности»¹⁷¹⁰.

Крестьяне и рабочие отлично понимали свое положение в той же Петиции рабочих царю от 9 января 1905 г., с отклонения которой царем, и началась Первая русская революция, говорилось *«Необходимо [народное] представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою... Это самая главная наша просьба, в ней и на ней зиждется все»*.

Причины сословной сегрегации, крылись, прежде всего, в неизбежных, объективно ограниченных материальных возможностях общества, но немалую роль в ее усилении и радикализации сыграло и субъективное злоупотребление элит своим привилегированным положением.

Революция 1905 г. привела к отмене выкупных платежей, к освобождению от общины и крепостной привязанности крестьянина к наделу. Тем не менее, сословное распределение налоговой нагрузки осталось: высшие сословия и классы были освобождены от личных налогов. После революции произошел скачкообразный рост расходов на образование, однако закон о всеобщем бесплатном начальном образовании, так и не будет принят, а само образование останется сословным. Революция 1905 г. приведет к созданию парламента, и в его I созыве доля крестьян будет весьма значительна, но в последующих — сойдет почти на нет.

Но главное, несмотря на то, что революция 1905 г. положила начало разрушению сегрегационных барьеров, к 1917 г. прошло еще слишком мало времени для того, чтобы преодолеть то отношение между высшими и низшими сословиями и классами, которое складывалось и накапливалось веками...

Настоящее Приложение составлено из небольших отрывков из глав, посвященных этим вопросам в книге автора «Капитал Российской империи». Поэтому пытливому читателю, стремящемуся получить более полное представление о данном вопросе и составить о нем свое мнение, неизбежно придется обратиться к этой книге.

Задать свои вопросы автору, а также найти дополнительную информацию по настоящей книге, включая указатель имен, базы данных, ссылки на первоисточники и т.п. можно на сайте автора **Galin.biz**

СОКРАЩЕНИЯ

Александр М... — Александр Михайлович. Воспоминания великого князя. — М.: Захаров, 2004. — 524 с.

Айрапетов О... — Айрапетов О. Бесшабашная бестолочь // Родина. 2004. № 1. С. 56.

Айронсайд Э... — Айронсайд Э. Архангельск. 1918—1919. (Голдин В.И...)

Белый Север... — Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. Т. I / сост. В.И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера, 1993. — 416 с.

Белый Север, т. 2... — Белый Север. 1918—1920 гг.: Мемуары и документы. Т II / сост. В. И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера, 1993. — 496 с.

Бердяев Н. А... — Бердяев Н.А. Самопознание. — М.: Эксмо-пресс; Харьков: Фолио, 1999.

Булгаков С.Н... — Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. — М.: Астрель, 2007. — 988 с.

Бунич И... — Бунич И. 500-летняя война в России. Кн. 1. — К.: А.С.К.; СПб.: Облик, 1999. — 368 с.

Буровский А.М... — Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. — М.: АСТ; Красноярск: КИ «Издательские проекты», 2004. — 462 с.

Бьюкенен Дж... — Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. — М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. — 400 с.

Вебер М... — Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения, М., 1990.

Витте С.Ю... — Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: в 3 т. — Мн: Харвест; М: АСТ, 2001. — 800 с.

Воейков В. Н... — Воейков В.Н. С царем и без царя. — М.: ТЕРРА, 1995. — 480 с.

Войтинский В.С... — Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999. — 320 с.

Волков С. В... — Волков С.В. Трагедия русского офицерства. — М.: Центрполиграф, 2002.

Волобуев П.В... — Экономическая политика Временного правительства. — М.: 1962.

Воронович Н. В... — Воронович Н. В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской революции», т. VII, Берлин, 1922.

Гайдар Е., Мау В... — Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. 2004. № 5 (май); № 6 (июнь). — М.: Институт экономики РАН, 2004.

Геллер М.Я., Некрич А.М... — Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. — М.: МИК, 2000. — 856 с.

Генис В.Л. Рассказывание... — Генис В.Л. Рассказывание в Советской России. — Вопросы истории. — 1994. — № 1, с. 42—55.

Генис В.Л. Первая конная армия... — Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы. — Вопросы истории. — 1994. — № 12.

Гинс Г.К... — Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920. (перв. изд. Харбин, 1921). — М.: Крафт+, 2007. — 704 с.

Голдин В.И... — Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера, 1997.

Голинков Д.Л... —Голинков Д.Л. Правда о врагах народа. — М.: Алгоритм, 2006. — 448 с.

Голинков Д.Л. Крушение... — Крушение антисоветского подполья в СССР 1917—1925 гг. — М., 1986.

Головин Н.Н... — Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. — М.; Кучково поле, 2001. — 440 с.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция ... — Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 -1918 гг. в 2 т. — М.: Арис-пресс, 2011. — 560 с.

Голуб П.А... — Голуб П.А. Белый террор в России (1918-1920) — М.: Патриот 2006. — 479 с.

Городецкий С.Н... — Городецкий С. Н. Образование Северной области. (Белый Север...)

Грациози А... — Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933 / пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.-96с.

Гриф секретности снят... — Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: 1993.

Данилов И... — Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. (Белый Север, т. 2...)

Деникин А.И. (I) ... — Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. — Мн.: Харвест, 2002.

Деникин А.И. (II)... — Деникин А.И. Очерки русской смуты: Борьба ген. Корнилова. — Мн.: Харвест, 2002.

Деникин А.И. (III)... — Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — Мн.: Харвест, 2002.

Деникин А.И. Поход на Москву... — Деникин А.И. Поход на Москву // Гражданская война в России: Разгром Деникина. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 640 с.

Добровольский С... — Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области. (Белый Север, т. 2...)

Достоевский Ф.М... — Достоевский Ф.М. Бесы. Антология русской критики. Составление, комментарии Л.И. Сараскиной. — М.: Согласие. 1996. — 752 с.

Думова Н.Г., Трухановский В.Г... — Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской власти. — М., 1989.

Дэвис Д., Трани Ю... — Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 479 с.

Зайончковский А.М... — Зайончковский А.М. Первая мировая война. — СПб.: Полигон, 2000. — 880 с.

Зеленов Н.П... — Зеленов Н.П. Трагедия Северной области. (Белый Север, т. 2...)

Егоров А... — Егоров А. Разгром Деникина. — 1919 г. Гражданская война в России: Разгром Деникина. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 640 с.

Игнатъев А. А... — Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. — М.: Захаров, 2002. — 542 с.

Емельянов Ю... — Емельянов Ю. Прибалтика. — М.: Быстров, 2007. — 567 с.

Игнатъев В. И... — Игнатъев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917—1921 гг.). (Белый Север...)

История... — История всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. (репринтное воспроизведение 1938, 1945 гг.) — М.: Писатель, 1997. — 351 с.

Какурин Е.Е., Вацетис И.И... — Какурин Е.Е., Вацетис И.И., Гражданская война 1918—1921. СПб., 2002.

Какурин Н... — Какурин Н. Гражданская война в России: Война с белополяками. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 730 с.

Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма... — Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма в России: крах буржуазной революции, как исторический урок. — М.: Наш Современник. Кара-Мурза С... — Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до великой победы. М.: Алгоритм, 2002. — 528 с.

Карпов Н.Д... — Карпов Н.Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. — М.: Вече, 2005. — 384 с.

Кафенгауз Л.Б... — Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. — М.: Эпифания, 1994. — 848 с.

Кенез П... — Кенез П. Красная атака, белое сопротивление / пер. с англ. К.А. Никифорова. — М.: Центрополиграф, 2007. — 287 с.

Керсновский А.А... — Керсновский А.А. История русской армии: в. 4 т. — М.: Голос, 1999.

Киган Д... — Киган Д. Первая Мировая война / пер. с англ. Т. Горошковой, А. Николаева. М.: АСТ, 2002. — 576 с.

Краснов В.Г. (I)... — Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Краснов В.Г. (II)... — Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Кремлев С... — Кремлев С. Россия и Германия: сравнить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. — М.: АСТ: Изд-во «Астрель», 2003. — 318 с.

Кремлев С. Россия и Германия... — Кремлев С. Россия и Германия. Путь к пакту. — М.: АСТ, Астрель, ВЗООИ, 2004. — 469 с.

Крушанов А.И... — Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке, в 2 т. 1918—1920 гг. — Владивосток, 1984.

Кожин В.В.... — Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1901-1939). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.

Кожин В.В. О русском... — Кожин В.В. О русском национальном сознании. — М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. — 416 с.

Лемке М.К... — Лемке М.К. 250 дней в царской ставке: в 2 т.: 1914—1915, 1916 — Мн.: Харвест, 2003.

Ленин В.И... — Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Август-сентябрь 1917 г.

Литвин А.Л... — Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. — М.: Эксмо, Яуза, 2004. — 448 с.

Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль... — Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Избр. произведения в 2 т. Л., 1940. Т. 1. [253—255, 257—258. Менцин Ю.Л. Монетный двор и вселенная. М.: ВИЕТ № 4, 1997.

Маркс, Энгельс. Манифест... — Маркс, Энгельс. Манифест Коммунистической партии (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, т. 4, 1955, с. 439)

Марушевский В.В... — Марушевский В.В. Год на Севере. (Белый Север...)

Мау В.А., Стародубровская И.В... — Мау В.А., Стародубровская И.В. Великие революции: От Кромвеля до Путина. — М.: Вагриус, 2001.

Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский на «белом» фронте. (Белый Север...)

Мельгунов С. Красный террор... — Мельгунов С.П. Красный террор в России. — М.: Айрис-пресс, 2006. — 352 с.

Мельгунов С. Трагедия адмирала... — Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. — М.: Айрис-пресс, 2004 — 576 с.

Милюков П.Н... — Милюков П.Н. Воспоминания. — М.: Вагриус, 2001.

Население... — Население России в XX веке. В 3 т. — М.: РОССПЭН, 2000.

Нуланс Ж... — Нуланс Ж. Моя последняя миссия в Советской России 1917—1919. (Голдин В.И...)

Павлюченков С. А. Военный коммунизм... — Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. — М.: РКТ-ИСТОРИЯ, 1997. — 272 с. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/042012/24042012-05a.html>

Петрухинцев Н., Смирнов А... — Петрухинцев Н., Смирнов А. Брак по расчету. — М.: журнал «Родина». — 2004. — № 1.

Пикетти Т... Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.

Погребинский А.Н... — Очерки истории финансов дореволюционной России. — М., 1954.

Покровский М... — Покровский М. Русская история в 3 т. — СПб.: Полигон. 2002.

Пришвин М.М... — Пришвин М.М. Дневники. М.: Московский рабочий, 1995—1999.

Пуанкаре Р... — Пуанкаре Р. На службе Франции 1914—1915. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. — 784 с.

Ратьковский И.С... — Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. — СПб.: СПб университет, 2006. — 286 с.

Раупах Р.Р... — Раупах Р.Р. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего) / ред. и ком. С.А. Манькова. — СПб.: Русская культура; Алетейя, 2007. — 416 с.

Революция и гражданская война... — Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. — М.: «Отечество», 1991. — С. 38—39.

Ричардсон У.П... — Ричардсон У.П. Война Америки на Севере России. (Голдин В.И...)

Робиен Л... — Робиен Л. 28 апреля 1918 г. Дневник дипломата в России, 1917—1918. (Голдин В.И...)?

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 608 с

Рыбас С.Ю... — Рыбас С.Ю. Столыпин. — М.: Молодая гвардия, 2003. — 421 с. (Жизнь замечат. Людей: Сер. Биогр.; Вып. 855).

Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904—1921. — М.: Центрполиграф, 2007. — 304 с.

Сидоров А.Л... — Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. — М., 1960.

Сироткин В.Г... — Сироткин В.Г. Золото и недвижность России за рубежом. — М., 1997.

Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А... — Сили Дж. Р., Крэмб Дж. А. Британская империя. — М.: Алгоритм-книга; Эксмо, 2004. — 448 с.

Советско-американские... — Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927—1933. — М.: МФД, 2002. — 824 с.

Соколов Б.Ф... — Соколов Б.Ф. Падение Северной области. (Белый Север, т. 2...)

Сорокин П.А... — Сорокин П.А. На лоне природы. (Белый Север...)

Судьбы... — Судьбы реформ и реформаторов в России. — М.: РАГС, 1999. — 374 с.

Сычев Н.В... — Сычев Н.В. Политическая экономия. Курс лекций. — М.: ИКФ «ЭКМОС», 2002.

Татищев С... — Татищев С. Император Александр Второй. — М.: Алгоритм, 1996.

Уорт Р... — Уорт Р. Антанта и русская революция, 1917—1918 — М.: Центрполиграф, 2006. — 271 с.

Троцкий Л. На пути к социализму... — Троцкий Л. На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 15. Москва-Ленинград, 1927).

Трухановский В.Г... — Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. — М.: Международные отношения. 1982. — 464 с.

Урланис Б.Ц... — Урланис Б.Ц. История военных потерь. — М., СПб.: Полигон. АСТ. 1998. — 560 с.

Успенский В.Д... — Успенский В.Д. Тайный советник вождя, в 5 т. — М.: Правда, 2002. — 458 с.

Уткин А.И... — Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. — Смоленск: Русич, 2000. — 640 с.

Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. — М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. — 624 с.

Уткин А.И. Черчилль... — Уткин А.И. Черчилль: победитель двух войн. — Смоленск: Русич.1999. — 656 с.

Уткин Н.И... — Уткин Н.И. Россия—Финляндия: «карельский вопрос». — М.: Международные отношения, 2003. — 336 с.

Уэллс Г. Дж... — Уэллс Г. Дж. Краткая всемирная история. — СПб.: Амфора, 2005. — 350 с.

Уэллс Г. Россия во мгле... — Уэллс Г. Россия во мгле / пер И. Виккер, В. Пастоев // Собрание сочинений в 15 т.: т. 15. — М.: Правда, 1964.

Фадеев Р.А... — Фадеев Р.А. Русское общество в настоящем и будущем.. Собр. соч. — СПб. Изд. Комарова. — 1889. т. 3; Русский исторический журнал. — М.: РГГУ, т. III, 2000. — №1—4. — 708 с.

Федоров Б.Г... — Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: в 2 т. Т. 1. — СПб.: Лимбус Пресс, 2002. — 624 с.

Фрэнсис Д... — Фрэнсис Д. Россия из американского посольства. (Голдин В.И...)

Фурсов А... — Фурсов А. Колокола истории, М.: ИНИОН РАН, 1996, ч. 1. — 182 с.

Хауз... — Архив полковника Хауза: в 2 т. — М.: АСТ; Астрель, 2004. — 602 с.; — 744 с.

Хоскинг Дж... — Хоскинг Дж. Россия и русские. Кн. 1 / пер. с англ. / Дж. Хоскинг. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2003. — 494 с.

Хрестоматия... — Хрестоматия по истории России. — М.: Проспект, 2000. — 592 с.

Хью Т... — Хью Т. Гражданская война в Испании, 1931—1939 гг. — М.: Центрполиграф, 2003. — 573 с.

Чаадаев П.Я... — Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 224 с.

Чаплин Г.Е... — Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере (Белый Север...)

Черчилль У... — Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. — М.: ЭКСМО, 2003. — 768 с.

Шамбаров В.Е... — Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! — М.: Алгоритм, 2003. — 656 с.

Шарапов С.Ф... — Шарапов С.Ф. Диктатор. 1907 г. — М.: Бобок; — Новая книга, 1998. — 112 с.

Шацилло К.Ф... — Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. — М.: РОССПЭН, 2000. — 399 с.

Шацилло В.К... — Шацилло В.К. Первая мировая война 1914—1918. Факты. Документы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 480 с.

Шевченко К... — Шевченко К. «Как славяне, мы верим в победу...» // Родина. — 2004. — №1.

Широкоград А.Б... — Широкоград А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857—1907. — М.: АСТ, 2003.

Шишов А.В... — Шишов А.В. Юденич. — М.: Вече, 2004. — 384 с.

Шмелев К.Ф... — Шмелев К.Ф. Денежное обращение в России в годы войны и революции 1914—1921 гг. — Пг., 1922.

Штейн Б.Е... — Штейн Б.Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции 1918—1920. — М., 1949.

Шульгин В.В. Дни... Шульгин В.В. Дни. 1920. Записки / сост. Д.А. Жуков. — М.: Современник, 1989. — 559 с.

Энгельгардт А.Н... — Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. — М.: Алгоритм, 2010. — 510 с.

Эрдхард Л... — Эрдхард Л. Благосостояние для всех: Репринт. Воспроизведение: пер. с нем. — М.: Дело, 2001. — 352 с.

Яковлев Н.Н... — Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. — М.: Эксмо; 2003. — 352 с.

Якушкин Е.Е... — Якушкин Е.Е. Французская интервенция на Юг 1918—1919 — М.: 1929.

Язьков Е.Ф... — Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в Новейшее время (1918—1945): 2 изд. — М.: МГУ; ИНФРА-М, 2001. — 352 с.

Fischer F... — Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967. (Уткин А.И...)

Keeble C... — Keeble C., Britain and the Soviet Union, 1917—1989, — New-York, 1990.

Keynes, J.M... — Keynes J.M. How to Pay for the War, in Collected Writings of John Maynard Keynes, vol. IX. New York: Cambridge University Press, 1972.

Ссылки

- ¹ Керенский А. Русская революция..., с. 366, 368.
- ² Игнатъев В.И..., с. 102.
- ³ Гинс Г.К., с. 45.
- ⁴ Ленин, 17 октября 1914 г. (ЧКК..., с. 74).
- ⁵ Ленин В.И. ПСС, т. 30, с. 328.
- ⁶ Керенский А. Русская революция..., с. 366.
- ⁷ Керенский А.Ф..., с. 17—18.
- ⁸ Раупах Р.Р..., с. 240—241. См. так же: Кисин С. Деникин..., с. 150.
- ⁹ Керенский А.Ф..., с. 277.
- ¹⁰ Керенский А.Ф..., с. 199.
- ¹¹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 230.
- ¹² Деникин А.И... т. 2, с. 152.
- ¹³ Мельгунов С. Как большевики... с. 265.
- ¹⁴ Милюков П.Н. История..., с. 745, 744.
- ¹⁵ Палеолог М..., 21 апреля 1917 г., с. 798.
- ¹⁶ Керенский А. Русская революция..., с. 368.
- ¹⁷ Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993, с. 349. (Кожин В.В..., с. 239.)
- ¹⁸ См. подробнее о Стокгольмской конференции: Уорт Р..., с. 102—103.
- ¹⁹ Черчилль У..., с. 289—290.
- ²⁰ Уэллс Г. Россия во мгле...
- ²¹ Чернов В..., с. 370.
- ²² Деникин неоднократно обращался к данной теме: Деникин А.И... т. 1, с. 454—455; См. так же: речь А. Деникина от 26 августа (8 сентября) 1918 г. Деникин А. Очерки Русской Смуты т. III, с. 262—263 и т. IV, с. 45—48. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 557). См. так же: Ответ Верховного Правительства на ноту «союзных и соучаствующих держав» от 26 мая 1919. // Россия и союзники. Обмен нотами между Союзными державами и Верховным Правителем России адмиралом Колчаком. Киев: Союз Возрождения России; Главный комитет на Украине, 1919. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 49).

²³ Устрялов Н..., с. 540.

²⁴ Гинс Г..., с. 179.

²⁵ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 380).

²⁶ П. Милюков — ген. Алексееву на манифест Л. Корнилова от 5 февраля 1918 г. (Кенез П..., с. 82—83).

²⁷ Шидловский С. И. Воспоминания. Т. 2, с. 122—123 (Чернов В., с. 244).

²⁸ Показания ген. М. Алексеева Войсковому Правительству Донской области 18 января 1918 г. — напечатано: Донская волна №13, 24 марта 1919. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 465).

²⁹ Кенез П..., с. 53, 55.

³⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.

³¹ Кенез П..., с. 67.

³² Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 449.

³³ Ленин В.И. ПСС, т. 34, с. 244.

³⁴ См. например: Соколов Б.Ф. «Защита Всероссийского Учредительного Собрания» — Берлин. 1924. Октябрьская революция. Мемуары. — М.,Л.: 1926, с. 382. (Кожин В.В..., с. 240.); Деникин А. И... т. 1, с. 454—455; Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 361.

³⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 344. (Кожин В.В..., с. 237—238.)

³⁶ Кожин В.В..., с. 238—239.

³⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 266.

³⁸ Кара-Мурза С..., с. 242—243.

³⁹ Головин Н.Н..., с. 366.

⁴⁰ Окунев Н.П..., с. 39. (2 мая 1917)

⁴¹ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 367).

⁴² Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV,

арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 356).

⁴³ Деникин А. И... т. 1, с. 258.

⁴⁴ Керенский А. Русская революция..., с. 267—268.

⁴⁵ Разговор с русскими миссиями в Лондоне август 1917 г. Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фонд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака. Л.: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 369).

⁴⁶ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 345—346).

⁴⁷ Деникин А. И... т. 1, с. 394.

⁴⁸ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 340).

⁴⁹ Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 112 (Уткин А.И... с. 354)

⁵⁰ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 405.

⁵¹ Мельгунов С. Как большевики... с. 282.

⁵² Мельгунов С. Как большевики... с. 294.

⁵³ Мельгунов С. Как большевики... с. 278.

⁵⁴ Мельгунов С. Как большевики... с. 211.

⁵⁵ Мельгунов С. Как большевики... с. 269.

⁵⁶ По данным Суханова при подавлении восстания потери с обеих сторон убитыми и ранеными, составили до 200 человек. (Мельгунов С. Как большевики... с. 280).

⁵⁷ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917—1920 гг. М.: 1988, с. 33.

⁵⁸ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917—1920 гг., с. 33.

⁵⁹ Бухарин доклад в петербургском Центр. Исп. ком. Советов 6 ноября 1917 г. (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 374).

⁶⁰ Мамонтов С. Походы и кони. — Париж: 1981, с. 49; (Волков С. В..., с. 40.)

⁶¹ Волков С. В..., с. 40.

⁶² Алексеев Г. Две встречи //ВБ. N 62, с. 16; Перепеловский К.М. Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное училище //ВБ. N 73, с. 24; (Волков С. В..., с. 41.)

⁶³ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. — Новосибирск: 1973, с. 44, 48—49; (Волков С. В..., с. 41—42.)

⁶⁴ Подробнее см: Волков С. В..., с. 42.

⁶⁵ Кускова. Письмо из Берлина. Посл. Нов. 29 мая 1923 г. (Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 401, примечание автора).

⁶⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 296.

⁶⁷ Кенез П..., с. 22.

⁶⁸ Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

⁶⁹ Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

⁷⁰ Мельгунов С. Как большевики... с. 304.

⁷¹ Милюков П.Н. История..., с. 696.

⁷² Милюков П.Н. История..., с. 710.

⁷³ Мельгунов С. Как большевики..., с. 234.

⁷⁴ Деникин А. И. (II)..., с. 159—161.

⁷⁵ Милюков П.Н. История..., с. 723.

⁷⁶ Мельгунов С. Как большевики... с. 313.

⁷⁷ Милюков П.Н. История..., с. 702—703.

⁷⁸ Милюков П.Н. История..., с. 702—703.

⁷⁹ Мельгунов С. Как большевики... с. 331.

⁸⁰ Мельгунов С. Как большевики... с. 316.

⁸¹ Мельгунов С. Как большевики... с. 335.

⁸² Кенез П..., с. 66.

⁸³ Кенез П..., с. 63.

⁸⁴ Кенез П..., с. 67.

⁸⁵ Кенез П..., с. 68.

⁸⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 385.

⁸⁷ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 385.

⁸⁸ Деникин А. И. (II)..., с. 262—263.

⁸⁹ Кенез П..., с. 65.

⁹⁰ Кенез П..., с. 65—66.

⁹¹ Раупах Р. Р..., с. 244.

⁹² Раупах Р. Р..., с. 240—241.

- ⁹³ Кенез П..., с. 71.
- ⁹⁴ Кенез П..., с. 72.
- ⁹⁵ Кенез П..., с. 74.
- ⁹⁶ Кенез П..., с. 87.
- ⁹⁷ Кенез П..., с. 95.
- ⁹⁸ Кенез П..., с. 89.
- ⁹⁹ Кенез П..., с. 99—100.
- ¹⁰⁰ Кенез П..., с. 100.
- ¹⁰¹ Кенез П..., с. 205.
- ¹⁰² Кенез П..., с. 109.
- ¹⁰³ Кенез П..., с. 109.
- ¹⁰⁴ Кенез П..., с. 109.
- ¹⁰⁵ Кенез П..., с. 112.
- ¹⁰⁶ Деникин А.И. (II)..., с. 395—396.
- ¹⁰⁷ Мельгунов С. Как большевики... с. 322.
- ¹⁰⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 1, ч. 2. — Париж—Берлин: 1921, с. 77.
- ¹⁰⁹ Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918—1920 годов. Т. 1, Париж, 1962, с. 42, 250 (Волков С.В..., с. 66, 171)
- ¹¹⁰ Мейбом Ф.Ф. Тернистый путь, N 35, с. 12 (Волков С. В..., с. 260)
- ¹¹¹ Свидерский Д.Д. Поход к Ледяному походу // ПП. N 1, с. 37 (Волков С. В..., с. 78)
- ¹¹² Корниловский ударный полк. Париж, 1936, с. 56 (Волков С. В..., с. 78)
- ¹¹³ Раупах Р.Р..., с. 243.
- ¹¹⁴ Раупах Р.Р..., с. 241.
- ¹¹⁵ Фрэнсису Лэнсингу, 24.01/6.02.1918, с вложением, датированным 26.01.1918 от консула Пула, FRUS, 1918, Russia, 2: 609, 610—611, 613, 614, 619 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 187)
- ¹¹⁶ Кенез П..., с. 9.
- ¹¹⁷ Вестник КОМУЧа. 6.IX.1918, Самара. (Голуб П.А..., с. 204—205).
- ¹¹⁸ Из приказа А. Деникина по армии: «Борьба до смерти. . .». (Деникин А.И. (II)..., с. 393)
- ¹¹⁹ Соколов Б. Ф... с. 376—377.

¹²⁰ O. Figes, The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War, 1918—1920, «Past and present» № 129, november 1990, p.199—200. (ЧКК..., с. 111.)

¹²¹ G.Leggett, op.cit., p. 204—237. (ЧКК..., с. 101.)

¹²² Егоров А..., с. 239.

¹²³ Knox A. With the Russian Army 1914—1917. Vol. II, Lnd., 1921, p. 174 (Уткин А. И..., с. 282)

¹²⁴ Палеолог М. 30 (17) апреля 1917. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (Репринт 1923 г.) с. 430, 449 (Кожин В. В. О русском..., с. 65—66)

¹²⁵ Головин Н.Н..., с. 186.

¹²⁶ Неизвестная Россия, XX век. М., 1992, т. 2, с. 221 (Литвин А..., с. 140)

¹²⁷ Раковский Г. Конец белых. Прага, 1921. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., «Отечество», 1991, с. 399

¹²⁸ Деникин А.И. (III).

¹²⁹ Деникин А. И. Поход на Москву., с. 529.

¹³⁰ Деникин А. И. Поход на Москву., с. 445.

¹³¹ ГАРО. Ф. 856, оп. 1, д. 76, л.19, 51—52. РГВА. Ф. 1304, оп. 1, д. 480, л. 19. Д. 478, л.10. (Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 112.)

¹³² Приказ подписали атаман Богаевский и командующий Донской армией генерал Сидорин (см.: Донские ведомости, 23 февраля (8 марта) 1919 г.). (Цит. по: Голуб П.А. Правда и ложь о рассказывании казаков))

¹³³ Посол США Фрэнсис — Госсекретарю. Архангельск, 12.09.1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 58))

¹³⁴ Вестник правительства Северной области, 24.IX.1919. Архангельск. (Голуб П. А..., с. 192).

¹³⁵ Вестник правительства Северной области, 24.IX.1919. Архангельск. (Голуб П. А..., с. 192).

¹³⁶ Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге// Гражданская война на Волге в 1918 году. Сб. 1. Изд. О-ва участников Волжского движения. Прага, Румунска 1, с. 49., 88. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 166, 169).

¹³⁷ Газ. «Русская армия», 26.VII. 1919. (Голуб П. А..., с. 379—380).

¹³⁸ Гинс Г.К..., с. 442.

¹³⁹ Гинс Г.К..., с. 450.

¹⁴⁰ Марушевский В. В..., с. 203

¹⁴¹ Марушевский В. В..., с. 217.

¹⁴² Троцкий Л. Вокруг Октября. 6 апреля 1924 г.

¹⁴³ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция, т. 1. — М., 1923, с. 232—233.

¹⁴⁴ Гражданская война 1918—1921 гг. — М., 1928. Т. 2, с. 84. (Россия и СССР в войнах XX века...)

¹⁴⁵ Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917—1922 гг.), с. 119—122; Родин Д. Революционные трибуналы в 1920—1922 гг. — Вестник статистики. 1989. №8, с. 49, 54; (Литвин А.Л...с. 63))

¹⁴⁶ Раупах Р.Р..., с. 143.

¹⁴⁷ Зайончковский А.М..., с. 625.

¹⁴⁸ Палеолог М... 9 ноября 1916 г., с. 622.

¹⁴⁹ Раупах Р.Р..., с. 145.

¹⁵⁰ Gibbs Ph. Realities of War. London, 1920, p. 47. (Уткин А.И..., с. 253.)

¹⁵¹ Пуанкаре Р..., с. 729, прим.

¹⁵² Пуанкаре Р..., с. 729—730. Подробнее о военной юстиции во Франции во время войны см. журнал «Procès civique» за 1919—1922 гг. «Cahiers des Droits de l'Homme» за эти же годы, Reau, «Les Crimes de Conseils de guerre»; на русском языке см. вводную статью Ф. Нотович к сборнику «Революционное движение во французской армии в 1917 г.» (Пуанкаре Р..., с. 733, прим.)

¹⁵³ Палеолог М..., 1 сентября 1916 г., с. 567.

¹⁵⁴ Белый Север, с. 369, прим.

¹⁵⁵ Киган Д..., с. 444.

¹⁵⁶ Ген. Балув — Керенскому (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27—28)

¹⁵⁷ Деникин А. И. (I)..., с. 379, см. так же Савинков — Керенскому (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27)

¹⁵⁸ Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27

¹⁵⁹ Деникин А. И. (I)..., с. 381—384.

¹⁶⁰ Корнилов 11 июля 1917 г. (Головин Н.Н..., с. 368.)

¹⁶¹ Корнилов 11 июля 1917 г. (Головин Н.Н..., с. 368.)

¹⁶² Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 94—95.

¹⁶³ Ген. Балугев — Керенскому (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 27—28)

¹⁶⁴ Чернов В..., с. 359.

¹⁶⁵ Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 94

¹⁶⁶ Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 95—96

¹⁶⁷ Джадсон Фрэнсису, 29.08 и 3.09.1917, Judson Papers, box 5, NL (Дэвис Д., Трани Ю., с. 129)

¹⁶⁸ Меморандум послу, 29.08.1917, вложение 1, в «Доклад о ситуации в России» Джадсона от 16.03.1918, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д., Трани Ю., с. 130)

¹⁶⁹ Перефразированные Джадсоном слова Фрэнсиса см. в: Джадсон ген.у Пейтону Марчу, начштаба армии США, 21.05.1919, Judson Papers, box 6, NL (Дэвис Д., Трани Ю., с. 129)

¹⁷⁰ Фрэнсис Лэнсингу, 30.08.1917, FRUS, 1918, Russia, 1: 181 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 129)

¹⁷¹ Дневник Дж. Бьюкенена, запись 24.08.1917. (Бьюкенен Дж... с. 322)

¹⁷² ГАРФ, ф. 18, оп. 1, д. 8, л. 12. (Голуб П. А..., с. 137).

¹⁷³ Деникин А. И. (I)..., с. 210.

¹⁷⁴ Деникин А. И. (I).

¹⁷⁵ Ответное письмо П. П. Скоморохова ген.у Е. К. Миллеру. Архангельск. 17.02.1920. УМБРФ по Архангельской области. Следственное дело на Мартынова Я. А. и др. Л. 205—205 об. Подлинник (Белый север, т. 2, с. 434—435)

¹⁷⁶ Приказ от 16 августа 1918 г. ГАРФ, ф. 176, оп. 2, д. 27, л. 101. (Голуб П.А..., с. 275).

¹⁷⁷ Газета «Русская армия», 7. XI. 1919. (Голуб П.А..., с. 381).

¹⁷⁸ Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958, с. 153—154, 164 (Литвин А..., с. 175)

¹⁷⁹ Марушевский В. В..., с. 218

¹⁸⁰ Марушевский В. В..., с. 223, 224.

¹⁸¹ Доклад командующего войсками и члена правительства Северной области ген.-лейтенанта В. В. Марушевского Временному правительству Северной области 19.07.1919. (ЦГАОР СССР. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 16. Лл. 57—59.) (Белый Север, с. 358—360)

¹⁸² Шульгин В. В. 1920. (Шульгин В. В..., с. 286)

¹⁸³ Вацетис И. И. Гражданская война. 1918 год. // Память. М., 1977, Вып. 2, с. 72, 74 (Литвин А..., с. 292)

¹⁸⁴Троцкий Л.Д. Моя борьба. Берлин. 1930, т.2, с. 141. (Литвин А..., с. 60.)

¹⁸⁵Деникин А. И. (II).

¹⁸⁶Генис В.Л. "Первая конная армия: за кулисами славы". — Вопросы истории. — 1994. № 12. <http://pandia.ru/text/78/231/46031.php>

¹⁸⁷Ставровский С. Н. Черные годы. В кн.: Минувшее. Т. 14. М. — СПб. 1993 с 87. (Цит. по: Генис В.А. "Первая конная армия...")

¹⁸⁸Врангель П. Н. Записки. 11.1916—11.1920, т.1.

¹⁸⁹Врангель П. Н. Записки. 11.1916—11.1920, т.1.

¹⁹⁰См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. V. — Берлин, с. 122; (Егоров А. И., с. 201.)

¹⁹¹Деникин А. И. Поход на Москву..., с. 404.

¹⁹²Деникин А. И. Поход на Москву., с. 405.

¹⁹³Врангель П.Н. Записки// Белое Дело, т. V, с. 99—100. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 490).

¹⁹⁴Деникин А. И. Поход на Москву..., с. 406—407.

¹⁹⁵Деникин А. И. (III)..., с. 297.

¹⁹⁶Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 288, 292).

¹⁹⁷Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 208 (Карпов Н. Д..., с. 74)

¹⁹⁸Валентинов А. А. Врангелевщина. Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922; См. так же Валентинов А. А. Крымская эпопея. Деникин—Юденич—Врангель, М.—Л., 1927, с. 356.

¹⁹⁹ГАРФ, ф. 440, оп. 1, д. 34, л. 2, 12, 73; д. 12, л. 1—33 (Литвин А..., с. 182)

²⁰⁰Гинс Г. К..., с. 478.

²⁰¹Краснов В.Г. (II)_, с. 131—132.

²⁰²Краснов В.Г. (II)_, с. 136.

²⁰³Осоргин М.А. 1928 г. Ситцев Вражек. Урал. 1989. №7, с.86.

²⁰⁴Соколов Б. Ф..., с. 340.

²⁰⁵Добровольский С. Ц..., с. 98.

²⁰⁶Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 283—284.)

²⁰⁷«Офицеры широко назначались в крестьянские партизанские отряды., которых крестьяне «в полном смысле этого слова носили на руках», — Марушевский В. В..., с. 218, 226, 288; «Все очевидцы отмечают в целом необычайно теплые отношения между офицерами и солдатами Северной армии. Даже при разва-

ле фронта «ни одного акта насилия, ни одного враждебного жеста по отношению к оставшимся в строю офицерам не было сделано...», — Миллер Е. К..., с. 27; «Необходимо только отметить, что эксцессов в отношении офицеров на фронте почти не было... В общем солдатская масса рассталась с офицерами дружелюбно», — Добровольский С... с. 194—195.

²⁰⁸ Соколов Б.Ф... с. 414

²⁰⁹ Соколов Б.Ф... с. 364—365

²¹⁰ Марушевский В. В..., с. 282—283

²¹¹ Армия. Эвакуация из Северной России, 1919. Лондон, 1920 (на англ. яз.). С. 19—20 (Белый Север, с. 370, прим.)

²¹² Зеленов Н.П..., с. 212.

²¹³ Соколов Б.Ф..., с. 322.

²¹⁴ См. подробнее: Условия формирования русской Добровольческой Армии в Северо-Западных губерниях («Северной Армии»), выработанные на Русско-Германском заседании в Пскове в середине октября 1918 г. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 91—92).

²¹⁵ Волков С. В..., с. 231;

²¹⁶ Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.: Отечество, 1991, с. 259.

²¹⁷ Марушевский В. В..., с. 314

²¹⁸ Шишов А.В..., с. 309.

²¹⁹ Шишов А.В..., 319.

²²⁰ Шишов А.В..., с. 312.

²²¹ Шишов А.В..., 345.

²²² Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 437.

²²³ Россия на переломе, т. II, с. 59 (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 435).

²²⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 438.

²²⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 448.

²²⁶ Деникин т. II, с. 194. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 449).

²²⁷ Кенез П..., с. 269; См. тоже: Подчинение генерал П.Н. Краснова генералу А.И. Деникину. Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 589—598.

²²⁸ Кенез П..., с. 271—272.

²²⁹ Гинс Г. К..., с. 480.

²³⁰ Черчилль — Кабинету, 22.09.1919. (Черчилль У..., с. 305—306)

²³¹ Известия ВЦИК, 31 июля 1919 г.; Волков С. В..., с. 143.

²³² Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России, М., 1968; (Волков С. В..., с. 178—179.)

²³³ Волков С. В..., с. 176—177.

²³⁴ Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело. Кн. 3, М., 1992, , с. 59—61; (Волков С. В..., с. 134.)

²³⁵ Составлено автором на основании данных: Волков С. В..., с. 144—145 и Деникин А. И. Поход на Москву..

²³⁶ Кенез П..., с. 159.

²³⁷ Кенез П..., с. 163.

²³⁸ Кенез П..., с. 130.

²³⁹ Деникин А. Очерки русской смуты, т. III, с. 132. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 496).

²⁴⁰ Лукомский. Воспоминания, т. . Берлин: Изд. Отто Кирхнер, 1922, с. 289. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 437).

²⁴¹ Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917—1918 гг.// Архив Русской революции, т. XV, с. 32. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 570).

²⁴² Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 462, 449.

²⁴³ Кенез П..., с. 159.

²⁴⁴ Кенез П..., с. 158.

²⁴⁵ Кенез П..., с. 132—133.

²⁴⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция ..., т.1, с. 493.

²⁴⁷ Деникин А. И. Поход на Москву., с. 418.

²⁴⁸ Гинс Г. К..., с. 482.

²⁴⁹ Егоров А. И., с. 41—42.

²⁵⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 1, ч. 2 Париж—Берлин, 1921, с. 382.

²⁵¹ Кенез П..., с. 280.

²⁵² Петров П. П. Роковые годы, Франкфурт, 1965, с. 139; (Волков С. В..., с. 261)

²⁵³ Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 208 (Карпов Н. Д..., с. 74)

²⁵⁴ Дневник генерала М.Г. Дроздовского — Берлин, Отто Кирхнер, 1923, с. 142—154. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 497).

²⁵⁵ Егоров А. И., с. 358, 359.

²⁵⁶ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В. Дни..., с. 300—301)

²⁵⁷ Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 230 (Карпов Н. Д..., с. 37)

²⁵⁸ Шульгин В. В. Дни..., с. 552, ком. Ю. В. Мухачева.

²⁵⁹ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) и Валентинов А. А. Врангелевщина. (Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922): (В кн.: Революция и гражданская война..., с. 352).

²⁶⁰ Валентинов А. А. Врангелевщина. (Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922) В кн.: Революция и гражданская война., с. 352—353

²⁶¹ Сейерс М., Кан А..., с. 102.

²⁶² Шульгин В. В. Дни..., с. 552, ком. Ю. В. Мухачева.

²⁶³ Janin M. Moje učast na československem boji za svobodu. 1923, с. 227—228. (Голуб П.А..., с. 394).

²⁶⁴ Janin Maurice. Moje ucast na Seskoslovenskem boji za svobodu. Praha, 1923, s. 276. (Голуб П. А..., с. 422).

²⁶⁵ Ллойд Джордж заявление в июне 1918 г. (Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. N.Y. 1984, p.182—184. (Уткин А.И., с. 557.))

²⁶⁶ Газета Ceskoslovensky dennik, 12.III.1919. (Голуб П. А..., с. 70).

²⁶⁷ Черчилль У..., с. 301.

²⁶⁸ Мейбом Ф. Ф. Тернистый путь, N 27—28, с. 11; Мейбом Ф. Ф. Бронепоезд «Витязь» // ПП. N 4, с. 8; (Волков С. В..., с. 256.)

²⁶⁹ Волков С. В..., с. 267.

²⁷⁰ Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака, М., 1960, с. 69; Петров П. П. Роковые годы, Франкфурт, 1965, с. 141; (Волков С. В., с. 268.)

²⁷¹ Мейбом Ф. Ф. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии, N 17, с. 43, 50 (Волков С. В..., с. 268)

²⁷² Будберг А. 2 августа 1919 г..., с. 204—205.

²⁷³ Гинс Г..., с. 185.

²⁷⁴ Гинс Г..., с. 185.

- ²⁷⁵ Гинс Г..., с. 231.
- ²⁷⁶ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 288.)
- ²⁷⁷ Черчилль У..., с. 300.
- ²⁷⁸ ⁶ августа 1919 г. Краснов В.Г. (II) ..., с. 129.
- ²⁷⁹ Гинс Г.К..., с. 438.
- ²⁸⁰ Раупах Р. Р..., с. 238.
- ²⁸¹ Будберг А..., с. 6, 29.
- ²⁸² Будберг А. 28 июня 1919 г..., с. 146—147.
- ²⁸³ Будберг А. 14 августа 1919 г..., с. 235.
- ²⁸⁴ Будберг А. 30 августа 1919..., с. 265.
- ²⁸⁵ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Впечатления очевидца. (Квакин А.В..., с. 215—216).
- ²⁸⁶ Будберг А. 5, 20 августа 1919 г..., с. 217, 244.
- ²⁸⁷ Будберг А., 7 сентября 1919..., с. 284.
- ²⁸⁸ Чаплин Г. Е..., с. 48
- ²⁸⁹ Волков С.В..., с. 276.
- ²⁹⁰ Чаплин Г. Е..., с. 49—50.
- ²⁹¹ Игнатьев В. И..., с. 110, 112, 114.
- ²⁹² Чаплин Г. Е..., с. 50.
- ²⁹³ Чаплин Г. Е..., с. 49
- ²⁹⁴ Вырыпаев В. Каппелевцы // ВП. N 28, с. 6; (Волков С. В..., с. 88.)
- ²⁹⁵ Ратьковский И.С..., с. 129.
- ²⁹⁶ Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920, с. 82. (Ратьковский И.С..., с. 128)
- ²⁹⁷ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917—1920 гг. М., 1988, с. 118; Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков, Нью-Йорк, 1919, с. 37; Волков А. Л. Гренадеры в Гражданской войне // ВИБ. N 45/46, с. 35. (Волков С. В..., с. 88.)
- ²⁹⁸ Мамонтов С. Походы и кони, Париж, 1981, с. 53—55 (Волков С. В..., с. 88)
- ²⁹⁹ Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 1, с. 21. (Ратьковский И.С..., с. 131)
- ³⁰⁰ Правда. 1918. 30 авг. (Ратьковский И.С..., с. 131)
- ³⁰¹ Известия Рыбинского Совета. 1918. 28 авг. (Ратьковский И.С..., с. 131)

³⁰² Петроградская правда. Вечерний выпуск. 1918. 7 сент. (Ратьковский И.С..., с. 131)

³⁰³ Мейбом Ф. Ф. Тернистый путь // ПП. N 25, с. 4, N 24, с. 6 (Волков С. В., с. 88—89.)

³⁰⁴ письмо ВЧК от 17 июня 1920 г.

³⁰⁵ Елисеев Ф. И. Кубань в огне // Кубанец. Донской атаманский вестник. 1996, N 1, с. 23; (Волков С. В..., с. 286.)

³⁰⁶ Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск, 1973, с. 232; (Волков С. В..., с. 86.)

³⁰⁷ Подробнее см. у Волкова С. В...

³⁰⁸ Дневник генерала М.Г. Дроздовского. Берлин, Отто Кирхнер, 1923, с. 142—154. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 496).

³⁰⁹ Из речи А. Деникина 26 августа (8 сентября) 1918 г. Деникин А. Очерки Русской Смуты т. III, с. 262—263 и т. IV, с. 45—48. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 554).

³¹⁰ Фрунзе М. В. О принципах стратегии и тактики Красной армии // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917—1940, М., 1965, с. 55 (Волков С. В..., с. 177)

³¹¹ Егоров А. И., с. 362—363.

³¹² Военный Энциклопедический словарь, ст. «Колчака армии», М, 2001; ЦГАОР, ф. 200, оп. 3, д. 85, л. 95 (Анτισоветская интервенция и ее крах, М, 1987, с. 53); Родзянко А.П., Воспоминание о Северо-Западной армии, с. 94—95 (Слободин В.П., Указ. соч., с. 51); РГВА, ф. 39450, оп. 1, д. 255, л. 1—4, д. 250, л. 4—6, 26—66, д. 189, л. 31, 42, 50 (Слободин В.П., Указ. соч., с. 51); Военный энциклопедический словарь, ст. «Вооруженные силы Юга России»; РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 30, л. 146—166 (Слободин В.П., Указ. соч., с. 50), Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России // Деникин, Юденич, Врангель, М., 1990, с. 281; Дерябин А. И. Белые армии, с. 7—8; Известия ВЦИК, 31.07.1919; (Волков С. В..., с. 226.); Шишов В.А..., с. 345.

³¹³ Дерябин А. И. Белые армии, с. 19, 20; Раковский Г. Конец белых, Прага, 1921, с. 441; (Волков С. В..., с. 144.)

³¹⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 610.

³¹⁵ Троцкий Л. Д. История русской революции. т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.

- ³¹⁶ Деникин А. И. (II)..., с. 229.
- ³¹⁷ Деникин А. И. (II)..., с. 246.
- ³¹⁸ Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками. Воспоминания, Париж, 1931, с. 190—192 (Волков С. В..., с. 71—72)
- ³¹⁹ Краснов В.Г. (II)..., с. 131.
- ³²⁰ Раупах Р. Р..., с. 232—233.
- ³²¹ Деникин А. И. (III)..., с. 312.
- ³²² Раупах Р. Р..., с. 254—255.
- ³²³ Гинс Г.К..., с. 536.
- ³²⁴ Кенез П..., с. 9.
- ³²⁵ Палеолог М..., 16 февраля 1916 г., с. 450—451.
- ³²⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=9>
- ³²⁷ Ленин В.И. ПСС. т. 34, с. 219. (Голиков Д..., с. 183).
- ³²⁸ Кенез П..., с. 42.
- ³²⁹ Кенез П..., с. 42.
- ³³⁰ Миронов Ф. Тихий Дон в 1917—1921 гг. Документы. — М., 1997, с. 7. (Цит. по: Голуб П.А. Правда и ложь о рассказывании казаков. — Приложение к журналу «Политическое просвещение». 2009.)
- ³³¹ Голуб П.А. Правда и ложь о рассказывании казаков. — Приложение к журналу «Политическое просвещение». 2009.
- ³³² Тезисы ЦК РКП(б) о работе на Дону», сентябрь 1919 г.
- ³³³ Деникин А. И... т. 1, с. 325, примечание.
- ³³⁴ Белая Россия. Альбом №1. Нью Йорк, 1937. Репринт — СПб., 1991, с. 123, 11, 17, 60. (Кожин В. В. Правда сталинских репрессий. — М.: Алгоритм, 2007. — 448 с., с. 49).
- ³³⁵ Кенез П..., с. 125.
- ³³⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 389.
- ³³⁷ Семенов Г..., с. 78.
- ³³⁸ Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 100.)
- ³³⁹ Борьба за власть Советов на Дону. Сб. док. Ростов-н. Д. 1957, с. 236—237. (Цит. по: Генис В.Л. Рассказывание..., с. 43)
- ³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1257, оп. 1, д.5, л.2. (Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 100, 117.)

³⁴¹ Янов Г.П. Дон под большевиками весной 1918 года и восстановление станиц на Дону// Донская Летопись, №№, с. 19, 20. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 390).

³⁴² Письмо атамана Краснова, Императору Вильгельму II (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 44).

³⁴³ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 411.

³⁴⁴ РГВА. Ф. 39456, оп. 1, д.60, л.104. См. подробнее: (Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 111.)

³⁴⁵ Краснов Л. Н. Всевеликое войско Донское, с. 221. (кн.: Алексеев С. А. Начало гражданской войны, 1926, с. 148); (Егоров А. И., с. 63—64.)

³⁴⁶ Гинс Г.К..., с. 431.

³⁴⁷ Деникин А. И. (III).

³⁴⁸ Деникин А. И. Поход на Москву., с. 434.

³⁴⁹ Кенез П..., с. 222.

³⁵⁰ Временное положение об управлении областями занимаемыми Добровольческой армией Деникин А.И. Очерки русской смуты , Т. III, с. 267—269. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 309.

³⁵¹ Краснов П. Всевеликое войско Донское // Архив Русской революции, т.V с. 278—280. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 589)

³⁵² Кенез П..., с. 159.

³⁵³ Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В..., с. 42)

³⁵⁴ Краснов П. Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 198. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 427).

³⁵⁵ Краснов П. Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 242. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 423—424).

³⁵⁶ Деникин А. И. Поход на Москву., с. 444.

³⁵⁷ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 408).

³⁵⁸ Архив Русской революции, т. XIII, с. 199. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 408).

³⁵⁹ Гинс Г.К..., с. 476.

³⁶⁰ Гинс Г.К..., с. 510—511.

³⁶¹ Кенез П..., с. 8—9.

- ³⁶² Волков С.В..., с. 291.
- ³⁶³ Семенов Г..., с. 165, 167, 197, 206.
- ³⁶⁴ Кенез П..., с. 9.
- ³⁶⁵ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах. М., 1925, с. 31 (Волков С. В..., с. 9)
- ³⁶⁶ Волков С. В..., с. 11.
- ³⁶⁷ Гиацинтов Э. Записки белого офицера, М., 1992, с. 253; (Волков С. В..., с. 11.)
- ³⁶⁸ Волков С. В..., с. 11—12.
- ³⁶⁹ Волков С. В..., с. 14.
- ³⁷⁰ Донесение Командира 37-го армейского корпуса. (Революционное движение в русской армии. 27.02—24.10.1917. — М.: 1968. с. 169. (Волков С.В..., с. 21)).
- ³⁷¹ Марушевский В. В..., с. 172—173
- ³⁷² Фадеев Р.А..., с.181.
- ³⁷³ Успенский В.Д..., т.1, с. 31.
- ³⁷⁴ Керенский А. Русская революция..., с. 142, 144.
- ³⁷⁵ Яковлев Н. Н..., с. 36.
- ³⁷⁶ Горелов М. На реках Вавилонских. Новый журнал. №183. с. 207—209. (Волков С.В..., с. 292.)
- ³⁷⁷ Краснов В.Г..., кн. 1, с. 382—383.
- ³⁷⁸ Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой (24 июня 1917 г., 2 и 17 января 1918 г.) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996, С. 203—204, 253, 259. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 18—19).
- ³⁷⁹ Деникин А. И... т.2.
- ³⁸⁰ Марушевский В. В..., с. 173
- ³⁸¹ Марушевский В. В..., с. 341
- ³⁸² Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. 26 января 1920 г. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51. (Квакин А.В..., с. 341).
- ³⁸³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988.
- ³⁸⁴ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб, 1992.
- ³⁸⁵ Лемке М.К..., 1916, с. 574.
- ³⁸⁶ Головин Н.Н., т. 2, с. 155.
- ³⁸⁷ Кенез П..., с. 35.
- ³⁸⁸ Россия на переломе, т. II, с. 57. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 455).

³⁸⁹ Гинс Г.К..., с. 525.

³⁹⁰ Будберг А. 2 августа 1919 г..., с. 204.

³⁹¹ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Впечатления очевидца. (Квакин А.В..., с. 264).

³⁹² Дневник генерала М.Г. Дроздовского — Берлин: Отто Кирхнер, 1923., с. 124—154. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 500).

³⁹³ Киган Д., с. 440.

³⁹⁴ Валянский С..., 93.

³⁹⁵ Лемке М.К..., 1916, с. 243.

³⁹⁶ Раупах Р.Р..., с. 174.

³⁹⁷ Дневник Дж. Бьюкенена, 3.11.1917. (Бьюкенен Дж..., с. 353)

³⁹⁸ Бьюкенен Дж..., с. 290.

³⁹⁹ Александр М..., с. 250.

⁴⁰⁰ Г. Д. Уэллс..., с. 292—293

⁴⁰¹ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 327—328.)

⁴⁰² М. Волошин. Россия распятая. Лекция (1920). // Выход из транса. М., 1995, с. 164—165 (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 222).

⁴⁰³ Волков С.В..., с. 15.

⁴⁰⁴ Волков С.В..., с. 16—17.

⁴⁰⁵ Кенез П..., с. 31.

⁴⁰⁶ Керенский А. Русская революция..., с. 31—32.

⁴⁰⁷ Шульгин В.В..., с. 197.

⁴⁰⁸ Керенский А. Русская революция..., с. 150.

⁴⁰⁹ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 329).

⁴¹⁰ Воейков В. Н..., с. 231.

⁴¹¹ Керенский А. Русская революция..., с. 152—153.

⁴¹² Воейков В. Н..., с. 196—197.

⁴¹³ Деникин А. И. (I)..., с. 5, 7—8.

⁴¹⁴ Революционное движение в русской армии, 27.02—24.10.1917. — М., 1968, с. 211—212 (Волков С. В..., с. 24—25)

⁴¹⁵ Секретный архив комиссаров XI армии И. Кириенко и А. Чекотило // Белый архив. Т. 1, Париж, 1926, с. 29 (Волков С. В..., с. 25—26)

⁴¹⁶ Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914—1918 гг.) Военно-исторический журнал. 1993, N 9. С. 65—69 (Шацилло В. К..., с. 454—455)

⁴¹⁷ Кенез П..., с. 30, 31.

⁴¹⁸ Керенский А.Ф..., с. 73.

⁴¹⁹ Керенский А. Русская революция..., с. 311—312.

⁴²⁰ Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 89

⁴²¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 2, с. 129—134 (Волков С. В..., с. 16—17, 35—36).

⁴²² «Сводка сведений о настроении частей войск Армий Западного фронта с 12(25)—15(28).10.1917» (Головин Н.Н..., с. 373.)

⁴²³ Головин Н. Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 2, с. 114 (Волков С. В..., с. 31)

⁴²⁴ Донесение генкварта Северного фронта, 27.10.1917. (В кн.Революционное движение в русской армии, 27.02.—24.10.1917, М., 1968, с. 551 (Волков С. В..., с. 33)

⁴²⁵ Волков С. В..., с. 33.

⁴²⁶ Волков С. В..., с. 47.

⁴²⁷ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957, с. 227—228 (Волков С. В..., с. 48)

⁴²⁸ Волков С. В..., с. 48.

⁴²⁹ Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками. Воспоминания, Париж, 1931, с. 52—53 (Волков С. В..., с. 58)

⁴³⁰ Кришевский Н. В Крыму (1916—1918 г.) // АРР. XIII, с. 108 (Волков С. В..., с. 61—62)

⁴³¹ Керенский А. Русская революция..., с. 148—149.

⁴³² Керенский А. Русская революция..., с. 138, 141, 147.

⁴³³ Витте С.Ю..., т. 2, с. 65, 66.

⁴³⁴ Портфель графа А.Х. Бенкердорфа. Мемуары шефа жандармов. (в сборнике: Николай I. Муж. Отец. Император.М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. с. 360, 361).

⁴³⁵ Чернов В..., с. 294.

⁴³⁶ Чернов В..., с. 295.

⁴³⁷ Чернов В..., с. 371.

⁴³⁸ Керенский А. Русская революция..., с. 179.

⁴³⁹ Судьба многих офицеров была по настоящему трагична и predetermined с первых дней революции. Что ждало оставшихся в живых? По словам А. Деникина: «тех немногих, кто уцелел...»

судьба разметала по свету: одни оказались в рядах полков, нашедших приют в славянских землях; другие — за колючей проволокой лагерей — тюрем, воздвигнутых недавними союзниками, третьи, голодные и бесприютные, — в грязных ночлежках городов Старого и Нового Света». (Деникин А.И. (II)..., с. 395—396.)

⁴⁴⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. т. 2. Октябрьская революция. Часть первая.

⁴⁴¹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 466).

⁴⁴² Ответы М. Алексеева на вопросы представителей Войскового правительства Донской области 18 января 1918 г. опубликовано: Донская речь №13, 24 марта 1919 г. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 466).

⁴⁴³ См. подробнее: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1., с. 500—501.

⁴⁴⁴ Деникин А. И. (II)..., с. 393.

⁴⁴⁵ Деникин А. И. (III)..., с. 319.

⁴⁴⁶ Деникин А. И. (III)..., с. 320.

⁴⁴⁷ Деникин А. И. (III)..., с. 134.

⁴⁴⁸ Деникин А. И. (III)..., с. 135.

⁴⁴⁹ Харьковская меньшевистская газета «Мысль». 1919 г. (Деникин А. И. (III)..., с. 143—144.)

⁴⁵⁰ Добровольский С... с. 44—45

⁴⁵¹ Деникин А. И. (III)..., с. 141.

⁴⁵² Деникин А. И. (III)..., с. 229.

⁴⁵³ Лехович Д. Белые против красных. Судьба ген. Антона Деникина. М., 1992, с. 22. (Кожин В.В..., с. 170.)

⁴⁵⁴ Деникин А. И. (III)..., с. 320—321.

⁴⁵⁵ Деникин А. И. (III)..., с. 321.

⁴⁵⁶ Деникин А. И. (III)..., с. 335.

⁴⁵⁷ Гинс Г.К..., с. 523.

⁴⁵⁸ Колчак — Деникину, 28.12.1918. (Деникин А. И. (III)..., с. 24)

⁴⁵⁹ Черновик письма А. В. Колчака А. В. Тимиревой (без даты, после 30 января 1918 г.) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996, С. 275 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 32).

⁴⁶⁰ Краснов В.Г. (II)..., с. 60.

⁴⁶¹ Голуб П. А..., с. 337.

⁴⁶² Гинс Г.К..., с. 438.

⁴⁶³ Гинс Г.К..., с. 442.

⁴⁶⁴ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика ((Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 29.)

⁴⁶⁵ Гутман А.Я. (Ган). Россия и большевизм. — Шанхай, 1921, ч. I, с. 339. (Мельгунов С.П. Трагедия адмирала..., с. 450).

⁴⁶⁶ РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 35, лл. 97—100, [100^а] (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 40—41).

⁴⁶⁷ Приказ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России 21 ноября 1918, № 44. РГВА. Ф. 39499, оп. 1, д. 4, л. 7. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 56).

⁴⁶⁸ Речь Верховного Правителя к солдатам 12 августа 1919 // Наш Край. Хабаровск, 1919. № 6, 22 августа. С. 2 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 51—52).

⁴⁶⁹ Раупах Р.Р..., с. 281—282.

⁴⁷⁰ Ген. Корнилов, Воззвание, 27 августа 1917 г. (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 189—190)

⁴⁷¹ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 469).

⁴⁷² Раупах Р.Р..., с. 281—282.

⁴⁷³ Кенез П..., с. 81.

⁴⁷⁴ Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В..., с. 40)

⁴⁷⁵ Лукомский. Воспоминания, т. II, Берлин, 1922, с. 175.

⁴⁷⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 498.

⁴⁷⁷ Гинс Г. К..., с. 683.

⁴⁷⁸ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925.

⁴⁷⁹ Гревс У., Американская авантюра в Сибири, М, 1932, с. 169.

⁴⁸⁰ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика ((Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 18.)

⁴⁸¹ Краснов П. Всевеликое войско Донское //Архив Русской революции, т.? с/ 278—280/ (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 590)

- ⁴⁸² Шкуро А. Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, Сеятель, 1961, с. 97 (Карпов Н. Д..., с. 12)
- ⁴⁸³ Слащов Я. А. Крым, 1920 // Гражданская война в России. Оборона Крыма. АСТ, 2003, с. 83 (Карпов Н. Д..., с. 12)
- ⁴⁸⁴ Карпов Н. Д..., с. 19
- ⁴⁸⁵ Раупах Р.Р..., с. 283.
- ⁴⁸⁶ Правительственный вестник № 253, октябрь 1919 г. (Гинс Г.К..., с. 544—545)
- ⁴⁸⁷ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 473—474.
- ⁴⁸⁸ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 474.
- ⁴⁸⁹ Кенез П..., с. 198.
- ⁴⁹⁰ Флеминг П..., с. 166.
- ⁴⁹¹ Раупах Р. Р..., с. 285.
- ⁴⁹² Раупах Р. Р..., с. 254.
- ⁴⁹³ Александр М..., с. 377.
- ⁴⁹⁴ Будберг А. 24 сентября 1919 г..., с. 311.
- ⁴⁹⁵ Воейков В. Н..., с. 266.
- ⁴⁹⁶ Пуришкевич — Каледину 4 ноября 1917 г. Красный архив, 1928, № 1 (28), с. 170—171. (Мельгунов С. Как большевики... с. 285; См. также Голинков Д..., с. 195).
- ⁴⁹⁷ ЦГАОР. Ф. 6748. Оп. 1. Д. 3. Л. 726 (Милюков П. Н..., пред. Н. Г. Думовой, с. 9—10)
- ⁴⁹⁸ Воронович Н. В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII. — Берлин, 1922.
- ⁴⁹⁹ Раупах Р.Р..., с. 261—262.
- ⁵⁰⁰ Деникин А. И. (II)..., с. 238.
- ⁵⁰¹ Будберг А. 23 сентября 1919 г..., с. 310.
- ⁵⁰² Деникин А. И. (II)..., с. 238.
- ⁵⁰³ История Советской Конституции (в документах). 1917—1956. С. 109—110. (Хрестоматия..., с. 426.)
- ⁵⁰⁴ Деникин А. И. (III).
- ⁵⁰⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 462.
- ⁵⁰⁶ Гинс Г.К..., с. 563.
- ⁵⁰⁷ Доклад члена Реввоенсовета 10-й армии А. Окулова в ЦК РКП(б) 22.12.1918. (Цит. по: Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. URL: <http://pandia.ru/text/78/231/46031.php>)

- ⁵⁰⁸ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1, с. 73 (Россия и СССР в войнах XX века...)
- ⁵⁰⁹ Жуков Д. Жизнь и книги В.В. Шульгина (Шульгин В.В. Дни..., с. 44)
- ⁵¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 199, 218; т. 39, с. 406
- ⁵¹¹ Кара-Мурза С..., с. 164.
- ⁵¹² Деникин А.И. (II)..., с. 159—161.
- ⁵¹³ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959, с. 420—421. (Кожин В.В..., с. 241.)
- ⁵¹⁴ Успенский В.Д..., т. 1, с. 50, 51. См. также Деникин А. И. (II)..., с. 236—237.
- ⁵¹⁵ Сухомлинов В. А..., с. 427—428.
- ⁵¹⁶ Волков С. В..., с. 87.
- ⁵¹⁷ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 305, 311)
- ⁵¹⁸ Колчак приказ от 14 мая 1919 г. (ГАРФ, ф. 176, оп. 14, д. 175, л. 37. (Голуб П.А..., с. 379)).
- ⁵¹⁹ Будберг А. 5 августа 1919 г..., с. 216.
- ⁵²⁰ Волков С. В..., с. 326.
- ⁵²¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988, с. 198.
- ⁵²² Спирин Л. М. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал, 1965, N 4, с. 15; (Волков С. В..., с. 326, 327.)
- ⁵²³ Из общего командного состава 446 729 человек. Ефимов Н. Командный состав Красной армии // Гражданская война 1918—1921 гг. Т. 2, М., 1928; (Волков С. В..., с. 327.)
- ⁵²⁴ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988, с. 211.
- ⁵²⁵ Волков С. В..., с. 329.
- ⁵²⁶ Найда С. Ф. О некоторых вопросах истории Гражданской войны в СССР. М., 1958 (Волков С. В..., с. 329)
- ⁵²⁷ Ленин телеграмма от 8.06.1919.
- ⁵²⁸ Приказ Л. Троцкого от 19.10.1919. РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 404, л. 214; д. 435, л. 1 (Литвин А..., с. 292); См. так же Критский М. Красная армия на Южном фронте // АРР. XVIII, с. 270—271 (Волков С. В..., с. 334)
- ⁵²⁹ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957, с. 285 (Волков С. В..., с. 333)

⁵³⁰ Шульгин В. В. Что нам в них не нравится.. Об антисемитизме в России. СПб., 1992, с. 123. (Шульгин В. В..., с. 537—538, ком. Ю. В. Мухачева.)

⁵³¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988, с. 174, 181, 179, 196—197. По данным С. Волкова 31,6%. Если считать только тех, кто не перешел к белым то по данным С. Волкова 23,5%, Байова — 21%, А. Зайцова — 24%. (Байов А.К. Генеральный штаб во время Гражданской войны. Ч, 84.; Зайцов А.А. 1918 год. С. 184—187. (Волков С.В..., с. 323.))

⁵³² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988, с. 174, 181, 179, 196—97.

⁵³³ Валентинов А. А. Врангелевщина. (Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922) В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., «Отечество», 1991, с. 343.

⁵³⁴ Лямин Н. Операция Южного фронта против ген. Деникина. Сб. трудов ВНО при ВАКе, 1921—1922, т. II, с. 16. (Егоров А. И., с. 86)

⁵³⁵ Ростунов И. И. Ген. Брусилов, М., 1964, с. 202 (Волков С. В..., с. 331).

⁵³⁶ Успенский В.Д..., т. 1, с. 131.

⁵³⁷ Великий Октябрь и защита его завоеваний, т. II, 1987, с. 38.

⁵³⁸ Кенез П..., с. 166.

⁵³⁹ БСЭ, ст. «Гражданская война в России 1918—1920», т. 18, 1930, с. 700.

⁵⁴⁰ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России, 1917—1920. М., 1968, с. 346.

⁵⁴¹ Будберг А. 19 июля 1919 г..., с. 179.

⁵⁴² Раупах Р. Р..., с. 268.

⁵⁴³ Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. URL: <http://pandia.ru/text/78/231/46031.php>

⁵⁴⁴ Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы.

⁵⁴⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 91, 11, 17, 8. (Цит. по: Генис В.А. Первая конная армия...)

⁵⁴⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 475, л. 45, с. 33—34. (Цит. по: Генис В.А. Первая конная армия...)

- ⁵⁴⁷ Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы.
- ⁵⁴⁸ Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы.
- ⁵⁴⁹ Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы.
- ⁵⁵⁰ Ворошилов 20 января 19121 г. (Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы.)
- ⁵⁵¹ Раупах Р.Р..., с. 249—250.
- ⁵⁵² Флеминг П..., с. 146—147.
- ⁵⁵³ Раупах Р. Р..., с. 249—250.
- ⁵⁵⁴ Будберг А. 12 сентября 1919 г..., с. 292
- ⁵⁵⁵ Гинс Г.К..., с. 561.
- ⁵⁵⁶ Гинс Г.К..., с. 564.
- ⁵⁵⁷ Гинс Г.К..., с. 564.
- ⁵⁵⁸ Будберг А. 2 июля 1919 г..., с. 150.
- ⁵⁵⁹ Будберг А. 9 августа 1919 г..., с. 223.
- ⁵⁶⁰ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. — М.: 1924, т. 1, с. 18—20. (Голиков Д.Л..., с. 19)
- ⁵⁶¹ Флеминг П..., с. 156.
- ⁵⁶² Соколов Б. Ф... с. 369—370.
- ⁵⁶³ Флеминг П..., с. 146—147.
- ⁵⁶⁴ Егоров А. И..., с. 240.
- ⁵⁶⁵ Флеминг П..., с. 169.
- ⁵⁶⁶ Кенез П..., с. 186.
- ⁵⁶⁷ Газ. Русская армия, 4.IX. 1919. (Голуб П. А..., с. 380).
- ⁵⁶⁸ Гинс Г.К..., с. 560.
- ⁵⁶⁹ Успенский В.Д..., т. 1, с. 132.
- ⁵⁷⁰ Гинс Г.К..., с. 524.
- ⁵⁷¹ Раупах Р. Р..., с. 266.
- ⁵⁷² Раупах Р. Р..., с. 266—267.
- ⁵⁷³ Ленин В.И. ПСС, т. 2, с. 8.
- ⁵⁷⁴ Головин Н.Н. Российская котрреволюция..., 2 т., с. 460.
- ⁵⁷⁵ Булгаков М. Два града..., с. 431.
- ⁵⁷⁶ Соловьев С.М..., Чтение третье, с. 443, 444.
- ⁵⁷⁷ Письма Николая Бердяева. Публ. В. Аллоя // Минувшее. Вып. 9. М., 1992. С. 318—319. Март 1908 г. (Цит. по: Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг.:
- ⁵⁷⁸ Бердяев Н.А. Распря Церкви и государства в России // Духовный кризис... С. 223—225. (Цит. по: Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг.

⁵⁷⁹ Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг.

⁵⁸⁰ Речь 27 июля 1917 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2000. С. 705 (Цит. по: Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг.)

⁵⁸¹ Зайцев А.Ф. Важнейшая задача // Русская свобода. 1917. № 1. С. 15 (Цит. по: Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг.)

⁵⁸² Франк С.Л. Демократия на распутье // Русская свобода. 1917. № 1. С. 15. (Цит. по: Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг.)

⁵⁸³ Бердяев Н.А. Распря Церкви и государства в России // Духовный кризис... С. 226—227. (Цит. по: Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг.)

⁵⁸⁴ Булгаков С. Два града..., с. 75., 583.

⁵⁸⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 624.

⁵⁸⁶ Голинков Д..., с. 325.

⁵⁸⁷ Кандидов Б. Церковь и гражданская война на Юге. (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1931, с. 20. (Голинков Д..., с. 328).

⁵⁸⁸ Голинков Д..., с. 327.

⁵⁸⁹ Краснов В.Г. (II)..., с. 133.

⁵⁹⁰ Гинс Г.К..., с. 448.

⁵⁹¹ Хайек Ф. Дорога к рабству.

⁵⁹² Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. URL: <http://www.theworldeconomy.org/>

⁵⁹³ Хомяков А.С. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа 1855. Полное собрание сочинений. Т. 2. Издание третье. Дополненное. Москва. Университетская типография, на Страстном бульваре. 1900. с. 93—169. http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_po_povodu_odnogo_okrujnogo.html

⁵⁹⁴ Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви. М., 1991, с. 141—147. (в книге Булгаков С. Два Града..., комментарии, с. 628.)

⁵⁹⁵ Булгаков С. Два града..., с. 501.

⁵⁹⁶ Шубарт В..., с. 165.

⁵⁹⁷ Шубарт В. Европа..., с. 38

⁵⁹⁸ Достоевский Ф.М..., т. 3, с. 480.

⁵⁹⁹ Бердяев Н.А. Распря Церкви и государства в России // Духовный кризис... С. 226—227. (Цит. по: Гайда Ф.А. Церковь в представлении русских либералов в 1907—1917 гг. лекция в музее современной истории России 20 ноября 2012 г. http://molodajarossija.ru/?page_id=381)

⁶⁰⁰ Пришвин М. Дневники. 28 сентября 1918 г.

⁶⁰¹ Раупах Р.Р..., с. 292—293.

⁶⁰² Известия ВЦИК, 1918, 11 июля. (Голинков Д..., с. 329).

⁶⁰³ Егоров А. И., с. 171.

⁶⁰⁴ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 515)

⁶⁰⁵ Francis G. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 210 (Уткин А. И., с. 229)

⁶⁰⁶ Бердяев Н. А., с. 242—243.

⁶⁰⁷ Достоевский Ф. Дневник писателя 1877 г., январь, гл. 2, I (Достоевский Ф. ПСС — Л., 1983, т. XX, 17.)

⁶⁰⁸ Булгаков С. Два града..., с. 531.

⁶⁰⁹ Красная Армия... Лист 1)

⁶¹⁰ Успенский В.Д..., т. 1, с. 189.

⁶¹¹ Ленин В.И. Декабрь 1919 г. ПСС, т. 40, с. 16—17.

⁶¹² Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 127. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 605)

⁶¹³ Тютчев Ф.И., 1836 г. О чем ты воешь, ветер ночной?

⁶¹⁴ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания..., с. 13.

⁶¹⁵ Цит. по: Покровский М..., с. 48.

⁶¹⁶ Керсновский А.А...т. 2, с. 39.

⁶¹⁷ Письма Николая Павловича (генерал-фельдмаршалу, князю) И.Ф. Паскевичу 1832—1847. 24.02.1846 (в сборнике: Николай I. Муж. Отец. Император. — М.: СЛОВО/SLOVO, — 2000. 616 с., — с. 514)

⁶¹⁸ Покровский М..., т. 3, с. 105—106.

⁶¹⁹ Леонтьев К. Письма к Василию Розанову. London, 1981, с. 281., Леонтьев К. Восток, Россия и славянство... — М., 1996, с. 246. (Цит. по Кожин В.В..., с. 233.)

⁶²⁰ Мережковский Д.С. Пророк русской революции. (Достоевский Ф.М..., с. 487.)

⁶²¹ Александр М..., с. 172.

⁶²² М. Вебер. Переход России к псевдоконституционализму, примечание 103 (РИЖ, т. III, 2000, N 1—4, с. 643)

⁶²³ Федоров Б. Г., с. 218.

⁶²⁴ См.: Русские ведомости, N 56, с. 3; Русские ведомости, 11 февраля 1906, с. 2; М. Вебер. Переход России к псевдоконституционализму, примечание 121 (РИЖ, т. III, 2000, N 1—4, с. 644—645)

⁶²⁵ Милюков П. Н... с. 286.

⁶²⁶ Чернов В., с. 140.

⁶²⁷ Меморандум члена Государственного совета, бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново Николаю II, подан в феврале 1914 г. Опубликован «Красная новь» №6, 1922 г.

⁶²⁸ Яковлев Н. Н..., с. 150.

⁶²⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает..., с.10 <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=10>

⁶³⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... <http://booksonline.com.ua/view.php?book=118632&page=6>

⁶³¹ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 130).

⁶³² Милюков П.Н. История..., с. 30.

⁶³³ Родзянко М.В..., с. 310.

⁶³⁴ Шульгин В. В. Дни (Шульгин В. В..., с. 181—182)

⁶³⁵ Родзянко М.В..., с. 12.

⁶³⁶ Шульгин В. В. Дни (Шульгин В. В..., с. 193)

⁶³⁷ Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В..., с. 36)

⁶³⁸ Палеолог М..., 30 апреля 1917 г., с. 812—813.

⁶³⁹ Палеолог М..., 1 апреля, с. 780; 27 апреля 1917 г., с. 807.

⁶⁴⁰ Палеолог М..., 22 сентября 1916 г., с. 580.

⁶⁴¹ Грациози А..., с. 14.

⁶⁴² «Согласие», 1993, № 2, с. 213 — 214. (Кожин В.В..., с. 152.)

⁶⁴³ С. Л. Франк. Из размышлений о русской революции // С. Франк. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972, с. 8; п.п.: Русская мысль. Прага; Берлин, 1923. Кн. VI—VII (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 65).

⁶⁴⁴ Бунин И.А. «Окаянные дни» 11(24).06.1919. Собрание сочинений. Берлин, 1935, т. X, с. 165. (Кожин В.В..., с. 152.)

⁶⁴⁵ Н. А. Бердяев. Класс и человек // Н. А. Бердяев. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4, с. 56—57 (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 13—14).

⁶⁴⁶ Станкевич В. Б. Мемуары. Берлин. 1920. (Кожин В.В..., с. 157.).

⁶⁴⁷ Майский И.М. (Ляховецкий, 1884— 1975) видный меньшевик, впоследствии один из ведущих советских дипломатов. Минувшее. Исторический альманах. I. — М., 1990, с. 309. (Кожин В.В..., с. 159.)

⁶⁴⁸ Покровский М..., т. 3, с. 327.

⁶⁴⁹ Покровский М..., т. 3, с. 330.

⁶⁵⁰ М. Горький. Несвоевременные мысли// Новая жизнь. 24 нояб. 1917 г. № 178, с. 169—171.

⁶⁵¹ Бунин И. Горький М..., с. 14, пред. О. Михайлова.

⁶⁵² Витте С.Ю..., т. 1, с. 688.

⁶⁵³ Родзянко М.В..., с. 228.

⁶⁵⁴ См. например: «Записка гр. Палена» // РГИА, ф. 1284, оп. 185, д. 5а, ч. III, л. 151—156 об. (Бородин А.П..., с. 132)

⁶⁵⁵ Открытое письмо к П. А. Столыпину о правительственном сообщении и программе С. Шарапова. Бесплатное приложение к № 36 «Русского дела», 1906, с. 3 (Бородин А.П..., с. 132)

⁶⁵⁶ С. Д. Шереметьев — Ф. Д. Самарину, 19 мая 1907 г. // РГА-ДА, ф. 1287, оп. 1, д. 3001, л. 290 «а» — 290 «а2 об., 439 (Бородин А.П..., с. 132)

⁶⁵⁷ Милюков П. Н..., с. 482.

⁶⁵⁸ Бакунин М. А. «Государственность и анархия» 1873 г.

⁶⁵⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999, С. 140—141.

⁶⁶⁰ Чернов В..., с. 413, 414.

⁶⁶¹ Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918, с. 6—7, 12, 13, 14.

⁶⁶² Бердяев Н. А..., с. 107.

⁶⁶³ Толстой Л. Живой труп. Картина вторая. Явление первое.

⁶⁶⁴ Кожин В. В. О русском..., с. 115, прим.

⁶⁶⁵ Уткин А.И., с. 184.

⁶⁶⁶ Палеолог М..., 28 февраля, 2 марта 1917 г., с. 722—725.

⁶⁶⁷ Соловьев С.М. Чтения..., Чтение Первое, с. 421, 422.

⁶⁶⁸ Покровский М..., т. 3, с. 302.

- ⁶⁶⁹ Бунин И. Великий дурман (Бунин И. Горький М..., с. 43).
- ⁶⁷⁰ Бунин И. Горький М..., с. 13—14, пред. О. Михайлова.
- ⁶⁷¹ Витте С.Ю..., т. 1, с. 677—678.
- ⁶⁷² Палеолог М..., 27 февраля 1916 г., с. 459—460.
- ⁶⁷³ Гинс Г. К..., с. 693.
- ⁶⁷⁴ Гинс Г. К..., с. 695.
- ⁶⁷⁵ Гинс Г. К..., с. 694.
- ⁶⁷⁶ Гинс Г. К..., с. 695.
- ⁶⁷⁷ Игнатьев А..., с. 453.
- ⁶⁷⁸ ЧКК..., с. 80.
- ⁶⁷⁹ Черчилль У..., с. 124.
- ⁶⁸⁰ Сухомлинов В.А..., с. 338.
- ⁶⁸¹ Черчилль У..., с. 98.
- ⁶⁸² Чернов В..., с. 44.
- ⁶⁸³ Деникин А. И... т. 1, с. 178.
- ⁶⁸⁴ Киган Д... с. 432.
- ⁶⁸⁵ Деникин А. И... т. 1, с. 394.
- ⁶⁸⁶ Лемке М. 250 дней в Царской Ставке, с. 648—650. (Головин Н.Н..., с. 326—327.)
- ⁶⁸⁷ Цит. по: Окунев Н.П..., с. 70. (15 августа 1917)
- ⁶⁸⁸ Иллерицкая Е. В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981, с. 119. (Кожин В.В..., с. 150.)
- ⁶⁸⁹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., Росспэн, 1997, 375 с. с. 224, 229, 244 (Ахиезер А. С. Важный концептуальный поворот в российской науке об обществе (РИЖ, т. III, 2000, N 1—4, с. 495, 497))
- ⁶⁹⁰ Кожин В. Правда сталинских репрессий. — М.: Алгоритм, 2007, — 448 с., с. 63.
- ⁶⁹¹ Кенез П..., с. 7—8.
- ⁶⁹² Раупах Р.Р..., с. 280.
- ⁶⁹³ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 318.
- ⁶⁹⁴ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 180.
- ⁶⁹⁵ Деникин А. И. (III)..., с. 89—90.
- ⁶⁹⁶ Бунин И. Окаянные дни. 5 мая 1919 г. (Бунин И. Горький М..., с. 127).
- ⁶⁹⁷ Колосов. Сибирь при Колчаке, — Л.: 1923, с. 241—243. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 316).

⁶⁹⁸ Деникин А. И. (III)..., с. 91.

⁶⁹⁹ Герасименко К. В. Махно // Деникин, Юденич, Врангель. — М., 1991, с. 231, 234, 243; (Волков С. В..., с. 180.)

⁷⁰⁰ Сход Черноморских крестьян 12.04.1919. Воронович Н. В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII, Берлин, 1922.

⁷⁰¹ Воронович Н. В...

⁷⁰² Воронович Н. В...

⁷⁰³ Деникин А. И. (III)..., с. 229.

⁷⁰⁴ Гинс Г.К..., с. 525.

⁷⁰⁵ Майский И. М. Демократическая контрреволюция, М., 1923, с. 158 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 205).

⁷⁰⁶ Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенция. Воспоминания. Новониколаевск, 1925, с. 31 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 205).

⁷⁰⁷ Доклад от 2 июня 1919 г. из Новгородской губернии инструктора ЦК РКП (б) А. Ионова. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 52. Л. 30 об. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷⁰⁸ 12 марта 1918 г. эсер Неупокоев в письме из Иркутска в Харбин «Правительству Автономной Сибири», т. е. Дерберу. (Красный Архив, XXIX, с. 93 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 172, примечание)).

⁷⁰⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 26. Л. 2 об. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 157. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷¹¹ Пришвин М. 11 сентября 1922 г. (Кожин В.В..., с. 161.)

⁷¹² Кожин В.В., с. 221.

⁷¹³ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 205.

⁷¹⁴ Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте, с. 75. (Ратьковский И.С..., с. 190—191)

⁷¹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 65. Л. 24 об. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷¹⁶ Литвин А. Д. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972, с. 195—208 (Литвин А..., с. 285).

⁷¹⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 65. Л. 25 об. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷¹⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 65. Л. 28 об. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷¹⁹ Данные на 1.12.1919. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно — Киев, Проза. 1993. — 592 с., с. 382.

⁷²⁰ Taros Hunczak (ed.), *The Ukraine, 1917—1921*, Cambridge U.P., 1977. (ЧКК..., с. 114.)

⁷²¹ Подвойский Н.И. На Украине. Статьи. Киев, 1919, с. 16—18. (Голиков Д..., с. 342).

⁷²² «Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни» (1919—1920). Киев, 1957, с. 162—163. (Голиков Д..., с. 340).

⁷²³ Taros Hunczak (ed.), *The Ukraine, 1917—1921*, Cambridge U.P., 1977. (ЧКК..., с. 114.)

⁷²⁴ Мнение анархистов из группы «Набат» Голиков Д..., с. 351.

⁷²⁵ Деникин А. И. (III)..., с. 89—90.

⁷²⁶ Деникин А. И. (III)..., с. 303.

⁷²⁷ Голиков Д..., с. 344—345.

⁷²⁸ Коммунар (Харьков) 1919, 11 июня. (Голиков Д..., с. 351).

⁷²⁹ Мартынов А. Великая историческая проверка

⁷³⁰ Ларс Т. Ли Хлеб и власть в России. 1914—1921. 1990. (Кара-Мурза С..., с. 254.)

⁷³¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 350. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷³² Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1921. С. 43. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷³³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 61. Л. 150. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷³⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 497. (Протоколы 2 Сибирского областного совещания РКП(б). 31 июля — 4 августа 1920 г.) (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷³⁵ Предсибревкома И. Н. Смирнов Ленину 15 ноября 1919 г. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11735. Л. 4 об. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷³⁶ Раупах Р. Р..., с. 252.

⁷³⁷ А. В. Бобрищев-Пушкин. Новая вера // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 294—296; п.п.: Смена вех. Прага, 1921 (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 206—207).

⁷³⁸ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 120, 95, 109; п.п.: Лондон, 1937, на англ. яз. (Карамурза А., Поляков Л..., с. 213—214).

⁷³⁹ Бердяев Н. А..., с. 473—474.

⁷⁴⁰ Мартов Л. Долой смертную казнь! М., 1918, с. 4—5; Кого преследуют и убивают? М., 1918, с. 5, 8 (Ратьковский И.С..., с. 51).

⁷⁴¹ Князев В. Жизнь для всех и смерть за всех. (Квакин А.В..., с. 117).

⁷⁴² Деникин А. И. (I)..., с. 213.

⁷⁴³ Бунин И. Окаянные дни (Бунин И. Горький М..., с. 165).

⁷⁴⁴ Палеолог М..., 30 апреля 1917 г., с. 812—813.

⁷⁴⁵ Деникин А. И. (I)..., с. 141, 142.

⁷⁴⁶ Окунев Н.П..., с. 37. (27 апреля 1917)

⁷⁴⁷ Цит. по: Руга В., Кокорев А..., с. 413.

⁷⁴⁸ Лацис М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК..., с. 69. (Ратьковский И.С..., с. 45).

⁷⁴⁹ Северная коммуна 1918. 5 июня. (Ратьковский И.С..., с. 49).

⁷⁵⁰ Горький М. 7 (20) декабря 1917 г. (Бунин И. Горький М..., с. 267).

⁷⁵¹ Известия ВЦИК 1918 26 января (Ратьковский И.С... с. 11).

⁷⁵² Данные Комитета по борьбе с погромами от 6 декабря 1917 г. (Кутузов В.А. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987, с. 477. (Ратьковский И.С... с. 14.))

⁷⁵³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп.2. Д. 149. Л. 2—5 (об). (Ратьковский И.С..., с. 45).

⁷⁵⁴ Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917—1921 гг. борьба с нею. СПб, 2001, с. 73. (Ратьковский И.С..., с. 46).

⁷⁵⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2.Д. 149. Л. 2 (об) (Ратьковский И.С..., с. 50).

⁷⁵⁶ Знамя труда 1918. 26 февр. (Ратьковский И.С..., с. 46).

⁷⁵⁷ Знамя труда 1918. 7 апреля (Ратьковский И.С..., с. 58).

⁷⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 1000. ОП. 2, д.29, Л. 9 (Ратьковский И.С..., с. 58).

⁷⁵⁹ Известия ВЦИК 1918. 17, 18, 20,31 мая, 2 июня; Знамя труда 1918. 17 мая, 2 июня. (Ратьковский И.С..., с. 84).

⁷⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2.Д. 295. Л. 3 (Ратьковский И.С..., с. 50).

⁷⁶¹ Красная газета 1918. 15 марта (Ратьковский И.С..., с. 50).

⁷⁶² Петроградская правда 1918 23 апреля (Ратьковский И.С..., с. 59).

⁷⁶³ Гинс Г.К..., с. 566-567.

⁷⁶⁴ Анархия 1918. 27 , 30 март; Знамя труда 1918 5 марта. (Ратьковский И.С..., с. 59).

⁷⁶⁵ Красная газета. Вечерний выпуск 1918. 9 марта (Ратьковский И.С..., с. 59).

⁷⁶⁶ Горький М. 26 января 1918 г. (Бунин И. Горький М..., с. 293).

⁷⁶⁷ Бердяев Н. гл. Размышление о русской революции, в книге: Новое средневековье. Размышления о судьбе России. — М.: Фолио, АСТ, 2002.

⁷⁶⁸ Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941). — Уфа, 1994, с. 57. (Ратьковский И.С... с. 17).

⁷⁶⁹ Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. — М., 1920 с. 9. (Ратьковский И.С... с. 18).

⁷⁷⁰ Вступительная часть декларации Правительства П. Вологодского на Первой сессии Сибирской областной Думы в Томске. (Гинс Г..., с. 131).

⁷⁷¹ Мартынов А. Великая историческая проверка

⁷⁷² П. Столыпин речь 13.03.1907 в Государственной Думе.

⁷⁷³ Исторический архив, 1958, № 1, с. 5—6. (Голиков Д..., с. 25)

⁷⁷⁴ Исторический архив, 1958, № 1, с. 5—6. (Голиков Д..., с. 25)

⁷⁷⁵ Постановление Совнаркома ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 11—112) (Голиков Д.Л..., с. 23)

⁷⁷⁶ Известия ВЦИК 1918 , 31 января. (Голиков Д.Л..., с. 30—31)

⁷⁷⁷ Пролетарская революция, 1926, № 9, с. 90 (Голиков Д..., с. 24).

⁷⁷⁸ Уэллс Г. Россия во мгле..

⁷⁷⁹ Грациози А..., с. 16.

⁷⁸⁰ Волков С.В..., с. 58.

⁷⁸¹ «Вечерние Известия», 3 февраля 1919 г. (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 263).

⁷⁸² Ленин ПСС 4-е изд. Т. 9, с. 214—215. Эту фразу иногда еще приписывают И. Солоневичу. Народная монархия. М., 1991, с. 460—462 (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 46)

⁷⁸³ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 251.

⁷⁸⁴ Воейков В. Н..., с. 203—204.

⁷⁸⁵ Флеминг П..., с. 245.

⁷⁸⁶ В. И. Вернадский. Из дневника (15 марта 1920 г.). // Век XX и мир. 1989. № 6, с. 40 (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 53).

⁷⁸⁷ Цит. по: Кара-Мурза С..., с. 276.

⁷⁸⁸ Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте., с. 76. (Ратьковский И.С..., с. 202)

⁷⁸⁹ Известия Рязанского Совета. 1918. 12 окт.: Известия ВЦИК. 1918. 10, 17 окт., 3, 21 нояб.; Петроградская правда. 1918. 1 нояб.; Известия Пензенского совета. 1918. 1, 24, 28 нояб.; Молот. 1918. 31 окт.; Известия Ефремовского Совета. 1918. 20, 24 окт.; Правда. 1918. 17, 20 нояб., 12 декаб.; Курская беднота. 1918. 15, 23 нояб., 4, 25, 28 дек. (Ратьковский И.С..., с. 213).

⁷⁹⁰ Ратьковский И.С..., с. 211—214.

⁷⁹¹ Е. Бош 10 января 1919 г. доклад в ЦК о поездке в Астрахань. РЦДХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 26. Л. 23. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷⁹² РЦДХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 63. Л. 13. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

⁷⁹³ Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) // Минувшее. 1989, т. 7, с. 444—445 (Булдаков В. П. Ленин: парадоксы жизни и смерти (РИЖ, т. III, 2000, N 1—4, с. 673)

⁷⁹⁴ Данилов И... с. 292, 300.

⁷⁹⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. III, Берлин, с. 262—263.

⁷⁹⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция, Ревель, 1937, Кн. 3, с. 44 (Волков С. В..., с. 39.

⁷⁹⁷ Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт, 1984, с. 25; (Волков С. В..., с. 39.)

⁷⁹⁸ Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. — Лондон 1992. С. 202 (Волков С.В..., с. 61.)

⁷⁹⁹ Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. — Париж. 1931. 129—130. Мельгунов Красный террор в России — М.: 1990, 46. (Волков С.В..., с. 63.)

⁸⁰⁰ Архив республики Крым, ф. 1, оп.1, д. 21, л. 6 (Литвин А..., с. 137).

⁸⁰¹ Ленин В.И. ПСС, т. 35, с. 34; Бонч-Бруевич В.Д. Страшное в революции. М.; Л.; 1926, с. 20—23 (Ратьковский И.С..., с. 51).

⁸⁰² Волков С.В..., с. 63.

⁸⁰³ Будберг А. П. Дневник белогвардейца. — М., 1990, с. 172; (Волков С. В..., с. 85.)

⁸⁰⁴ Мельгунов С. П. Красный террор в России. — М., 1990, с. 94; (Волков С. В..., с. 85—86.)

⁸⁰⁵ Корниловский ударный полк, Париж, 1936, с. 57 (Волков С. В..., с. 179)

⁸⁰⁶ Эти досье хранятся в ГРАФ, в фондах так называемого «Пражского архива», папки 1—195. Обозреваемый период отражен в папках 2, 8, 27. (ЧКК..., с. 85.)

⁸⁰⁷ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала..., с. 235.

⁸⁰⁸ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 289)

⁸⁰⁹ Посол США Фрэнсис — Госдепартаменту. Архангельск, 4.10.1918. (Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 65))

⁸¹⁰ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 453.

⁸¹¹ Утгоф В. Л. Уфимское государственное совещание. // Былое, 1921, № 16, с. 20 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 427).

⁸¹² Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд во, 1925. (Квакин А.В..., с. 414).

⁸¹³ Волков С. В..., с. 53.

⁸¹⁴ Троцкий Л. Терроризм и коммунизм, Москва, 1920 (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 72, примечание).

⁸¹⁵ Покровский М..., т. 3, с. 327.

⁸¹⁶ В 1890 г. в США доля умеющих читать и писать черных и прочих (кроме белых) составляла 43%, а в 1900 г. — 56%. (Excerpts are taken from Chapter 1 of *120 Years of American Education: A Statistical Portrait* (Edited by Tom Snyder, National Center for Education Statistics, 1993). https://nces.ed.gov/naal/lit_history.asp) По России см: (см.: Бычков Н. Юридический Вестник, 1890, № 7—

8 (Рубакин Н. Грамотность. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. т. 82.) https://ru.wikipedia.org/wiki/Грамотность_в_России)

⁸¹⁷ Бердяев Н. Философия неравенства. — Берлин. Обелиск. 1923, с. 110—111.

⁸¹⁸ Вебер..., с. 588.

⁸¹⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. Собр. Соч. в 20 т. М.: Художественная литература, т. 14, с. 38, с. 41—42.

⁸²⁰ Витте С.Ю..., т. 2, с. 65, 66.

⁸²¹ Головин Н.Н..., с. 294.

⁸²² Головин Н.Н..., с. 321.

⁸²³ Достоевский Ф.М..., т. 3, Дневник писателя 1881 год. Январь, с. 531.

⁸²⁴ Столыпин — супруге, 1.11.1905. (Федоров Б. Г., с. 186).

⁸²⁵ Столыпин — супруге, 30.10.1905. (Рыбас С. Ю..., с. 55—56).

⁸²⁶ Столыпин — супруге, 31.10.1905. (Рыбас С. Ю..., с. 56).

⁸²⁷ Столыпин — супруге, 1905 г. (Рыбас С. Ю..., с. 57).

⁸²⁸ Столыпин — супруге, 30.06.1905. (Федоров Б. Г., с. 193).

⁸²⁹ Федоров Б. Г., с. 264, 265.

⁸³⁰ Николай II — Столыпину, 14.08.1905. (Федоров Б. Г., с. 589).

⁸³¹ Рыбас С. Ю..., с. 61.

⁸³² Александр М..., с. 215.

⁸³³ Раупах Р. Р..., с. 47—48.

⁸³⁴ Раупах Р. Р..., с. 212.

⁸³⁵ Федоров Б. Г., с. 588.

⁸³⁶ Витте С.Ю..., т. 2, с. 502, 503.

⁸³⁷ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра, т. 1, М., 1999, с. 158 (Айрапетов О..., с. 57).

⁸³⁸ ¹⁴ декабря 1905 г. подавление революции в Москве. Миллюков П. Н..., с. 288.

⁸³⁹ Витте С.Ю..., т. 2, с. 231.

⁸⁴⁰ Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. (Миллюков П. Н..., с. 308).

⁸⁴¹ Холквист П. Россия в эпоху насилия, 190—1921 гг. (Holquist p. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905—1921// Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History), с. 468.

⁸⁴² Rieber A. Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretative Essay// Imperial Russian Foreign Policy (Ed. H.

Ragsdale). Washington . 1993. p. 346. (Холквист П. Россия в эпоху насилия, 190—1921 гг. (Holquist p. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905—1921 // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History), с. 466.)

⁸⁴³ Карательные экспедиции // Политическая энциклопедия/ Ред. Л.З. Слонимский. СПб, 1907—1908, т. 2, с. 799—800. (Холквист П. Россия в эпоху насилия, 1905—1921 гг. (Holquist p. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905—1921// Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History), с. 466.)

⁸⁴⁴ Чернов В., с. 140.

⁸⁴⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1905–1913. СПб., 2007. С. 188.

⁸⁴⁶ Витте С.Ю..., т. 1, с. 313.

⁸⁴⁷ Чернов В., с. 416.

⁸⁴⁸ Шульгин В. В. Дни (Шульгин В. В..., с. 80).

⁸⁴⁹ Шульгин В. В. Дни (Шульгин В. В..., с. 196).

⁸⁵⁰ Шульгин В. В. Дни (Шульгин В. В..., с. 184).

⁸⁵¹ Шульгин В. В. Дни (в кн.: Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки / Сост. и авт. вст. сл. Д. А. Жуков; М.: Современник, 1989, с. 210.

⁸⁵² Бунин И. Окаянные дни..., с. 68.

⁸⁵³ Бунин И. Окаянные дни..., с. 164.

⁸⁵⁴ Бунин И. Великий дурман (Бунин И. Горький М..., с. 46).

⁸⁵⁵ Горький М., 9 мая 1917 г. (Бунин И. Горький М..., с. 203—204).

⁸⁵⁶ Родзянко М.В..., с. 15.

⁸⁵⁷ Революционное движение в русской армии. 27.02—24.10.1917. — М.: 1968. С. 26—27. (Волков С.В..., с. 15).

⁸⁵⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты, Париж—Берлин, 1921, Т. 1, ч. 2, с. 186 (Волков С. В..., с. 27).

⁸⁵⁹ Бунин И. Великий дурман (Бунин И. Горький М..., с. 35—36).

⁸⁶⁰ Бунин И. Великий дурман (Бунин И. Горький М..., с. 39).

⁸⁶¹ (Dioneo (Sklovskij). The Russian Peasant — What is He?// The New Russia. 1920. № 22 (1 July). P. 264—269. (Грациози А..., с. 11.))

⁸⁶² Горький М. 1 мая 1918 г. (Бунин И. Горький М..., с. 324).

⁸⁶³ Бунин И. Великий дурман (Бунин И. Горький М..., с. 39).

⁸⁶⁴ Бунин И. Окаянные дни (Бунин И. Горький М..., с. 103).

⁸⁶⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991 (Репринт 1923 г.) с. 430, 449 (Кожин В. В. О русском..., с. 65—66)

⁸⁶⁶ Шубарт В. Европа..., с. 140

⁸⁶⁷ Радищев А. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790. С. 128, 260 (репринт 1935 г.) (Кожин В. В. О русском..., с. 75)

⁸⁶⁸ Деникин А. И. (I)..., с. 439.

⁸⁶⁹ Деникин А. И. (II)..., с. 175—176.

⁸⁷⁰ Раупах Р. Р..., с. 41.

⁸⁷¹ Горький М. 1 мая 1918 г. (Бунин И. Горький М..., с. 324).

⁸⁷² Ракитникова Инна. Как крестьянство боролось за Учредительное Собрание, с. 60, 68 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 517, примечание).

⁸⁷³ Мельгунов С. Николай Васильевич Чайковский в годы гражданской войны. — Париж, 1929, с. 111.

⁸⁷⁴ Достоевский Ф..., т. 3, Дневник писателя 1877 год. Май — июнь, с. 156.

⁸⁷⁵ Витте С. Ю..., т. 1.

⁸⁷⁶ Витте С. Ю..., т. 1, с. 745.

⁸⁷⁷ Деникин А. И. (I)..., с. 146 — 147.

⁸⁷⁸ O. Figes, The Russian Revolution, London, 1995, p. 379. (ЧКК..., с. 85.)

⁸⁷⁹ Грациози — см.: Dioneo (Sklovskij). The Russian Peasant — What is He? // The New Russia. 1920. № 22 (1 July). P. 264—269. (Грациози А..., с. 11.)

⁸⁸⁰ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва—Ленинград, 1925

⁸⁸¹ Раупах Р. Р..., с. 144—145.

⁸⁸² Knox A. With the Russian Army 1914—1917. V.2, London, 1920, p. 114. (Уткин А. И..., с. 261.)

⁸⁸³ Доклад охранного отделения от 5.02.1917. (Милюков П. Н... с. 556)

⁸⁸⁴ Раупах Р. Р..., с. 196.

⁸⁸⁵ Палеолог М... 19 марта 1917 г., с. 760.

⁸⁸⁶ Палеолог М..., 30 апреля 1917 г., с. 812—813.

- ⁸⁸⁷ Головин Н.Н..., с. 255. См. так же Деникин А. И... т. 1, с. 154.
- ⁸⁸⁸ Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 207.
- ⁸⁸⁹ Мельгунов С. Как большевики..., с. 62.
- ⁸⁹⁰ Бунин И. Великий дурман. (Бунин И. Окаянные дни..., с. 29, 157—158).
- ⁸⁹¹ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ⁸⁹² Известия ВЦИК. 1918. 22 мая. (Ратьковский И.С..., с. 117)
- ⁸⁹³ Петроградская правда. 1918. 9 мая; Известия Пензенского Совета. 1918. 12 мая; Известия Тверского Совета. 1918. 5 июня; Правда. 1918. 21 июня. (Ратьковский И.С..., с. 117)
- ⁸⁹⁴ Алданов М. А. Собр. соч. в 6 томах. М., 1991, т. 6, с. 517 (Литвин А..., с. 261)
- ⁸⁹⁵ Декреты Совесткой власти, — М. 1959, т. 2, с. 262. (Голинков Д..., с. 33)
- ⁸⁹⁶ Давыдов М.И. Борьба за хлеб. Продовольственная политика коммунистической партии Советского государства в годы гражданской войны (1917—1920). М., 1971, с.110. Борьба за Воронеж., с. 60; Знамя борьбы. 1918. 3 апр.; Беднота. 1918 3 апр.; Петроградская правда. 1918. 23 апр. (Ратьковский И.С..., с. 116)
- ⁸⁹⁷ Спирин Л.М. Классы и партии..., с. 185, 211. (Ратьковский И.С..., с. 121)
- ⁸⁹⁸ Раупах Р. Р..., с. 216—217.
- ⁸⁹⁹ Соколов Б. Ф... с. 334—335.
- ⁹⁰⁰ Антоновщина, Сборник статей, очерков, воспоминаний и других материалов к истории эсеров-багдитизма в Тамбовской губернии. Тамбов, 1923, с. 32. (Голинков Д..., с. 266)
- ⁹⁰¹ Приведено И.П. Донковым в работе «Антоновщина: замыслы и действительность». — М., 1977, с. 29. (Голинков Д..., с. 267).
- ⁹⁰² Лагунов К. И сильно падает снег. — Тюмень, 1994, с. 104. (Кожин В.В..., с. 224.)
- ⁹⁰³ Соколов Б. Ф... с. 377—378.
- ⁹⁰⁴ Марушевский В. В..., с. 268, 269.
- ⁹⁰⁵ Черчилль У..., с. 223.
- ⁹⁰⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 13.
- ⁹⁰⁷ Милюков П.Н. История..., с. 100.
- ⁹⁰⁸ Уэллс Г. Дж. Россия во мгле. — М.: Политическая литература. 1958.

⁹⁰⁹ Бунин И. Великий дурман (Бунин И. Горький М..., с. 34—35).

⁹¹⁰ Федоров Б. Г., с. 143.

⁹¹¹ Речь о временных законах, изданных в период между Первой и Второй Думами, произнесенная в Государственной думе 13.03.1907. (Рыбас С. Ю..., с. 281).

⁹¹² Бунин И. Окаянные дни (Бунин И. Горький М..., с. 151).

⁹¹³ Tenot E. La province en decembre 1851. p., 1868. p. 69—70. (Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. — М.: Эксмо, 2003, с. 194.)

⁹¹⁴ Грациози А..., с. 28.

⁹¹⁵ Воронович Н.В...

⁹¹⁶ Воронович Н.В...

⁹¹⁷ Приказ от 27.03.1919 ген.-лейтенанта Розанова. Гор. Красноярск. (Краснов В.Г. (II)..., с. 183—184.)

⁹¹⁸ Приказ № 171 от 11 июня 1921 года. В. Данилов, Т. Шанин, цит.соч., с.179-180. (ЧКК..., с. 131.)

⁹¹⁹ В.Данилов, т. Шанин, цит. соч., с. 218. (ЧКК..., с. 132—133.)

⁹²⁰ РГВИА. 33987/3/32. (ЧКК..., с. 112.)

⁹²¹ V. Brovkin, Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton, 1994, p.318. (ЧКК..., с. 111.)

⁹²² Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями. // Война и революция. 1926. № 7, с. 7 (Литвин А..., с. 287)

⁹²³ Деникин А. И. (III)..., с. 95.

⁹²⁴ Гинс Г.К..., с. 530.

⁹²⁵ Будберг А. 3 мая 1919..., с. 14—15.

⁹²⁶ Будберг А. 4 июля 1919 г..., с. 157.

⁹²⁷ Будберг А. 4 июля 1919 г..., с. 157; 18 августа 1919 г..., с. 241.

⁹²⁸ Донесение начальника 8-й кавдивизии Червонного казачества В. М. Примакова 2 октября 1920 г. Генис В.Л. "Первая конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. <http://pandia.ru/text/78/231/46031.php>

⁹²⁹ Телеграмма губначтыла от 15 октября 1920 г. Генис В.Л. "Первая конная армия: за кулисами славы". — Вопросы истории. — 1994. № 12. <http://pandia.ru/text/78/231/46031.php>

⁹³⁰ Гуль Р. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский. Б. м. Б. г., с. 46—47; БАБЕЛЬ И. Э. Сочинения. Т. 1. М. 1990, с. 403. (Цит. по: Генис В.А. Первая конная армия...)

⁹³¹ Сообщение сотрудника политинспекции Юго-Западного фронта П. Витолина, декабрь 1920 г. Генис В.Л. "Первая конная армия: за кулисами славы". — Вопросы истории. — 1994. № 12. <http://pandia.ru/text/78/231/46031.php>

⁹³² Генис В.Л. "Первая конная армия: за кулисами славы". — Вопросы истории. — 1994. № 12. <http://pandia.ru/text/78/231/46031.php>

⁹³³ Буденный С. М. Пройденный путь. М. 1958, с. 403; РЦХИДНИ, ф. 558. оп. 1 д. 4433 л 1; ф. 17, оп. 109, д. 73, л. 52, 19. (Цит. по: Генис В.А. "Первая конная армия...")

⁹³⁴ Генис В.А. "Первая конная армия..."

⁹³⁵ ГАРФ, ф. 6257, оп. 1, д. 3, л. 77, 78 (Литвин А..., с. 149—150)

⁹³⁶ Воейков В. Н..., с. 266.

⁹³⁷ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва—Ленинград, 1925

⁹³⁸ Гревс В. Американская авантюра в Сибири. 1918—1920. — М., 1932, с. 80, 175, 237 (Литвин А..., с. 173—174)

⁹³⁹ Гинс Г.К..., с. 546.

⁹⁴⁰ Будберг А.П. Дневник. — М., 1990, с. 310.

⁹⁴¹ Раупах Р. Р..., с. 253.

⁹⁴² ЦГАОР СССР, ф. 16, оп. 1, д. 101, л. 11, 20—23 (Белый Север, т. 2, с. 6, пред.).

⁹⁴³ Гинс Г.К..., с. 527.

⁹⁴⁴ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В. Дни..., с. 463).

⁹⁴⁵ «Вопросы истории», 1990, №12, с. 127. (Кожинов В.В..., с. 172.)

⁹⁴⁶ Письмо П. Краснова — военному и морскому министру в правительстве Деникина ген. А. Лукомскому от 21 октября (4 ноября) 1918 г. — Архив Русской революции, т. V, с. 238—240. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 563).

⁹⁴⁷ Будберг А. 4 июля 1919 г..., с. 154.

⁹⁴⁸ Будберг А. 4 июля 1919 г..., с. 156.

⁹⁴⁹ Будберг А. П., запись от 2.06.1919..., с. 97—98.

⁹⁵⁰ Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, с. 304.

⁹⁵¹ В. Львов. Советская власть в борьбе за русскую государственность (1921).. Берлин, 1922, с. 5—6 (Цит. по: Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 205).

⁹⁵² Н. В. Устрялов. *Patriotica* // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 259—260; п.п.: Смена вех. Прага, 1921 (Цит. по: Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 206).

⁹⁵³ Гинс Г. К..., с. 694.

⁹⁵⁴ Рассел Б. Политика и теория большевизма. М., 1991, с. 100.

⁹⁵⁵ Мельгунов С. П. Суд истории над интеллигенцией: К делу «Тактического центра» // «На чужой стороне». Кн. III. Берлин—Прага. 1923. С. 159. (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 8—9, пред. Ю. Н. Емельянова).

⁹⁵⁶ «Красный меч», №1, 18 августа 1919г., с.1. (ЧКК..., с. 119.)

⁹⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, т. 5, с. 494. (Литвин А..., с. 118).

⁹⁵⁸ Маркс К. Капитал т. 1, с. 603. 1935.

⁹⁵⁹ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва—Ленинград, 1925)

⁹⁶⁰ Ленин В. И. Государство и революция, Пг., 1918, с. 83.

⁹⁶¹ Н. Бухарин и Г. Пятаков. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия.

⁹⁶² «Красный меч», №1, 18 августа 1919г., с.1. (ЧКК..., с. 119.)

⁹⁶³ Ленин В.И. ПСС, и. 37, с. 410; Бюллетень «Красный террор» (Казань). 1918. № 1. (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 7—8, пред. Ю. Н. Емельянова).

⁹⁶⁴ Деникин А. И. (II)..., с. 248—249.

⁹⁶⁵ Ленин В.И. ПСС, т. 33, с. 24—25, 35, 91, 88, 115, 155. (Ратьковский И.С... с. 8—9).

⁹⁶⁶ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990, с. 424. (Ратьковский И.С... с. 42).

⁹⁶⁷ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

⁹⁶⁸ Ленин В.И. ПСС, т. 39, с. 113—114.

⁹⁶⁹ Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922, с. 24—25. (Голуб П.А..., с. 244).

⁹⁷⁰ Кенез П..., с. 76, 138.

⁹⁷¹ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники, вып. 2, ч. 3, с. 10, 24. (Голуб П. А..., с. 146).

⁹⁷² Робиен Л. 22.07.1918... (Голдин В.И..., с. 183.)

⁹⁷³ Волков С. В..., с. 53.

⁹⁷⁴ Робиен Л... (Голдин В.И..., с. 207.)

⁹⁷⁵ Ленин Выступление на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 ноября 1917 г. Ленин В.И. ПСС. т. 35, с. 63. (Голиков Д.Л..., с. 25—26)

⁹⁷⁶ Кенез П..., с. 49.

⁹⁷⁷ Кенез П..., с. 182.

⁹⁷⁸ Красный архив, 1928, № 1 (26). с. 171, 183. (См. подробнее Голиков Д..., с. 194—200).

⁹⁷⁹ См. подробнее Голиков Д..., с. 155—161

⁹⁸⁰ Голиков Д.А. Крушение..., т. 1, с. 82—85. (Ратьковский И.С... с. 22—23).

⁹⁸¹ См., например, Голиков Д.Л..., с. 27—29.

⁹⁸² Ратьковский И.С... с. 11.

⁹⁸³ А. Луначарский 28 октября 1917 г. (Политические деятели России. 1917 г. Биографический словарь./Гл. ред. П.В. Волобуев. — М. 1993, с. 195. (Ратьковский И.С... с. 10)).

⁹⁸⁴ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. с. 212—213, 424—425; Вопросы истории КПСС. 1989. №8, с. 104. (Ратьковский И.С... с. 10).

⁹⁸⁵ Голиков Д.Л. Крушение..., с. 58, 454 (Ратьковский И.С... с. 13).

⁹⁸⁶ Обождя В.А. Константин Мехоношин: судьба и время. М. 1991, с. 107 (Ратьковский И.С... с. 43.)

⁹⁸⁷ Мельгунов С.П. Красный террор..., с. 46.

⁹⁸⁸ См. дальше с. 44.

⁹⁸⁹ Обождя В.А. Константин Мехоношин..., с. 108. (Ратьковский И.С..., с. 44).

⁹⁹⁰ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 87.

⁹⁹¹ Ратьковский И.С... с. 13.

⁹⁹² Ленин В.И. ПСС, т. 36, с. 196. (Голиков Д..., с. 37).

⁹⁹³ Кенез П..., с. 120.

⁹⁹⁴ Из истории ВЧК, 1917—1921. М.: 1958, с. 95.

⁹⁹⁵ Декреты Советской власти, т. 1, с. 491; См. Так же сообщение ВЧК Известия ВЦИК, 23.02.1918 (Голиков Д..., с. 38—39). См. так же: Ленин В.И. ПСС, т. 35, с. 358; Ленин и ВЧК, с. 63; Правда 22.02.1918; Известия ВЦИК 22.02.1918.

⁹⁹⁶ Красная газета 1918. 27 февраля (Ратьковский И.С..., с. 56).

⁹⁹⁷ Анархия 1918. 15 марта (Ратьковский И.С..., с. 56).

⁹⁹⁸ Знамя труда 1918 28 февраля. (Ратьковский И.С..., с. 55).

⁹⁹⁹ Красная газета 1918. 12, 21, 24 марта; Известия ВЦИК 1918. 15 марта (Ратьковский И.С..., с. 55).

¹⁰⁰⁰ Известия ВЦИК 1918. 21 апреля (Ратьковский И.С..., с. 55).

¹⁰⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 8098. Оп.1, Д.1. Л.1,8. Отчет о деятельности комиссии от 1 марта по 6 июня 1918 г. (Ратьковский И.С..., с. 65).

¹⁰⁰² ЦГА СПб. Ф. 8098. Оп.1, Д.1. Л.1,6. Отчет о деятельности комиссии от 1 марта по 6 июня 1918 г. (Ратьковский И.С..., с. 65).

¹⁰⁰³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп.2, Д.7. Л.33,34. Отчет о деятельности комиссии от 1 марта по 6 июня 1918 г. (Ратьковский И.С..., с. 65).

¹⁰⁰⁴ Спиридонова М.А. Открытое письмо Центральному комитету большевиков// от первого лица. М, 1992, с. 457—458 (Ратьковский И.С..., с. 67).

¹⁰⁰⁵ Локкарт Р.Г.Б. История изнутри, с. 301. (Ратьковский И.С..., с. 85—86).

¹⁰⁰⁶ Известия ВЦИК 1918, 6 ноября. (Голиков Д..., с. 43).

¹⁰⁰⁷ Известия ЦИК, № 98, 18 мая 1918 г. (Гинс Г. К..., с. 55).

¹⁰⁰⁸ Декреты Советской власти, т. 2., с. 231—234; См. так же Известия ВЦИК, 1918, 30 мая. (Голиков Д..., с. 46)

¹⁰⁰⁹ Ратьковский И.С..., с. 88.

¹⁰¹⁰ Ратьковский И.С..., с. 88.

¹⁰¹¹ Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921, с.9. (Ратьковский И.С..., с. 89)

¹⁰¹² Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918—1923. М., 1990 с. 37. По словам И. Ратьковского цифра Мельгунова «представляется преувеличенной, точнее ошибочной». Примером ошибок могут служить: 300 человек расстрелянных в Петрограде после 5 сентября, которые учтены Мельгуновым, как акты первого полугодия; первые 6 месяцев деятельности Уральской ЧК приравнены к первым 6 месяцам 1918 г. (расхождение в цифрах еще 35 человек) и т.д. (Ратьковский И.С..., с. 89—90)

¹⁰¹³ Ратьковский И.С..., с. 90.

¹⁰¹⁴ Ратьковский И.С..., с. 88.

¹⁰¹⁵ См.: Ленин В. И. Выступление 15 декабря 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов. ПСС, т. 39, с. 404—405 (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 8, пред. Ю. Н. Емельянова).

¹⁰¹⁶ Локкарт Р. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, с.277 (Голуб П.А..., с. 309).

¹⁰¹⁷ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 122.)

¹⁰¹⁸ Гревс В. Американская авантюра в Сибири. 1918—1920. М., 1932, с. 197. (Голуб П. А..., с. 413).

¹⁰¹⁹ Beneš E. Svetová válka a naše revoluce. Praha, 1931, díl 3, str. 666. (Голуб П. А..., с. 44).

¹⁰²⁰ Цыпкин С, Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917—1922. М.—Хабаровск, 1933, с. 68—70. (Голуб П. А..., с. 44—45); См. так же Кириллов А. А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь, IV, с. 55 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 188).

¹⁰²¹ Веселы И. Чехи и словаки в революции в России 1917—1920 гг. М., 1965, с. 123. (Ратьковский И.С..., с. 100).

¹⁰²² Веселы И. Чехи и словаки в революции в России 1917—1920 гг. М., 1965, с. 124. (Ратьковский И.С..., с. 100).

¹⁰²³ Поезд смерти. Куйбышев, 1966, с.7.; Красная газета 1918. 28 июля. (Ратьковский И.С..., с. 101).

¹⁰²⁴ Ненароков А.П. Восточный фронт, с. 71. (Ратьковский И.С..., с. 101).

¹⁰²⁵ Приволжская правда 1918 27 октября (Ратьковский И.С..., с. 101).

¹⁰²⁶ Петроградская правда 1918. 11 августа; Красная газета 1918 12 авг.; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919). Саратов, 1974, с. 93. (Ратьковский И.С..., с. 101).

¹⁰²⁷ Правда 1918. 18, 19 июня (Ратьковский И.С..., с. 102).

¹⁰²⁸ Поезд смерти, с. 6—13 (Ратьковский И.С..., с. 102).

¹⁰²⁹ Луначарский А. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М, 1992, с. 52—53 (Ратьковский И.С..., с. 102).

¹⁰³⁰ Бочков А.И. Три года Советской власти в Казани. Казань. 1921. с.32. (Ратьковский И.С..., с. 102).

¹⁰³¹ Более подробно о белом терроре в Казани: Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы (1917—1923). М., 1995, с.134; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1917—1922 гг., М. 2004, с. 144—200 и т.д. (Ратьковский И.С..., с. 103).

- ¹⁰³² Беднота. 1918. 19 сентября. (Ратьковский И.С..., с. 103).
- ¹⁰³³ Поезд смерти, с. 7 (Ратьковский И.С..., с. 103).
- ¹⁰³⁴ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920) М., 1968, с. 260—261. (Ратьковский И.С..., с.104)
- ¹⁰³⁵ Какурин Н.Е. Как сражалась революция, т. 1, с. 42. (Ратьковский И.С..., с. 104.)
- ¹⁰³⁶ Mucka J., Hofek J. K uloze ceskoslovenskych legii v Rusku. Praha, 1954, str. 73. (Голуб П. А..., с. 47).
- ¹⁰³⁷ ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 44, л. 232. (Голуб П. А..., с. 47).
- ¹⁰³⁸ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 198—199; Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. М., 1927, с. 216 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 196 примечание).
- ¹⁰³⁹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 139.
- ¹⁰⁴⁰ Деникин А. И. Указ. соч., т. 3, с. 91. (Голуб П. А..., с. 42).
- ¹⁰⁴¹ Гинс Г.К..., с. 642.
- ¹⁰⁴² Уорт Р..., с. 218.
- ¹⁰⁴³ Майский И. Демократическая контрреволюция. М.—Л., 1923, с. 166. (Голуб П. А..., с. 42—43).
- ¹⁰⁴⁴ Kvasnička J. Československe legie v Rusku. Bratislava, 1963, str. 254. (Голуб П. А..., с. 98).
- ¹⁰⁴⁵ Kratochvil J. Cesta revoluce. Praha, 1922, str. 553—554. (Голуб П. А..., с. 98—99).
- ¹⁰⁴⁶ Halas Frantisek. Bez legend. Praha. 1958. S. 94. (Голуб П. А..., с. 406).
- ¹⁰⁴⁷ Какурин Н.Е. Как сражалась революция, т. 1, с. 37. (Ратьковский И.С..., с. 110).
- ¹⁰⁴⁸ Правда 1918. 15 авг.; Известия ВЦИК. 1918. 13 авг. (Ратьковский И.С..., с. 110).
- ¹⁰⁴⁹ Известия ВЦИК. 1918. 22, 25 мая; Беднота. 1918. 10 сент.; Знамя труда. 1918. 30 мая. (Ратьковский И.С..., с. 110)
- ¹⁰⁵⁰ Красная газета. 1918. 16, 17, 18 авг. (Ратьковский И.С..., с. 110)
- ¹⁰⁵¹ Владимирова В. Год службы..., с. 178. (Ратьковский И.С..., с. 110)
- ¹⁰⁵² Мельгунов С.П. Красный террор..., с. 327—328.
- ¹⁰⁵³ Бунин И. Окаянные дни (Бунин И. Горький М..., с. 51—56).
- ¹⁰⁵⁴ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала..., с. 243—244.

¹⁰⁵⁵ Телеграмма наркома Чичерина посланнику Норвегии, предназначенная для вручения правительству Великобритании. (Документы внешней политики СССР, М., 1957, т. 1, с. 490. (Голуб П. А..., с. 53)).

¹⁰⁵⁶ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала..., с. 229.

¹⁰⁵⁷ Декреты Советской власти, т. 2, с. 410—411. (Голиков Д..., с. 55).

¹⁰⁵⁸ Ленин В. И. Собрание партийных работников Москвы 27.11.1918. (ПСС, изд. 5-е, т. 37, М., 1974, с. 214—217)

¹⁰⁵⁹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1918. №44, с. 536.

¹⁰⁶⁰ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья..., т. 1, с. 137. (Ратьковский И.С..., с. 93)

¹⁰⁶¹ Правда 1918. 25 июня; Известия ВЦИК 1918. 16 июля. (Ратьковский И.С..., с. 85—86).

¹⁰⁶² Подробнее о деле Щастного см. Голиков Д..., с. 46—47.

¹⁰⁶³ Васецкий Н.А. Троцкий: опыт политической биографии. М., 1992, с. 123—124 (Ратьковский И.С..., с. 93).

¹⁰⁶⁴ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 75—76.

¹⁰⁶⁵ В.И. Ленин. Письмо от 26.06.1918. ПСС., т. 50, с. 106. (ЧКК..., с. 93.)

¹⁰⁶⁶ Петроградская правда. 1918. 18 окт. (Ратьковский И.С..., с. 119)

¹⁰⁶⁷ Корнатовский Н.А. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде. 1918—1919. Л., 1972. с. 25—26. (Ратьковский И.С..., с. 120)

¹⁰⁶⁸ Правда. 1918. 13 июля; Еженедельник чрезвычайных комиссий.. 1918. № 1, с. 18—19. (Ратьковский И.С..., с. 133).

¹⁰⁶⁹ Мельгунов С.П..., с. 61.

¹⁰⁷⁰ Более подробно см.: Ратьковский И.С. Индивидуальный террор в годы гражданской войны // Вестник СпбГУ. Сер. 2. Вып. 1. 1995, с. 95—100. (Ратьковский И.С..., с. 121)

¹⁰⁷¹ Известия Пензенского Совета. 1918. 31 авг., 4 сент. (Ратьковский И.С..., с. 121)

¹⁰⁷² Янсен М. Суд без суда. 1922. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993, с. 105; Петроградская правда. 1918. 7 сент.; Степанов Н. Подвойский, с. 284. (Ратьковский И.С..., с. 122)

¹⁰⁷³ Правда. 1918. 13 нояб.; Власть Советов. 1918. № 25, с. 8; Власть Советов. М., 1918. № 25, с. 8. (Ратьковский И.С..., с. 120, 122)

¹⁰⁷⁴ Еженедельник ВЧК, 1918, № 5, 20 октября. См. так же «Утро Москвы», № 21, 4 ноября 1918 г. (Мельтюхов С.П. Красный террор..., с. 12, пред. Ю. Н. Емельянова, с. 58).

¹⁰⁷⁵ Орловские известия. 1918. 21 авг.; Правда. 1918. 22 авг. (Ратьковский И.С..., с. 132)

¹⁰⁷⁶ Селитренников Д.П. Мятеж в Ливнах. Из истории советской власти и большевистских организации в Орловском крае. — Тула, 1989, с. 27—32. (Ратьковский И.С..., с. 131—132)

¹⁰⁷⁷ Ратьковский И.С..., с. 142.

¹⁰⁷⁸ Известия ВЦИК. 1918. 4, 17, 23 авг., 2 сент.; Красная газета. 1918. 7, 17, 23, 28 авг.; Рабоче-крестьянский нижегородский листок. 1918. 16, 23 авг.; Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 1, с. 23, № 6, с. 27. (Ратьковский И.С..., с. 142).

¹⁰⁷⁹ Ратьковский И.С..., с. 145, 146.

¹⁰⁸⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 268 (Хрестоматия..., с.438).

¹⁰⁸¹ Из истории ВЧК, с. 179—180. (Ратьковский И.С..., с. 164)

¹⁰⁸² Хрестоматия по отечественной истории. 1914—1945 гг. М., 1996. С. 199—200. (Хрестоматия..., с. 430—431. См. так же «Известия» 23.08.1918.)

¹⁰⁸³ Декреты Советской власти. Т. 3, с. 291—292. (Хрестоматия..., с. 431.)

¹⁰⁸⁴ Клименко В.А., Морозов П.М. Чрезвычайные защитники революции. Из истории ВЧК. 1980, с. 11. (Ратьковский И.С..., с. 177—178)

¹⁰⁸⁵ Еженедельник чрезвычайных комиссий..., 1918. № 1, с. 9. (Ратьковский И.С..., с. 179)

¹⁰⁸⁶ Беднота. 1918. 17 сент. (Ратьковский И.С..., с. 179)

¹⁰⁸⁷ Правда. 1918. 14 июля. (Ратьковский И.С..., с. 116)

¹⁰⁸⁸ «Сев. Ком.» 18 сентября 1918 г. (Мельгунов С. Красный террор..., с. 62).

¹⁰⁸⁹ Борьба за Воронеж., с. 60; Знамя борьбы. 1918. 3 апр.; Беднота. 1918 3 апр.; Петроградская правда. 1918. 23 апр. (Ратьковский И.С..., с. 116)

¹⁰⁹⁰ Ратьковский И.С..., с. 166—167.

¹⁰⁹¹ Старцев А. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968, с. 218.

¹⁰⁹² Декреты советской власти. — М., 1964, т. 3, с. 231—232; Лацис М. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, с. 27.

¹⁰⁹³ Мельгунов С. Красный террор..., с. 168.

¹⁰⁹⁴ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва—Ленинград, 1925

¹⁰⁹⁵ A Collection of Reports on Bolschewism in Russia. Abridged Edition of Parlements Paper. Russia Nr. 1. Книга переведена на французский под заглавием "Le Bolcyevisme en Russie. Livre blanc anglais", р. 59. (Мельтюхов С.П..., с. 57—58).

¹⁰⁹⁶ Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 6, с. 19; Петроградская правда. 1918. 6, 7, 8, 10 сент.; Смолин А. У истоков красного террора, с. 27. (Ратьковский И.С..., с. 154)

¹⁰⁹⁷ Мельтюхов С.П..., с. 59.

¹⁰⁹⁸ Еженедельник ВЧК, 6 номеров, вышедших с 22.09 по 27.10.1918. (ЧКК..., с. 98, 99.)

¹⁰⁹⁹ ЧКК..., с. 99.

¹¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 2. Л. 14—15 (Ратьковский И.С..., с. 132).

¹¹⁰¹ Петроградская правда. 1918. 1 сент. (Ратьковский И.С..., с. 159)

¹¹⁰² Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»..., с. 173—174. (Ратьковский И.С..., с. 181—184)

¹¹⁰³ Красная газета. Вечерний выпуск. 1918. 25 сент. (Ратьковский И.С..., с. 181—184)

¹¹⁰⁴ Петроградская правда. 1918. 8, 30 окт.; 1 нояб.; Северная комунна. 1918. 8, 30 окт., 1 нояб. (Ратьковский И.С..., с. 185)

¹¹⁰⁵ Ратьковский И.С..., с. 185.

¹¹⁰⁶ Еженедельник чрезвычайных комиссий. 1918. № 3, с. 18. (Ратьковский И.С..., с. 222)

¹¹⁰⁷ Правда. 1918. 8 окт. (Ратьковский И.С..., с. 222)

¹¹⁰⁸ Известия ВЦИК. 1918. 6 сент. (Ратьковский И.С..., с. 179)

¹¹⁰⁹ Статья М. Ольминского. Правда. 1918. 8 окт. (Ратьковский И.С..., с. 223)

¹¹¹⁰ Ленин и ВЧК: сборник....., с.122. (ЧКК..., с. 100.)

¹¹¹¹ Красная газета. Вечерний выпуск. 1918. 7 окт. (Ратьковский И.С..., с. 207)

¹¹¹² Текст постановления см.: Декреты Советской власти, т. 3, с. 529—530; Ратьковский И.С..., 208.

¹¹¹³ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 274. (Ратьковский И.С..., 209)

¹¹¹⁴ Ратьковский И.С... с. 279, 280, 282.

¹¹¹⁵ Ратьковский И.С... с. 280.

¹¹¹⁶ Красная газета. Вечерний выпуск. 1918. 19 авг. (Ратьковский И.С..., с. 157)

¹¹¹⁷ Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте, с. 76. (Ратьковский И.С..., с. 198); Известия, 8 февраля 1920 (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 88—89).

¹¹¹⁸ Мельгунов С.П. Красный террор в России, с. 45. (Ратьковский И.С..., с. 198)

¹¹¹⁹ Ратьковский И.С..., с. 198—199.

¹¹²⁰ Письмо Ю.Мартова А.Штейну от 25.10.1918 приводится в кн.: V. Brovkin, Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton, 1994, p.283. (ЧКК..., с. 99.)

¹¹²¹ Спирин Л.М. Классы и партии..., с. 185, 211 (Ратьковский И.С..., с. 121).

¹¹²² Еженедельник чрезвычайных комиссий.. 1918. № 6, с. 28—29 (Ратьковский И.С..., с. 172).

¹¹²³ Деревенская коммуна. 1918. 31 авг. (Ратьковский И.С..., с. 172)

¹¹²⁴ Правда. 1918. 31 авг. (Ратьковский И.С..., с. 172)

¹¹²⁵ Ратьковский И.С..., с. 172—173.

¹¹²⁶ Правда. 1918. 24 июля, 13, 22 авг. (Ратьковский И.С..., с. 138)

¹¹²⁷ Известия ВЦИК 10.09.1918. (Волков С. В..., с. 93—94)

¹¹²⁸ Ратьковский И.С... с. 280.

¹¹²⁹ Введено двумя декретами от 30.01, 17.02.1919. Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. Вопросы истории. 1990. №7, с. 157—159, 161. См. так же: В.И. Ленин и ВЧК (1917—1922)/ Под ред. С. Цвигун. М., 1975, с. 144. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917—1921) / под ред. Н. Полякова. М., 1958, с. 251—257. (Ратьковский И.С..., с. 231, 232).

^{1130 15} февраля 1919 г. (Мельгунов С.П..., с. 99).

¹¹³¹ Голиков Д..., с. 411.

¹¹³² Голуб П. А., «Правда», 25–28 сентября 2009, №105 (29447)

¹¹³³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2. М. 1990, с. 175. (Цит. по: Генис В.А. Первая конная армия...)

¹¹³⁴ Вопросы истории, 1990, № 10, с. 102. (Цит. по: Генис В.Л. Рассказывание..., с. 43)

¹¹³⁵ Пролетарская революция на Дону. Сб. 1. Ростов-н/Д, 1922, с. 70. (Цит. по: Генис В.Л. Рассказывание..., с. 43)

¹¹³⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 154, л. 115; Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 100, оп. 2, д. 224, л. 190. (Цит. по: Генис В.Л. Рассказывание..., с. 44)

¹¹³⁷ РЦДХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 85. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹³⁸ Телеграмма командования Южного фронта (член Реввоенсовета А. Л. Коллегаев и командующий войсками В. М. Гиттис) — Реввоенсоветам 8-й и 9-й армий, а через них всем ревкомам 12 марта 1919 г. РГВА, ф. 100, оп. 3, д. 105, л. (Цит. по: Генис В.Л. Рассказывание..., с. 47)

¹¹³⁹ Голуб П. А., «Правда», 25—28 сентября 2009, №105 (29447)

¹¹⁴⁰ Козлов А. Трагедия Донского казачества в XX веке // «История Донского края», 20 января 2000. — № 1 (31).

¹¹⁴¹ РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 160, л. 22—23; ЛОСЕВ Е. Миронов. М. 1991, с. 349, 340—341. (См. подробнее: Генис В.Л. Рассказывание..., с. 51)

¹¹⁴² Долгов К.Е. Большевики и Донское казачество в 1918—1920 гг.// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена № 74-1 / 2008, с. 169. <http://cyberleninka.ru/article/n/bolsheviki-i-donskoe-kazachestvo-v-1918-1920-gg>

¹¹⁴³ Козлов А. Трагедия Донского казачества в XX веке // «История Донского края», 20 января 2000. № 1 (31). См. также: РЦДХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 86. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁴⁴ Телеграмма от 16 июля члена Кавбюро ЦК РКП (б), зам. председателя Кавказской трудовой армии А. Г. Белобородов — Ленину и ЦК. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 76. Л. 5. (См. подробнее: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁴⁵ Телеграмма А.Г. Белобородова и уполномоченного Наркомпрода на Северном Кавказе Фрумкина от 1 августа — руководству СНК, ЦК РКП(б) и ВЧК РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 76. Л. 6. (См. подробнее: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁴⁶ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 47. Л. 5. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁴⁷ Частное письмо члена РВС 9-й армии С. А. Анучина. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 76. Л. 13. (См. подробнее: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁴⁸ Лавров П.Л. «Парижская Коммуна» 18.03.1871. Петроград: Колос, 1919. с. 225.

¹¹⁴⁹ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Москва—Ленинград, 1925

^{1150 15} февраля 1919 г. (Мельгунов С.П..., с. 86).

¹¹⁵¹ Мельгунов С.П..., с. 98; См. подробнее В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922) с. 324. (Голиков Д..., с. 62)

¹¹⁵² Мельгунов С.П..., с. 100.

¹¹⁵³ Декреты Советской власти. М., 1975., т. 7, с. 104—105.. (Голиков Д..., с. 63).

¹¹⁵⁴ Исторический архив, 1957, № 5, с. 184. (Голиков Д..., с. 64).

¹¹⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1920, № 22—23, с. 115. (Голиков Д..., с. 64).

¹¹⁵⁶ Ленин В.И. ПСС, т. 40, с. 101. (Голиков Д..., с. 63).

¹¹⁵⁷ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

¹¹⁵⁸ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

¹¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 22. Д. 1. Л. 53. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁶⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 72. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁶¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 187. Л. 1—2. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁶² Доклад комиссара вооруженных сил Евстратовско-Богучарского района Воронежской губернии Воднева командующему 2-й особой армии 6 декабря 1920 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 187. Л. 1—2. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁶³ Литвин А..., с. 286

¹¹⁶⁴ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

¹¹⁶⁵ Богданов М. А. Разгром западно-сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961, с. 7 (Литвин А..., с. 286)

¹¹⁶⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 200. Л. 18. (Письмо члена Сиббюро ЦК РКП (б) В. М. Косарева Е. Ярославскому, 21 марта 1921 г.). (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁶⁷ Соколов Б. Ф... с. 416—417.

¹¹⁶⁸ Соколов Б. Ф... с. 418, 419.

¹¹⁶⁹ Соколов Б. Ф... с. 420.

¹¹⁷⁰ «Известия феодосийского военного ревкома» от 25 ноября 1920 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 21. Л. 20. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁷¹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

¹¹⁷² Сотрудник Крымского обкома А. Шаповалов Крестинскому 28 июля 1920 г. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 12. Д. 276. Л. 3. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁷³ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

¹¹⁷⁴ Информационная сводка Землячки для ЦК РКП (б) о деятельности Крымобкома за период с 22 ноября по 13 декабря 1920 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 277. Л. 39. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁷⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 21. Л. 27. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁷⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 21. Л. 29 об. (Цит. по: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...)

¹¹⁷⁷ Султан-Галиев М. О положении в Крыму. Докладная записка (14/IV-21 г. г. Москва). http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997_3_4/03/03_2/

¹¹⁷⁸ Лацис (Судрабе) Два года борьбы на внутреннем фронте, М, 1920, стр. 69; ЦА ФСБ РФ Ф.1, оп.3, пор.189, л.1; там же, пор.190, л.1; там же, Ф8-ос, оп.1, пор.80. (Цит. по: Мозохин Статтистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ(1918—1953 гг.). М.: ТД Алгоритм, 2016. 448 с., с. 14. URL: <http://mozohin.ru/article/a-10.html>)

¹¹⁷⁹ ЦА ФСБ России. Ф.1. Оп.3. Пор.53. Л.56. (Цит. по: Мозохин. Статтистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918—1953 гг.) М.: ТД Алгоритм, 2016. 448 с., с. 14)

- ¹¹⁸⁰ <http://mozohin.ru/article/a-10.html>
- ¹¹⁸¹ Ратьковский И.С..., с. 233.
- ¹¹⁸² Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 389—390).
- ¹¹⁸³ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 376).
- ¹¹⁸⁴ Голиков Д..., с. 363.
- ¹¹⁸⁵ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты, с. 12—13, 171 (Голиков Д..., с. 82).
- ¹¹⁸⁶ Ленинградская правда 1927, 17 марта. (Голиков Д..., с. 82).
- ¹¹⁸⁷ «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», 1922, № 4, с. 43. (Голиков Д..., с. 72).
- ¹¹⁸⁸ Ленин В.И. «О продовольственном налоге», апрель 1921 г., ПСС, т. 43, с. 234—235. (Голиков Д..., с. 75)
- ¹¹⁸⁹ Литвин А. Красный и белый террор в России 1918—1922 гг. М.: Эксмо, 2004. — 448 с..., с. 176.
- ¹¹⁹⁰ По словам Нестеровича. (Кенез П..., с. 81). См.так же: Пауль С.М. С Корниловым. Русский разлив т.2. М.: ДИ ДИК Танаис Москва. — 1996, с. 620, с. 510. С.М. Пауль участник 1-го Кубанского «Ледяного похода», написано в эмиграции в издании «Белое дело» в 1926 г.
- ¹¹⁹¹ Кенез П..., с. 114.
- ¹¹⁹² Кенез П..., с. 105.
- ¹¹⁹³ Гуль Р. Ледяной поход. Белое движение начало и конец. М., 1990. (Кенез П..., с. 105 прим. ред.)
- ¹¹⁹⁴ Деникин А. И. (II)..., с. 395—396.
- ¹¹⁹⁵ Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов. Часть 3. <http://www.dk1868.ru/statii/kornilov3.htm>
- ¹¹⁹⁶ Деникин А. Очерки Русской Смуты, т. II, с. 205—208 (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 453).
- ¹¹⁹⁷ Кенез П..., с. 80.
- ¹¹⁹⁸ Врангель П.Н. Воспоминания 1916—1920. ч. 1, глава II. ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.
- ¹¹⁹⁹ Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 354.)
- ¹²⁰⁰ Альбертсон Р. Военные действия без войны. (Сейерс М., Кан А..., с. 94)
- ¹²⁰¹ Волков С.В..., с. 58, 204.
- ¹²⁰² ФРЕНКЕЛЬ А. А. Орлы революции. Ростов н/Д, 1920, с. 34. (Цит. по: Генис В.Л. Рассказывание..., с. 43)

¹²⁰³ Деникин А. И. (II)..., с. 248—249.

¹²⁰⁴ Соколов Б. Ф... с. 373

¹²⁰⁵ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика ((Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 58)

¹²⁰⁶ Приказ N 693, 16 апреля 1919 г. ((цит. по Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 58—59)

¹²⁰⁷ Приказ N 64, 24 ноября 1918 г. (цит. по Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 60)

¹²⁰⁸ Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917—1918 гг. // Архив Русской революции, т. XV, с. 32. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 574).

¹²⁰⁹ Милюков П. Н..., с. 248.

¹²¹⁰ Витте С.Ю..., т. 2, с. 493.

¹²¹¹ Милюков П.Н. История..., с. 100.

¹²¹² С. Ан-ский. После переворота 25-го октября 1917 г. // Архив Русск. Революции, т. VIII, Берлин, 1923 г.

¹²¹³ Церетели И. выступление на заседании ЦИК Совета р.и. с. депутатов 25 (12) ноября 1917 г. Протокол заседания. (Красный Архив №10 (Мельгунов С. Как большевики... с. 350. см. так же: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 301)).

¹²¹⁴ Красный архив, 1928, № 1 (26). с. 171, 183. (См. подробнее Голинков Д..., с. 194—200)

¹²¹⁵ Ленин В.И. ПСС, т. 37, с. 264. (Цит. по: Ратьковский И.С... с. 14).

¹²¹⁶ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. — М. 1923, с. 186—187. (Мельгунов С.П. Трагедия адмирала..., с. 229).

¹²¹⁷ Литвин А..., с. 144

¹²¹⁸ Лебедев В. И. От Петрограда до Казани. // «Воля России», 1928, VIII, с. 162 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 238—239).

¹²¹⁹ Николаев С. Возникновение и организация Комуча. // Воля России. Прага, 1928. № 8—9, с. 234 (Литвин А..., с. 150)

- ¹²²⁰ Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972, с. 226—228 (Литвин А..., с. 159)
- ¹²²¹ ГАРФ, ф. 749, оп. 1, д. 39, л. 6 (Литвин А..., с. 147)
- ¹²²² РГАСПИ, ф. 71, оп. 3, д. 406, л. 365, 377 (Литвин А..., с. 147)
- ¹²²³ Вольнов И. Огонь и воды. Куйбышев, 1990. С. 188—189 (Литвин А..., с. 205—207).
- ¹²²⁴ ГАРФ, ф. 6257, оп. 1, д. 2, л. 142, 145, 242 (Литвин А..., с. 149)
- ¹²²⁵ Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972, с. 224—225 (Литвин А..., с. 151)
- ¹²²⁶ Вестник Комуча, 19.09.1918. (Литвин А..., с. 146—147).
- ¹²²⁷ ГАРФ, ф. 1405, оп. 1, д. 16, л. 58 (Литвин А..., с. 151)
- ¹²²⁸ Красная быль. Самара, 1923, № 2, с. 130; № 3, с. 107—111; Поезд смерти. Куйбышев, 1957 (Литвин А..., с. 149)
- ¹²²⁹ Резниченко А. М. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири (1918 г.) Новосибирск, 1972, с. 84—85 (Литвин А..., с. 153)
- ¹²³⁰ Литвин А..., с. 152
- ¹²³¹ Революция защищается. Свердловск, 1989. с. 139—140, 148; Гражданская война на Южном Урале. Сб. док. и материалов, Челябинск, 1962, с. 164 (Литвин А..., с. 152—153)
- ¹²³² Правда 1918. 13, 26 июня. (Ратьковский И.С..., с. 110)
- ¹²³³ Правда 1918. 21 июня. (Ратьковский И.С..., с. 111)
- ¹²³⁴ Правда 1918. 19, 30 июля. (Ратьковский И.С..., с. 111)
- ¹²³⁵ Ненароков А.П. Восточный фронт, с. 40. (Ратьковский И.С..., с. 111)
- ¹²³⁶ Борьба за Воронеж..., с. 64—65. (Ратьковский И.С..., с. 111)
- ¹²³⁷ Ненароков А.П. Восточный фронт, с. 40. (Ратьковский И.С..., с. 111) За 10 месяцев, пока Краснов был атаманом, с мая 1918 г. по февраль 1919 г., по данным Ю. Гражданова, карательные органы Всевеликого Войска Донского вынесли смертные приговоры почти 25 000 человек. (Гражданов Ю.Д. Всевеликое войско Донское в 1918 году, с. 98. (Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционерами»..., с. 124.))
- ¹²³⁸ Голуб П. Правда и ложь о «расказачивании»
- ¹²³⁹ Денисов С. В. начало гражданской войны на Дону. М.—Л., 1926, с. 98—99 (Литвин А..., с. 180)

¹²⁴⁰ Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Берлин, 1922, т. 6, с. 109 (Литвин А..., с. 217)

¹²⁴¹ Сейерс М., Кан А..., с. 102.

¹²⁴² Курск, 14 августа 1919 г. (Неизвестная Россия. XX век. М., 1993, кн. 2, с. 239 (Литвин А..., с. 184))

¹²⁴³ Воронович Н. В. «Зеленые» повстанцы на Черноморском побережье. «Меж двух огней», «Архив Русской Революции», т. VII, Берлин, 1922.

¹²⁴⁴ Устинов С. М. Записки начальника контрразведки (1915—1920 гг.). Берлин, 1923, с. 125, 126; Виллиам Г. Белые. М., 1923, с. 67, 68; Арбатов З. Ю. Екатеринослав, 1917—1922 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923, т. 12, с. 94 (Литвин А..., с. 179—180)

¹²⁴⁵ Гинс Г.К..., с. 506.

¹²⁴⁶ Краснов В.Г. (II) ..., с. 185—186.

¹²⁴⁷ Краснов В.Г. (II) ..., с. 133.

¹²⁴⁸ Гражданская война на Южном Урале, Сб. док. и материалов. Челябинск, 1962, с. 171, 172; ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 2 «д», л. 17—18; оп. 10, д. 20, л. 198, 201 (Литвин А..., с. 172)

¹²⁴⁹ Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920). Документы и материалы. М., 1962, с. 357 (Литвин А..., с. 173)

¹²⁵⁰ Сейерс М., Кан А..., с. 70.

¹²⁵¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930, ч. 1, с. 76—82; Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М., 1957, с. 38 (Литвин А..., с. 172—173)

¹²⁵² Гинс Г.К..., с. 546.

¹²⁵³ РВС Республики. М., 1991, с. 311; Федор Раскольников. О времени и о себе. Л. 1989, с. 347—377; Владимирова В. Год службы..., с. 320; Правда. 1918. 29 ноября; Петроградская правда. 1919, 27 окт. (Ратьковский И.С..., с. 109)

¹²⁵⁴ Ижевск в огне гражданской войны. Из истории революционного движения ижевских рабочих (1917—1918). Ижевск, 1927, с. 80—83. (Ратьковский И.С..., с. 109)

¹²⁵⁵ Известия ВЦИК. 1918. 17 авг.; Беднота. 1918. 17 сент. (Ратьковский И.С..., с. 109)

¹²⁵⁶ Литвин А..., с. 169—170

¹²⁵⁷ Неизвестная Россия. М., 1992, с. 238; Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995, с. 5 (Литвин А..., с. 178—179)

¹²⁵⁸ Мельгунов С. Николай Васильевич Чайковский в годы гражданской войны. — Париж, 1929, с. 160—163, 169—171.

¹²⁵⁹ Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. 1917—1919. М., 1964, с. 91—92. (Ратьковский И.С..., с. 105)

¹²⁶⁰ Правда. 1918. 27 сент. (Ратьковский И.С..., с. 105)

¹²⁶¹ Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. 1917—1919. М., 1964, с. 91—92. (Ратьковский И.С..., с. 105)

¹²⁶² Гимпельсон Е.Г. Форирование..., с. 134. (Ратьковский И.С..., с. 105)

¹²⁶³ Ратьковский И.С..., с. 105.

¹²⁶⁴ Известия ВЦИК. 1918. 17 авг.; Правда. 1918. 25 сент. (Ратьковский И.С..., с. 106)

¹²⁶⁵ Coates W.P., Coates Z.K. Armed Intervention in Russia 1918—1922. London, 1935. p. 209. (Население..., т. 1, с. 98.)

¹²⁶⁶ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.—Л., 1927, с. 111—112 (Литвин А..., с. 213—214)

¹²⁶⁷ Гревс В. Американская авантюра в Сибири. 1918—1920. М., 1932, с. 8. (Голуб П. А..., с. 317).

¹²⁶⁸ Гревс В. Американская авантюра в Сибири. 1918—1920. — М., 1932, с. 80, 175, 237 (Литвин А..., с. 173—174)

¹²⁶⁹ Оболенский В. Крым при Врангеле. Деникин-Юденич-Врангель. М.—Л., 1927, с. 383, 391, 393—394 (Литвин А..., с. 188)

¹²⁷⁰ Раковский Г. Конец белых. Деникин-Юденич-Врангель, М.—Л., 1927, с. 434, 436 (Литвин А..., с. 188—189).

¹²⁷¹ Центр хранения документов новейшей истории республики Крым, ф. 150, оп. 1, д. 49, л. 197—232; д. 53, л. 148 (Литвин А..., с. 190—191)

¹²⁷² Военно-исторический журнал. 1990, № 7, с. 73—74 (Литвин А..., с. 187)

¹²⁷³ Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск, 1977, с. 176. (Голуб П. А..., с. 129—130).

¹²⁷⁴ Голуб П. А..., с. 151.

¹²⁷⁵ Потылицин А. И. Белый террор на Севере. 1918—1920. Архангельск, 1931, с. 26. (Голуб П. А..., с. 189).

¹²⁷⁶ Интервенция на Советском Севере. 1918—1920. Архангельск. 1939, с. 14. (Голуб П. А..., с. 199—200).

¹²⁷⁷ Литвин А..., с. 154

¹²⁷⁸ Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917—1918 годах. М., 1974, с. 500—501. (Голуб П. А..., с. 200).

¹²⁷⁹ Голуб П. А..., с. 200—201.

¹²⁸⁰ Потылицин А. И. Белый террор на Севере. 1918—1920. Архангельск, 1931, с. 44. (Голуб П. А..., с. 189).

¹²⁸¹ Потылицин А. И. Белый террор на Севере. 1918—1920. Архангельск, 1931, с. 42. (Голуб П. А..., с. 190).

¹²⁸² Горн В. Гражданская война в северо-западной России. Юденич под Петроградом. Л., 1927, с. 12, 126, 138, 252 (Литвин А..., с. 192)

¹²⁸³ Шишов А. В..., с. 327.

¹²⁸⁴ Шишов А. В..., с. 332—333.

¹²⁸⁵ Шишов А. В..., с. 357.

¹²⁸⁶ Исторический архив. 1993, № 3, с. 134 (Литвин А..., с. 142)

¹²⁸⁷ ГАРФ, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 52. (Голуб П. А..., с. 147).

¹²⁸⁸ ГАРФ, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 30; д. 60, л. 32, 35. (Голуб П. А..., с. 138).

¹²⁸⁹ Вестник Верховного управления Северной области, 1.IX.1918. Архангельск. (Голуб П. А..., с. 147—148).

¹²⁹⁰ Белое дело. Берлин, 1926, т. 1, с. 44. (Голуб П. А..., с. 149—150).

¹²⁹¹ Голуб П. А..., с. 150.

¹²⁹² Раковский Г. Конец белых. — Прага, 1921. В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., «Отечество», 1991, с. 434.

¹²⁹³ Кин Д. Деникинщина. Л., 1927, с. 80.; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 — 1920 гг.). М., 1982, с. 208, 215.; РГАСПИ, ф 5, оп. 1, д. 2563, л. 3—4, 6—24. (Литвин А..., с. 171—172, 179)

¹²⁹⁴ Голуб П. А..., с. 96.

¹²⁹⁵ Кинг Ф. в газете «Джапан Адвертайзер». (Краснов В. Г. (II)..., с. 89.)

¹²⁹⁶ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика ((Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 63)

¹²⁹⁷ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх

№51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 405—407).

¹²⁹⁸ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фрнд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 407—408).

¹²⁹⁹ Будберг А. 4 июня 1919 г..., с. 103.

¹³⁰⁰ Будберг А. 24 июня 1919 г..., с. 142—143.

¹³⁰¹ Мельгунов С.П. Красный террор..., с. 321—322.

¹³⁰² Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков // Под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. М., 2004, с.9, 17. (Цветков В.Ж. Белый террор — преступление или наказание? dk1868.ru)

¹³⁰³ Л. П. Карсавин. Философия истории. Берлин, 1921, с. 327 (Цит. по: Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 212—213).

¹³⁰⁴ Цветков В.Ж. Белый террор — преступление или наказание? <http://dk1868.ru/statii/statii2.htm>

¹³⁰⁵ ГА РФ. Ф. 6532. Оп.1. Д. 1. Лл. 218—219. (Цветков В.Ж. Белый террор — преступление или наказание? <http://dk1868.ru/statii/Tstvetkov5.htm>)

¹³⁰⁶ Цветков В.Ж. Белый террор — преступление или наказание? dk1868.ru

¹³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 6532. Оп.1. Д. 1. Лл. 233—234. (Цветков В.Ж. Белый террор — преступление или наказание? <http://dk1868.ru/statii/Tstvetkov5.htm>)

¹³⁰⁸ Правительственный вестник, Омск, № 17, 8 декабря 1918 г. (Цветков В.Ж. Белый террор — преступление или наказание? <http://dk1868.ru/statii/Tstvetkov5.htm>)

¹³⁰⁹ ГАРФ, ф. 176, оп. 5, л. 1425, л. 29, 30, 32. (Голуб П. А..., с. 347—349).

¹³¹⁰ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фонд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака. Л.: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 408).

¹³¹¹ Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Архив Октябрьской революции Фонд

LXXV, арх №51.; Допрос Колчака — Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 413).

¹³¹² Гинс Г.К..., с. 463.

¹³¹³ Гинс Г.К..., с. 513.

¹³¹⁴ Будберг А. 24 сентября 1919 г..., с. 312.

¹³¹⁵ Деникин А. И. (I).

¹³¹⁶ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 527)

¹³¹⁷ Шульгин В. В. «Неопубликованная публицистика» (Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В..., с. 69—70)

¹³¹⁸ Уэллс Г. Россия во мгле..

¹³¹⁹ Бунин И. Окаянные дни (Бунин И. Горький М..., с. 89).

¹³²⁰ Мельгунов С. Красный террор..., с. 248.

¹³²¹ A Collection of Reports on Bolschewism in Russia. Abridged Edition of Parliamenters Paper. Russia Nr. 1. Цит. по французскому переводу «Le Bolchevisme en Russie. Livre blanc anglais», P. 37 (в кн.: Мельгунов С. П. Красный террор, с. 67).

¹³²² Ратьковский И.С..., с. 138.

¹³²³ Ратьковский И.С..., с. 206.

¹³²⁴ «Русская Жизнь», Гельсингфорс, 11 марта 1919. (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 67).

¹³²⁵ Записка, поданная в ВЦИК известной левой соц.-рев. Ю. Зубелевич. (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 67).

¹³²⁶ Красный воин, 12 ноября 1919 г. (Мельгунов С.П. Красный террор, с. 68).

¹³²⁷ Революционная Россия, № 14—15 (Мельгунов С.П. Красный террор, с. 67).

¹³²⁸ Известия, Тамбов (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 68).

¹³²⁹ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 122.)

¹³³⁰ Чернов В., с. 175.

¹³³¹ Степанов Н. Подвойский М., 1989, с. 274, 281—282. (Ратьковский И.С..., с. 107)

¹³³² Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970, с. 60; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье..., с. 101. (Ратьковский И.С..., с. 107)

¹³³³ Северная комунна. 1918. 12 окт. (Ратьковский И.С..., с. 107)

- ¹³³⁴ Петроградская правда. 1918. 10 авг. (Ратьковский И.С..., с. 107)
- ¹³³⁵ Правда. 1918. 25 сент. (Ратьковский И.С..., с. 107)
- ¹³³⁶ Красная газета. 1918. 17 авг. (Ратьковский И.С..., с. 108)
- ¹³³⁷ Красная газета. 1918. 23 окт. (Ратьковский И.С..., с. 108)
- ¹³³⁸ Поезд смерти., с. 16—17. (Ратьковский И.С..., с. 107)
- ¹³³⁹ ГАРФ, ф. 827, оп. 10, д. 105, л. 126. (Голуб П.А..., с. 397—398).
- ¹³⁴⁰ ГАРФ, ф. 147, оп. 8, д. 34, л. 81. (Голуб П. А..., с. 389).
- ¹³⁴¹ Какурин Е.Е., Вацетис И.И..., с. 23.
- ¹³⁴² Александр Михайлович..., с. 302—303.
- ¹³⁴³ Деникин А. И. Поход на Москву..., с. 417.
- ¹³⁴⁴ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 89.
- ¹³⁴⁵ Игнатъев..., с. 337.
- ¹³⁴⁶ Деникин А. И. (III)..., с. 325.
- ¹³⁴⁷ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ¹³⁴⁸ Шульгин В. В. 1920 (Шульгин В. В..., с. 389)
- ¹³⁴⁹ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 241—242.
- ¹³⁵⁰ Итоги десятилетия советской власти в цифрах. Москва, 1927. 116. (Геллер М.Я., Некрич А.М..., с. 213.)
- ¹³⁵¹ Расчеты на основании данных: (Прим. ред.) к книге Киган Д., с. 493.
- ¹³⁵² Расчеты на основании данных: Интервенция на Советском Севере. 1918—1920. Архангельск. 1939, с. 14. (Голуб П. А..., с. 199—200).
- ¹³⁵³ Расчеты на основании данных: ГАРФ, ф. 827, оп. 12, д. 99. (Голуб П.А..., с. 292, 368).
- ¹³⁵⁴ Лацис (Судрабс) М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, с. 76. (Голуб П.А..., с. 294, 365)
- ¹³⁵⁵ Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968, с. 44. (Голуб П.А..., с. 286).
- ¹³⁵⁶ ГАРФ, ф. 827, оп. 12, д. 99. (Голуб П.А..., с. 292, 368).
- ¹³⁵⁷ Революционная Россия, № 31, октябрь-ноябрь 1923 (Мельгунов С. П. Красный террор, с. 243—244).
- ¹³⁵⁸ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 243.
- ¹³⁵⁹ Голуб П. А..., с. 157.
- ¹³⁶⁰ Игнатъев В. И..., с. 152

¹³⁶¹ Минц И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М., 1931. Приложение документов, с. 247. (Голуб П. А..., с. 159).

¹³⁶² ГАРФ, ф. 3691, оп. 1, д. 103, лл. 59, 251, 260. (Голуб П. А..., с. 159).

¹³⁶³ Игнатъев В. И..., с. 153; См. так же Рассказов П. П. Записки заключенного. Архангельск, 1952 (Литвин А..., с. 154).

¹³⁶⁴ Минц И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М., 1931. Приложение документов, с. 247. (Голуб П. А..., с. 160).

¹³⁶⁵ Чуев В. П. Архангельское подполье. Архангельск, 1965, с. 117. (Голуб П. А..., с. 193).

¹³⁶⁶ Архив русской революции, М., 1991, т. 9—10, с. 82. (Голуб П. А..., с. 195—196).

¹³⁶⁷ Соколов Б.Ф..., с. 420—421.

¹³⁶⁸ Чуев В. П. Архангельское подполье. Архангельск, 1965, с. 123—124. (Голуб П. А..., с. 195).

¹³⁶⁹ Белый Север. 1918—1920. Мемуары и документы. Архангельск, 1993, вып. 2, с. 452. (Голуб П. А..., с. 188).

¹³⁷⁰ Вестник правительства Северной области, 7.XI.1919. Архангельск. (Голуб П. А..., с. 185).

¹³⁷¹ ГАРФ, ф. 827, оп. 7, д. 34. лл. 51, 62; д. 15, лл. 377—379. (Голуб П.А..., с. 283, 356).

¹³⁷² РГВА ф. 39499, д. 195, л. 19, 29—30. (Голуб П.А..., с. 366).

¹³⁷³ Мельгунов С. Красный террор..., с. 139.

¹³⁷⁴ Население..., т. 1, с. 97.

¹³⁷⁵ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

¹³⁷⁶ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 50—51.

¹³⁷⁷ Мельгунов С. Красный террор..., с. 139.

¹³⁷⁸ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 16, пред. Ю. Н. Емельянова.

¹³⁷⁹ Мельгунов С. Красный террор..., с. 138.

¹³⁸⁰ Мельгунов С. Красный террор..., с. 139.

¹³⁸¹ Мельгунов С. Красный террор в России. М. 1990, с. 204. Послесловие А. Даниэля и Н. Охотина. (Мельгунов С. Красный террор..., с. 27. Пред. Ю. Емельянова).

¹³⁸² Мельгунов С. П. Красный террор, с. 39.

¹³⁸³ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 240.

¹³⁸⁴ Мельгунов С. Красный террор..., с. 11, 27—28. Пред. Ю. Емельянова.

¹³⁸⁵ Кенез П..., с. 210.

¹³⁸⁶ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 38—40)

¹³⁸⁷ Русский посол в Париже Маклаков, март-апрель 1919 г. (цит. по Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925) // Революция и гражданская война..., с. 53)

¹³⁸⁸ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Из книги: А.И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925 //: Революция и гражданская война..., с. 41)

¹³⁸⁹ Валентинов А. А. Врангелевщина. (Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 338)

¹³⁹⁰ Валентинов А. А. Врангелевщина. (Из кн.: Архив Русской революции, т. V, Берлин, 1922) В кн.: Революция и гражданская война..., с. 336—337)

¹³⁹¹ Мельгунов С.П. Тайна адмирала..., с. 565.

¹³⁹² Мельгунов С. П. Красный террор, с. 320.

¹³⁹³ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России...

¹³⁹⁴ Кейнс Дж. М. Россия..., с. 912.

¹³⁹⁵ Мельгунов С. П. Красный террор, с. 52.

¹³⁹⁶ Ратьковский И.С..., с. 96.

¹³⁹⁷ Киган Д..., с. 489.

¹³⁹⁸ Киган Д..., с. 489.

¹³⁹⁹ Сванлюг. Человек и Чудовище. Лондон, 1928. (Мельгунов С.П. Трагедия адмирала..., с. 235)

¹⁴⁰⁰ По данным Ларса Вестрлунда. Рогозина О. Теему Кескисарья: В генах финнов нет этнической ненависти // Газета «Вечерний Петербург», 27 марта 2014. — № 55(25083) <http://www.vppress.ru/stories/Teemu-Keskisarya-V-genakh-finnov-net-etnicheskoj-nenavisti-22933>

¹⁴⁰¹ Катая С.А. Террор буржуазии в Финляндии. Пг., 1919, с. 6—10; Знамя труда. 1918. 13 мая; Правда. 1918. 15 июня; Северная коммуна. 1918. 28 июня. (Ратьковский И.С..., с. 96).

¹⁴⁰² Известия ВЦИК 1918. 13 апреля. (Ратьковский И.С..., с. 97).

¹⁴⁰³ Красный архив, т. 2 (33), 1929, с.110–111.

¹⁴⁰⁴ Знамя труда. 1918. 14 апреля, 16 мая. (Ратьковский И.С..., с. 97).

¹⁴⁰⁵ Петроградская правда. 1918. 12 июня; Быстрянский В. Контрреволюция и ее методы (Белый террор прежде и теперь). Пг., 1920, с. 7. (Ратьковский И.С..., с. 97).

¹⁴⁰⁶ Катая С.А. Террор буржуазии в Финляндии, с. 22. (Ратьковский И.С..., с. 97).

¹⁴⁰⁷ Ратьковский И.С..., с. 98.

¹⁴⁰⁸ (Прим. ред.) к книге Киган Д., с. 493.

¹⁴⁰⁹ Петроградская правда 1918. 28 июля, 23 ноября (Ратьковский И.С..., с. 96).

¹⁴¹⁰ Сейерс М., Кан А..., с. 97.

¹⁴¹¹ Киган Д..., с. 493.

¹⁴¹² Историк доцент Хельсинкского университета недавно представил в генеральном консульстве Финляндии свою последнюю книгу «Выборг-1918». Teemu Keskisarja «Viipuri 1918». Рогозина О. Теему Кескисарья: В генах финнов нет этнической ненависти // Газета «Вечерний Петербург», 27 марта 2014. № 55(25083) <http://www.vppress.ru/stories/Teemu-Keskisarya-V-genakh-finnov-net-etnicheskoi-nenavisti-22933>

¹⁴¹³ Урланис Б.Ц..., с. 401, 408.

¹⁴¹⁴ Томас Хью..., с. 554.

¹⁴¹⁵ Томас Хью..., с. 170.

¹⁴¹⁶ Томас Хью..., с. 160, 164.

¹⁴¹⁷ Томас Хью..., с. 556.

¹⁴¹⁸ Хроника человечества. Сост. Бодо Харенберг. М.: Большая энциклопедия, 1996. с. 934.

¹⁴¹⁹ Волков Е. 3. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.: Госиздат, 1930, с. 212.; См. также: Lorimer F. The population of the Soviet Union. League of Nations. Geneva, 1946, p. 30.

¹⁴²⁰ Население России в XX веке..., т. 1, с. 95.

¹⁴²¹ См. например: Население России в XX веке..., т. 1, с. 95.

¹⁴²² Институт истории СССР, РАН СССР 1980 г. (Население России в XX веке..., т. 1, с. 94.)

¹⁴²³ F. Lorimer, основываясь на данных Е. Волкова, дает общую цифру потерь 19,65 млн чел. См.: Волков Е. 3. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.: Госиздат, 1930. 272 с., с. 212.; Lorimer F. The population of the Soviet Union. League of Nations, Geneva, 1946, p. 30.

¹⁴²⁴ Simpson pp. 80—82, 559—561; E. Kulisher Letter; Lubny-Gertsyk p. 63. (Lorimer F. The population of the Soviet Union. League of Nations, Geneva, 1946, p. 41. См.так же: Население России, т. 1..., с. 134—140. (Оценки в 3 млн эмигрировавших — по данным Американского Красного Креста (Lorimer F. The Piopulation of the Soviet Union: History and Prospects. League of Nations, Geneva, 1946, p.39) и 3, 5 млн — по данным Максудова С. Потери населения СССР. Benson (vt), 1989, с. 187. (Население России, т. 1..., с. 109) являются явно завышенными).

¹⁴²⁵ «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства» Сборник статей под редакцией Постникова и Чупрова. (Цит. по: В. Зайцев. Влияние колебаний урожаев на естественное движение населения. — М.: 1927 г. (<http://istmat.info/node/21601>)).

¹⁴²⁶ Построено на основании данных: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928—29. Том 9. Стр.122—125. Том 10. Стр.67—77. Том 11. Стр.40—51. Том 14. Стр.26—37. Том 15. Стр.62—73. Том 16. Стр.30—37. Том 17. Стр.46—49. http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_26.php?reg=1&gor=3&Submit=OK; Урожай: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 1922. — М.: Наука. 1991 <http://istmat.info/node/25332> ; Сбор зерновых хлебов в 50 губ.: Хромов П.А. Экономическое развитие России 1800—1917. М., 1950. с. 452—455. 1917—1924, пересчет с 1917 г. по: Полетаев А., Савельева И. Сравнительный анализ двух системных признаков в российской истории (1920-е и 1990-е гг.) Экономическая история. Ежегодник. 2000. — М.: РОССПЭН, 2001. -12 с., с. 118 (Сбор и Урожайность зерна 1913—1924.... Sheet 2) ; Дополнительно 1920 г.: Народное хозяйство России в 1921—1922 гг. М., 1923, с. XII—XIII. (Цит. по: Население..., т. 1, с. 102). (Перепись 1926.... Лист 5)

¹⁴²⁷ Рассчитано на основании данных: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29. Том 9.

С.122—125. Том 10. С. 67—77. Том 11. Стр.40-51. Том 14. Стр.26-37. Том 15. Стр.62-73. Том 16. Стр.30-37. Том 17. Стр.46-49. http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_26.php?reg=1&gor=3&Submit=OK; Статистический ежегодник России. 1913 г. http://istmat.info/files/uploads/25514/stat._ezh._ri_1914-_1.pdf) (Перепись 1926.... Лист 5)

¹⁴²⁸ Рубакин Н.А... § 6. Много ли народу у нас прибывает и убывает, родится, и умирает в разных местностях и в сравнении с другими странами. Естественный прирост населения.

¹⁴²⁹ Рубакин Н.А... § 6. Много ли народу у нас прибывает и убывает, родится, и умирает в разных местностях и в сравнении с другими странами. Естественный прирост населения.

¹⁴³⁰ Данные смертности по годам за 1913-1926 гг. приводит Волков Е. 3. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. — М.: Госиздат, 1930, с. 212. И на его данных Lorimer F. The population of the Soviet Union. League of Nations, Geneva, 1946, p. 30. См. также Зайцев В. К вопросу о численности населения Европейской России. М., 1927. См. подробнее: <http://istmat.info/statistics>

¹⁴³¹ Расчеты на основании данных: население: Россия, ее настоящее и прошедшее, 1900. <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003556715?page=124>; Урожайность: http://statehistory.ru/books/Rastyannikov-V-G---Deryugina-I-V-_Urozhaynost-khlebov-v-Rossii/5 (Родилось Умерло 1885—1894... Лист 1)

¹⁴³² Рассчитано на основании данных: «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства» Сборник статей под редакцией Постникова и Чупрова. (Цит. по: В. Зайцев Влияние колебаний урожаев на естественное движение населения. — М.: 1927 г. (<http://istmat.info/node/21601>)).

¹⁴³³ По: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 1922. М.: Наука, 1991. <http://istmat.info/node/25332> (Урожай зерна 1917—1924... Sheet 3)

¹⁴³⁴ Расчеты автора на базе: Статистический сборник за 1913—1917 гг. (Выпуск второй). Труды Центрального Статистического Управления, том VII, выпуск 2, Москва, 1922, <http://istmat.info/node/10505> (Рожь цена 1914—1917... Лист 1)

¹⁴³⁵ Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: SPSL, Русская панорама, 2001, с. 192.

¹⁴³⁶ По отношению к среднему за 1888-1891 гг. Рассчитано на основании данных: Россия, ее настоящее и прошедшее. СПб.: Идательский дом «ДелоЭ; Брокгауз и Ефрон, 1900, с. 98. <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003556715#?page=124>

¹⁴³⁷ Деникин А.И. (I)..., с. 61.

¹⁴³⁸ Флеминг П..., с. 178.

¹⁴³⁹ См. таблицу: Урланис Б..., с. 304.

¹⁴⁴⁰ Россия в мировой войне, с. 25 (Урланис..., с. 297).

¹⁴⁴¹ Ansart et al. Mortality burden of the 1918–1919 influenza pandemic in Europe *Influenza and Other Respiratory Viruses* 3(3) 2009, 99—106. http://volgagermanbrit.us/documents/Influenza_1918_1919.pdf

¹⁴⁴² Keynes J.M. The Economic cosequences of the Peace. Printed by R. & R. Clarc, Limited, Edinburg, p. 234.

¹⁴⁴³ Coates W.P., Russia's counter-claims, L., 1924, p. 32—34.

¹⁴⁴⁴ Озеров И..., с. 10.

¹⁴⁴⁵ Раковский Г.Н. В стане белых. Константинополь, 1920, с. 86, 87. (Урланис..., с. 306).

¹⁴⁴⁶ Гроссен Г.И. Организ.«Боевого санитарного отряда», боровшегося в Нарве с эпидемией сыпного тифа. Редактор «Вестника Северо-Западной армии. (Шишов А.В..., с. 374).

¹⁴⁴⁷ Данилов И..., с. 309.

¹⁴⁴⁸ Гинс Г. К..., с. 386.

¹⁴⁴⁹ Семашко Н.А. Политика и санитария. // Известия народного комиссариата здравоохранения, 1920, № 1—2, с. 11., (Россия и СССР в войнах..., с. 129).

¹⁴⁵⁰ Гинс Г.К..., с. 509.

¹⁴⁵¹ Варженский В. Великий Сибирский Ледяной поход. С. 9. См. также: Семичевская Е. Очерки из Сибирского Ледяного похода. 1919—1920 гг. Шанхай, б.г.; Марков С. Пятьдесят лет тому назад. ВБ. № 114. Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия. №44 с. 18. (Волков С.В..., с. 273.)

¹⁴⁵² Флеминг П..., с. 178—179.

¹⁴⁵³ Кенез П..., с. 190.

¹⁴⁵⁴ Ленин В.И. ПСС в 55 т., т. 39, с. 410. (Россия и СССР в войнах XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с 130).

¹⁴⁵⁵ Россия и СССР в войнах..., с 130.

¹⁴⁵⁶ Волков Е.З. Динамика народонаселения за 80 лет. М., 1930., с. 189—191.

¹⁴⁵⁷ Данилов В.П. За что погибли шестнадцать миллионов россиян? Юность. 1990. №10, с.19.

¹⁴⁵⁸ Гриф секретности снят..., с. 48, таб. 15, с. 54, таб. 19.

¹⁴⁵⁹ Урланис Б..., с. 183.

¹⁴⁶⁰ Население..., т. 1, с. 97.: См. так же Россия и СССР в войнах XX века. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 608 с., с. 110— 149.

¹⁴⁶¹ Россия и СССР в войнах..., с. 149.

¹⁴⁶² Урланис Б..., с. 188. См. так же: Какаурин Н.Е. Как сражалась революция, т. 2, М.—Л., 1926, с.137.

¹⁴⁶³ Урланис Б..., с. 307.

¹⁴⁶⁴ Население России, т. 1..., с. 97.

¹⁴⁶⁵ Население России, т. 1..., с. 97.

¹⁴⁶⁶ Статистический ежегодник, 1921. М., 1922, с. 2,3, табл. 1. http://istmat.info/files/uploads/29739/statezh_1921_naselenie.pdf

¹⁴⁶⁷ Россия и СССР в войнах XX века..., с. 100; (По данным справочника Население России — 3,3 млн (Население России в XX веке т. 1..., с. 79—95.) Пог данным Б. Урланиса —1,8 млн (Урланис Б..., с. 391)).

¹⁴⁶⁸ Перепись проводилась по состоянию на 28 августа 1920 г. В переписи не были учтены части и учреждения Красной Армии расквартированные казарменным порядком. (Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. — М.: ЦСУ РСФСР, 1920, с. 3, 4. http://istmat.info/files/uploads/26366/perepis_1920_vyp_3.pdf) На 1 июня 1920 г. в Красной Армии числилось 4,4 млн чел. (таб. 59). На 1 ноября 1920 г. — 5,4 млн чел. (таб. 69) (Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М., 1978. Т. 4, с. 227. (Россия и СССР в войнах XX века..., с. 137.)) <http://www.rus-sky.com/history/library/w/w03.htm#216>

¹⁴⁶⁹ Рассчеты на основании данных: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928—29. http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_26.php?reg=1&gor=3&Submit=OK. (Население Перепись 1926..., Лист 1, 2)

¹⁴⁷⁰ Рассчеты на основании данных: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928—29. <http://>

demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_26.php?reg=1&gor=3&Submit=OK (Перепись 1926.... Лист 1, 10)

¹⁴⁷¹ Рассчеты на основании данных: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928—29. http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_26.php?reg=1&gor=3&Submit=OK (Перепись 1926.... Лист 1)

¹⁴⁷² Расчеты на основании данных: Россия и СССР в войнах..., с. 149.

¹⁴⁷³ В.Г. Ревуненков. Очерки по истории Великой французской революции» Л., 1989 (Кожин В. В. О русском..., с. 367)

¹⁴⁷⁴ Кожин В. В. О русском..., с. 367—368

¹⁴⁷⁵ Кожин В. В. О русском..., с. 367—368

¹⁴⁷⁶ Маркс К. Святое семейство// Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Изд. 2., т. 2, с. 137. (Холквист П. Россия в эпоху насилия, 1905—1921 гг. (Holquist p. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905—1921// Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History), с. 471.)

¹⁴⁷⁷ Урланис Б.Ц. «Войны и народонаселение Европы», М., 1960. С. 344—345 (Кожин В. В. О русском..., с. 369)

¹⁴⁷⁸ Ревякин А.В. Экономическое развитие Европы в конце XVIII — начале XIX в. История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. М.: Наука, 2000. [27].

¹⁴⁷⁹ Население Юга — 9 млн, из них 4 млн рабов, Севера — 22 млн. Погибло на Юге—250 тыс., на Севере — 320 тыс. (Шубарт В..., с. 20). По другим данным всего 623 тыс. убитых и 471 тыс. раненых, не считая потерь среди гражданского населения. (Клименко М..., с.187); Боевые потери Севера составили 135 тыс. чел., еще около 220 тыс. умерли от болезней вызванных антисанитарными условиями. Смертность от болезней к боевым потерям составила 2:1, в мексиканской войне двумя десятилетиями раньше это соотношение равнялось 10:1. (When, where, why and how it happened. — London, Reader's Digest, 1993).

¹⁴⁸⁰ Бушков А. Неизвестная война. Тайная история США. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 576 с., с. 500.

¹⁴⁸¹ Население Чили составляло тогда 9,89 млн человек.

¹⁴⁸² Черновики писем А. В. Колчака А. В. Тимиревой от 21 и 30 декабря 1917 года) // «Милая, обожаемая моя Анна Васильев-

на...». М., 1996, С. 219, 234, 247. (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 27).

¹⁴⁸³ Герцен. Екатерина Романовна Дашкова» (Покровский М..., т. 3, с. 172).

¹⁴⁸⁴ Бердяев Н. А..., с. 242—243.

¹⁴⁸⁵ Письмо Черчилля, 9.12.1918. (Черчилль У..., с. 112)

¹⁴⁸⁶ Витте С.Ю..., т. 2, с. 18, 33.

¹⁴⁸⁷ Витте С.Ю..., т. 2, с. 22.

¹⁴⁸⁸ Витте С.Ю..., т. 2, с. 215.

¹⁴⁸⁹ Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму (Русский исторический журнал. М.: Институт русской истории РГГУ, т. III, 2000, N 1—4)

¹⁴⁹⁰ Родзянко М.В..., с. 164.

¹⁴⁹¹ Записка А.Н. Наумова. Сборник Финансового Агентства США, с. 100. (Головин Н.Н..., с. 254; Миллюков П. Н..., с. 535—536.)

¹⁴⁹² Родзянко М.В..., с. 169, 173.

¹⁴⁹³ Яковлев Н. Н..., с. 297—298.

¹⁴⁹⁴ Яковлев Н. Н..., с. 316.

¹⁴⁹⁵ Алексеев — императору, 2.03.1917. (Воейков В. Н..., с. 184)

¹⁴⁹⁶ Миллюков П. Н..., с. 564—565.

¹⁴⁹⁷ Миллюков П.Н. История русской революции. т. 1. София: Русско-болгарское издательство, 1921, с. 108.

¹⁴⁹⁸ Воейков В. Н..., с. 266.

¹⁴⁹⁹ Шульгин В. В. Дни (Шульгин В. В..., с. 184)

¹⁵⁰⁰ Шульгин В. В. Дни (Шульгин В. В..., с. 186)

¹⁵⁰¹ Керенский А. Русская революция..., с. 133—134.

¹⁵⁰² Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг., т. 1. М.: Айрис-пресс, 2011, с. 79.

¹⁵⁰³ Палеолог М..., 6 мая 1917 г., с. 819, 17 мая 1917 г., с. 829.

¹⁵⁰⁴ Керенский А. Русская революция..., с. 263.

¹⁵⁰⁵ Суханов. Н.Н. Записки о революции. книга четвертая. Первая коалиция против революции 6.05—8.07.1917.

¹⁵⁰⁶ Керенский А. Русская революция..., с. 264—265.

¹⁵⁰⁷ Миллюков П. Н..., с. 623.

¹⁵⁰⁸ Миллюков П. Н..., с. 535.

¹⁵⁰⁹ Деникин А. И. (I)..., с. 421.

¹⁵¹⁰ Деникин А. И. (II)..., с. 143.

¹⁵¹¹ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 98, 114 (Уткин А. И., с. 312, 326—327)

¹⁵¹² Charques R. The Twilight of Imperial Russia. Lnd., 1958, p. 8 (Уткин А. И., с. 336)

¹⁵¹³ Деникин А. И. (I)..., с. 131, 133.

¹⁵¹⁴ Войтинский В.С., с. 165.

¹⁵¹⁵ Деникин А. И. (II)..., с. 4—5.

¹⁵¹⁶ Суханов Н. Записки о революции. Кн. 5-я, с. 17. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 121).

¹⁵¹⁷ Поскольку «отказ от принципа власти, стоящей выше партий, представляющей все классы страны, означал немедленную гражданскую войну...». Керенский А. Русская революция..., с. 305.

¹⁵¹⁸ Уткин А.И. Черчилль..., с.160.

¹⁵¹⁹ Деникин А.И. (II)..., с. 31.

¹⁵²⁰ Деникин А. И. (II)..., с. 10—11.

¹⁵²¹ Despatch D. 3; от 10 августа 1917 г. British Embassy, Petrograd; подлинник хранится архиве Британского Военного Министерства. (Головин Н.Н..., с. 285.)

¹⁵²² Деникин А. И..., т. 1., с. 315—316.

¹⁵²³ Из вступительного слова докладчика организационной комиссии кн. А.Н. Трубецкого, одного из видных профессоров Московского университета и представителя либералов (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 116).

¹⁵²⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 118.

¹⁵²⁵ Деникин А.И. (II)..., с. 31.

¹⁵²⁶ Керенский А.Ф..., с. 154.

¹⁵²⁷ Керенский А.Ф..., с. 45.

¹⁵²⁸ Керенский А.Ф..., с. 14, 80.

¹⁵²⁹ Керенский А.Ф..., с. 34.

¹⁵³⁰ Керенский А. Русская революция..., с. 324.

¹⁵³¹ Керенский А. Русская революция..., с. 286—287.

¹⁵³² Керенский А. Русская революция..., с. 286—287.

¹⁵³³ Buchanan G. My mission to Russia and other diplomatic memories. Boston, 1923, vol. 2. p 175, 182, 185. (Чернов В..., с. 335).

¹⁵³⁴ Чернов В..., с. 335.

¹⁵³⁵ Доклад Сватикова, посланного правительством для ревизии российских заграничных дипломатических миссий. (Цит. по Деникин А...)

¹⁵³⁶ Уорт Р. Антанта и русская революция, 1917—1918. М.: Центрполиграф, 2006, с. 144.

¹⁵³⁷ Деникин А.И. (II)..., с. 29—30.

¹⁵³⁸ Деникин А.И. (II)..., с. 37.

¹⁵³⁹ Деникин А.И. (II)..., с. 117.

¹⁵⁴⁰ Деникин А.И. (II)..., с. 47.

¹⁵⁴¹ Деникин А. Очерки Русской смуты, т. II, с. 31. См. так же: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 169; Чернов В..., с. 329.

¹⁵⁴² Деникин А.И. (II)..., с. 39, прим.

¹⁵⁴³ Деникин А. И. (II)..., с. 73—74.

¹⁵⁴⁴ Knox A. With the Russian Army, vol. II, p. 676-7. (Уткин А.И..., с. 385.)

¹⁵⁴⁵ Заседание военного кабинета N 215, 15.08.1917, PRO; Хауз Вильсону, 15.08.1917, WP, LC; Заседание военного кабинета N 229, 7.09.1917, PRO; Хауз. Дневник, 16.09.1917, House Papers, CtY (Дэвис Д., Трани Ю., с. 100)

¹⁵⁴⁶ Троцкий Л.Д. История русской революции т. 2. Февральская революция; См. так же: Williams W. American-Russian Relations: 1778-1947. N. Y., 1952, p. 103 (Уткин А.И., с. 403)

¹⁵⁴⁷ Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Princeton, 1961, Vol. I, p. 11—12. (Уткин А.И..., с. 393.)

¹⁵⁴⁸ Лэнсинг, Личная памятка, 9.08.1917, Lansing Papers, box 67, LC (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 108)

¹⁵⁴⁹ Уошберн государственному секретарю, 29.06.1917, вложено в: Вильсон Лэнсингу, 14.08.1917, и Уошберн государственному секретарю: Вильсон Лэнсингу, 14.08.1917, SD, RG59, 763. 72\6504Y2, NA (Дэвис Д., Трани Ю., 109)

¹⁵⁵⁰ Хауз Вильсону, 5.08.1917, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю., с. 110.)

¹⁵⁵¹ Дэвис Д., Трани Ю., с. 125, прим. 105.

¹⁵⁵² Войтинский В.С..., с. 274.

¹⁵⁵³ Керенский А.Ф..., с. 33.

¹⁵⁵⁴ Керенский А.Ф..., с. 47.

¹⁵⁵⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 172.

- ¹⁵⁵⁶ Керенский А.Ф..., с. 17.
- ¹⁵⁵⁷ Милюков П.Н. История русской революции, т. 1. — София. Русско-болгарское издательство. 1921. с. 263.
- ¹⁵⁵⁸ Войтинский В.С., с. 227.
- ¹⁵⁵⁹ Керенский. Обращение к народу, 27 августа 1917 г. (Керенский А.Ф. Прелюдия..., с. 188)
- ¹⁵⁶⁰ Чернов В..., с. 332-333.
- ¹⁵⁶¹ Журнал соединенного заседания Комиссии (Совета Российской Республики) по обороне и по иностранным делам « ноября (20 октября) 1917 г. (Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 263; см. так же: Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть... с. 111).
- ¹⁵⁶² Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 1, с. 194.
- ¹⁵⁶³ Головин Н.Н..., с. 373.
- ¹⁵⁶⁴ Дневник Дж. Бьюкенена, 3.11.1917. (Бьюкенен Дж..., с. 353)
- ¹⁵⁶⁵ Милюков П. Н..., с. 610. (Палеолог М..., 2 мая 1917 г., с. 816—817.)
- ¹⁵⁶⁶ Гревс В., Американская авантюра в Сибири. — М., 1932, с. 244
- ¹⁵⁶⁷ Ленин В. Очередные задачи Советской власти. Март 1918 г.
- ¹⁵⁶⁸ Деникин А. И. (III).
- ¹⁵⁶⁹ Кожин В.В..., с. 228-229.
- ¹⁵⁷⁰ Палеолог М..., 25 июня 1916 г., с. 527-528.
- ¹⁵⁷¹ Ленин В.И...
- ¹⁵⁷² Гильфердинг. Финансовый Капитал. Н. Бухарин и Г. Пятаков. Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия.
- ¹⁵⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. «Коммунистическом Манифесте», ноябрь 1847 г. (Ленин В. И...)
- ¹⁵⁷⁴ Ленин В. И...
- ¹⁵⁷⁵ Ленин В. И...
- ¹⁵⁷⁶ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 182. (Литвин А..., с. 155)
- ¹⁵⁷⁷ Ленин В. Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС. Т. VIII [62—63].
- ¹⁵⁷⁸ Земляной С. Н. Ленин и «третий путь» России (РИЖ, т. III, 2000, N 1-4, с. 685—686)

- ¹⁵⁷⁹ Троцкий Л. Перманентная революция.
- ¹⁵⁸⁰ Троцкий Л.Д. История русской революции т. 1. Февральская революция.
- ¹⁵⁸¹ Ленин В. Очередные задачи Советской власти. Март 1918 г.
- ¹⁵⁸² Ленин В. И. Речь о продовольственном и военном положении (ПСС, изд. 5-е, т. 39, М., 1977, с. 128)
- ¹⁵⁸³ Ленин В.И. ПСС, 5 изд., т. 41, с. 27.
- ¹⁵⁸⁴ Ленин В.И. ПСС, 5 изд., т. 30, с. 123.
- ¹⁵⁸⁵ Троцкий Л.Д. История русской революции, т. 1. Февральская революция.
- ¹⁵⁸⁶ Бухарин Н.И. Теория Пролетарской Диктатуры.
- ¹⁵⁸⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М., 1984. [74.
- ¹⁵⁸⁸ Троцкий Л. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. — М., Л.: 1925)
- ¹⁵⁸⁹ Принято на XVII съезде ВКП(б) (1934). Устав КПСС, 1971, с. 22.
- ¹⁵⁹⁰ Ленин В. И. ПСС., 5 изд., т. 36, с. 151, 152.
- ¹⁵⁹¹ Троцкий Л. Сталин, т. 2.
- ¹⁵⁹² Троцкий Л. Сталин, т. 2.
- ¹⁵⁹³ Ленин В. И...
- ¹⁵⁹⁴ В. Ленин Пролетарская революция и ренегат Каутский. 10 ноября 1918.
- ¹⁵⁹⁵ Буллок А..., с. 159-160.
- ¹⁵⁹⁶ Троцкий Л. Советская Республика и капиталистический мир. Часть I. Первоначальный период организации сил. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 17, часть 1. Москва-Ленинград, 1926)
- ¹⁵⁹⁷ Троцкий Л. На пути к социализму...
- ¹⁵⁹⁸ Кенез П..., с. 7.
- ¹⁵⁹⁹ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Впечатления очевидца. (Квакин А.В..., с. 263).
- ¹⁶⁰⁰ Сесил Бертиб 28.11.1917. Balfour Papers, British Museum. (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 161.)
- ¹⁶⁰¹ Лэнсиснг Вильсону, 10.12.1917. SD, RG59. 861. 00807a, NA. (Дэвис Д., Трани Ю..., с. 182.)
- ¹⁶⁰² Робиен Л... (Голдин В.И..., с. 163.)

¹⁶⁰³ Цветков В. Мундир английский, погон английский // Родина. 2003. № 5—6.

¹⁶⁰⁴ Мартынов А. Великая историческая проверка

¹⁶⁰⁵ Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления, встречи), с. 97. (Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 269—271).

¹⁶⁰⁶ Будберг А. 6 июля 1919 г..., с. 161.

¹⁶⁰⁷ Деникин А. И. (III)..., с. 208.

¹⁶⁰⁸ Деникин А. И. (III)..., с. 323.

¹⁶⁰⁹ Цветков В. Белогвардейская альтернатива // Родина. 2004. № 4.

¹⁶¹⁰ Воронович Н. В...

¹⁶¹¹ Соколов Б. Падение Северной области// Архив русской революции. Берлин, 1923, т. IX, с. 10 (Белый Север, предисловие, с. 15)

¹⁶¹² Соколов Б. Ф..., с. 356—357.

¹⁶¹³ Соколов Б.Ф..., с. 363.

¹⁶¹⁴ Колчак — Деникину, 28.12.1918. (Деникин А. И. (III)..., с. 24)

¹⁶¹⁵ Деникин А. И. (III)..., с. 21.

¹⁶¹⁶ Деникин приказ от 30 мая 1919 г. о признании Верховной власти Колчака (Гинс Г.К..., с. 422—423).

¹⁶¹⁷ Допрос Колчака, Л., 1925, с. 141 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 181-182).

¹⁶¹⁸ Из записки министра внутренних дел В. Ф. Зеелера (Деникин А. И. (III)..., с. 445)

¹⁶¹⁹ Оболенский В. Крым при Врангеле. «На чужой стороне», кн. IX, Прага, 1925.

¹⁶²⁰ Егоров А. И., с. 339.

¹⁶²¹ Родзянко-Львову, февраль 1917 г. (Яковлев Н.Н..., с. 261)

¹⁶²² Соколов Б.Ф..., с. 355, 356.

¹⁶²³ Деникин А. Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 201. (Цит. по Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 533—534.

¹⁶²⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 534.

¹⁶²⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 535.

¹⁶²⁶ Краснов В.Г. (II)..., с. 64.

¹⁶²⁷ Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Из книги: А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4, Берлин, 1925)

В кн.: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., «Отечество», 1991, с. 15—16.

¹⁶²⁸ Кенез П..., с. 194.

¹⁶²⁹ Лукомский — Деникину, 16.12.1919. (Деникин А. И. (III)..., с. 332)

¹⁶³⁰ Кенез П..., с. 217.

¹⁶³¹ Смирнов М.И... (Квакин А.В..., с. 167).

¹⁶³² Дневник Пепеляева. //Красные зори. — Иркутск, 1923, № 4, с. 78 (Литвин А..., с. 208)

¹⁶³³ Деникин А. И. (III)..., с. 127—128.

¹⁶³⁴ Белый Север, предисловие, с. 15.

¹⁶³⁵ Игнатьев В.И. Интервенция на Севере. Советское строительство. 1927. №10—11, с. 188. Белый Север. 1918—1920 гг. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера. 1993, с. 15.

¹⁶³⁶ Волков С. В..., с. 236.

¹⁶³⁷ Сахаров К. В. Белая Сибирь, с. 11—12 (Волков С. В..., с. 236—237).

¹⁶³⁸ Волков С.В..., с. 237.

¹⁶³⁹ Гинс Г..., с. 245.

¹⁶⁴⁰ Гинс Г.К..., с. 560—561.

¹⁶⁴¹ «которая... увы, немедленно, тут же на месте расстреляла бы нас, если бы узнала, кто мы такие» Святицкий И.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Съезд членов УС (сент.-дек. 1918), М., 1921, с. 142 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 504).

¹⁶⁴² Гинс Г.К..., с. 546.

¹⁶⁴³ Деникин А. И. (III)..., с. 194.

¹⁶⁴⁴ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке // Былое, XXI, с. 578 (Мельгунов С. П. Трагедия адмирала..., с. 438).

¹⁶⁴⁵ Нуланс Ж... (Голдин В.И..., с. 152.)

¹⁶⁴⁶ Грейвс Н. Бейкеру, 21.06. 1919, вложено в: Н. Бейкер Вильсону, 31.06.1919, PWW, 62: 89 (Дэвис Д., Трани Ю., с. 349)

¹⁶⁴⁷ Краснов В.Г. (I)..., с. 403.

¹⁶⁴⁸ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1, с. 448.

¹⁶⁴⁹ Кенез П..., с. 269; См. тоже: Подчинение генерал П.Н. Краснова генералу А.И. Деникину. Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т. 2, с. 589—598.

¹⁶⁵⁰ Кенез П..., с. 130.

- ¹⁶⁵¹ Деникин А. И. Поход на Москву., с. 418.
- ¹⁶⁵² Айронсайд Э... (Голдин В.И..., с. 223.)
- ¹⁶⁵³ Фрэнсис Д... (Голдин В.И..., с. 53.)
- ¹⁶⁵⁴ Марушевский В. В..., с. 280.
- ¹⁶⁵⁵ Н. Петров, август 1919 г. (Гинс Г.К..., с. 450).
- ¹⁶⁵⁶ Робиен Л... Архангельск, 26.11.1918. (Голдин В.И..., с. 211.)
- ¹⁶⁵⁷ Гинс Г. К..., с. 587.
- ¹⁶⁵⁸ Попов К.А. Допрос Колчака. Протоколы Заседания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Предисловие. Архив Октябрьской революции. Фонд LXXV, арх №51.; Допрос Колчака. Л: Гос. изд-во, 1925. (Квакин А.В..., с. 270—271).
- ¹⁶⁵⁹ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, с. 314 Sakharov K. Die tschechoslowakischen legioner in Sibiren. Berlin, 1938 (Литвин А..., с. 213)
- ¹⁶⁶⁰ См. подробнее: Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.1., с. 500—501.
- ¹⁶⁶¹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., 2 т., с. 376.
- ¹⁶⁶² Головин Н.Н. Российская контрреволюция., т. 1, с. 343.
- ¹⁶⁶³ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 408.
- ¹⁶⁶⁴ Окунев Н.П..., с. 93. (16 октября 1917)
- ¹⁶⁶⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция., т. 1, с. 494.
- ¹⁶⁶⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 467.
- ¹⁶⁶⁷ Головин Н.Н. Российская контрреволюция..., т.2, с. 465.
- ¹⁶⁶⁸ Шубарт В. Европа..., с. 311—312
- ¹⁶⁶⁹ Хоскинг Дж..., с. 432.
- ¹⁶⁷⁰ "Revolution", Life, October 10, 1969, p. 112. (Эпперсон Р..., с.147)
- ¹⁶⁷¹ Гинс Г. К..., с. 20.
- ¹⁶⁷² Гинс Г.К..., с. 505—506.
- ¹⁶⁷³ Будберг А, 7 июня 1919 г..., с. 111.
- ¹⁶⁷⁴ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982, с. 294 (Литвин А..., с. 182—183).
- ¹⁶⁷⁵ Будберг А..., с. 29.
- ¹⁶⁷⁶ Раупах Р. Р..., с. 281.
- ¹⁶⁷⁷ Голинков Д..., с. 248.
- ¹⁶⁷⁸ Бунин И. Горький М..., с. 22, пред. О. Михайлова.
- ¹⁶⁷⁹ Будберг А. 24 сентября 1919 г..., с. 311; октябрь 1919 г..., с. 322—324.

¹⁶⁸⁰ Гинс Г. К..., с. 24.

¹⁶⁸¹ Edwin Erich Dwinger. Zwischen Weiss und Rot. Die russische Tragodie 1919—1920. Jena, 1930. — s. 474, 96, 126, 440. (Нольте Э..., с. 333).

¹⁶⁸² Орлов Г. А. дневник. Документальный фонд ЦМВС. Оп. «Родина», ед. Хр. 47389, с. 287. Машинопись (Карпов Н. Д..., с. 19—20)

¹⁶⁸³ Бушков А. Красный монарх, с. 221.

¹⁶⁸⁴ Уэллс Г. Россия во мгле..

¹⁶⁸⁵ Савинков Б. Последние письма и статьи, с. 7—8, 29. (Голиков Д..., с. 263).

¹⁶⁸⁶ Голиков Д..., с. 83—85.

¹⁶⁸⁷ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, с. 114—115; п.п.: Лондон, 1937, на англ. яз. (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 214).

¹⁶⁸⁸ Уэллс Г. Россия во мгле/ пер И. Виккер, В. Пастоев. «Собрание сочинений в 15 т., т. 15. М.: Правда, 1964.

¹⁶⁸⁹ А. В. Бобрищев-Пушкин. Новая вера // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 296; п.п.: Смена вех. Прага, 1921 (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 207—208).

¹⁶⁹⁰ Шубарт В. Европа..., с. 75.

¹⁶⁹¹ Ленин В. Государство и Революция...

¹⁶⁹² Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy (American Political Science Review, March 1959, p. 53) (Уткин А. Месть за победу..., с. 124.)

¹⁶⁹³ Цит. по: Магарил С. «Российская интеллигенция. Пределы рациональности», «Диалог со временем» — №34, 2011.

¹⁶⁹⁴ Каблиц И.И. Основы народничества. СПб., 1872—1873 (Платонов О.А..., с. 221).

¹⁶⁹⁵ Озеров И..., с. 22.

¹⁶⁹⁶ Мещерский В.П. Дневник, 28 марта // Гражданин. 1887. 4 апреля. N 27—28. С. 17. (Дронов И...)

¹⁶⁹⁷ Чернов В., с. 414—415.

¹⁶⁹⁸ Милов Л. В. (ред.) История России. XX — начало XXI века. М., 2008, с. 92. (Нефедов С...)

¹⁶⁹⁹ Шарапов С.Ф..., Славянофилы в экономике., с. 421.

¹⁷⁰⁰ Шарапов С.Ф. После победы славянофилов. М.: Алгоритм, 2005. 24 с. Социализм как религия ненависти, с. 328.

¹⁷⁰¹ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990, с. 52. (Нефедов С...)

¹⁷⁰² Чернов В., с. 415.

¹⁷⁰³ Циркуляр о переменах в составе учеников гимназий и прогимназии 18 июня 1887 г. Разослан министром народного просвещения И.Д. Деляновым. Вошел в историю под названием «циркуляр о кухаркиных детях». Дмитриев С.С. Хрестоматия по истории СССР. Т. Ш. С.432—433. Хрестоматия по истории России. М.: Проспект, 2000, с. 308—309.

¹⁷⁰⁴ Витте С.Ю..., т. 1, с. 722—731.

¹⁷⁰⁵ Витте С..., т. 3, с. 503.

¹⁷⁰⁶ Соловьев С.М..., Взгляд на истоию установления государственного порядка в России до Петра Великого. Чтение четвертое, с. 198.

¹⁷⁰⁷ Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905—1907 гг. по материалам центральных губерний. М.: Институт Российской истории, 1994, т. 1, с. 132—138. (Хоскинг Дж. Россия и русские в 2 кн. М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. Т. 1, с. 29.)

¹⁷⁰⁸ Витте С.Ю..., т. 1, с. 689, 690.

¹⁷⁰⁹ Труды местных комиссий о нуждах сельхозпромышленности XXIII. Московская губерния. 1903 г., с. 194. (Цит. по Мануйлов А.А..., с. 48).

¹⁷¹⁰ Wcislo F.W. Soslovie or Class? Bureaucratic Reformers and Provincial Gentry in Conflict, 1906—1908 // The Russian Review. 1988. № 1. P. 1—24. (Грациози А..., с. 10.)